ISSN 0869-6063

Номер 1

Январь - Февраль - Март
2003

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

http://www.maik.ru

"НАУКА"
МАИК "НАУКА/ИНТЕРПЕРИОДИКА"

Российская академия наук
Институт археологии

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2003

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Макаров, В.С. Ольховский,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Г. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

117036 Москва, Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство "Наука"
Международная академическая
кая компания "Наука/Интерпериодика"

© Российская академия наук
Институт археологии РАН, 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2003

Академику А.П. Деревянко – 60 лет
В. И. Молодин 5

Статуэтка бизона с Зарайской стоянки: археологический и знаково-символический аспекты изучения
Х. А. Амирханов, С. Ю. Лев 14

Этнокультурные процессы на территории Днепровского лесостепного Левобережья в III–V вв.
А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский 29

Сираки и аорсы в степном Прикубанье
Н. Ф. Шевченко 44

Варианты иконографии Одина и Перуна/Перкуно
В. И. Кулаков 60

Типология и хронология блях с дверкой (по материалам среднецнинских могильников)
Р. Ф. Воронина 72

Дискуссии

Анализ тенденций социально-экономического развития населения Урала эпохи бронзы
А. В. Епимахов 83

Публикации

Об одной категории протокобанских украшений
А. Ю. Скаков 91

Археологическая разведка в бассейне реки Кызылсу
Н. М. Виноградова, Т. Гётцельт, Л. Т. Пьянкова 103

К вопросу об относительной хронологии нурских стоянок
В. В. Потапов 117

Золотые бляшки из кургана Огуз
Е. Е. Фиалко 124

Реставрационная реконструкция монументальной глиняной статуи Будды в нирване из Аджина-тепа (Таджикистан)
В. А. Фоминых 134

Могильник эпохи переселения народов у с. Кошарево (область Перник), Западная Болгария (предварительное сообщение)
М. Даскалов, К. Трендафилова 145

Заметки

Бронзовая печать с городища Чильбурдж
А. Г. Губаев, С. В. Новиков 153

Ранние монеты Тиры
Н. А. Фролова 155

Третье захоронение гуннского времени на Беляусе
О. Д. Дашевская 160

Критика и библиография

Феномен алтайских мумий. Коллектив авторов. Новосибирск, 2000
Н. Л. Членова 164

German A. Fedorov-Davydov. The Cities of the Golden Horde on the Silk Road. Berkely, CA: Zinat Press, 2001
А. М. Лесков, А. И. Неймарк 168

A. Rona-Tas. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. Budapest, Central European Univ. Press, 1990
В. Е. Флёрова 170

Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. М., 2001. Вып. 118.
И. Н. Храпунов, В. П. Власов, В. В. Масякин, С. А. Мульд 176

Хроника

Конгресс антропологов и этнографов России в Нальчике
Н. В. Жилина 181

IX Международный научный семинар "Интеграция археологических и этнографических исследований" (Нальчик, 2001)
А. А. Тишкин 183

XV Уральское археологическое совещание (Оренбург, 2001)
В. Д. Викторова, Л. Л. Косинская, Н. Л. Моргунова, Т. М. Потемкина, А. Ф. Шорин 184

Памяти Валерия Сергеевича Ольховского (1952–2002) 190

Правила для авторов 192

Сдано в набор 15.10.2002 г. Подписано к печати 11.12.2002 г. Формат бумаги 60 × 88 1/8
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 24.0 тыс. Уч.-изд. л. 25.6 Бум. л. 12.0
Тираж 979 экз. Зак. 6887

Свидетельство о регистрации № 0110150 от 04.02.93 г. в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 1, 2003

The 60th anniversary of A.P. Derevyanko
V. I. Molodin 5

The statuette of bison from the Zaraisk camp site: Archaeological and semantic aspects of study
H. A. Amirkhanov, S. Yu. Lev 14

The ethnic-cultural processes in the Dnieper left bank forest-steppe in the III rd–V th cc.
A. M. Oblomsky, R. V. Terpilovsky 29

The Siraciae and the Aorses in the Kuban' river steppe region
N. F. Shevchenko 44

Iconographic variants of images of Odin and Perun/Perkuno
V. I. Kulakov 60

Typology and chronology of the plaques with opening panels
R. F. Voronina 72

Discussions

The analysis of the tendencies in social and economic development of the population of the Ural in the Bronze Age
A. V. Epimakhov 83

Publications

On certain category of proto-Koban ornaments
A. Yu. Skakov 91

Archaeological survey in the Kyzylsu river basin (South Tadjikistan)
N. M. Vinogradova, T. Götzelt, L. T. Pjankova 103

On the relative chronology of the Nur type sites
V. V. Potapov 117

Golden plates from Oghuz burial mound
E. E. Fialko 124

The restoration reconstruction of the monumental clay statue of Nirvāṇa-Buddha from Ajina-tepa (Tadjikistan)
V. A. Fominykh 134

The cemetery dated to the Great Migration of the Peoples near the village Kosharevo (Pernik region, West Bulgaria)
M. Daskalov, K. Trendafilova 145

Notes

A bronze seal from the hillfort Chilburdge
A. G. Gubaev, S. V. Novikov 153

The early coins from Tira
N. A. Frolova 155

The third burial of the Hunnic period on the river Belyaus
O. D. Dashevskaya 160

Critics and bibliography

The phenomenon of the Altai mummies. Editors-in-chief:
A.P. Derevyanko and V.I. Molodin. Novosibirsk, 2000
N. L. Chlenova 164

German A. Fedorov-Davydov The Cities of the Golden Horde on the Silk Road. Berkely, 2001
A. M. Leskov, A. I. Neumark 168

Hungarians and Europe in the Early Middle Ages:
An introduction to Early Hungarian History. Budapest, 1990
V. E. Flyorova 170

The late Scythians in the Crimea.
Proceedings of the State Historic Museum. Issue 118. Moscow, 2001
I. N. Khrapunov, V. P. Vlasov, V.V. Masyakin, S. A. Muld 176

Chronicle

The congress of anthropologists and ethnologists of Russia in Nalchik
N. V. Zhilina 181

The IX International scientific seminar
"Integration of Archaeological and ethnological investigations" (Nalchik, 2001)
A. A. Tishkin 183

The XV Uralian archaeological meeting (Orenburg, 2001)
V. D. Viktorova, L. L. Kosinskaya, N. L. Morgunova,
T. M. Potemkina, A. F. Shorin 184

Obituaries

In memory of Valery Sergeevich Olkhovsky (1952–2002) 190

Information for the contributiors of the journal 192

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 5–13

АКАДЕМИКУ А.П. ДЕРЕВЯНКО — 60 ЛЕТ

Академику Анатолию Пантелеевичу Деревянко – выдающемуся российскому археологу, историку и организатору науки исполняется 60 лет.

А.П. Деревянко родился 9 января 1943 года в селе Козьмо-Демьяновка Тамбовского района Амурской области в семье рабочего. Детство пришлось на трудные военные и послевоенные годы, и первую свою трудовую копейку Анатолий заработал уже в девять лет. Старшеклассником Деревянко попал рабочим в геофизическую партию, что сформировало интерес к экспедиционной жизни, несомненно повлиявший на выбор профессии.

После окончания средней школы А.П. Деревянко поступил на историко-филологический факультет Благовещенского педагогического института. Определяющим для Анатолия стал 1961 год, когда он на студенческой археологической практике познакомился с Алексеем Павловичем Окладниковым – выдающимся ученым, впоследствии академиком. По существу, эта экспедиция стала переломной в жизни молодого человека, и вся дальнейшая его судьба была посвящена служению науке. На год раньше, экстерном (при этом с отличием) А.П. Деревянко закончил институт и в 1963 г. поступил в аспирантуру в Отдел гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. На основе этого отдела впоследствии был сформирован Институт истории, филологии и философии СО АН СССР – первый гуманитарный академический институт в Сибири. Научным руководителем Анатолия стал А.П. Окладников. Общение с выдающимся ученым в долговременных, длившихся по полгода и более экспедициях способствовало формированию молодого ученого как творческого специалиста-полевика, способного квалифицировано работать на различных археологических местонахождениях в Центральной Азии, Восточной Сибири, Приамурье. В то же время уникальная возможность участвовать в обсуждениях профессиональных проблем способствовала формированию широкого кругозора, вдумчивого подхода к источникам.

В 1963 г. А.П. Деревянко проводит свои первые самостоятельные раскопки на неолитическом поселении Новопетровка. На материалах этого памятника им была впоследствии выделена ранее неизвестная на Среднем Амуре археологическая культура. В 1965 г. А.П. Деревянко защитил кандидатскую диссертацию на тему "Древние культуры Среднего Амура (каменный век)".

Говоря о начале формирования творческой личности ученого, необходимо подчеркнуть, что процесс этот приходится на начало шестидесятых годов, когда Новосибирский академгородок переживал пору своего расцвета. Атмосфера творчества, подлинного демократизма, пронизанная идеей интеграции наук, несомненно способствовала появлению целой плеяды блестящих молодых ученых, к числу которых относился и Анатолий Пантелеевич. Становление личности молодого ученого совпало с процессом формирования А.П. Окладниковым академического центра гуманитарной науки в Сибири, при этом ставка была сделана на талантливую молодежь, способную выдвигать и решать сложные научные проблемы, в то же время участвовать в решении не менее трудных организационных вопросов. Именно в этих условиях в полной мере проявились незаурядные качества творческой личности А.П. Деревянко. Всего за пять лет Анатолий Пантелеевич прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора по науке Института истории, филологии и философии СО АН СССР. За это предельно короткое время была подготовлена и блестяще защищена докторская диссертация на тему "Приамурье в древности (до начала нашей эры)". Фундаментом этого сочинения стали широкомасштабные исследования, проведенные на памятниках различных эпох и культур в Приамурье, материалы которых были обобщены в четырех книгах и нескольких

десятках статей. Среди этих работ несомненно особое место занимают две монографии ученого: "Ранний железный век Приамурья" и "Приамурье (I тыс. до н.э.)" – фундаментальные исследования, ставшие новым творческим этапом в его научной биографии и в настоящее время не утратившие своего первостепенного значения для археологии Восточного региона Азии. Следует отметить, что докторская диссертация А.П. Деревянко отличалась присутствием целого спектра проблем широкого хронологического диапазона, хотя исследователь уже в то время отдавал предпочтение палеолиту, с равным успехом им разрабатывались проблемы более поздних культур эпохи неолита, палеометалла, средневековых племенных союзов и раннегосударственных образований.

Полностью поддержав гипотезу своего учителя о проникновении человека в Сибирь в эпоху нижнего палеолита, А.П. Деревянко на основе материалов трех местонахождений в Приамурье (Филимошки, Кумары, Усть-Ту) приходит к выводу об их домустьерском времени и датирует первой половиной среднего плейстоцена. По мнению исследователя, носителями культуры, распространившейся на территории Сибири и Дальнего Востока, являлись выходцы из центральной и Юго-Восточной Азии. А.П. Деревянко была разработана культурно-хронологическая схема древнекаменного века Дальнего Востока, которая по существу осталась неизменной до настоящего времени. Основой формирования поздней палеолитической – ранне неолитической культур Юга Дальнего Востока, по его мнению, была селемджанская культура. На ее основе 13–14 тыс. лет назад происходит формирование двух родственных раннеолитических культур – громотухинской и осиповской. На Нижнем Амуре А.П. Деревянко выделил три сменяющие друг друга неолитические культуры – малышевскую, кондонскую и вознесеновскую. Особый интерес представляет керамика заключительного этапа нижнеамурского неолита. Удивительна ритуальная посуда, стенки которой покрывались красной краской, наносились лепные изображения в виде масок – личин. Это подлинные шедевры декоративно-прикладного искусства, вошедшие в золотой фонд мировой археологии.

Известное внимание ученого занимала проблема бронзового века Приамурья. Несмотря на фрагментарность источников, им сделаны принципиально важные выводы об автохтонном характере культуры, при этом отмечена инфильтрация на Восток охотников и рыболовов из Восточной Сибири.

Трудно переоценить вклад ученого в разработку проблемы освоения человеком железа в регионе. А.П. Деревянко детально характеризует урильскую культуру, делая важное заключение о близости последней, обусловленной общими этническими корнями с янковской культурой Приамурья. Благодаря его раскопкам такого уникального памятника, как поселение Польце у с. Кукелево, была открыта яркая и самобытная польцовская культура, носители которой внесли, по мнению ученого, огромный вклад в развитие материальной и духовной культуры региона.

Особое место в жизни Анатолия Пантелеевича занимает педагогическая деятельность. Создание и развитие научной школы сибирской археологии требовали постоянного притока молодежи. В значительной степени для этого в Новосибирском государственном университете был создан гуманитарный факультет, где ученый читал курс "Археология СССР". В университете организуются ежегодные студенческие археологические конференции, на которые съезжались участники не только из Вузов Сибири и Дальнего Востока. Многие из выпускников университета тех лет, изучавшие основы археологии у А.П.Деревянко, становятся впоследствии учеными, широко известными в научном мире. В 1974 г. А.П. Деревянко присвоено звание профессора.

В 1972 г. Анатолий Пантелеевич был удостоен премии "Ленинского комсомола" в области науки. К этому времени работы А.П. Деревянко широко известны в научных кругах. Ряд его статей издан в Японии и других странах, научные доклады представлены на крупнейших научных форумах. В 1974 г. он входит в состав первой советско-американской археологической экспедиции, организованной академиком А.П.Окладниковым и проф. Б. Лафлиным на Аляске и Алеутских островах.

В 1974 г. А.П. Деревянко стал Председателем Совета молодых ученых при ЦК ВЛКСМ, затем, в этом же году, – кандидатом в члены бюро ЦК ВЛКСМ. В 1976 г. Анатолий Пантелеевич был избран секретарем ЦК ВЛКСМ и переехал из Новосибирска в Москву.

Однако А.П. Деревянко находит время и для занятий наукой, проводя в экспедициях все отпуска. Именно тогда А.П. Деревянко удалось открыть многослойные археологические стоянки на р. Селемдже, которые он впоследствии исследует широкомасштабными стационарными раскопками.

За три года (1976–1979) пребывания в Москве А.П. Деревянко написал замечательную научно-популярную книгу "В поисках Оленя Золотые рога", посвященную жизни и творчеству своего учителя – академика А.П. Окладникова. В этой работе, выдержавшей, кстати, уже четыре издания, проявился талант Анатолия Пантелеевича как популяризатора науки. Оценивая московские годы, можно сказать, что за это время в полной мере окреп его организаторский талант руководите-

ля государственного масштаба, способного возглавлять по-настоящему глобальное начинание.

В 1979 г., в последний год работы в Москве, А.П. Деревянко (в 36 лет!) был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Сразу после избрания А.П. Деревянко возвращается в Сибирь, где несколько месяцев работает секретарем Новосибирского обкома партии, а затем назначается ректором Новосибирского государственного университета и избирается членом Президиума Сибирского отделения АН СССР.

Свои научные устремления А.П. Деревянко направил на Дальний Восток. В этот период в творчестве ученого окончательно выкристаллизовывается главное направление его научной деятельности – древнекаменный век. Интенсивные исследования палеолитических памятников на Дальнем Востоке, а также изучение обширных материалов по палеолиту соседних регионов позволили А.П. Деревянко подготовить два фундаментальных монографических исследования "Палеолит Дальнего Востока и Кореи" и "Палеолит Японии", получивших широкое признание среди специалистов как у нас в стране, так и за рубежом.

В 1983 г. А.П. Деревянко становится директором Института истории, филологии и философии СО АН СССР. В этот период им были предложены два приоритетных направления в деятельности археологов института: изучение первоначального заселения человеком Северной, Центральной и Восточной Азии и комплексные широкомасштабные исследования алтайских пещерных стоянок. Активная реализация этих направлений велась преимущественно в трех регионах Азии – в Приамурье, на р. Селемдже изучалась серия палеолитических стоянок с целью разработки культурно-хронологической схемы региона. В Горном Алтае были организованы широкомасштабные раскопки многослойных стратифицированных памятников, среди которых особое место заняли такие уникальные местонахождения, как, например, Денисова пещера, пещера им. Окладникова. В Монголии, возглавив совместную советско-монгольскую экспедицию, А.П. Деревянко провел совершенно уникальные по объему и комплексному подходу исследования, открыв памятники поистине мирового значения. В аридных зонах Средней Азии и Казахстана проведены широкомасштабные исследования, позволившие принципиально по-новому интерпретировать богатейшие источники по древнекаменному веку, полученные в регионе. В целом, Анатолию Пантелеевичу и руководимому им творческому коллективу удалось получить уникальные научные результаты, о которых следует сказать хотя бы несколько слов.

Одной из наиболее значимых проблем в археологии Северной Азии является проблема первоначального заселения ее человеком. Напомню, что первые изыскания А.П. Деревянко в этой области приходятся на 1970 г., когда он отнес три местонахождения в Приамурье к домустьерскому времени и определил их, вслед за А.П. Окладниковым, как древнейшие в Северной Азии. По мнению А.П. Деревянко, эта культура была принесена в Сибирь и на Дальний Восток выходцами из Центральной и Юго-Восточной Азии. Последующие открытия подобного плана в Сибири позволили исследователю поставить вопрос о диверсификации культуры древнего человека на ранней стадии развития. Им выделяются, помимо галечных индустрий, комплексы с бифасами (рубилами) и с хорошо выраженными элементами, развивающимися уже в более позднее среднепалеолитическое время.

На основе изучения материалов нижних горизонтов Денисовой пещеры, датируемых ТЛ-методами около 300 тыс. лет тому назад, А.П. Деревянко предложил оригинальную гипотезу о путях движения носителей сибирского палеолита. Вновь оценивая галечную культуру нижнего палеолита и сравнивая ее с аналогичной по времени культурой Центральной Азии, исследователь приходит к выводу о проникновении последней в Сибирь со стороны Китая и Монголии примерно 400–500 тыс. лет назад. В то же самое время в Северной Азии (Алтай, Прибайкалье) появляются иные, ашело-мустьерские традиции, занесенные в регион их создателями из другого центра развития палеолита – Ближнего Востока. Таким образом, указанные древнейшие традиции обработки камня, имеющие независимое происхождение, появляются в Сибири практически одновременно и связаны с двумя миграционными волнами Homo erectus, вышедших из Африки и ранее последовательно заселявших более южные районы Евразии.

Другая проблема, над которой исследователь работает в течение всей своей научной деятельности, связана с периодизацией и хронологией палеолита различных районов Азии. Первым таким регионом явилась российская часть Дальнего Востока, где такая периодизация разрабатывалась и совершенствовалась учеными с семидесятых годов прошлого века Новые материалы, полученные А.П. Деревянко при исследовании комплекса многослойных стоянок на р. Селемдже, дополнили и уточнили характеристику культурных проявлений в древнекаменном веке этой части Северной Азии.

Невозможно переоценить вклад ученого в области изучения алтайского палеолита. Им открыты новые стоянки, продолжены исследования ранее известных памятников и, что особо важно, он явился организатором широкомасштабной программы, объединяющей специалистов различных областей знаний.

На многих памятниках при раскопках обнаружены искусственные сооружения (очаги и т.д.),

определяющие меру сохранности культуросодержащих горизонтов. В пещерах им. Окладникова и Денисовой выявлены древнейшие в Сибири антропологические остатки (постоянные моляры и премоляры подростков). В местах сосредоточения археологических объектов выполнены исследования по изучению развития речных долин, в результате которых установлено соответствие этапов их врезания и аккумуляции периодам регионального изменения климата.

Для реконструкций различных компонентов климата и среды обитания древнего человека использованы биостратиграфические методы. Так, анализ остатков крупных наземных млекопитающих показал своеобразие зональной приуроченности видов животных, относящихся к горно-таежным, степным и тундровым обитателям, а также мозаичность ландшафтно-растительных обстановок, существовавших в различные периоды плейстоцена. Кроме того, выполнены исследования в области археозоологии и тафономии ископаемых объектов, что необходимо для реконструкции хозяйственной деятельности человека. Направления, связанные с изучением фауны мелких млекопитающих, включают видовое определение позвоночных и соотнесение выделенных локальных фаун с пространственно-временными ландшафтно-экологическими условиями. В целом, микротериологический материал свидетельствует о процессе образования фауны "смешанного" типа, чему способствовали в условиях горной страны контакты широтных зон, смена вертикальной поясности и, соответственно, растительных ассоциаций. Применение палинологического метода и эколого-флористического анализа позволило проследить закономерности распределения отдельных элементов флоры и предложить, с учетом вертикальной зональности, для Северо-Западного и Центрального Алтая детальную периодизацию природных событий относительно небольшой продолжительности, включая реконструкцию среднегодовых палеотемператур. Не менее важные результаты в области палеогеографического обоснования временных отрезков плейстоцена получены при использовании седиментологических и геохимических методов исследования.

Для многих памятников с помощью разнообразных радиологических и физических методов (С, ТЛ, РТЛ, ЭПР) датирования в отечественных и зарубежных геохронологических центрах получены представительные серии дат, дополненные исследованиями в области палеомагнетизма. Это важнейшая часть интеграционных исследований, ибо вопросы развития культуры первобытного человека не могут быть освещены без хронологии социальных событий. Можно с уверенностью сказать, что подобные интеграционные исследования, проводимые на Алтае, сегодня вообще не имеют аналогов.

По мнению А.П. Деревянко, первоначальное заселение Евразии началось 1.8–2 млн лет назад, когда Homo – ergaster – erectus вышел за пределы Африки, что положило началу заселению человеком Евразии. Расселение древнейших гоминид с олдувайской (галечной) индустрией шло в двух направлениях. Одна миграционная волна обогнула Гималаи и Тибет с юга и заселила около 1 млн лет назад Восточную и Юго-Восточную Азию. Другая – продвинулась по северному фасу Гималаев и Тибета в Центральную Азию (Таджикистан, Туркменистан, Казахстан, Монголию) в хронологическом диапазоне 1 млн – 800 тыс. лет назад. Около 600–500 тыс. лет назад произошло первоначальное заселение Алтая (стоянка Улалинка с галечной индустрией).

В хронологическом диапазоне 450–350 тыс. лет назад начинается продвижение с Ближнего Востока в Центральную Азию второй миграционной волны с позднеашельской индустрией. Носителем ее был древний Homo sapiens. Свидетельством распространения этой миграционной волны является культивация в Центральной Азии и Индии леваллуазской и бифасиальной техники. Монголия и Индия явились западной границей распространения позднеашельской индустрии. На Алтае леваллуазская техника первичного расщепления появляется около 300 тыс. лет назад.

Следующий этап палеолита Алтая представлен среднепалеолитическими индустриями, последовательно распределенными А.П. Деревянко, на основании многочисленных абсолютных дат, по двум хронологическим интервалам – 130–90 тыс. лет назад (раннее мустье) и 90–40 тыс. л.н. (развитый средний палеолит). В отличие от других исследователей, анализирующих алтайское мустье, А.П. Деревянко не склонен к чрезмерному его дроблению, отмечая, напротив, несомненную однородность материальной культуры этой эпохи, имеющей местные корни в более древних (ашельских) индустриях. Характеризуя позднепалеолитическую стадию древнекаменного века Алтая, А.П. Деревянко большое внимание уделяет характеру перехода от среднего к верхнему палеолиту, постоянно подчеркивая важность этой проблемы для мировой археологии. Это следует из того, что носителем позднепалеолитической культуры являлся анатомически современный человек (Homo sapiens sapiens), у которого по сравнению с предшествующими представителями Homo произошли фундаментальные изменения в нормах социального поведения, способе мышления и организации общества. По мнению А.П. Деревянко, культура Алтая в хронологическом диапазоне 50–40 тыс. лет назад демонстрирует две линии развития, в основе которых лежит одна и та же среднепалеолитическая индустрия. Процесс трансформации мустье в верхний палеолит был весьма сложным и далек от единственной модели простого перерастания определенного варианта мустье в определенную культуру верхнего

палеолита, что утверждалось ранее для территории Сибири и Монголии. Такой вывод для районов Алтая, Северной и Центральной Азии впервые в палеолитоведении был сделан А.П. Деревянко. Анализируя материалы из многослойной стоянки Ануй II и верхней половины разреза в пещере Страшной, А.П. Деревянко считает, что какой-либо прерывистости в эволюции наборов артефактов в диапазоне 27–21 тыс. лет назад не наблюдается. Напротив, на значительном отрезке верхнего палеолита сохраняется устойчивая культурная традиция древнего социума и по сравнению с ранними верхнепалеолитическими материалами здесь отмечаются лишь плавные изменения, выраженные в более усложненной морфологии и типологии артефактов и, в меньшей степени, технике расщепления. Подобное обстоятельство, на его взгляд, не позволяет пока выделить в регионе среднюю стадию верхнего палеолита, как это было сделано на материалах Западной Сибири, Енисея, Приангарья, сравнимых с виллендорфско-костенковскими материалами Центральной и Восточной Европы.

Культура финальной стадии палеолита Алтая, по мнению А.П. Деревянко, при всей выразительности инвентаря обладает целым рядом общих особенностей. Она по ряду признаков тяготеет к финальнопалеолитическим индустриям Енисея, Ангары, Западного и Восточного Забайкалья.

Из многообразия книг и статей, посвященных палеолиту Горного Алтая, хочу особо выделить монографию "Мустье Горного Алтая", написанную им в соавторстве со своим учеником С.В.Маркиным, блестящую по глубине и широте охвата статью "Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае", а также небольшую по объему, но очень емкую и содержательную работу "Paleolithic of North Asia the problem of ancient migrations", являющуюся обобщающим исследованием по древнекаменному веку не только Алтая, но и Северной Азии в целом. В этом же ряду стоит и коллективный труд "The Paleolithic of Siberia", вышедшей в США.

Значительный вклад А.П. Деревянко внесен в развитие направления, связанного с созданием широкой по территориально-хронологическому охвату концепции развития палеолитической культуры восточных областей Азии. Практически во всех обобщающих работах исследователя, посвященных палеолиту Северной Азии, имеются разделы, в которых проводится корреляция региональных стоянок с объектами древнекаменного века Америки, Японии, Кореи, Китая, а также ряда областей Юго-Восточной и Южной Азии. Более того, палеолит Японии и Кореи, которые были частью сухопутного моста, соединяющего материк и острова, явился для А.П. Деревянко объектом специальных исследований, по итогам которых подготовлены монографии, не имеющие аналогов в российском палеолитоведении, а также учебники и учебные пособия, использующиеся на исторических и восточных факультетах в системе образования высшей школы.

В двух учебных пособиях перу ученого принадлежат крупные разделы и главы. В книге "Археология зарубежной Азии" им написана глава, посвященная древнекаменному веку. Уникальным в отечественном палеолитоведении является монография "Палеолитоведение: введение и основы" (в соавторстве с С.В. Маркиным и С.А. Васильевым), повсеместно используемая при преподавании курса археологии в университетах и гуманитарных вузах России.

Северная Америка – еще один регион развития палеолитической культуры, к анализу которой А.П. Деревянко неоднократно обращается в своих исследованиях. Считается общепризнанным, что заселение человеком Нового Света происходило из Северной Азии, через северо-восточные области, примыкающие к Берингову проливу. Основываясь на материалах четвертичной геологии и палеогеографии Восточной Берингии, А.П. Деревянко полагает, что инфильтрация древнего населения из Сибири в Новый Свет могла проходить в сравнительно короткое время в период конца раннего (аналог зырянского оледенения в Сибири) и начала среднего (аналог каргинского межледникового цикла) висконсина и конца среднего и начала позднего (аналог сартанского оледенения в Сибири) висконсина. Это время понижения уровня моря и образования Центральной Берингии – сухопутного прохода между материками. Соответственно заселение Нового Света могло проходить двумя-тремя миграционными волнами в интервале 70–60 и 25–12 тыс. лет назад.

Особое место в исследованиях А.П. Деревянко занимают проблемы палеолита Монголии и в целом аридной зоны азиатского субконтинета. С полным основанием можно констатировать, что с начала 1980-х годов начинается новый этап в изучении каменного века Центральной Азии, связанный с работами совместной советско-монгольской комплексной историко-культурной экспедиции, которую в 1983 г. возглавил Анатолий Пантелеевич. Было открыто более 1000 местонахождений каменного века, в том числе около 50 раннепалеолитических. Особое значение имеют хорошо стратифицированные стоянки и пещеры, на которых удалось провести широкомасштабные раскопки. За эти годы получен огромный и уникальный материал: несколько сотен тысяч артефактов, оставленных древним человеком. Под руководством А.П. Деревянко было разработано несколько глобальных проблем, связанных с первоначальным освоением человеком просторов Азии, предложены направления и пути миграций палеолитических коллективов на фоне палеоэкологической обста-

новки того времени, а также дана исчерпывающая характеристика индустриальных комплексов, намечены линии развития палеолитических индустрий, а также темпы их эволюций, начиная с раннего палеолита.

Определенным итогом этих исследований можно считать фундаментальный двухтомник "Палеолит и неолит Монгольского Алтая" и "Палеолит и неолит северного побережья Долины озер", написанный основными участниками экспедиции во главе с ее руководителем.

Работая в условиях аридных зон, А.П. Деревянко приходит к единственно правильному выводу о том, что ключевым моментом в изучении палеолита в этих районах Азии является сопоставление данных, полученных при исследовании памятников с поверхностным культурным слоем и из культурных слоев, залегающих в четких стратифицированных условиях.

Благодаря такому сравнению, позволившему с высокой долей объективности проанализировать гигантский материал стало возможным, в конечном итоге, приступить к реконструкции пространственно-временных моделей в каменном веке аридной зоны Азиатского континента. В этих регионах А.П. Деревянко организованы совместные исследования с археологами Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана. За десять с небольшим лет были обнаружены и исследованы сотни новых местонахождений открытого типа в Восточном Казахстане, Северном Прибалхашье, на полуострове Мангышлак, Северном Приаралье, в Мугоджарах. Проведены широкомасштабные раскопки памятников Кошкурган I, II; Шоктас I–III в Южном Казахстане, грота Оби-Рахмат в Узбекистане, стоянки Тосор в Киргизии.

За последние три десятилетия в различных районах Евразии открыты раннепалеолитические местонахождения, отличительной особенностью которых является преобладание небольших размеров предметов первичной и вторичной обработки. Эти микроиндустриальные комплексы датируются в широком хронологическом диапазоне от 200 тыс. лет до 1 млн лет назад. В Туркестанском районе Казахстанской области Республики Казахстан А.П. Деревянко открыты и исследованы великолепные раннепалеолитические местонахождения Кошкурган I, II и Шоктас I, датирующиеся методом ЭПР временем около 500 тыс. лет назад, что хорошо согласуется с датировкой, основанной на палеонтологическом материале кошкурганского фаунистического комплекса – аналога раннеплейстоценового тираспольского фаунистического комплекса Восточной Европы.

Комплексы Кошкургана I и Шоктаса I дают исчерпывающую информацию о технико-типологических особенностях одной из основных линий развития индустрии на протяжении раннего палеолита не только Средней Азии, но и Евразийского субконтинента в целом.

Хронологические пределы данного явления устанавливаются, на сегодняшнем этапе исследований, от миллиона л. н. до 200 тыс. л. н. Таким образом, по пространственным и хронологическим параметрам выявленный феномен равен такому явлению, как афроевропейский ашель, поэтому предложено обозначить его термином "евроазиатский микроиндустриальный ашель" и выдвинуть гипотезу о том, что движение древнего человека, его носителя, могло осуществляться с востока на запад.

Другой крупной проблеме в изучении раннего палеолита Евразии были посвящены исследования экспедиции под руководством А.П. Деревянко в Мугоджарских горах, отделенных от Уральского хребта долиной реки Урал. Материалы с Мугоджарских гор на уровне технико-типологического сравнения и даже по типу памятников вполне сопоставимы с кавказскими, что дает возможность в самом общем виде определить хронологическую позицию ашеля Мугоджар (без уточнения нижней границы) как соответствующую таковой ашеля Кавказа. Материалы ашельской индустрии Мугоджар позволили А.П. Деревянко и его ученикам по-новому рассмотреть ряд глобальных проблем раннего палеолита западной части Центральной Азии, куда входит Средняя Азия и Казахстан.

В рамках решения проблемы заселения человеком современного физического типа территории Центральной Азии в плейстоцене наиболее перспективным направлением, несомненно, является комплексное изучение, проведенное под руководством А.П. Деревянко, многослойных стратифицированных объектов, грота Оби-Рахмат на территории Узбекистана и стоянки Тосор около озера Иссык-Куль в Киргизии.

А.П. Деревянко приходит к очень важному выводу, что по технико-типологическим характеристикам обирахматская индустрия близка позднемустьерским и ранневерхнепалеолитическим комплексам Ближнего Востока и российского Горного Алтая. Сходство ближневосточной, среднеазиатской и алтайской переходных индустрий в таком случае, по мнению А.П. Деревянко, объясняется конвергентным развитием технокомплексов, имеющих общую основу, появившуюся на данной территории в результате так называемый второй волны миграции, связанной с архаичным Homo sapiens.

Главные результаты работ в Среднеазиатском регионе аккумулированы А.П. Деревянко и его коллегами в серии обобщающих монографий. Однако особенно я бы отметил недавно вышедшую из печати работу "Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы в травертинах Южного Казахстана", где весьма доказательно изложены фундаментальные идеи освоения человеком

огромных пространств Евроазиатского субконтинента.

Значительное место в исследованиях А.П. Деревянко занимают проблемы неолита Приамурья, которыми ученый активно занимается и сегодня, возглавляя работы совместной российско-корейской экспедиции на уникальном неолитическом памятнике Сучу. Принципиальное значение имеют открытия А.П. Окладниковым, А.П. Деревянко и В.Е. Медведевым в Приамурье памятников родственных громатухинской и осиповской культурам с керамикой позднеплейстоценового–раннеголоценового времени. Это открытие коренным образом меняет наши представления о характере перехода человечества к новокаменному веку. Оказывается, что в Японии и на Дальнем Востоке изобретение человеком глиняной посуды произошло значительно раньше, чем в других регионах планеты, что несомненно, позитивно сказалось на развитии как самой культуры, так и физиологии человека, носителя данной культуры.

Все перечисленные открытия были осуществлены Анатолием Пантелеевичем и возглавляемым им коллективом за последние 20 лет. Пожалуй этого хватило бы на впечатляющую научную биографию нескольких ученых.

Масштабность личности академика А.П. Деревянко позволяет видеть в нем не только блестящего ученого, но и уникального организатора науки, о чем хочется сказать особо. Став директором Института, А.П. Деревянко предпринимает серьезные усилия для вывода его на международный уровень. Организуются и успешно проводятся совместные экспедиции с японскими, американскими, канадскими, южно-корейскими специалистами, в Сибири и за рубежом. Проведено несколько международных симпозиумов с выездом на места раскопок, обсуждением методических приемов исследований и работой с коллекциями. А.П. Деревянко организует несколько крупных международных выставок, основанных на археологических и этнографических фондах Института. Выставки в Японии, Республике Корея, Австралии и других странах пользовались неизменным успехом и способствовали установлению личных контактов ученых института с коллегами из зарубежья.

Характерной чертой А.П. Деревянко как руководителя института явилось постоянное стремление внедрить все самое новое и передовое. Одним из первых в стране среди гуманитарных институтов ИИФиФ обзавелся первоклассными персональными компьютерами, создана крупнейшая в России реставрационная лаборатория, оснащенная современным японским оборудованием.

В 1987 г. научное сообщество по достоинству оценило вклад Анатолия Пантелеевича в науку, избрав его действительным членом (академиком) Академии наук СССР. Этой высокой чести А.П. Деревянко был удостоен в 44 года! Столь рано среди ученых-гуманитариев академиком не становился никто.

В 1990 г. А.П. Деревянко осознает, что подчиненный ему институт уже не соответствует по форме своему содержанию. Существенно вырос его кадровый потенциал, появились и успешно развивались новые научные направления. Анатолий Пантелеевич предпринимает чрезвычайно важный шаг на пути совершенствования структуры института, превратив его в Объединенный институт, куда на равных правах вошли четыре структуры: Институт истории, Институт филологии, Институт философии и права и Институт археологии и этнографии. На этом этапе А.П. Деревянко, оставаясь Генеральным директором Объединенного института, и возглавил Институт археологии и этнографии.

Не оставляет А.П. Деревянко и педагогическую работу. Он возглавляет кафедру всеобщей истории Новосибирского государственного университета, читает лекции студентам-историкам, работает с аспирантами и докторантами.

С особой силой проявился научный и организационный талант академика А.П. Деревянко в последнее десятилетие, чрезвычайно тяжелое как для страны, так и для науки. В этот период, когда речь порой шла о том, быть – или не быть отечественной науке, А.П. Деревянко сделал все возможное, чтобы вместе с десятками честных и порядочных ученых страны спасти науку и ее главный форпост – Российскую Академию наук. Требовались гигантские усилия, чтобы не дать погибнуть гуманитарной академической ячейке, создаваемой с таким трудом в Сибирском отделении, научиться зарабатывать деньги, поскольку бюджетные средства были совершенно нищенскими.

Анатолию Пантелеевичу это удалось в полной мере, о чем ярко свидетельствует прежде всего то, что за эти нелегкие годы Объединенный институт не только выжил, но и занял в целом ряде научных направлений ведущие позиции, и не только в нашей стране, но и в мире. Достаточно упомянуть хотя бы уникальную серию "Фольклор народов Сибири", где задумано издать более 60 томов, посвященных неповторимому устному народному творчеству многочисленных народов Сибири. На сегодняшний день более 20 томов уже издано. Академик А.П. Деревянко вместе с членом-корреспондентом РАН А.Б. Соктоевым были инициаторами создания этого уникального, не имеющего аналогов в мире труда. Одним из авторов и главным редактором серии стал Анатолий Пантелеевич. Немало усилий было положено и на добывание средств на это издание. И это лишь один пример.

Крупные научные задачи были поставлены, конечно, и перед Институтом археологии и этнографии. О поистине гигантском объеме полевой и аналитической работы Анатолия Пантелеевича и возглавляемого им творческого коллектива уже говорилось выше. Анатолий Пантелеевич был одним из организаторов и соруководителем международной программы "Пазырык", в результате реализации которой на юге горного Алтая, на плато Укок, были получены уникальные научные результаты.

А.П. Деревянко все эти годы стремился привить сотрудникам вкус к комплексному подходу при решении исследовательских задач, что в рамках Сибирского отделения можно было реализовать предельно эффективно. Не случайно сегодня сотрудники Института археологии и этнографии продуктивно работают с геологами и геофизиками, химиками и генетиками, почвоведами и биологами, получая уникальные научные результаты. В качестве примера можно привести один из крупнейших интеграционных проектов Сибирского отделения по изучению палеоклимата на планете, одним из координаторов которого является Анатолий Пантелеевич, и в реализации которого принимают участие более двадцати институтов Российской академии наук.

За это десятилетие Анатолию Пантелеевичу удалось вывести Институт на качественно новый уровень. Прежде всего в соответствие с требованиями современной науки приведена его структура, в которой наряду с ведущими подразделениями, такими как сектора палеолита, археологии бронзового и железного веков и другими, добавился, к примеру, сектор информатики, оснащенный новейшим оборудованием.

Чрезвычайно важной проблемой для Института было создание своего транспортного цеха, в который вошел автомобильный парк экспедиционного транспорта. В результате, все экспедиционные отряды (а их ежегодно в институте работает более 40) обеспечены транспортом. Решение этой проблемы позволило не ограничивать территориальный охват работ возглавляемой А.П. Деревянко Северо-Азиатской комплексной экспедиции.

Одним из масштабных предприятий для Анатолия Пантелеевича стало создание научного полевого стационара на Денисовой пещере. В глухом районе Горного Алтая удалось создать современную научно-исследовательскую структуру, являющуюся центром, где на протяжении полугода кипит активная научная жизнь. Рядом с базой расположены десятки интереснейших, высокоинформативных памятников археологии, где несомненно наиважнейшим изучаемым объектом является Денисова пещера. На стационаре успешно проводятся крупные международные симпозиумы и полевые семинары. Здесь культивируется и научный туризм, помогающий зарабатывать деньги на науку.

Несколько лет назад А.П. Деревянко удалось реализовать в стенах Института свою давнюю мечту. Создан и успешно функционирует редакционно-издательский отдел, оснащенный самым современным полиграфическим оборудованием. Уже сегодня на прекрасном полиграфическом уровне удалось издать десятки монографий. Особо значимым делом для А.П. Деревянко стало создание международного журнала "Археология, этнография и антропология Евразии", издаваемого на русском и английском языках. Цветная печать позволяет на качественно новом уровне публиковать итоги научных исследований ученых всего мира. В редколлегию журнала вошли ведущие ученые из 12 стран. Буквально за два года рейтинг журнала стал столь высок, что опубликовать в нем статью считают за честь ученые ведущих научных центров Европы, Азии и Америки. Достаточно сказать, что Высшая Аттестационная комиссия России признала журнал печатным органом соответствующего научного направления, в котором обязательно должны быть опубликованы итоговые научные результаты, представляемые к защите диссертаций.

Серьезная работа была проделана А.П. Деревянко по реконструкции и совершенствованию работы музеев Института. Вопреки, казалось бы совершенно безнадежной ситуации с финансированием, по существу, только благодаря его воле и настойчивости, была воссоздана Зашиверская церковь – жемчужина русского зодчества, некогда вывезенная руководимым А.П. Деревянко отрядом с реки Индигирки. Более ста каменных обелисков от эпохи бронзы до древнетюркского времени экспонируются в музее под открытым небом. Принципиально новая экспозиция создана в Музее истории и культуры народов Сибири, где выставлены экспонаты, многие из которых украсили бы любой музей мира.

И все-таки главное, на что были направлены усилия Анатолия Пантелеевича, – это фундаментальность научных исследований, совершенствование полевой и лабораторной методики, междисциплинарный подход к анализу источников. Этому способствовала и система методологических семинаров в подразделениях института и взвешенная кадровая политика, позволяющая вести молодого специалиста со студенческой скамьи, через аспирантуру к самостоятельному научному поиску. В институте эффективно действует единственный на территории Сибири Диссертационный совет по защите докторских диссертаций по археологии и этнографии, организатором и бессменным председателем которого является академик А.П. Деревянко. Через Совет прошли десятки первоклассных специалистов высшей квалификации для сис-

темы Академии наук и вузов, причем не только сибирских, но и Московских и Санкт-Петербургских. В Совете защитили диссертации ученые из Монголии, Казахстана, Кыргызстана, Республики Корея.

Осуществляется реальная интеграция с вузовской наукой, по инициативе Анатолия Пантелеевича в университетских центрах Барнаула, Кемерово, Красноярска, Иркутска, Благовещенска, Воронежа созданы археологические лаборатории двойного подчинения. В результате сегодня Институт обладает мощным кадровым потенциалом, в составе которого три члена Российской Академии наук, 22 доктора и более 50 кандидатов наук.

В конечном итоге, все это позволило А.П. Деревянко поставить перед Президиумом Сибирского отделения вопрос о выходе Института археологии и этнографии из состава Объединенного института. Надо сказать, что это преобразование настолько созрело, что с полным пониманием было встречено научным сообществом. И действительно, за последние десять лет Институт археологии и этнографии под руководством Анатолия Пантелеевича добился весьма впечатляющих результатов, занимая одно из ведущих мест не только в нашей стране, но и во всем мире.

Такова краткая и предельно конспективная характеристика научной и организационной деятельности Анатолия Пантелеевича за 40 лет.

Смею утверждать, что в мировой истории археологии можно найти не так уж много примеров, когда к своему шестидесятилетию ученый подходит с таким багажом научных открытий. Как человек, сочетающий в себе качества выдающегося ученого и прекрасного организатора науки, А.П. Деревянко – личность, безусловно, уникальная. Впечатляют даже просто количественные показатели содеянного. Ученым опубликовано 77 монографий (из них 20 лично) и более семисот научных статей. Под его руководством защищено 42 кандидатские и 12 докторских диссертаций. Конечно, такое можно было сделать, только обладая исключительным талантом. Может быть одним из главных достижений ученого явилось создание прекрасной научной школы. Этот молодой коллектив включает около десятка докторов и примерно такое же количество кандидатов наук, способных совместными усилиями решать самые серьезные научные проблемы.

Заслуги Анатолия Пантелеевича Деревянко по достоинству оценены государством и международным научным сообществом. Он кавалер орденов и медалей СССР и России, академик Российской академии наук. А.П. Деревянко является академиком Академии наук Монголии, членом-корреспондентом Германского археологического института, почетным профессором Аризонского университета (США) и Томского государственного политехнического университета. В 2001 г. А.П. Деревянко удостоен Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники.

Академик А.П. Деревянко пользуется огромным авторитетом всего научного сообщества. Многие годы он является Председателем Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам при Президиуме СО РАН, и одновременно членом Бюро Президиума СО РАН. На последнем общем собрании Российской академии наук ученый единодушно избран академиком-секретарем Отделения исторических и философских наук и членом Президиума РАН.

К своему юбилею Анатолий Пантелеевич подошел полным творческих сил и замыслов. Впереди его, несомненно, ждут может быть самые замечательные открытия в столь любимой им археологии.

Академик В.И. Молодин

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 14–28

СТАТУЭТКА БИЗОНА С ЗАРАЙСКОЙ СТОЯНКИ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

© 2003 г. Х. А. Амирханов, С. Ю. Лев
Институт археологии РАН, Москва

Зарайская верхнепалеолитическая стоянка, расположенная на юге Московской области и исследуемая с 1980 г. (Трусов, 1994; Амирханов, 2000), хорошо известна специалистам как памятник исключительного научного значения. Продолжающиеся здесь раскопки приносят новые важные данные, существенно расширяющие представления о содержании и характере развития культуры средней поры верхнего палеолита на Русской равнине. Так, в ходе работ 2001 г. было обнаружено первое для этого памятника произведение искусства. Находка представляет собой скульптурку бизона, вырезанную из бивня мамонта. В сравнении с известными образцами палеолитической скульптуры Восточной и Центральной Европы это изделие обладает выразительной спецификой как самого объекта изображения, мастерства исполнения, художественной выразительности, стилистическим особенностям, отчасти по размерам, так и, что не менее важно, по контексту залегания. Проблемы, связанные с изучением этой уникальной находки, лежат в историко-искусствоведческой, археолого-культурологической и палеоэтнологической плоскостях. В данной работе ввиду ограниченности ее объема мы останавливаемся лишь на рассмотрении собственно археологического и знаково-символического аспектов этого уникального произведения первобытного искусства. Темой специальной публикации станут вопросы сравнительного изучения и стилистического анализа предмета.

КОНТЕКСТ НАХОДКИ

Статуэтка бизона обнаружена в яме 71 раскопа 4 (рис. 1). Всего в этом раскопе на настоящее время насчитывается 72 ямы всех разновидностей и всех четырех этапов накопления культурного слоя. Рассматриваемая яма 71 расположена на кв. Ж–9, 10. В планиграфическом и стратиграфическом отношениях этот участок примыкает к центральной линии очагов жилищно-хозяйственного комплекса первого (наиболее раннего) уровня обитания (рис. 2). По радиоуглеродным данным этот уровень датируется временем, примерно, 23–22 тыс. л.н. (Амирханов, 2000). Объект, в котором найдена статуэтка, относится к типу обычных для памятников костенковской культуры глубоких ям-хранилищ с круглыми в плане очертаниями. Глубина ямы – 60 см; диаметр по верхнему краю 55–70 см, по дну 87–90 см. К придонной части яма неравномерно расширяется. На одном из участков это расширение выражено в виде достаточно глубокого (до 16 см) подбоя с относительно низким сводом (до 11 см от поверхности дна) (рис. 3).

Яма впущена с уровня светлого мелкозернистого песка, представляющего собой поверхность ("пол"), на которую заселились люди на первом этапе освоения стоянки (первый уровень обитания). Выше уровня впуска яму перекрывает тот же светлый мелкозернистый песок с редкими включениями мелких угольков. Данный стратиграфический признак характерен практически для всех объектов культурных отложений стоянки, относящихся к первому уровню обитания. Выше залегает коричневатая супесь с включениями в виде пятен светлого мелкозернистого песка и средне насыщенная мелким костным углем. Эта супесь представляет собой заполнение крупного углубления, отмечаемого с уровня третьего этапа накопления культурных отложений. Размеры и характер данного углубления остаются неясными, так как оно уходит в стенки раскопа и требует доисследования. Пока понятно, что оно перекрывает ямы-хранилища 71 и 72 и дно его приходится примерно на уровень впуска указанных объектов. Наиболее убедительным подтверждением этому является тот факт что лопатка мамонта, использованная для перекрытия ямы 72, осталась непотревоженной. Следовательно, края данной ямы не нарушены более поздним углублением. Яма 71, в которой обнаружена статуэтка бизона, не была перекрыта лопаткой, однако уровень, на котором зафиксированы ее края, такой же, как и у ямы 72. Этот уровень у ям 71 и 72 составляет, соответственно, –170 и –173 см от условной нулевой горизонтали.

Заполнение интересующей нас ямы на 4/5 (вверх от дна) однородное. Оно представляет собой окрашенную (местами сильно) красной охрой супесь с содержанием мелких костных угольков и неструктурированным включением светлого и зеленоватого песка. Эта часть заполнения довольно сильно источена ходами грызунов. Исключая

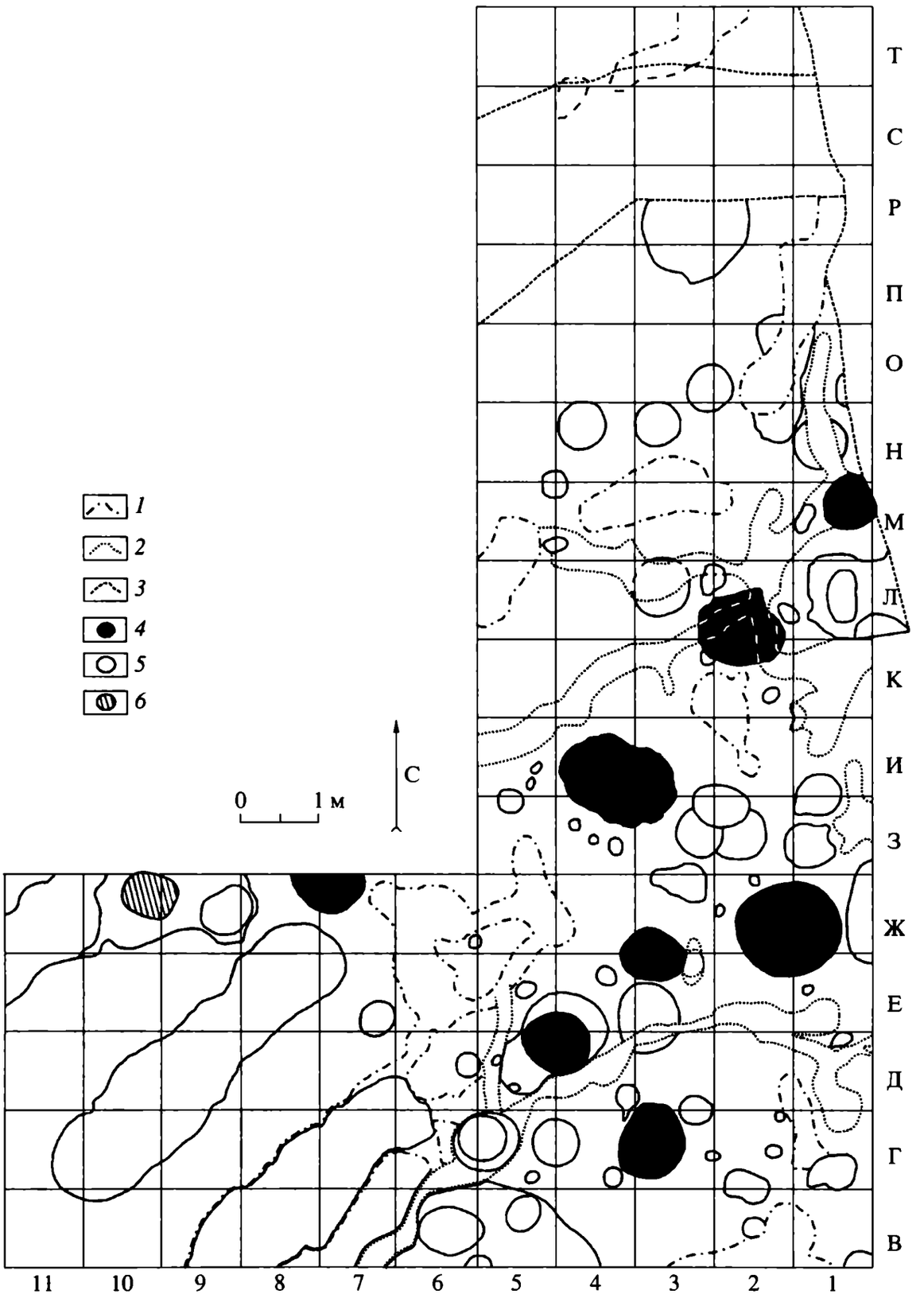

Рис. 1. Зарайская стоянка. Совмещенный план объектов всех хронологических этапов. Условные обозначения: *1* – мерзлотная трещина первой генерации; *2* – мерзлотная трещина второй генерации; *3* – траншеи, повредившие слой; *4* – очаг; *5* – яма; *6* – яма 71.

темное заполнение этих ходов, данная часть заполнения выглядит довольно однородной. Заполняющая порода не отмечена в культурном слое непосредственно рядом и вокруг краев данной ямы на уровне ее впуска. Кроме того, состав включенных в нее археологических находок также отличается от характера находок близлежащих участков культурного слоя. В яме найдены лишь редкие

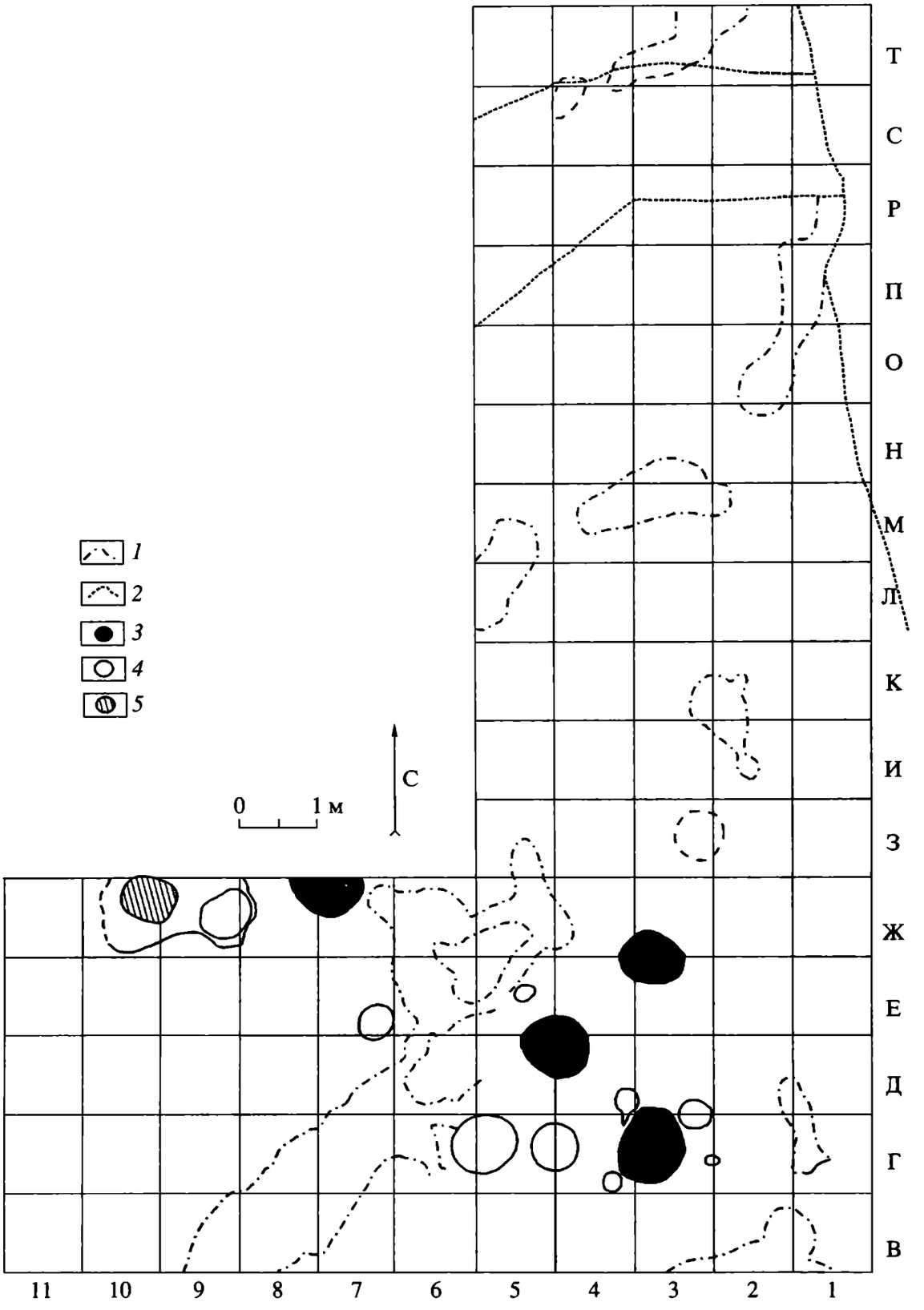

Рис. 2. Зарайская стоянка. План объектов первого хронологического этапа. Условные обозначения: *1* – мерзлотная трещина первой генерации; *2* – траншеи, повредившие слой; *3* – очаг; *4* – яма; *5* – яма 71.

кремневые продукты дебитажа, тогда как в окружающем яму слое наблюдается обычное для стоянки распределение разнородного категориального состава каменных изделий. Все это исключает образование основной части заполнения путем естественного замыва в яму породы с непосредственно окружающих ее участков. Единственным объяснением остается ее разовая намеренная засыпка человеком в момент, когда дно ямы не было еще занесено никакими естественными наносами.

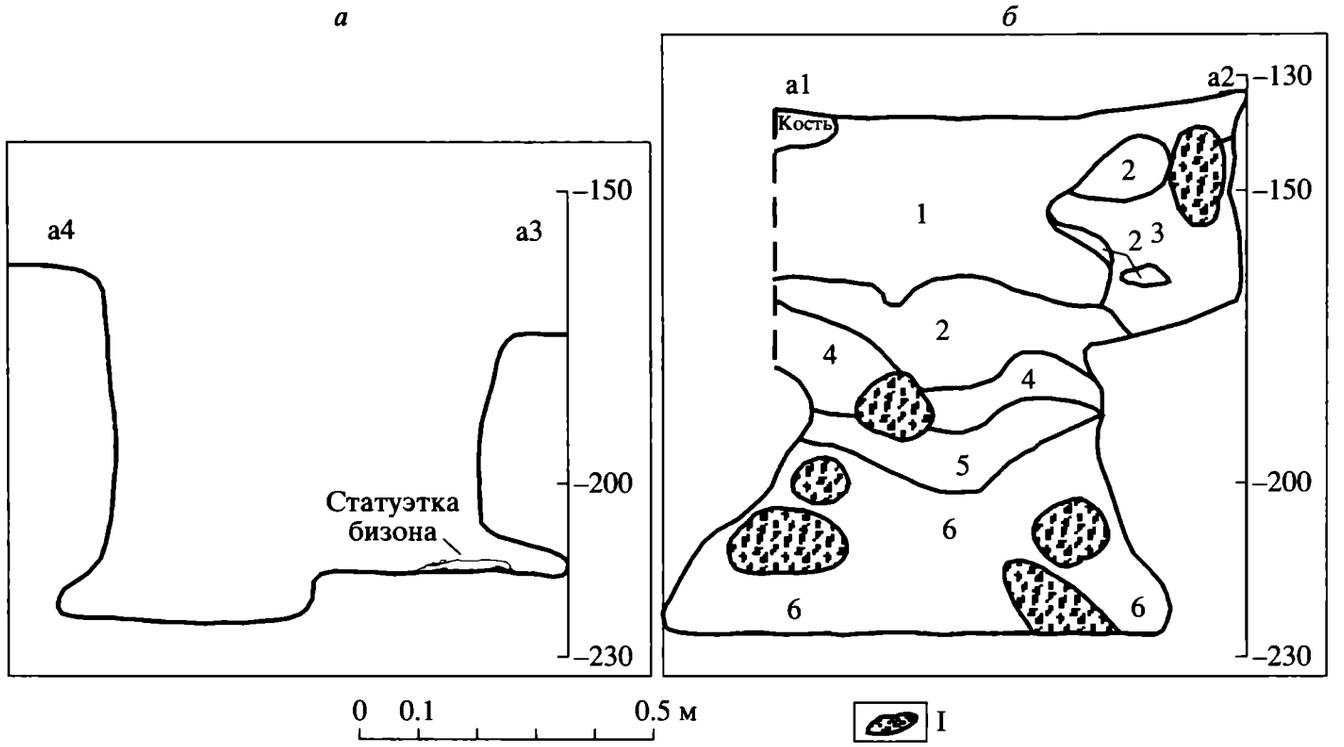

Рис. 3. Яма 71 на кв. Ж–9, 10. *а* – а4–а3 (З–В). Вид с Ю; *б* – разрез а1–а2 (С–Ю) на кв. Ж–9, 10. Вид с З. Условные обозначения: I – кротовина. Слои: *1* – коричневатая супесь с включением светлого песка и костного угля; *2* – светлый песок; *3* – красновато-коричневая супесь; *4* – красноватая супесь с включением светлого и зеленоватого песка; *5* – светлый местами коричневатый мелкозернистый песок; *6* – супесь сильно окрашенная охрой с включениями светлого и зеленоватого песка.

Иная картина наблюдается выше по разрезу заполнения рассматриваемой ямы. Над описанным слоем засыпки залегает песок, перемешанный с обычной для культурного слоя коричневатой супесью, затем сама эта коричневатая супесь и, наконец, светлый мелкозернистый песок, являющийся переотложенной породой "материка". В этой последовательности нетрудно заметить картину, характерную для обратной стратиграфии, образующейся при естественном перемещении отложений с окружающих участков вглубь ямы.

Яма 71 обладает весьма интересной конструктивной деталью, насколько нам известно, не отмечавшейся раньше для подобных объектов в памятниках костенковской культуры. Речь идет о специальном ступенчатом возвышении, оставленном на дне ямы в виде сектора. В данном случае такое возвышение оформлено в восточной части объекта и занимает примерно пятую часть площади дна. Пересекающиеся в центре округлого дна радиальные стороны сектора практически прямые. Своей вершиной сектор ориентирован на запад. Существенно, что возвышение получено не насыпкой грунта на дно ямы, а оставлено в процессе углубления ямы и окончательного оформления придонной части. Высота уступа составляет 8 см. Поверхность его, так же, как и поверхность остальной – более углубленной части дна – горизонтальная. Края возвышения близки к вертикальным. Сложено возвышение светлым песком, характеризующим стратиграфию естественных отложений на данном уровне врезания ямы. Естественная окрашенность песка на поверхности уступа не была нарушена каким-либо антропогенным воздействием. Обращает на себя внимание то, что наибольшее расширение придонной части ямы (или глубина подбоя) приходится именно на участок описываемого сектора возвышения. Высота этого подбоя в передней части достигает 9–10 см.

Рассмотренный уступ на дне ямы заслуживает столь подробного описания потому, что статуэтка бизона была обнаружена непосредственно на его поверхности (–214 от условной нулевой горизонтали) почти в центральной части сектора (рис. 4). Изделие лежало горизонтально на правом боку головой на запад. При этом больше чем наполовину статуэтка покоилась в глубине подбоя. На этом же уровне (–215 от условной нулевой горизонтали) непосредственно под шеей фигурки бизона в направлении С–Ю лежал обломок (длина его 47 мм) трубчатой кости мелкого животного (с большой вероятностью песца) с кольцевыми следами поперечного расчленения. От игольников из птичьих костей этот предмет отличает очень узкая внутренняя полость (не более нескольких мм). Непосредственно за статуэткой в самой глубине подбоя располагался небольшой (на ширину до нескольких пластин) обломок зуба мамонта (по заключению

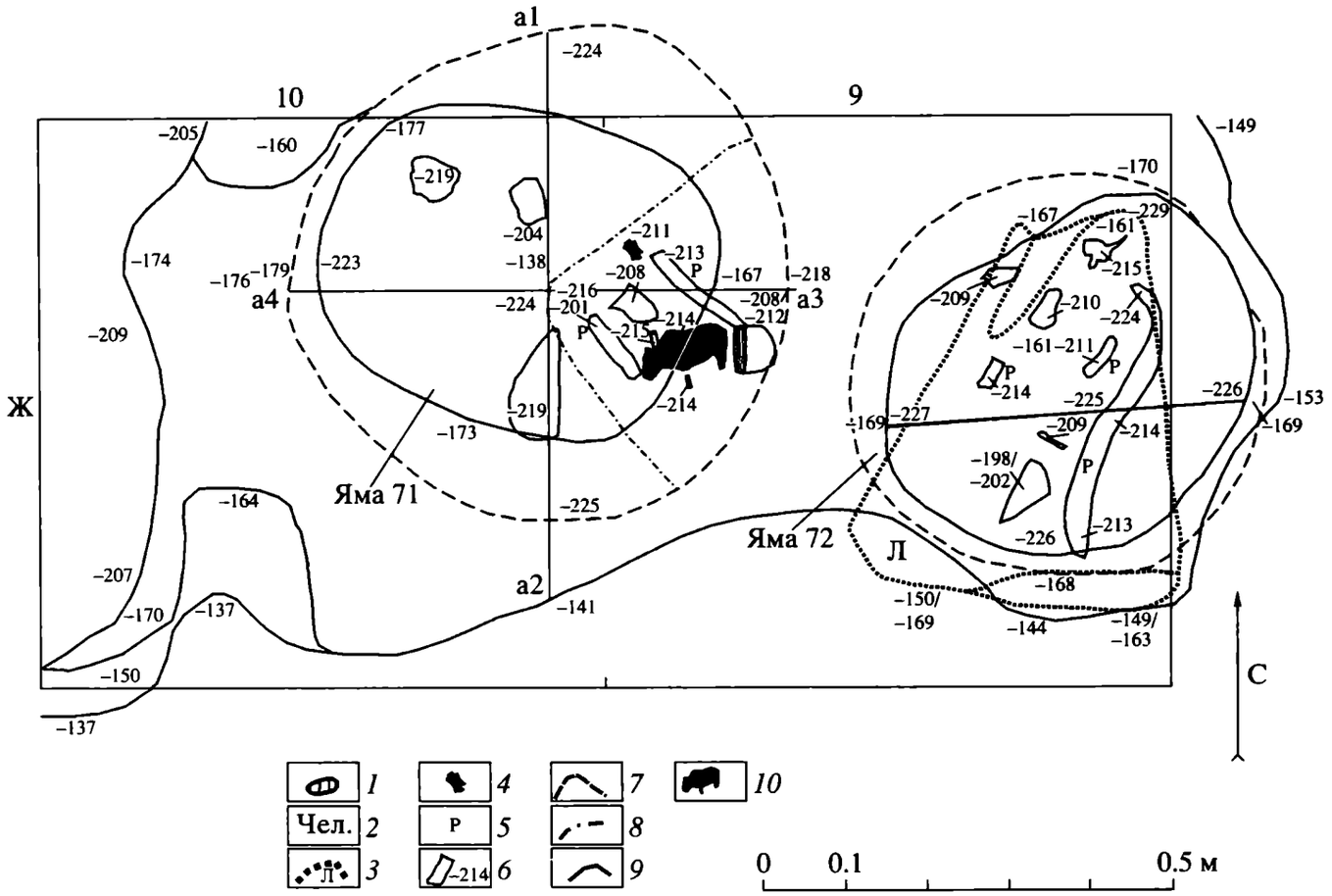

Рис. 4. Общий план ям № 71, 72 на кв. Ж–9, 10. *1* – зуб мамонта; *2* – челюсть мамонта; *3* – лопатка мамонта; *4* – лапка песца; *5* – ребро мамонта; *6* – кости неопределимые; *7* – очертания ям на уровне дна; *8* – границы возвышения из песка на дне ямы; *9* – очертания верхних уровней (краев) ям; *10* – статуэтка бизона (уровень залегания –214 см от усл. нулев. гориз.).

палеонтолога Е.Н. Мащенко: M1 верхний левый (dP4?). Он лежал на боку и был направлен жевательной поверхностью в сторону центральной части ямы. В северной части поверхности возвышения почти на уровне статуэтки и в 14 см в стороне от нее обнаружена группа костей стопы песца в анатомическом порядке (–211 от условной нулевой горизонтали). Наконец, с придонной частью рассматриваемого участка связан один обломок ребра некрупного животного (–213 от условной нулевой горизонтали). Вне сектора возвышения непосредственно на дне ямы костей или их фрагментов не обнаружено. Четыре небольших обломка неопределимых костей найдены в рассредоточенном виде в нижней части заполнения ямы. Этим исчерпывается состав костных останков, содержавшихся в яме со статуэткой.

ОСОБЕННОСТИ ТАФОНОМИИ

Как уже отмечалось выше, статуэтка обнаружена лежащей горизонтально на поверхности песчаного возвышения на дне ямы, заходя большей частью в подбой. Сохранность предмета в момент его вскрытия в слое внешне представлялась удовлетворительной. Какие-либо сквозные изломы или явные механические деформации не отмечались. Очевидный дефект состоял лишь в том, что обе левые ноги были обломаны. Характер поверхности изломов, а также отсутствие в яме отломившихся фрагментов говорит о том, что эти повреждения случились ранее времени помещения фигурки в яму.

Несмотря на кажущуюся хорошую сохранность, извлечь статуэтку из слоя без ущерба для нее оказалось невозможно из-за сильной размягченности кости. После полной расчистки предмета он был извлечен из ямы с использованием лотка. Дальнейшая работа по окончательной расчистке и консервации продолжалась в камеральных условиях. На этом этапе тафономические характеристики изделия выявились гораздо лучше, чем тогда, когда оно покоилось в плохо освещаемом подбое ямы. Прежде всего, проявились трещины двух типов: а) как мелкие, так и протяженные, не образующие какой-либо системы, и не связанные с естественной структурой заготовки; б) трещины начавшегося расслоения пластин по естественной структуре бивня. Первые больше выражены на верхней стороне предмета, а вторые – на нижней (т.е. той, на которой лежал в яме). Характер локализации трещин связан не с особенностями окружения, с кото-

рым соприкасалась та или другая сторона изделия, а с различиями структуры бивня в разных частях исходной заготовки. Наиболее глубокие бессистемные трещины приходятся на область шеи и головы фигурки.

Следующий вид повреждений является весьма специфическим. Речь идет о множественных углублениях с рваными краями, расположенных в области груди с левой стороны. Их характер свидетельствует о нанесении на этот участок сильных ударов твердым предметом. Удары были настолько сильными и предмет, которым они наносились был настолько острым, что от бивневой поверхности отлетали мелкие отщепки. Эти следы ударов разительно отличаются от следов, характерных для предметов, которые определяются обычно как наковаленки или ретушеры.

Наконец, отмечается еще одна разновидность изменения первоначального вида поверхности предмета. Это неглубокие, круглые в плане углубления цилиндрической формы с диаметром несколько миллиметров или лунки с близкими размерами и формой. В отличие от описанных выше, они не сосредоточены только в области груди, отмечаются большей частью на той стороне статуэтки, которая перекрывалась заполнением ямы. Два из мелких углублений такого типа образованы поверх крупных рваных повреждений. Последнее служит указанием на то, что рассматриваемые цилиндрические углубления образовались, скорее всего, уже после того, как статуэтка была помещена в яму. А очертания, форма, более или менее единообразные размеры, а также приуроченность данных углублений преимущественно к той поверхности, которая соприкасалась с грунтом заполнения ямы, позволяют считать их сверлинами каких-то остеофагов.

Очень значимыми являются характеристики окрашенности различных участков поверхности предмета. Прежде всего, бросается в глаза окрашенность красной охрой области груди с правой стороны. Напомним, что статуэтка лежала именно этой – правой стороной вниз, т.е. на поверхности не пигментированного светлого мелкозернистого песка. Следовательно, объяснить указанную окрашенность контактом предмета с окрашенным заполнением ямы невозможно. Такая картина могла бы иметь место на левой стороне статуэтки, которая перекрывалась охристым заполнением. Однако здесь этого не наблюдается. Данный факт служит дополнительным подтверждением тому, что статуэтка попала в яму в том частично окрашенном виде, какой мы ее и видим.

Вторая разновидность окрашенности – черный неравномерный пигмент, распространенный в виде мелких и мельчайших пятен по всей поверхности предмета. На стороне, перекрывавшейся заполнением ямы, такая окраска выражена более интенсивно. На части поверхности указанной стороны можно усмотреть даже полосчатый характер окрашенности.

Происхождение этого типа окрашенности следует связывать с выпадением солей марганца. Убедительным доказательством этому служит то, что черный пигмент проникает в трещины, образовавшиеся по наметившимся от времени границам пластин бивня, и окрашивает поверхности нижних (глубинных) пластин, от которых верхние частично разошлись, но полностью не отслоились. Упомянутая же полосчатость могла появиться, в частности, оттого, что в первое время контакт поверхности статуэтки с заполнением ямы не был непосредственным. Здесь возможно допущение, что в момент закладки в яму статуэтка была накрыта или обернута в мягкий материал и складки этого материала способствовали полосчатому осаждению марганцевых солей на поверхность изделия.

Высказанным соображениям о природном характере черной окрашенности и возникновению ее после попадания описываемого предмета в яму не противоречит стратиграфическое соотношение черной и красной красок на статуэтке. Черная краска (марганцевые соли) в обычном для нее пятнистом виде отчетливо перекрывает красную краску.

ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Обработка кости на Зарайской стоянке занимала довольно большое место (Амирханов, 2000). Об этом говорит наличие здесь разнообразных костяных изделий и множества заготовок для них, а отчасти и то, что резцы в инвентаре памятника составляют ведущую категорию орудий. Конкретные данные свидетельствуют об использовании здесь древними мастерами таких приемов и способов обработки кости, как вертикальное и поперечное расчленение бивня, получение крупных костяных отщепов ударным раскалыванием (оббивкой), глубокая резьба и гравировка, скобление, абразивная обработка и полировка, выпрямление кости и, возможно, другие. Большинство этих приемов нашли отражение и при изготовлении описываемой статуэтки.

Заготовкой для изделия послужила массивная пластина бивня мамонта с размерами длиной не менее 17 см шириной не менее 11 см и толщиной не менее 3.5–4 см. В поперечном разрезе данная пластина представляла собой сегмент круглого сечения бивня. Судя по ее ширине, она происходила от средней, достаточно утолщенной части бивня. Первоначально пластина должна была иметь плоско-выпуклые очертания. На плоской стороне отражалась внутренняя структура бивня (по типу "конус в конусе"), а выпуклая сторона представляла собой обычную поверхность бивня. Эти различия в характере поверхностей заготовки сохранились (и от воздействия времени проявились еще четче) на самой статуэтке в ее завершенном виде.

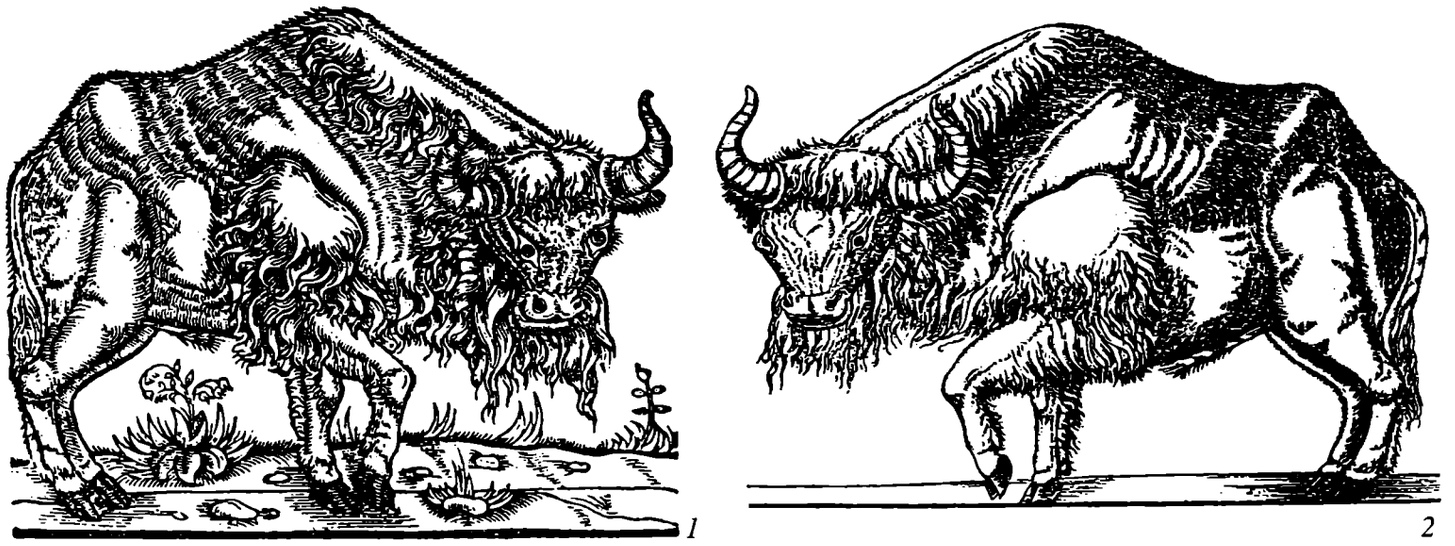

Рис. 5. Зубр. Гравюра XVI в. По: Герберштейн, 1988.

Что же касается исходного поперечного сечения бивневой заготовки, то оно полностью изменено в ходе оформления статуэтки и не наложило никакого отпечатка на результат моделировки изображения зверя.

Мастер не приспосабливался к особенностям формы заготовки. Напротив, он видоизменил заготовку в той степени, какой это было необходимо для его цели. Последнее потребовало в ходе оформления фигурки отсечения от исходной заготовки достаточно большой массы бивневого материала.

Следы орудий, использовавшихся при изготовлении скульптурки, представлены характерными признаками легкого скобления и абразивной отделки. В более грубом виде скобление должно было представлять собой прием тонкого строгания, без которого невозможно было обойтись на стадии оформления контуров изображаемого зверя. Использование резца отмечено в виде короткого продольного следа на внутренней стороне одной из ног. На подошвах ног отчетливо видны следы абразивной обработки. Очевидно, они связаны с пришлифовкой, которая осуществлялась при выравнивании основания копыт. Залощенность основания живота на фигурке может свидетельствовать о том, что при окончательной доработке могла использоваться и полировка отдельных частей скульптурки каким-либо мягким материалом.

Относительно тонкие приемы обработки использовались для изображения гривы, густой длинной шерсти на лбу в виде челки, а также шерсти (в реальности – продолжение бороды) в нижней части шеи. Гравировкой в сочетании с резьбой выполнены и уши, как бы стоящие и направленные вдоль рогов, выпуклости глаз, бугор переносья, ноздри, рот и основание хвоста.

При изучении статуэтки не остается сомнений в том, что технических средств и мастерства изготовителя было достаточно для выполнения любой операции для передачи резьбой самых тонких деталей изображения. Однако эти детали изображены не во всех случаях. Например, никак не передан волосяной покров на туловище зверя.

КОГО ИЗОБРАЖАЕТ СТАТУЭТКА?

В связи с изображаемым статуэткой образом возникает вопрос о том, насколько он похож именно на бизона. Вопрос этот связан с тем, что имеются некоторые различия в экстерьере американского и европейского бизонов (зубров). По описаниям зоологов современный настоящий зубр[1] отличается от бизона следующими признаками: а) голова меньше и поставлена выше; б) ребра, образующие горб, менее короткие и соответственно сам горб не столь крупный; в) круп менее срезан; г) тело и ноги у зубра длиннее, однако максимальный вес меньше. В отношении характеристики рогов в описаниях имеются разночтения. Наиболее показательными внешними признаками, отличающими бизона от зубра, являются, таким образом, величина горба и степень срезанности крупа. Если судить по этим признакам, то в нашей скульптуре просматриваются характерные особенности как бизона, так и зубра. Бизоньи признаки проявляются в явно массивной и поставленной низко голове и подчеркнуто крупном горбе. С зубром же ее сближает меньшая срезанность крупа.

[1] Речь идет о собственно зубре – европейском бизоне (Bison bonasus), которого в настоящее время уже не существует в чистом виде. Современный зубр, обитающий в заповедниках, в действительности является гибридом американского и европейского бизонов. Вообще "зубр" – это известное с XIV в. русское название бизона. В близком звучании это слово известно и в других восточнославянских языках (украинском, польском, чешском и др.). В романо-германских языках Европы ему соответствует "bison" (лат., фр.), "bisonte" (исп.), "wisent" (нем.).

Рис. 6. Изображение бизона в палеолитической наскальной живописи. Пещера Альтамира. По: Breuil, 1974.

Возможно, рассмотрение того, что изображает скульптура – бизона или зубра – достаточно схоластично. Все-таки в данном случае более уместно сравнение не с современными представителями рода бизонов, а их ископаемыми сородичами, которых наблюдал первобытный художник. Известное нам самое раннее графическое изображение зубра относится к XVI в. (Герберштейн, 1988. С. 193). Это гравюра, выполненная с натуры в королевской пуще в Мазовии по просьбе Сигизмунда Герберштейна для его книги "Записки о Московии" издания 1556 г. По внешнему впечатлению изображенный на гравюре зверь похож на американского бизона больше, чем на современного зубра (рис. 5). То же самое можно сказать об изображениях зубра в палеолитическом наскальном искусстве Европы (рис. 6).

Если судить о древних зубрах Европы по костным остаткам, то как указывают исследователи, есть заметные отличия между ними и их современными потомками. Так, по мнению Н.М. Ермоловой, изучавшей кости бизона из стоянки Кокорево 1 на Енисее, ископаемый зубр был значительно крупнее современного (Абрамова, Гречкина, 1985. С. 44, 45). С другой стороны, не столь единообразны и современные представители бизонов и зубров (рис. 7). По современной систематике и американский бизон (Bison bison), и бизон европейский, или зубр (Bison bonasus), сами разделяются на подвиды. Первый представлен разновидностями, характерными для прерий (Bison bison bison) и горно-лесных пространств (Bison bison athabaskae), а второй – беловежским или литовским (Bison bonasus bonasus Linnaeus), кавказским (Bison bonasus caucasicus Satunin) и трансильванско-карпатским (Bison bonasus hungarorum Kretzoi) подвидами. Впрочем, некоторые исследователи различия на уровне подвидов считают не столь значимыми.

Ископаемый бизон в существующей систематике определяется как единый вид Bison priscus с двумя подвидами – Bison priscus occidentalis (был распространен в позднем плейстоцене на территории Сибири, Аляски и Канады) и Bison priscus mediator (территория обитания в позднем плейстоцене – Европа, Западная Азия). На основании изучения фаунистических остатков и с учетом изображений палеолитического наскального искусства биологи делают уверенное заключение о том, что "поздне-

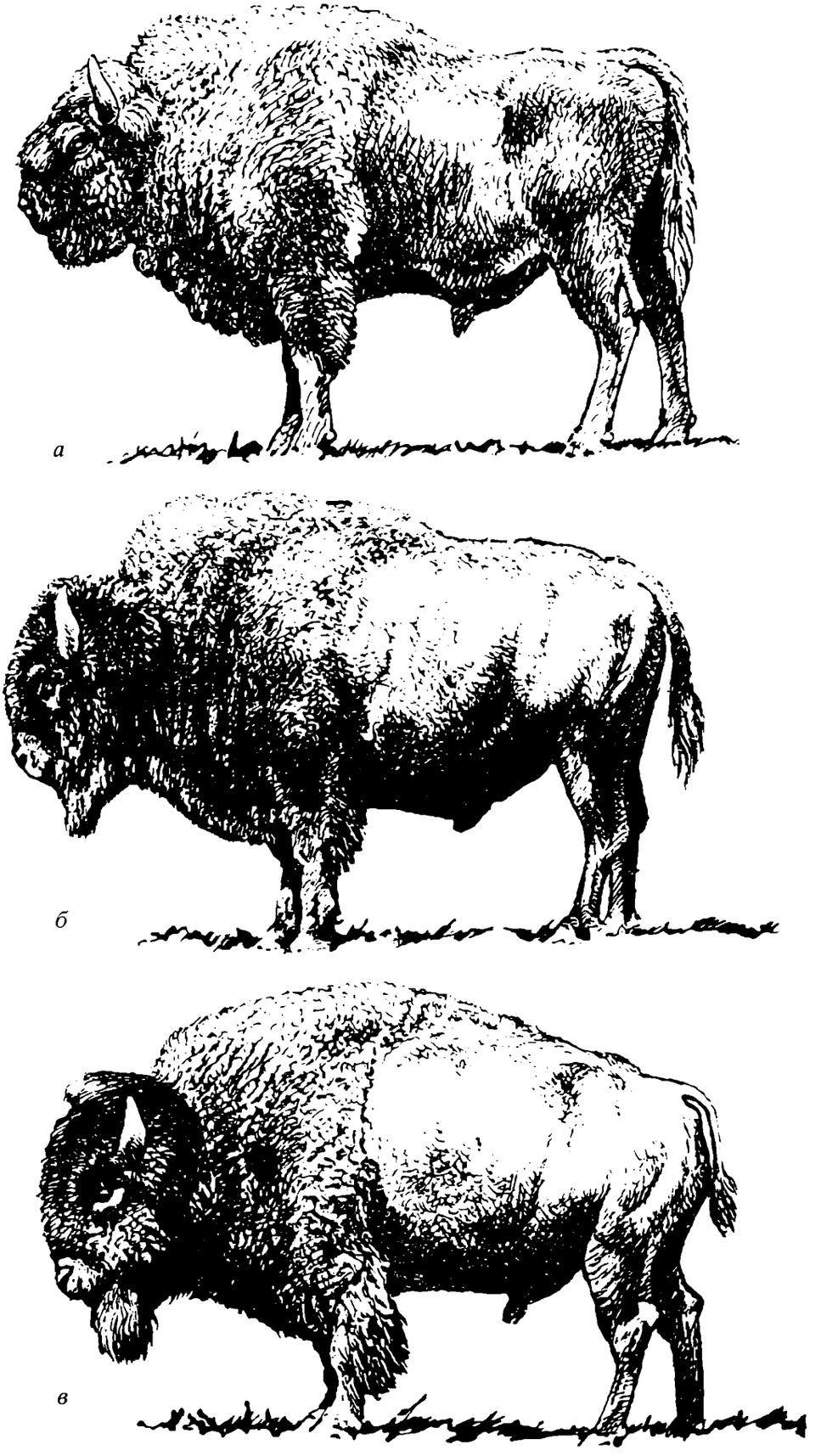

Рис. 7. Основные морфоэкологические типы современных представителей вида Bison: *а* – bison bison bonasus; *б* – bison bison athabaskae; *в* – bison bison bison. По: Зубр..., 1979.

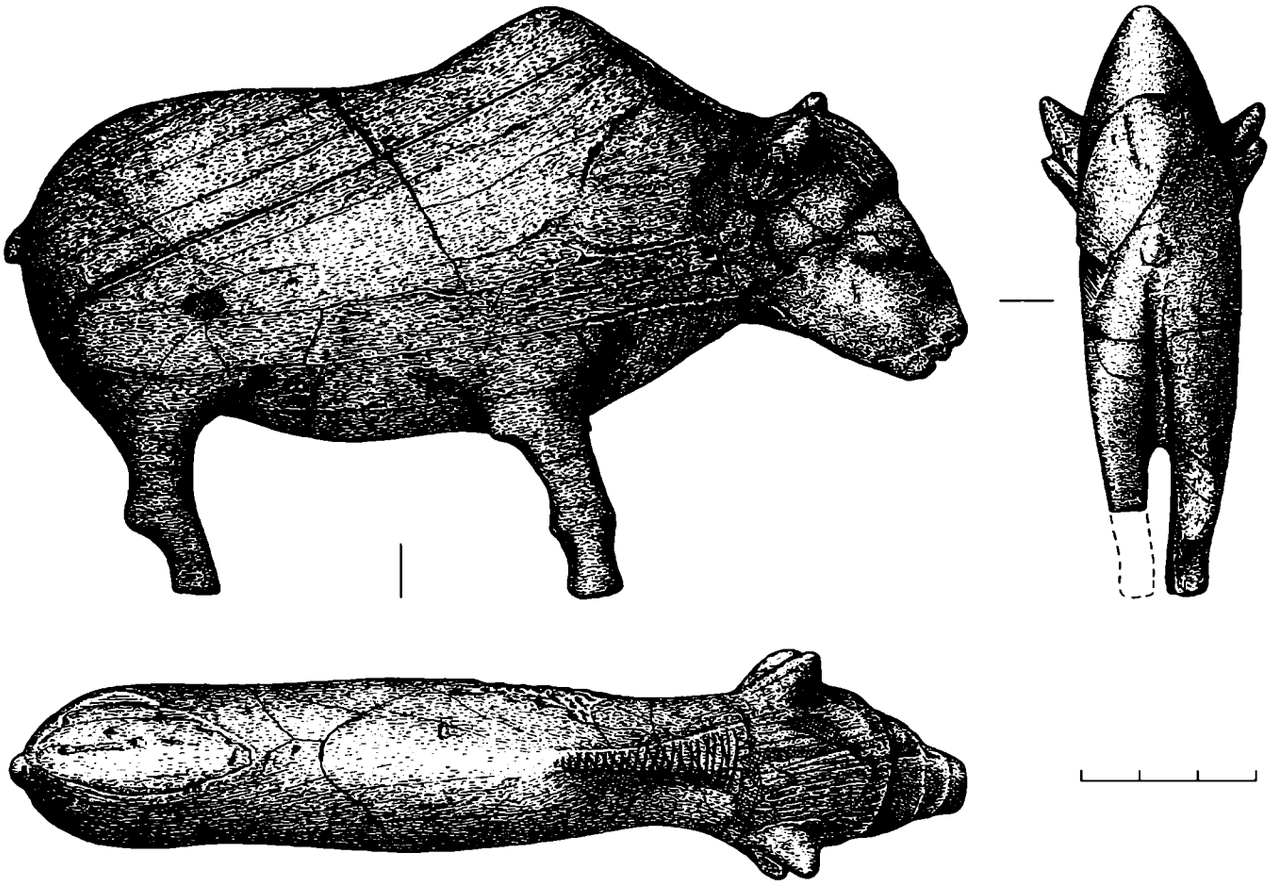

Рис. 8. Зарайская стоянка. Статуэтка бизона из бивня мамонта, вид: справа, сверху, сзади (Рис. А.Е. Кравцова).

плейстоценовые бизоны Европы (Bison priscus mediator) были очень близки к одновременным бизонам Восточной Сибири и Северной Америки" (Зубр..., 1979. С. 74). Таким образом, говоря формально, зарайская скульптурка изображает бизона вида Bison priscus и лишний раз подтверждает приведенное заключение о близости ископаемых бизонов Европы и Америки. Наиболее показательным в этом смысле является отражение в данной статуэтке характерных экстерьерных признаков древнего американского бизона (Bison priscus occidentalis). Они описываются следующим образом: "Горб очень велик, самая высокая его точка находилась посередине, линия спины сильно прогнута позади горба... Крестец высокий, задние конечности длинные, поэтому спина не имеет пологого спуска назад к хвосту" (Зубр..., 1979. С. 77).

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Выполненная в рамках искусства малых форм, зарайская статуэтка формально реализует в себе суть и идею произведений обычной скульптуры (рис. 8, 9). Это настоящая круглая скульптура, предназначенная для осмотра ее со всех сторон. В завершенном виде фигурка имеет следующие размеры: длина – 16.4 см; высота – 10.4 см; максимальная толщина (в средней части живота) – 3 см. Пропорции тела зверя переданы здесь предельно реалистично. Соотношение высоты (в крупе) к длине туловища составляет 1.6 : 1. Это идеально совпадает с пропорциями тела взрослой особи бизона. Передняя часть туловища выглядит более массивной, чем задняя .

Голова поставлена низко. Она массивная и короткая. Рога расходящиеся, короткие и толстые. Концы рогов не загибаются, что в реальности характерно для молодых особей бизона. Грива передана в виде невысокого валика, гравированного частыми поперечными нарезками, перечеркнутыми короткими косыми линиями. В результате получается орнамент в виде "косого креста" (рис. 8). Начинается грива от затылочной части и заканчивается чуть ниже вершины горба. В верхней, зауженной, части крестообразный характер орнамента более регулярный. Здесь он воспроизводится двумя косыми перекрещивающимися резными линиями. Подобный орнаментальный мотив характерен для предметов искусства из памятников костенковской культуры. В Зарайске он был встречен ранее на рукояти колотушки (фрагмент бивня с орнаментом на концевой части).

Жировой горб изображен акцентированно. Он показан как продолжение загривка и достаточно резко возвышается над спиной. Сгорбленная

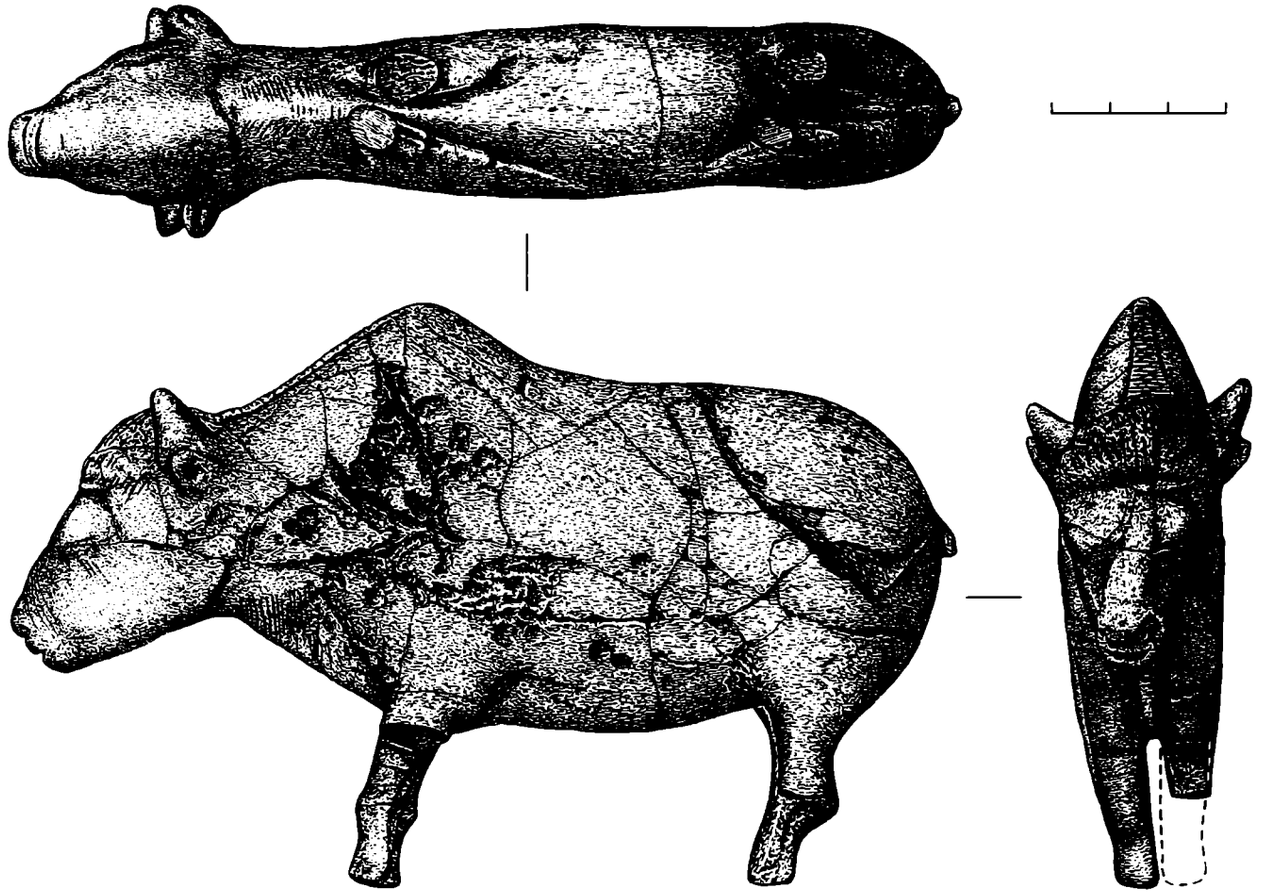

Рис. 9. Зарайская стоянка. Статуэтка бизона из бивня мамонта, вид: слева, снизу, спереди.

часть занимает не более трети длины спины. Наиболее высокая точка приходится на центральную часть горба. За счет ограниченности участка, занятого горбом, круп не выглядит сколько-нибудь заметно срезанным к задней части. Непосредственно за горбом линия спины имеет незначительный прогиб. Хвост показан обобщенно в виде небольшого (0.5 см) округленного и направленного вниз выступа.

Волосяной покров не показан, за исключением челки и участков бороды в нижней части шеи. Волосы передаются здесь гравированными линиями, тонкими, регулярными и параллельными друг другу.

Одной из выразительных особенностей скульптуры является наличие у нее четырех раздельных, а не двух "сросшихся" и тумбообразных ног. Статуэтка могла стоять на ногах, но не очень устойчиво, поскольку расстояние между ногами не слишком велико.

Вырезаны ноги с соблюдением пропорций и особенностей их строения. Подчеркнуты резкие выступы пяточных костей, а также место сочленения локтевой и плечевой костей передней ноги. Очень тонко отделано место соединения ног с туловищем. Здесь нет ничего от обобщения или схематизма. Проработка детализирована до передачи рельефа мышц. Этого не скажешь об изображении окончания ног – не видно даже попытки показать раздвоенность копыт.

На первый взгляд несколько недоработанным выглядит участок в конце живота у основания задних ног. Здесь плавная линия живота переходит в небольшую выпуклость, занимающую все пространство между ногами. Палеозоолог Е.Н. Мащенко полагает, что таким образом показано вымя. Основываясь на этом, и особенно на характере рогов, исследователь определяет пол изображенного животного как самку. У авторов нет оснований оспаривать это заключение.

Рассматриваемое произведение показывает бизона статично и даже как бы в застывшем виде. Не видно усилия показать какое бы то ни было проявление экспрессии, или выражение специфичных свойств, характерных для природы этого могучего зверя. Если рассматривать данное произведение вне его археологического контекста и без учета его предназначения, то может сложиться впечатление даже об отсутствии в нем особой художественной образности. При таком отстраненном взгляде у зрителя почти не возникает эстетических эмоций, отражающих отвлеченные ассоциации, связанные с изображаемым объектом. Складывается впечатление, что все усилия художника подчинены лишь передаче максимального внешнего сходства произ-

ведения с изображаемым объектом. Соответственно и эмоциональное восприятие ограничивается восхищением мастерством художника и отчасти – большой выразительностью моделировки некоторых деталей.

Однако на этот предмет можно посмотреть и с другой стороны. Во-первых, в том, что изображается не абстрактный бизон, а именно самка, причем молодая, можно усматривать авторское предпочтение. Во-вторых, эта фигурка изготавливалась, о чем будет говориться ниже, для использования в конкретном магическом ритуале, связанном с овладением желанной охотничьей добычей. И с этой точки зрения изображение в качестве "заместителя" реального объекта не могучего и опасного на охоте самца бизона, а менее защищенной, но достаточно крупной и при этом молодой самки выглядит вполне рациональным выбором. Вполне вероятно, что воплощением этого выбора и является художественная форма или образ данного изображения. В самом деле, странно было бы наделять охотничий объект, который предполагается магическими действиями поразить, обездвижить и затем убить, такими чертами, как физическая мощь, агрессия, защищенность и недоступность. Таким образом, здесь можно усматривать осознанное стремление избежать придания изображению признаков доминирования. А поскольку доминантность у любого древнего общества ассоциируется с мужским полом, то объясним и выбор мастера в пользу изображения именно самки. Сказанное выше относится к рациональной и психологической сторонам данного конкретного акта художественного творчества. У предпочтения, о котором идет речь, существует, по-видимому, и религиозная подоснова. Религиозное отношение людей к ритуальным погребениям, жертвоприношениям и другим подобным актам никогда не было индифферентным с точки зрения выбора объекта, вокруг которого эти обряды осуществлялись. Если в качестве такого объекта выступал человек или животное, то не на последнем месте оказывались такие признаки, как возраст и пол.

Религиозно-магическая основа предпочтения, о котором идет речь, по-видимому, заключается в наличии стойкой связи представлений древних о восполнении и умножении рода с женским началом. Причем это касается рода животных так же, как и человеческого рода, и представления эти распространяются и на потусторонний мир, который в восприятии первобытного человека существует нераздельно с миром реальным или, во всяком случае, не является непроницаемым.

Итак, только на первый взгляд кажется, что в устремлении древнего мастера к точности изображения отсутствует образное обобщение. Только при отстраненном восприятии и беглом анализе может сложиться впечатление о наличии здесь лишь одного содержания изображения и отсутствии особого смысла, которому подчинена данная конкретная скульптура. Смысл этот в действительности существует, и признаки, его раскрывающие, особенно явственно выступают в тех характеристиках предмета, которые носят внехудожественный характер. Они выражены в проявлениях, связанных не с изготовлением, а с использованием предмета, и отражают производившиеся с ним манипуляции (нанесение повреждений на левую сторону груди (рис. 9), поломка двух ног, покраска красной охрой правой стороны груди). Указанные действия, направленные по существу на уничтожение данного предмета, предполагались еще до завершения скульптуры и, тем не менее, это ни в малейшей степени не отразилось на стремлении мастера к приданию своему изделию максимально возможного совершенства. Символический, знаковый смысл внешне не подчиняет себе художественную форму произведения и не подчеркивается каким-нибудь специальным образом. Это свидетельствует, в частности, о том, что эстетическая составляющая имеет здесь относительно самостоятельное значение. В художественном восприятии данного коллектива, как в этом, так, по-видимому, и других случаях, она проявлялась без обязательного переплетения с символической стороной произведения искусства.

Как уже отмечалось, технические возможности резчика, изготовившего скульптурку, были обширными и мастерства его было вполне достаточно для того, чтобы реализовать изображаемый образ не в какой-то одной заданной художественной форме. Если здесь и были ограничения, то они могли проявляться только в стремлении соответствовать традиционному изобразительному канону. Но независимо от того, следовал художник этому канону или нет, в качестве критериев успешности своей работы, судя по рассматриваемому произведению, он избрал "похожесть" и "красивость" (впрочем, два этих признака в данном случае не могли рассматриваться раздельно). Учитывая символическое, а точнее, ритуально-магическое назначение статуэтки, это вряд ли можно рассматривать как случайность. С точки зрения участников обряда, успех ритуальных действий будет тем более результативным, чем больше сходства между реальным объектом, на которое направлены эти действия, и используемым в обряде его "заместителем". Сходство при этом, разумеется, означает предельную конкретность изображения, так как магический ритуал связан с объектами и явлениями, воспринимаемыми в их непосредственном виде. Даже в тех случаях, когда эти действия направлены на погодные явления или ирреальные зловредные силы, участниками ритуала имеются в виду данная погода или данные проявления злых духов в конкретном месте и в связи с конкретными интересами людей, участвующих в обряде. Бизон, воспроизводимый зарайской статуэткой, с этой точки зрения является не воплощением

отвлеченного художественного образа, а репликой вполне конкретного (но не индивидуального) зверя, с которым в определенный момент связаны жизненные интересы определенного коллектива людей. Таким образом, художественная форма и эстетическая норма, отразившиеся в зарайской статуэтке, в решающей степени обусловлены особенностями реальной хозяйственной практики древних обитателей стоянки. Что касается отражения в фигурке знакового, символического значения, то это было осуществлено не в *абстрактном*, а предельно конкретизированном виде. Первый из этих двух подходов, скорее всего, предполагал бы схематизацию изображения. Здесь же мы имеем *конкретно-знаковое* воплощение магического символа.

СМЫСЛ И НАЗНАЧЕНИЕ СТАТУЭТКИ

В ходе изучения памятников палеолитического искусства выработано два подхода к установлению смысла и назначения изобразительных объектов. Первый, его можно назвать палеоэтнологическим, основан на "разгадывании" содержания изображений и последующих интерпретациях с опорой на этнографические параллели. Второй, собственно археологический, опирается преимущественно на изучение контекста находки, отводя этнографическим данным второстепенное значение.

Образцом, как представляется, успешного применения первого из указанных подходов является объяснение содержания барельефных изображений из ориньякского памятника Лоссель, осуществленное С.Н. Замятниным. Уместно будет привести его здесь. "На трех отдельных плитах известняка было вырезано три изолированных женских изображения, причем каждая фигура держала в одной поднятой руке рог бизона. Плиты были поставлены полукругом, причем одна, средняя фигура, имела голову, обращенную в фас, а две другие, в профиль, обращенные к средней, – одна направо, а другая налево. Перед этими плитами была поставлена плита с изображением охотника, мечущего дротик, а перед охотником – также поставленная на ребро плита с изображением оленьей самки. Около последней была насыпана красная охра, указывающая, что дротик, брошенный охотником, успешно попал в цель и поразил олениху, которая истекает кровью" (Замятнин, 1961. С. 58). В этом описании, сделанном не без определенной доли обобщения, ключевыми являются три основных элемента: поражение зверя, истекание кровью и обрядовое сопровождение осуществляемого действия. В сочетании друг с другом, а чаще по отдельности, эти элементы выступают смысловой основой сюжета сколько-нибудь сложных изобразительных композиций на протяжении всего верхнего палеолита.

Подобные вышеуказанному сложно организованные объекты в первобытном искусстве встречаются нечасто. Сталкиваясь с мелкой пластикой, исследователь в каждом отдельном случае имеет дело, как правило, с единичными предметами. В данном случае контекст находки может дать больше для раскрытия смысла произведения искусства, чем внешние характеристики самого предмета. Если говорить в этой связи о зарайской стоянке, то здесь статуэтка включена в контекст экстраординарный по яркости, смысловой насыщенности и структурной организации. При этом весьма важно, что он документирован с предельной детальностью.

Подробное описание условий и места обнаружения, тафономии, а также внешних характеристик статуэтки выше уже приводилось. Обобщение всех этих данных не оставляет сомнений в том, что основным назначением фигурки было ее использование в религиозно-магических целях, а археологический контекст, в который она включена, является материализованным выражением какого-то отрезка охотничьего ритуального обряда. Последовательность действий, отразившаяся в указанных археологических остатках, предстает следующим образом. В момент включения статуэтки в обрядовое действие, которое, по-видимому, наступило спустя не слишком много времени после ее изготовления, у статуэтки были обломаны две ноги и на левую сторону груди несколькими сильными ударами нанесены повреждения, символизирующие раны. С противоположной стороны на область груди была нанесена красная минеральная краска (охра), которая, как нетрудно предположить, имитировала вытекающую кровь. После этого фигурку, изображающую убитого и истекшего кровью бизона, весьма заботливо уложили в боковую нишу, устроенную в придонной части подготовленной для этого заранее глубокой ямы. Причем уложили не на дно, а на сооруженное специально небольшое возвышение. Символическая церемония погребения статуэтки, а по смыслу – бизона, была завершена засыпкой ямы землей доверху.

Этнографически зафиксированные религиозные обряды североамериканских охотников на бизонов отличаются разнообразием внешнего выражения и достаточной сложностью своей рефлексивной и психологической подосновы. Они не ограничиваются отдельными и какими то разовыми действиями, а представляют собой систему, в которую включаются охотники и другие члены общины, предметы, имитирующие или заменяющие объект охоты, т.е. своего рода обрядовый инвентарь, и растянутые во времени коллективные действия, связанные с подготовкой к охоте, ее проведением и "выхождением" из охоты. Каждая из указанных составляющих имеет свой особый смысл. Начальные действия магического характера направлены на "приманивание" зверя на доступное расстояние или "принуждение" его появиться в месте охоты. Второй этап обряда призван обеспе-

чить поражение животного. Наконец, третий связан с выходом из успешной охоты так, чтобы избегнуть мести или наказания со стороны обобщенно-абстрактного родового духа убитого зверя.

По своей форме указанные действия представляют собой одновременно "изобразительно-знаменательное, или символическое, значение, являясь драматическим выражением религиозной мысли, или пантомимным языком религии" (Тайлор, 1989. С. 458) и средство общения с духами. То есть, они сочетают вместе догмат (вера в духов) и часть обрядовых действий (поклонение, умилостивление). Анимистическая окрашенность веры при этом имеет более конкретное, тотемистическое выражение, поскольку поклонение относится к конкретному духу определенного родового зверя.

С точки зрения обрядовой стороны живописно одно из описаний приготовлений индейцев к охоте на бизонов в форме ритуального танца. "Приблизительно 5 или 15 манданов сразу принимают участие в пляске. У каждого из них на голове шкура, снятая с головы бизона (или изображающая ее маска) с рогами. В руке туземец держит лук или копье, орудие, которым он обычно пользуется в охоте на бизонов... Танец продолжается без перерыва до тех пор, пока не появляются бизоны: иногда танец затягивается на две или три недели, не прекращаясь ни на минуту... Танец изображает охоту, ловят и убивают бизона... Когда один из туземцев устает, он дает об этом знать другим, наклоняясь телом вперед и делая вид, что он падает; тогда другой туземец выпускает в него из лука стрелу с притупленным кончиком. Первый падает как бизон, присутствующие вытаскивают его из круга за пятки, размахивая над ним ножами и жестами изображая обдирание и свежевание бизона. Затем его отпускают, а место в кругу занимает сейчас же другой, который, наряженный в маску бизона, также вступает в танец... Так продолжается до тех пор, пока не появляются бизоны" (Цит. по: Леви-Брюль, 1999. С. 179).

Разумеется, мы не можем восстановить в желаемой полноте обряд охотничьей магии, практиковавшийся на Зарайской стоянке. Однако, можно говорить о сходстве его сути и структуры с аналогичными ритуалами у охотников на бизона исторического времени. В этом смысле захоронение фигурки бизона на стоянке можно отнести к заключительному этапу религиозно-магического обряда. Этот этап должен быть подчинен ниспрашиванию доброго расположения к охотникам и их родичам у духа-прародителя бизона, "который (по представлениям североамериканских индейцев начала XVII века – *Х.А.*) служит началом и корнем всех других особей..." и "...одушевляет всех животных этого вида" (Тайлор, 1989. С. 388).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фигурка бизона из Зарайской стоянки уникальна, в частности, тем, что является древнейшим на сегодняшний день образцом натуралистического стиля в искусстве малых форм.

Зарайская статуэтка предоставляет редкие для палеолита по своей доказательности данные для реконструкции религиозно-обрядовой стороны жизни обитателей конкретного поселения. Она не предназначалась для повседневного использования, а служила очень недолго и, судя по всему, использовалась один-единственный раз. Фигурка была изначально изготовлена для применения в религиозно-магическом ритуале, направленном на облегчение овладения охотничьей добычей.

На основании имеющихся данных можно уверенно говорить о существовании у древних обитателей стоянки религиозных обрядов, связанных с охотой на бизона. Этот обряд предполагал, в частности, манипуляции, связанные с имитацией поражения, забоя бизона и одновременно с этим действия, выражающие умилостивительное отношение к нему. В случае с рассматриваемой фигуркой последнее выразилось в ритуальном погребении скульптурного изображения зверя. В этом контексте сам факт погребения указывает на наличие сложных мифологических представлений. Частью их должна являться вера в продолжение жизни погребенного (в данном случае бизона, замещаемого его скульптурным изображением) в "ином мире" и в ином виде, а также сохранение связи между ним и живыми (по-видимому, не только с людьми, но и бизонами). В основе подобных действий и представлений в первобытном мышлении всегда стоит понятие родства и рода. Следовательно, нельзя исключить того, что за умилостивительным отношением к изображаемому фигуркой животному стоит не просто аморфный анимализм или зоолатрия вообще (в данном случае – культ бизона), а вполне конкретные верования тотемистического характера, существование которых невозможно вне общинной организации, основанной на принципе кровного родства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А., Гречкина Т.Ю. Об охоте и охотничьем вооружении в позднем палеолите Восточной Сибири // КСИА. 1985. Вып. 181.

Амирханов Х.А. Зарайская стоянка. М., 2000.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Замятнин С.Н. Очерки по палеолиту. Л., 1961.

Зубр: морфология, систематика, эволюция, экология. М., 1979.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999.

Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.

Трусов А.В. Культурный слой Зарайской верхнепалеолитической стоянки // Древности Оки. Тр. ГИМ. 1994. Вып. 88.

Breuil H. Quatre cents siècles d'art pariétal. Paris, 1974.

The Statuette of Bison from the Zaraisk Camp Site: Archaeological and Semantic Aspects of Study

H. A. Amirkhanov, S. Yu. Lev

Summary

In the paper the figurine of bison manufactured of mammoth tusk is considered. The statuette undoubtedly represents a masterpiece of the Palaeolithic sculpture. It was discovered in 2001 in the cultural deposits of the Zaraisk camp site. The statuette dates from around 22 000 BP and constitutes at present the earliest piece of naturalistic style in figurative art. The statuette was initially designed to be employed in the religious and magic rite aimed at successful capture of hunter's prey. Finally it was ritually buried. This is interpreted as the evidence of various magic ceremonies practised by the inhabitants of the Palaeolithic site that ensued from their beliefs and related rites, basically determined by totemism. Thus it is evident that the Palaeolithic man had worked out in his world-view rather a complicated system of mythological ideas.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 29–43

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ В III–V вв.

© 2003 г. А. М. Обломский*, Р. В. Терпиловский**

* Институт археологии РАН, Москва
** Институт археологии НАН Украины, Киев

Данная статья представляет собой краткое изложение основных выводов авторов по вопросам реконструкции этнических процессов на территории Днепровского лесостепного Левобережья в позднеримское и гуннское время. Основная аргументация этих положений приведена в ряде специальных статей, посвященных частным проблемам. Авторами также опубликованы результаты своих многолетних полевых исследований памятников III–V вв. в этом регионе. По мере необходимости мы будем давать ссылки на соответствующие издания.

Исторические границы Днепровского лесостепного Левобережья в середине III – первой половине V в. несколько шире географических. На востоке эта область охватывает бассейн Северского Донца (включая долину Оскола), на севере – деснинско-сейминское Полесье (рис. 1), потому что ареалы некоторых культур, чьи памятники известны в лесостепном Поднепровье, распространяются и за его пределы (черняховской, деснинского и сейминско-донецкого варианта киевской). Среднее Поднепровье (лесостепная часть долины Днепра, водораздел Днепра и Южного Буга) и Верхнее Подонье в середине III – первой половине V в. видимо, представляли собой особые историко-культурные области (Обломский, 1999а).

В начале III в. на территории Днепровского лесостепного Левобережья доминировало население киевской культуры. Наиболее ранние памятники двух ее левобережных группировок – так называемых деснинского и сейминско-донецкого вариантов (Гребля, Попово-Лежачи-4, Хотылево, Шишино-5, Шмырево, Приоскольское-2 и др.), относятся к этому времени (Обломский, 1991. С. 10–25, 47–62; 1992; Терпиловский, Абашина, 1992. С. 81–86; Обломский, Терпиловский, 1998. С. 84–88). В степной части Днепровского Левобережья исследованы сарматские погребения (Костенко, 1979).

Исторический процесс на территории Днепровского Левобережья в середине III–V в. прошел три стадии. На первой (середина III – вторая половина IV в. – верхняя дата этого периода условна) носители черняховской культуры проникают в области, лежащие к востоку от Днепра и вступают во взаимодействие с местными племенами киевской культуры. В IV в. Днепровское Левобережье делится на три этнокультурных зоны. Центральную и западную лесостепную часть его занимают черняховские памятники, Деснинское и Сейминское Полесье – деснинский вариант киевской культуры, лесостепные области востока Днепровского Левобережья и водораздел Днепра и Дона – киевские поселения сейминско-донецкого круга (рис. 1).

В начале второй стадии (в последней четверти IV в.) происходит нарушение сложившегося равновесия. На всей территории лесостепи Днепровского Левобережья и Подонья наблюдается перемещение различных групп населения киевской культуры. Параллельно происходит продвижение в южную часть черняховского ареала степных позднесарматских по происхождению группировок. Где-то в начале V в., вероятно, в первой его трети, большая часть черняховского населения уходит с Днепровского Левобережья.

На следующем этапе, который начинается во второй четверти – середине V в., происходит формирование новой этнополитической системы, существовавшей затем на протяжении всего раннего средневековья и разрушающейся лишь в конце VII в. В ее состав включается население трех новых археологических культур: северной (для Днепровского Левобережья) колочинской, более южной пеньковской и слабее всего изученной "культуры раннесредневековых ингумаций". Ниже пойдет речь о некоторых деталях этнических процессов на двух первых из выделенных выше исторических стадий.

ПЕРВАЯ СТАДИЯ (СЕРЕДИНА III – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА IV в., ЧЕРНЯХОВСКИЙ ПЕРИОД)

Первую из выделенных стадий можно с полным правом назвать "черняховской". Население этой археологической общности во второй половине III – конце IV в. доминировало в регионе, а племена киевской культуры в той или иной степени испытали его воздействие. Ключевыми вопросами истории этого периода являются проблемы этнического состава черняховского населения, времени и характера распространения черняховской культуры на восток, формы контактов черняховских и киевских племен и, в конечном итоге, выде-

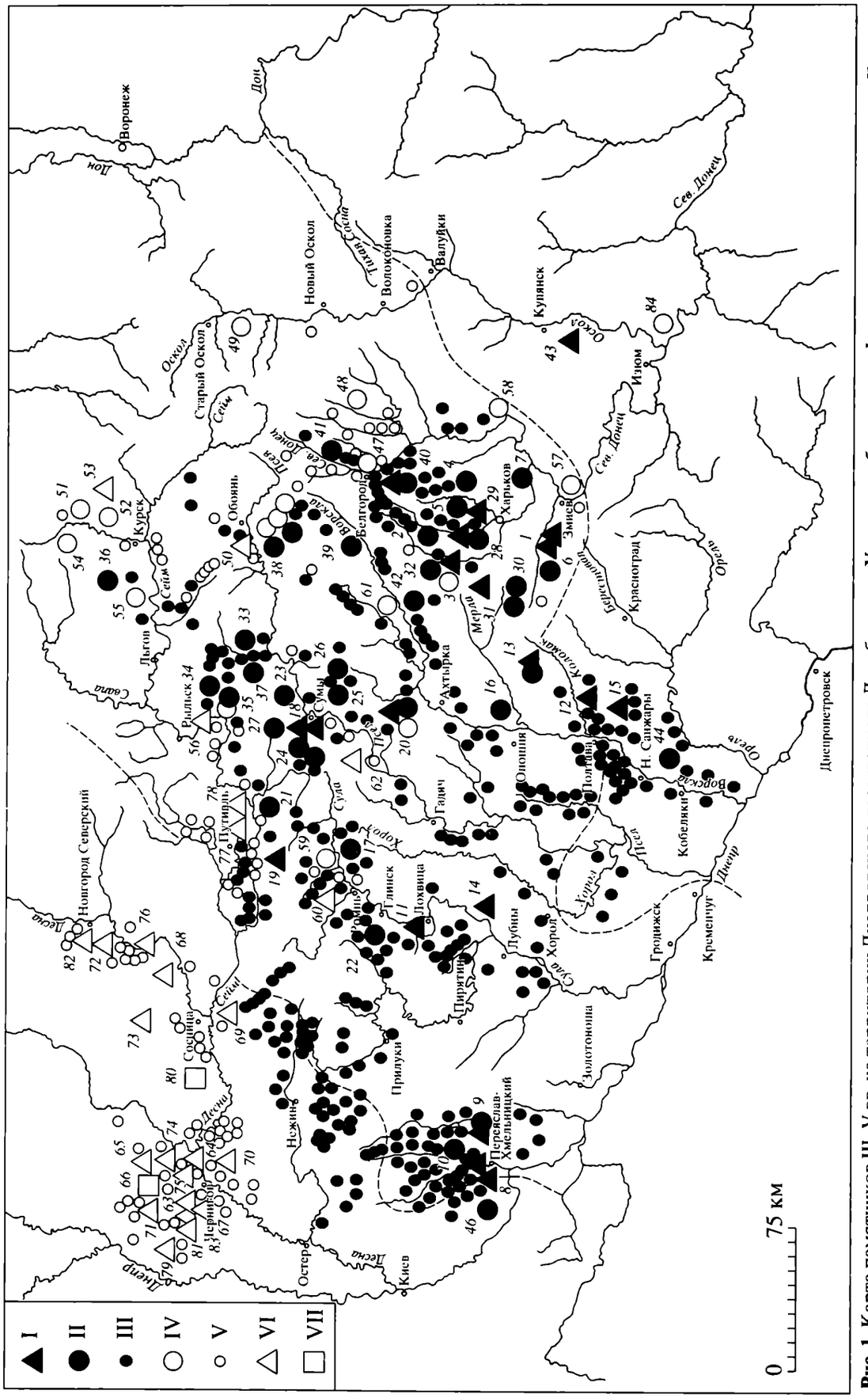

Рис. 1. Карта памятников III–V вв. на территории Днепровского лесостепного Левобережья. Условные обозначения: I – черняховские могильники; II – черняховские поселения, исследованные раскопками; III – черняховские поселения, известные по разведкам; IV – поселения сейминско-донецкого варианта киевской культуры, исследованные раскопками; V – поселения киевской культуры, известные по разведкам; VI – поселения деснинского варианта киевской культуры, исследованные раскопками; VII – поселения типа Абидни к югу от Верхнего Поднепровья. *1* – Соколово; *2* – Куликн; *3* – Родной Край-1, 2, 3; *4* – Муром-6; *5* – Муром-7; *6* – Колесники; *7* – Новая Покровка; *8* – Переяслав-Хмельницкий-1, 2; *9* – Соснова; *10* – Хлопков-1; *11* – Лохвица; *12* – Новоселовка; *13* – Кантемировка; *14* – Вовчик; *15* – Писаревка; *16* – Мамрои-2; *17* – Коровинцы; *18* – Сумы и Сумы (Сад); *19* – Успенка; *20* – Боромля-1, 2; *21* – Белополье; *22* – Артюховка; *23* – Песчаное Сумской обл.; *24* – Косовщина-1, 2; *25* – Великий Бобрик; *26* – Краснополье-1; *27* – Кровное; *28* – Пересечное; *29* – Большая Даниловка; *30* – Войтенки-1, 2; *31* – Павлоковка; *32* – Викнсно; *33* – Казачья Локня (Замощанская дюна); *34* – Снагость-2; *35* – 10-ый Октябрь; *36* – Колосовка; *37* – Новоселовка; *38* – Гочево-1, 3, 4; *39* – Вознесенский; *40* – Головино-1; *41* – Хохлово-2; *42* – Головчино (Лысая гора); *43* – Воронцовка; *44* – Чорбовка (Прогресс); *45* – Моспинская; *46* – Ерковцы; *47* – Шишино-1; *48* – Цепляево Второе; *49* – Дачное-2; *50* – Песчаное Белгородской обл.; *51* – Тазово; *52* – Букреевка-2; *53* – Каменево-2; *54* – Воробьевка-2, 55 – Авдеево; *56* – Комаровка-2; *57* – Занки; *58* – Новодоновка-2; *59* – Большие Будки (Хутор); *60* – Беседовка; *61* – Пожня-1; *62* – Курган-Азак; *63* – Александровка; *64* – Березанка; *65* – Верхнестриженское-2; *66* – Верхнестриженское-3; *67* – Деснянка; *68* – Вишенки; *69* – Долинское; *70* – Выбли; *71* – Роище; *72* – Лавриков Лес; *73* – Киреевка-1, 2; *74* – Клочков; *75* – Киселевка-1, 2; *76* – Мезин; *77* – Пересыпки-1; *78* – Чаплищи-3; *79* – Малый Листвен; *80* – Мена-5; *81* – Ульяновка; *82* – Форостовичи; *83* – Выгоры-2; *84* – Богородичное.

ление факторов, приведших к сложению такого феномена, как черняховская культура.

Что же представляет собой черняховская культура Днепровского Левобережья в этническом аспекте? Учитывая, что на материальную культуру большинства черняховских памятников нивелирующее влияние оказывали близкие для всех регионов этой общности традиции ремесла, костюма и некоторых погребальных ритуалов, этническая структура населения может быть прослежена лишь по отдельным реликтам археологических культур, носители которых были включены в состав нового образования. Этими реликтами являются лепная керамика и некоторые детали погребальной обрядности. Специальное исследование показало, что в основе формирования черняховской общности Левобережья лежат традиции как минимум трех этнических групп: германской (вельбарской), раннеславянской (киевской) и скифо-сарматской[1]. Эталонным черняховским поселением с лепной керамикой вельбарского круга, где гончарная посуда составляет 69%, является Белополье, расположенное в бассейне Сейма (Некрасова, 1994. С. 3, 4). Аналогичная лепная керамика обнаружена на ряде поселений, известных по разведкам, на селище Прогресс (раскопки С.П. Юренко 1978 г.), в комплексах среднего (черняховского) горизонта поселения Боромля-2 и погребении 3 могильника Родной Край-1 под Харьковом (Петренко, 1991. Рис. 5, 10) (рис. 2).

Лепная керамика, по формам и пропорциям сосудов близкая к обнаруженной на памятниках киевской культуры, найдена на нескольких черняховских поселениях, исследованных раскопками, причем на всех этих селищах численно преобладает черняховская гончарная посуда. В бассейне Северского Донца к этому типу памятников относится поселение Головино-1, на востоке Днепровского Левобережья – Песчаное Сумской обл., Великий Бобрик и Мамрои-2, на р. Трубеж – Хлопков-1 (Обломский, 1997а. С. 69, 70; Некрасова, 1988; материалы Сумского пединститута и Археологического музея Харьковского университета) (рис. 3).

Скифо-сарматская традиция выделяется преимущественно по материалам погребального обряда. Наиболее характерными элементами "степного" ритуала на черняховских могильниках Левобережья являются ингумации, совершенные в ямах с подбоями или со специфическими уступами-заплечками, служившими в качестве опоры для перекрытий. Известны специальные подбои, устроенные для размещения инвентаря (рис. 4, *7*, *8*). "Степные" параллели имеют обряд деформации черепа, скорченное положение погребенного (как вариант – с подогнутыми ногами: рис. 4, *2*, *4*, *5*), остатки мясной напутственной пищи вместе с ножом (рис. 4, *3*, *6*) (Кухаренко, 1954; Седов, 1978. С. 102, 103; Сымонович, Кравченко, 1983. С. 22, 26, 29; Магомедов, 1987. С. 35, 36, 38, 41, 42; Гей, 1985. С. 11–13). На территории Днепровского Левобережья "наибольшая степень концентрации" деталей погребального обряда, восходящих к скифо-сарматским традициям, наблюдается на могильнике Боромля-1 (Некрасова, 1991). Кроме того, погребения с упомянутыми выше элементами ритуала известны на могильниках Переяслав-Хмельницкий, Соснова, Лохвица, Успенка, Кантемировка (грунтовый некрополь) (Гончаров, Махно, 1957; Березовец, Петров, 1960; Махно, Сикорский, 1989; Махно, 1952).

На поселениях скифо-сарматская культурная традиция выделяется "значительно менее рельефно", чем на могильниках. Специфическим элементом набора лепной посуды в этом случае являются горшки с резкими, зачастую ребристыми изнутри, переломами шеек, раструбообразными венчиками, иногда имеющими выступающие наружу бордюры. Подобная керамика встречена на поселениях Снагость, Хохлово-2, Гочево-3 и 4, Кантемировка (рис. 5) (Махно, 1952; материалы Полтавского и Белгородского краеведческих музеев, Курского музея археологии, Института истории материальной культуры РАН).

Для левобережного черняхова характерна "принципиальная этнокультурная миксация". Памятники с элементами всех трех этнических компонентов распространены по всей территории Левобережья. Какие-либо зоны, где преобладают комплексы одной из традиций, при современном состоянии изученности региона выделить невозможно. Материалы среднего горизонта поселения Боромля-2, селища Букреевка-2 и могильника Родной Край-1, поселения и могильника Головино-1 демонстрируют различные варианты синтеза этнокультурных традиций (рис. 6).

Несомненно, что именно это этническое смешение нашло проявление в разнообразии черняховских погребальных ритуалов, планировки, конструкции построек на поселениях.

Объединяют черняховское население специфические приемы ведения сельского хозяйства, в частности, высокоразвитое по меркам "варварского" мира земледелие, единая система ремесла (гончарного, костерезного, ювелирного, ткацкого и т.д.), теснейшие торговые связи с античным миром, что выражается в концентрации в пределах черняховской культуры большинства находок римских монет и вообще импортов (в первую очередь, амфор

[1] По нашему мнению, отделить элементы позднескифской культуры от сарматских на черняховских памятниках невозможно. Уже в первые века н.э. в результате так называемой сарматизации на территории Причерноморья происходит смешение позднескифских и сарматских традиций (Погребова, 1958. С. 243, 244; Вязьмитина, 1972. С. 184–187). Попытку Б.В. Магомедова выделить "чистые сарматские" погребения на черняховских могильниках мы считаем неудачной (Магомедов, 2000. С. 397–400).

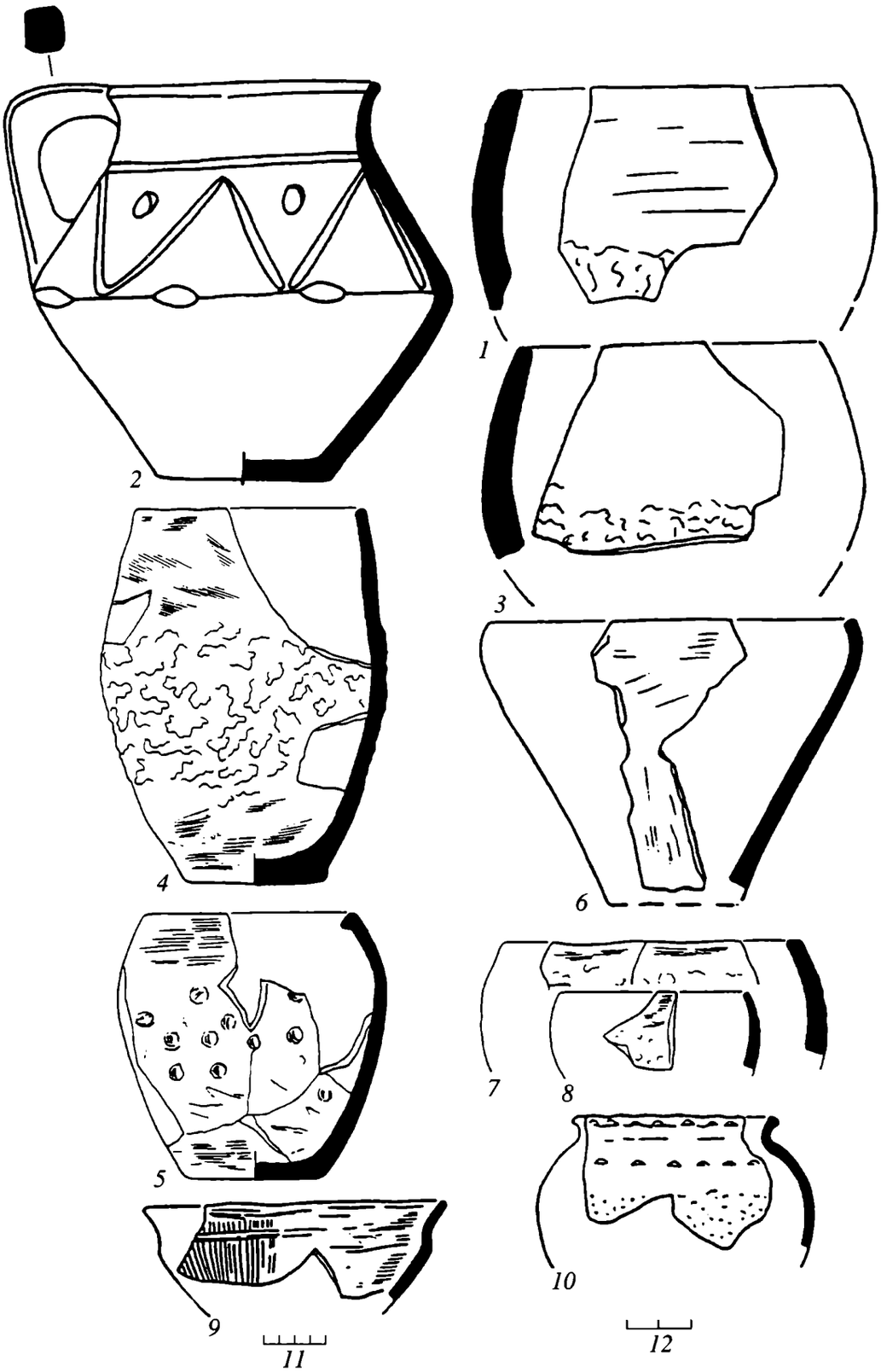

Рис. 2. Лепная керамика вельбарской традиции на черняховских памятниках: *1* – Родной Край-1, погребение 3; *2* – Званное-1; *3* – Дубовое-1; *4*, *5*, *7*, *8* – Белополье; *6*, *9*, *10* – Боромля-2, средний горизонт (рисунки А.М. Обломского и А.Н. Некрасовой); *11* – масштаб к позициям *4–10*; *12* – масштаб к позициям *1–3*.

и изделий из стекла). Обо всем этом неоднократно писали многие исследователи (Гей, Сымонович, 1993; см. там литературу). Население черняховской культуры, составляло, таким образом, единую экономическую общность.

Как известно, в первобытности существовало множество запретов, охраняющих этническую группу и препятствующих проникновению иноплеменников на ее территорию. Столь глубокая, как в черняхове, этническая миксация возможна

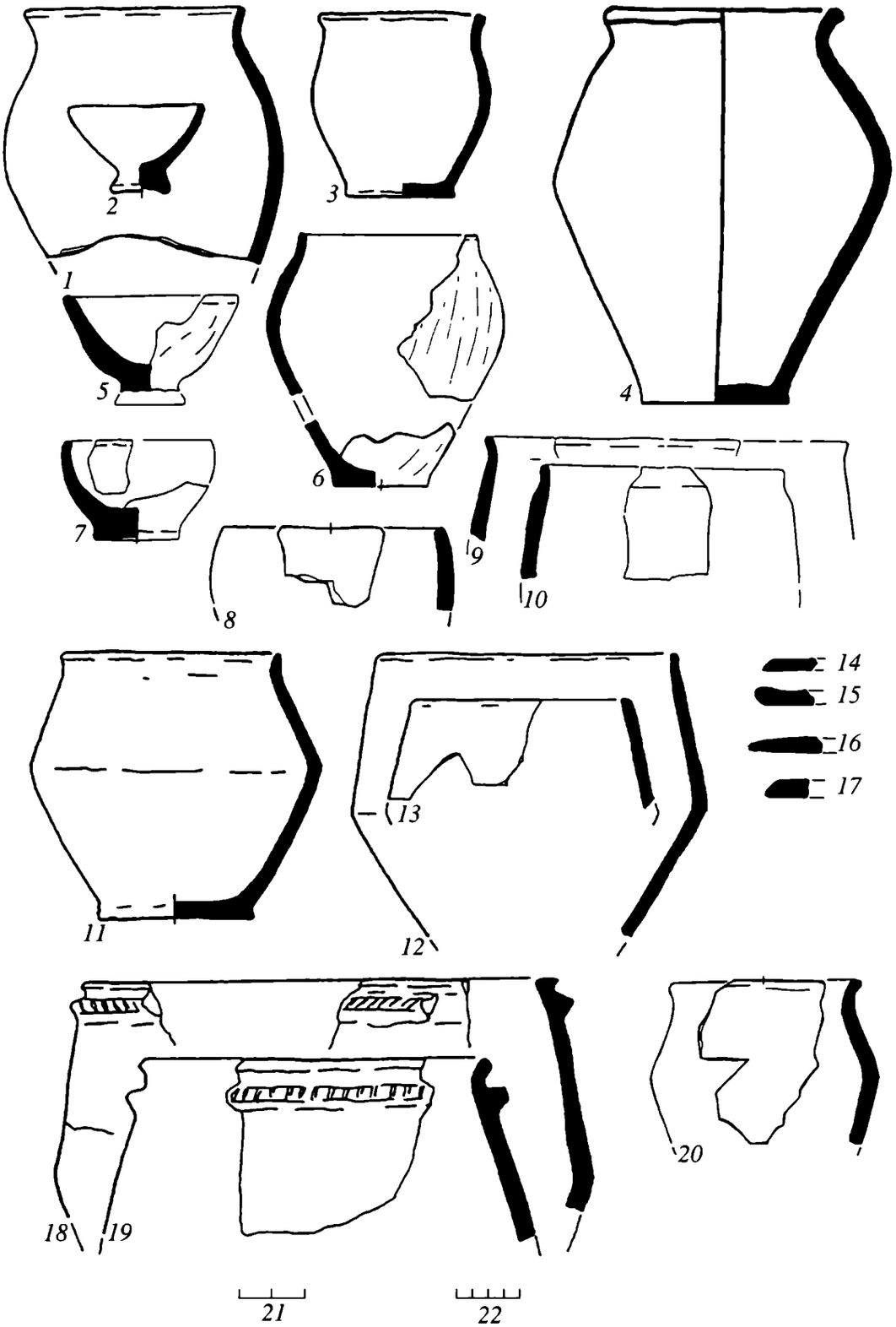

Рис. 3. Лепная керамика киевской традиции на черняховских памятниках: *1, 2, 8, 20* – Мамрои-2; *3, 11–13, 18, 19* – Хлопков-1; *4* – Родной Край-1, погребение 1; *5–7, 9, 10, 14–17* – Головино-1 (рисунки А.М. Обломского и А.Н. Некрасовой); *21* – масштаб к позиции 4; *22* – масштаб к позициям *1–3, 5–20*.

лишь при наличии единой для всей территории, занятой черняховскими памятниками на Днепровском Левобережье, системы власти, снимающей эти запреты. Черняховская культура, таким образом, отражает и определенную политическую общность, которой, видимо и был упоминающийся в письменных источниках племенной союз под главенством готов ("держава Германариха").

Взаимоотношения племен сейминско-донецкого варианта киевской культуры и черняховского населения сложны и неоднозначны. Тенденции развития сельского хозяйства черняховского и ки-

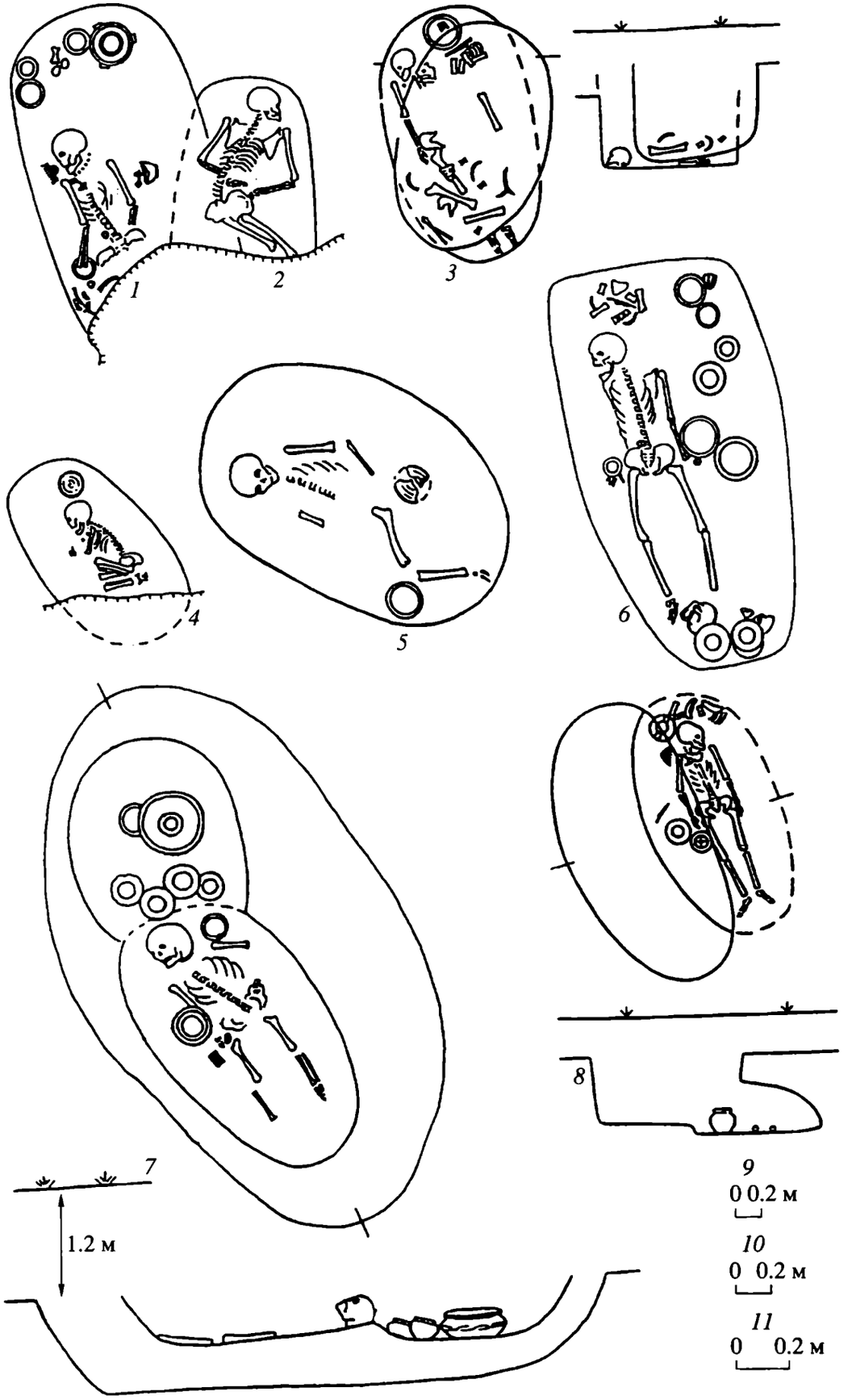

Рис. 4. Скифо-сарматские элементы погребального обряда на черняховских могильниках: *1* – Успенка, погр. 137; *2* – Успенка, погр. 140; *3* – Боромля-1, погр. 2; *4* – Успенка, погр. 1618; *5* – Соснова, погр. 517; *6* – Успенка, погр. 1308; *7* – Успенка, погр. 1655–1656; *8* – Боромля-1, погр. 33 (рисунки А.Н. Некрасовой); *9* – масштаб к позициям *3*, *5*, *8*; *10* – масштаб к позициям *1–3*; *11* – масштаб к позиции *7*.

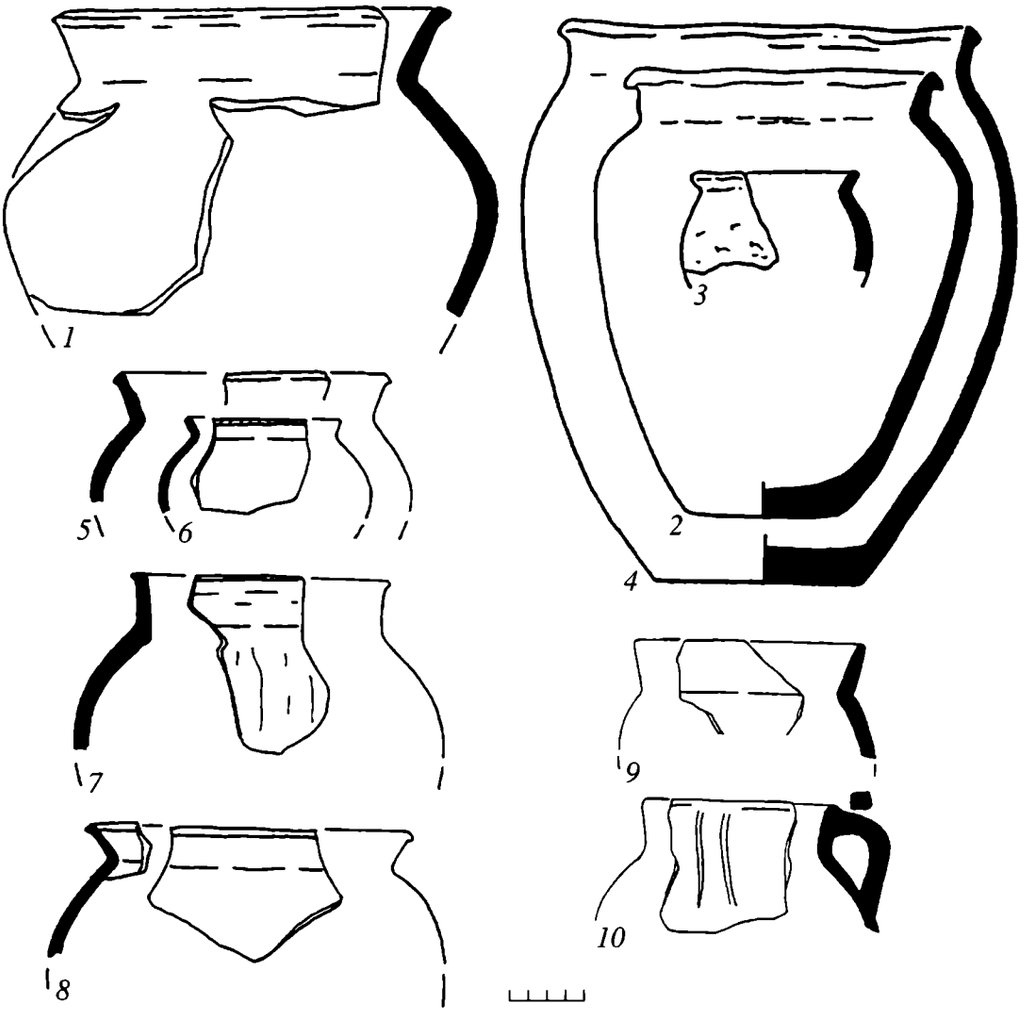

Рис. 5. Лепная керамика поселений скифо-сарматской традиции в черняхове: *1* – Кантемировка; *2–4* – Хохлово-2; *5–8* – Гочево-3; *9*, *10* – Снагость-2 (рисунки А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского, А.Н. Некрасовой).

евского населения в целом различны. Киевские и черняховские селища, как правило, занимают разные ландшафты, что свидетельствует об определенных отличиях в характере земледелия, причем земледельцы черняховской культуры предъявляли более высокие требования к качеству почв (Шишкін, 1999). Киевские поселения невелики и тяготеют к невысоким участкам речных долин, в то время как черняховские селища нередко достигают крупных размеров и обычно занимают черноземы по балкам коренных берегов или на краях вторых надпойменных террас рек. Периодические миграции как киевского, так и черняховского населения были вызваны истощением почв в округе поселков в результате экстенсивных форм обработки земли.

Тем не менее значительная часть черняховских селищ Днепровского Левобережья и бассейна Северного Донца находится на первых надпойменных террасах рек (46%) и на останцах в поймах (6% из учтенных 440 поселений), в чем, как нам кажется, проявляется влияние киевских традиций.

Воздействие черняховского способа ведения хозяйства на киевский было гораздо более интенсивным. Под влиянием черняховской культуры на киевских поселениях сейминско-донецкого круга появляется ручная мельница и вертикальный ткацкий станок, о чем свидетельствуют обломки каменных жерновов, глиняные грузила для оттяжки нитей, широкое распространение получают пряслица тех типов, которые схожи с черняховскими, начинают применяться массивные железные насадки на пахотные орудия (Обломский, 1991; 1997а; Терпиловский, Абашина, 1992).

Население сейминско-донецкого варианта киевской культуры и черняховское по-разному осваивало территорию. Киевские памятники от Сулы до Оскола образуют 10 устойчивых областей концентрации. Вне этих зон памятники киевской культуры встречаются, но они – довольно редки (рис. 1) (Обломский, 1991; 1994). В отличие от киевских, черняховские поселения и могильники не образуют отчетливо локализованных скоплений.

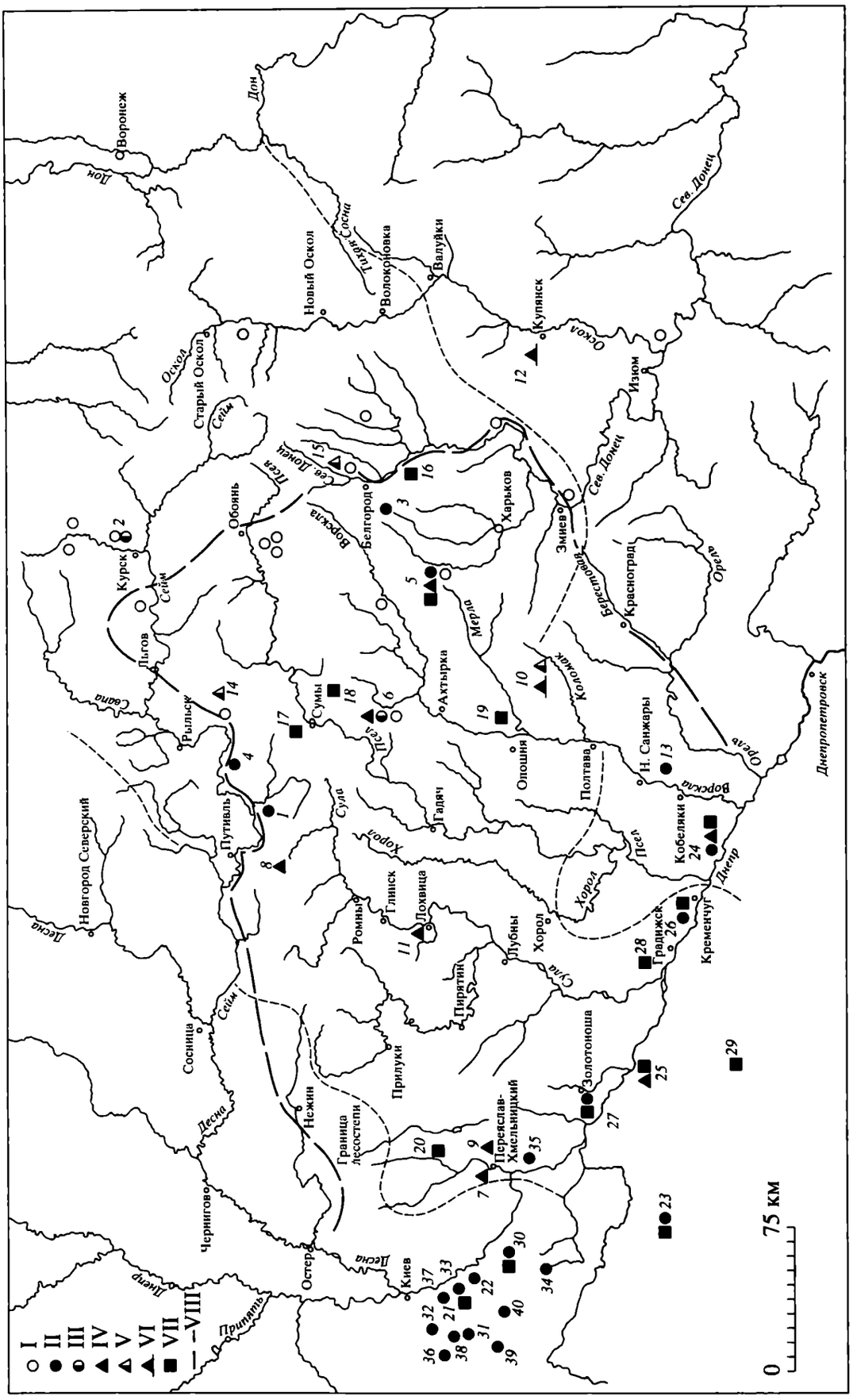

Рис. 6. Карта распространения памятников черняховской культуры разных этнических традиций: I – памятники сейминско-донецкого варианта киевской культуры, исследованные раскопками; II – памятники вельбарской традиции в черняховской культуре; III – памятники со смешанными киевско-вельбарскими комплексами; IV – памятники скифо-сарматской традиции в черняховской культуре (явные); V – памятники, отнесенные к скифо-сарматской традиции в черняховской культуре предположительно; VI – курганы типа Кантемировки; VII – памятники киевской традиции в черняховской культуре; VIII – граница черняховской культуры. *1* – Белополье; *2* – Букреевка-2; *3* – Дубовое-1; *4* – Званное-1; *5* – Родной Край-1; *6* – Боромля 1 и 2; *7* – Переяслав-Хмельницкий; *8* – Успенка; *9* – Соснова; *10* – Кантемировка; *11* – Лохвица; *12* – Воронцовка; *13* – Прогресс; *14* – Снагость-2; *15* – Хохлово-2; *16* – Головино-1; *17* – Песчаное; *18* – Великий Бобрик; *19* – Мамрои-2; *20* – Хлопков-1; *21* – Б. Бугаевка; *22* – Жуковцы; *23* – Журавка; *24* – Компанийцы; *25* – Ломоватое 1 и 2; *26* – Максимовка; *27* – Новолиповское; *28* – Радуцковка; *29* – Стецовка-2; *30* – Черняхов; *31* – В. Снитынка; *32* – Глеваха; *33* – Деревьяна; *34* – Ромашки; *35* – Цыбли; *36* – Дедовщина; *37* – Деревьяна; *38* – Великая Мотовиловка; *39* – Малоловецкое-2; *40* – Гребенки.

Черняховское домостроительство имеет свою специфику, которая выражается, в первую очередь, в широком распространении глинобитных наземных домов. С другой стороны, при общей схожести киевских и черняховских полуземлянок по форме и планировке, киевские имеют достаточно устойчивые стандарты размера. Очевидно, под влиянием черняховских традиций при возведении стен некоторых киевских полуземлянок начинает применяться глиняная обмазка. Специфическими для киевской культуры являются сооружения с печами-каминами (Башкатов, 1997; Обломский, 1998. С. 67, 68).

Под влиянием черняховской культуры изменяется киевская мода на украшения. Ни в одном комплексе с относительно большим содержанием гончарной керамики, т.е. в "откровенно черняховском" или киевском черняховского периода, не встречено ни одного изделия круга варварских украшений с выемчатыми эмалями, причем в предшествующее время они достаточно широко распространены (15 памятников позднезарубинецкого и раннего киевского этапов, исследованных раскопками) (Обломский, 1991. С. 22, 23; 1999б. С. 83, 84; Терпиловский, 1990. Табл. VII, *1*, *2*; Терпиловский, Абашина, 1992. С. 65–70). На памятниках сейминско-донецкого варианта киевской культуры начиная со второй половины III в. получают распространение фибулы и пряжки черняховского стиля (Обломский, 1999б). Из всего комплекса украшений круга эмалей сохраняются кое-где пластинчатые подвески-лунницы и трапециевидные (Ульяновка: Терпиловский, 1984. Табл. 12, *3*; Роище: Терпиловский, 1984. Табл. 17, *4*; 22, *3*; Александровка: Терпиловський, Шекун, 1996. Рис. 38, *19*).

Погребальный обряд поздней стадии киевской культуры не изучен, но в ареале памятников ее сейминско-донецкого варианта, к востоку от Северского Донца и в верховьях Сейма, не известны черняховские биритуальные могильники (рис. 1) (Археологическая карта..., 1998. С. 43–47).

Под черняховским воздействием в наборе лепной посуды восточных памятников киевской культуры появляются миски-плошки, т.е. категория сосудов, совершенно чуждая позднезарубинецко-раннекиевским традициям. На территории черняховской культуры миски-плошки распространены повсеместно. В керамическом комплексе поселения Букреевка-2 ощущается влияние вельбарских традиций. Киевское население получает достаточно обильный черняховский гончарный импорт. С другой стороны, киевская лепная керамика в Среднем Поднепровье, Днепровском лесостепном Левобережье и в бассейне Северского Донца становится одним из компонентов черняховского комплекса лепной посуды (Обломский, 1997а. С. 64–70; Абашина и др., 1999).

Таким образом, киевская и черняховская культуры в лесостепном Левобережье в определенной степени нивелируются, но в каких-то сферах все же сохраняют специфику. В процессе этой нивелировки, как нам кажется, нужно различать две составляющих.

Во-первых, часть киевского населения включается в состав черняховского социума, о чем свидетельствуют черняховские поселения с киевской по происхождению лепной керамикой.

Во-вторых, оставшиеся вне черняховских границ племена сейминско-донецкого варианта киевской культуры заимствуют черняховские ремесленные и земледельческие технологии, моду на украшения и ведут с черняховским населением активную торговлю. Во-многом, очевидно, этим связям способствуют группы родственного населения, вошедшего в состав черняховского общества.

Совершенно иначе складываются взаимоотношения черняховского этносоциального объединения и киевских племен Деснинско-Сейминского Полесья. В то время, когда киевское население востока Днепровского Левобережья испытывает интенсивное воздействие черняховской культуры (вторая половина III – середина IV в.), на север, по крайней мере до середины IV в., не поступает черняховский импорт. На памятниках деснинского варианта киевской культуры этого периода нет ни одного черняховского гончарного черепка, отсутствуют также "южные" украшения, не прослеживаются в отличие от востока ремесленные и земледельческие "технологические инновации". В южной части лесной зоны продолжается развитие местной культуры с традиционными, известными еще с позднезарубинецкого периода, связями с Центральной Европой и Восточной Прибалтикой, о чем свидетельствуют фибулы из Лаврикова Леса, Мены-5, Деснянки, Куриловки и Жуковского селища (Терпиловский, 1984. Табл. 1, *2*; 6, *15*; 1985. С. 56; Кухарська, Обломський, 1988. Рис. 3, *3*; Шекун, Терпиловский, 1993. Рис. 10, *10*; Третьяков, 1974. Рис. 2, *4*). По орнаментации спинок и профилировке наиболее близкие аналогии им находятся на памятниках центральноевропейского культурного круга, в частности на вельбарских могильниках (Nowakowski, 1995. S. 30–35; Pietrzak, 1988. Rys. 11, *398a–b*; Tomaszewska, 1988. Rys. 8, *4*; 9, *3*, *5*; 13, *2*; Jaskanis, 1996. S. 104, 105).

Из Киреевки-1 и Лаврикова Леса происходят три посоховидные железные булавки с кольцеобразными навершиями из ромбического в сечении дрота (Терпиловский, 1984. Табл. 3, *20*; 5, *5*). По мнению А.М. Медведева, посвятившего истории этой категории украшений специальную статью, большинство находок булавок такого типа в римское время концентрируются на территории восточной Прибалтики (Медведев, 1995. С. 193).

Известная "жесткость" черняховско-киевской пограничной линии в Среднем Посеймье (Обломский, 1996. С. 51–53), вместе с изложенными выше наблюдениями, позволяет сделать вывод о том, что отношения черняховского населения и киевских племен деснинской общности были враждебными.

Каким же образом происходило распространение на восток черняховской культуры? Детально ответить на этот вопрос пока невозможно из-за явной нехватки источников. Тем не менее некоторые особенности этого процесса очевидны.

Черняховская культура распространяется путем переселения на новые земли различных по происхождению группировок. Если жители черняховского поселения Головино-1, судя по лепной керамике, были в основном представителями местного киевского населения, то в отношении общины, обитавшей в возникшем в тот же период поселке у с. Хохлово, этого сказать нельзя. Лепная керамика Хохлово-2 сильно отличается от киевской и, вероятно, каким-то образом связана со скифо-сарматскими традициями. Где-то в это же время или чуть позже некоторые вельбарские черты приобретает лепная керамика в Букреевке. Видимо, какие-то группы вельбарского населения появляются в верховьях Сейма.

Продвижение носителей черняховской культуры на восток происходит очень рано, по-видимому, около середины – второй половины III в., причем в это время черняховские племена уже достигают бассейна Северского Донца, т.е. восточных пределов распространения черняховской общности (Обломский, 1999б). Не позднее второй половины III в. раннеславянское (киевское) и скифо-сарматское население, втянутое в орбиту влияния черняховской общности, появляется в лесостепном Подонье, где формируется своеобразная группа памятников типа Каширки-Седелок (Обломский, 1997б. С. 238–245).

На первом этапе территория Левобережья заселялась не сплошь. Синхронные на ранней стадии существования черняховские поселения Головино-1 и Хохлово-2, например, находятся гораздо восточнее киевских Боромли-2 и Родного Края-3 того же времени (рис. 1). Пришельцами, по всей видимости, были сначала освоены какие-то опорные участки, которые впоследствии стали базами колонизации.

Процесс распространения черняховской культуры на территорию Днепровского Левобережья отнюдь не был мирным. Свидетельством этого являются сгоревшие постройки догуннского времени, исследованные как на черняховских (Песчаное Сумской обл., Великий Бобрик, Колесники, Артюховка, Гочево-3), так и на киевских поселениях (Боромля-2, Цепляево Второе).

ВТОРАЯ СТАДИЯ (КОНЕЦ IV – НАЧАЛО V в.: ГУННСКИЙ ПЕРИОД)

Исторические процессы этого периода можно обозначить в виде нескольких векторов (направлений миграций).

Первым из них является отток населения черняховской культуры, т.е. племен готского союза, на запад. Отмечу, что этот процесс известен в основном по письменным источникам (см.: Баран и др., 1990; там историография). Что же касается археологии, то ее данные менее ярки. Специальное исследование проведенное И.О. Гавритухиным (Гавритухин, Обломский, в печати), показало, что во всех основных областях концентрации черняховских памятников на территории Левобережья, где проводились раскопки, обнаружены материалы гуннского времени, т.е. население здесь сохранялось. Не исключено, что численность его постепенно уменьшалась, но утверждать определенно мы этого не можем. Стационарно исследованных памятников пока слишком мало для изучения палеодемографии. Можно лишь сделать вывод, что черняховские племена в массе своей покидают Левобережье не в самом начале гуннского времени, а несколько позже, вероятнее всего, в первой четверти V в. При этом какие-то группы черняховского населения остаются на месте. В первую очередь это – общины киевского происхождения, о чем свидетельствует близость лепной керамики позднечерняховского поселения Хлопков-1, с одной стороны, и раннепеньковских памятников, с другой. Весьма вероятно также, что женский костюм части населения, которому принадлежали раннесредневековые ингумации (типа Любовки и Волобуевки) (Радзієвська, Шрамко, 1980. С. 103. Рис. 4, *2–6*; Сибилев, 1926. Табл. XXIX, *17*; XXXI, *8*, *11*; XXXII, *36*, *37*; Казанский, 1997. Рис. 8, *1–7*), формируется под влиянием черняховских традиций (сочетание двух фибул на плечах и ожерелья). Тем не менее нельзя сбрасывать со счетов и возможность "обратной миграции" отдельных групп подданных Гуннской державы из Центральной Европы на восток после разгрома Аттилы и его наследников.

Во второй половине или в третьей четверти IV в. в Подесенье проникают переселенцы с юга (это второй вектор из перечисленных выше) (рис. 7). Они, как и местные племена, были носителями киевской культуры, но несколько другого облика. Судя по эталонным селищам Роище и Александровка, по набору форм лепной посуды, ее пропорциям и орнаментации, планировке и конструкции построек, культура этого населения сильно отличается от деснинской III–IV вв. и, напротив, имеет параллели на среднеднепровских киевских памятниках типа Обухова-2, 7 и т.п., а также на некоторых черняховских селищах с материалами киевской традиции (Журавка, Хлопков-1)

(Обломский, 1996. С. 64–68; Терпиловський, Шекун, 1996. С. 33, 34). В Подесенье, таким образом, продвигается население из области черняховско-киевских контактов, находившееся под сильным влиянием черняховской культуры и, в свою очередь, ставшее проводником этого влияния на местные киевские племена деснинско-сеймінского Полесья. По хронологическим индикаторам киевские горизонты Роища и Александровки относятся к гуннскому времени, хотя и не исключено, что Александровка возникает несколько раньше. Этим же периодом датируется черняховский импорт на поселении Ульяновка, где и в наборе лепной посуды, и в домостроительстве сохраняются традиции местного деснинского варианта киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992. С. 129–132, 135–136; Терпиловський, Шекун, 1996. С. 30, 31). Поступление гончарной керамики, "жерновов из туфа", стекла и амфор с юга, а также заимствование киевскими племенами некоторых черняховских технологий (ткачества, костерезного ремесла) в Подесенье относится ко времени, близкому к финалу черняховской культуры, причем львиная доля импортов оседает у южного по происхождению населения круга Роища. На памятниках типа Ульяновки импортных изделий значительно меньше, а в общем облике материальной культуры сохраняется известная консервативность.

Третий вектор имеет направление, противоположное второму. В период времени около финала черняховской культуры в северной части левобережной лесостепи появляются памятники деснинского варианта киевской археологической общности (типа Ульяновки), свидетельствующие о начавшемся продвижении на юг и восток племен Подесенья – Среднего Посеймья (рис. 7). Наиболее восточные селища круга Ульяновки известны в Верхнем Посеймье и верховьях Псла, а самое южное поселение – Сенча находится в среднем течении Сулы, т.е. ареал памятников деснинского происхождения в лесостепи охватывает северные регионы распространения как черняховской культуры, так и сеймінско-донецкого варианта киевской. Время проникновения полесского населения в лесостепную зону сравнительно точно определяется лишь для восточных территорий. Оно появляется здесь в начале гуннского времени. Об этом свидетельствует соотношение хронологических индикаторов поселения Каменево-2 в бассейне р. Тускарь, керамический комплекс которого имеет определенные деснинские черты, и более раннего селища Тазово – одного из эталонных памятников сеймінско-донецкого варианта киевской культуры, которое находится в том же регионе. На другом поселении деснинского круга – в Песчаном в верховьях Псла – в одной из построек вместе с фрагментом черняховского гончарного сосуда найден наконечник стрелы конца IV–VII вв. В конкретном контексте селища Песчаное это изделие явно относится к гуннскому периоду (Обломский, 1991. С. 16–18, 120–123). Подобный наконечник стрелы найден и на поселении Сенча (сообщение Ю.Ю. Моргунова).

К сожалению, памятники деснинского круга, расположенные на территории черняховской культуры, лишены узко датируемых вещей, за исключением прогнутой подвязной двучленной фибулы с поселения Курган-Азак, связь которой с киевским горизонтом этого селища, учитывая условия находки, может быть подвергнута сомнению. Ясно лишь, что миграции деснинских племен в эту область происходят в тот период, когда черняховская гончарная керамика еще использовалась в быту. Обломки изготовленных на круге сосудов найдены на всех трех селищах деснинского типа, расположенных в ареале черняховской культуры (в Курган-Азаке, Сенче и Беседовке) (Обломский, 1994; 1996. С. 62–68; Терпиловський, Левченко, 1994. С. 60–62). Тем не менее пока не понятно, проникают ли носители киевской культуры круга Ульяновки в Посулье и среднее течение Псла по мере постепенного запустения тех или иных областей во время оттока черняховского населения или же это происходит сразу после финала черняховской культуры.

Племена сеймінско-донецкого варианта киевской культуры, вытесненные со своих мест обитания пришельцами из Подесенья, становятся одним из компонентов населения новой культурной группы, возникающей в раннегуннское время в лесостепном Подонье – памятников типа Чертовицкое–Замятино. В движение на восток были вовлечены и отдельные группы черняховского населения (Обломский, 1999а). Это – четвертый вектор миграций.

В южной части черняховского ареала появляются погребения позднесарматского круга (пятый вектор) (рис. 7). Имеются в виду, в первую очередь, подкурганные захоронения в Кантемировке, дата которых, определенная Е.Л. Гороховским в рамках периода D1 Я. Тейрала, не вызывает возражений (Гороховский, 1988). Население, хоронившее своих умерших в курганах Кантемировки, было, очевидно, родственным аланам позднеримского времени, погребения которых разбросаны в степной зоне между Орелью и Самарой на западе и Северским Донцом на востоке. В пользу этого свидетельствует соседство территорий, наличие и в Кантемировке, и в степной полосе катакомб, дромос которых и погребальная камера вытянуты в одну линию, а также тот факт, что наиболее близкие к кантемировскому по погребальному обряду и инвентарю катакомбные захоронения (Воронцовка и Моспинская: Мельник, 1905. С. 690, 726; Podobed, Simonenko, 1998) находятся в степной части бассейна Донца.

Таким образом, общее направление этнических процессов в конце IV – начале V в. на территории

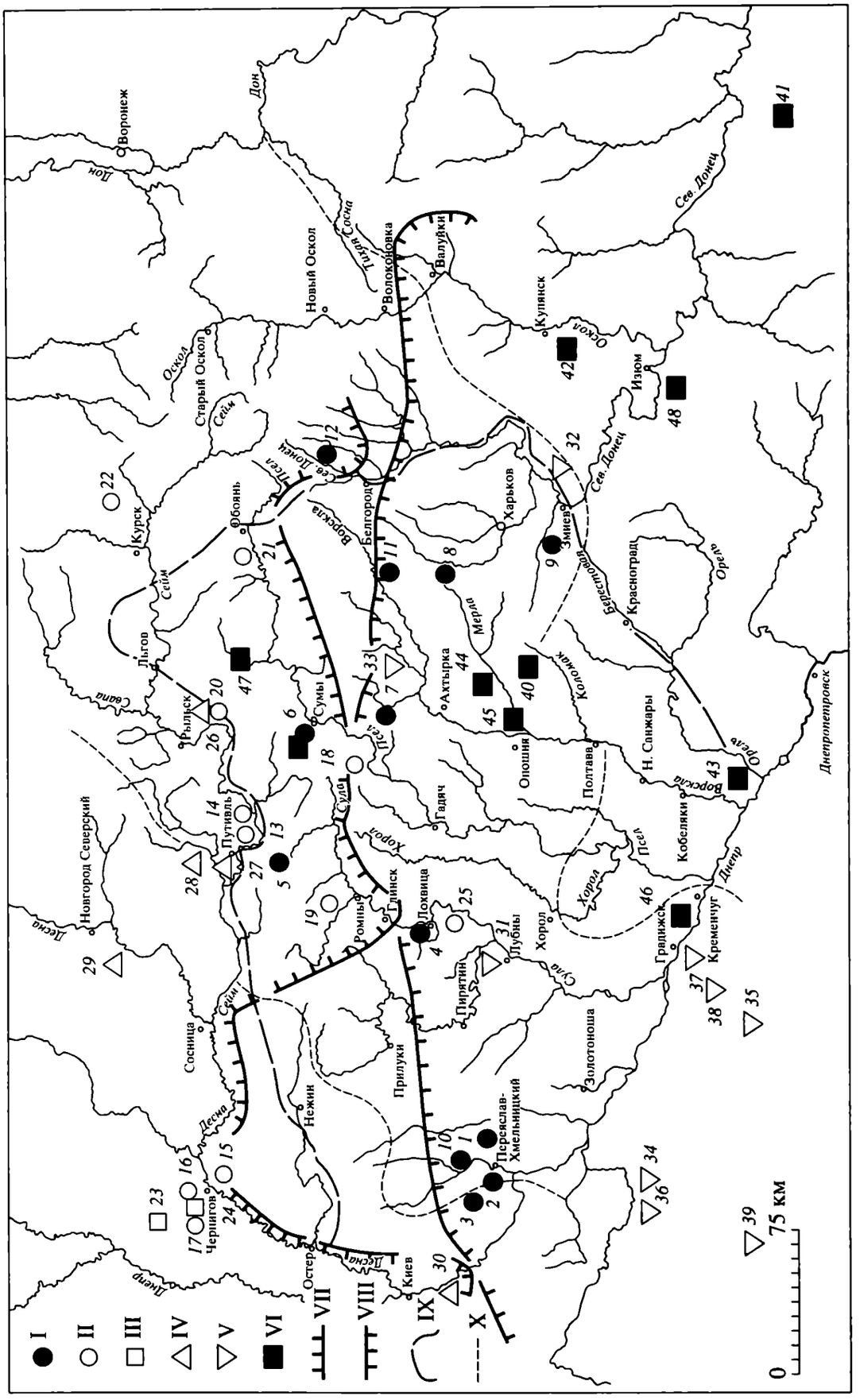

Рис. 7. Днепровское Левобережье в гунское время. I – черняховские памятники гуннского времени; II – памятники типа Ульяновки (киевская культура); III – памятники типа Роища (киевская культура); IV – ранние памятники колочинской культуры; V – ранние памятники пеньковской культуры; VI – ингумации конца VI–VI в.; VII – южная граница колочинской культуры; VII – северная и восточная границы пеньковской культуры; IX – границы черняховской культуры на территории Днепровского Левобережья; X – границы лесостепи в середине XX в. Памятники: *1* – Соснова; *2* – Переяслав-Хмельницкий; *3* – Гречаники; *4* – Лохвица; *5* – Успенка; *6* – Сумы-Сад; *7* – Боромля; *8* – Родной Край-1; *9* – Соколово; *10* – Хлопков-1; *11* – Головчино; *12* – Хохлово-2; *13* – Пересыпки-1; *14* – Чаплицы-3; *15* – Выбли; *16* – Киселевка-2; *17* – Ульяновка; *18* – Курган-Азак; *19* – Беседовка; *20* – Комаровка-2; *21* – Песчаное; *22* – Каменево-2; *23* – Роище; *24* – Александровка; *25* – Сенча; *26* – Гапоново; *27* – Красное-4; *28* – Литвиновичи-3; *29* – Заярье; *30* – Ходосовка; *31* – Хитцы; *32* – Занки; *33* – Рябовка-3; *34* – Гута Михайловская; *35* – Беляевка; *36* – Завадовка; *37* – Пеньковка; *38* – Большая Андрусовка; *39* – Кочубеевка; *40* – Кантемировка; *41* – Моспинская; *42* – Воронцовка; *43* – Яременки (Орлик); *44* – Любовка; *45* – Лихачевка; *46* – Максимовка; *47* – Большой Каменец; *48* – Волобуевка.

Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья было следующим. С одной стороны, различные группы населения, в предшествующий период обитавшего на Днепровском Левобережье, покидают эту территорию. Большинство племен, входивших в состав готского объединения, уходит на запад (в первую очередь, германцы и сарматы/аланы). Часть жителей черняховско-киевского пограничья (носители киевской традиции в черняхове) переселяется на север в Нижнее Подесенье, а часть (племена Сейминско-Донецкого варианта киевской культуры) – на восток в лесостепное Подонье. В том же направлении передвигаются и какие-то черняховские группировки. На территории Днепровского Левобережья остаются лишь отдельные анклавы черняховского населения – в основном киевские общины, входившие в состав готской державы и бывшие, вероятно, предками антов. Примером памятников такого типа может служить черняховское поселение Хлопков с финальным для этой культуры набором вещей и лепной керамикой, чрезвычайно близкой к пеньковской (Абашина и др., 1999. С. 90, 91). Во-вторых, освободившиеся в результате этих миграций места на Днепровском Левобережье занимают выходцы с севера (раннеславянские племена деснинского варианта киевской культуры) и с юга (аланы степей). В Подонье продвинувшееся сюда население с запада (киевско-черняховское) сталкивается с потоком переселенцев с севера из бассейна Оки. В V в. в лесостепном Подонье происходят сложные процессы взаимодействия различных этносов.

Основные потоки миграции населения середины III – начала V в., по нашему мнению, можно связать с некоторыми событиями, известными по письменным источникам. Распространение черняховского населения во второй половине III в. на восток вплоть до Северского Донца и появление в Подонье памятников типа Каширки-Седелок по времени совпадают с эпохой так называемых готских или скифских войн 30–70-х годов III в. (Баран и др., 1990. С. 42–43). Колонизация черняховским населением территории Днепровского Левобережья, выразившаяся в резком увеличении количества черняховских памятников в IV в. и в ассимиляции части местных племен сейминско-донецкого варианта киевской культуры, по-видимому, нашла отражение в рассказе Иордана о походах Германариха на восток (в сторону мест расселения меренс, морденс и херулов) и о завоевании им венетов (Iord., 116–119). Основные векторы миграций конца IV – первой половины V в. были вызваны нашествием гуннов, достаточно подробно описанным Аммианом Марцеллином и Иорданом (Amm. Marc. XXXI. 13; Iord., 129, 130) и нарушением политического равновесия на Левобережье, которое сложилось ранее. Готское политическое объединение в результате этого распалось, а к землям, которые оно занимало, начали проявлять интерес соседи. Если прав М.М. Казанский, и королевство Винитария действительно находилось на Днепровском Левобережье (Казанский, 1997. С. 184, 185), то этому конунгу ничего не оставалось делать, как воевать с антами. Археологические исследования показывают, что в конце IV – начале V в. перемещения деснинского позднекиевского населения были направлены на черняховскую территорию.

Статья написана при поддержке the Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation, грант № 440/1999.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашина Н.С., Обломский А.М., Терпиловский Р.В. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья // РА. 1999. № 4.

Археологическая карта России. Курская область. Ч. 1. М., 1998.

Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев, 1990.

Башкатов Ю.Ю. Об одном типе построек киевской культуры // Древности-1996. Харьков, 1997.

Березовец Д.Т., Петров В.П. Лохвицкий могильник // МИА. 1960. № 82.

Вязьмитина М.И. Золотобалковский могильник. Киев, 1972.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Население Днепровского Левобережья в V в. н.э. и комплексы с вещами, принадлежавшими элите общества // Сборник трудов конференции "Элита общества в гуннское время и раннее средневековье". Париж (в печати).

Гей О.А. Черняховская культура и скифо-сарматский мир // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.

Гей О.А., Сымонович Э.А. Черняховская культура // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М., 1993.

Гончаров В.К., Махно Є.В. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького // Археологія. 1957. Вип. XI.

Гороховский Е.Л. Кантемировские курганы на Полтавщине и проблема древностей раннегуннского периода на юге Восточной Европы // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Полтава, 1988.

Казанский М.М. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев, 1997.

Костенко В.И. Сарматы в междуречье Орели и Самары // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. Вып. 3. Днепропетровск, 1979.

Кухаренко Ю.В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях. По данным погребального обряда // СА. 1954. Вып. XIX.

Кухарська О.М., Обломський А.М. Матеріали перших століть нашої ери на поселенні Мена-5 у Середньому Подесенні // Археологія. 1988. Вип. 62.

Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987.

Магомедов Б.В. Сарматские элементы в черняховском погребальном обряде // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000.

Махно Є.В. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань // АП. 1952. № 3.

Махно Е.В., Сикорский М.И. Могильник черняховской культуры у с. Сосновы на левобережье Днепра // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. T. II. Lublin, 1989.

Медведев А.М. Посоховидные булавки // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 7. Мінск, 1995.

Мельник Е. Раскопки курганов в Харьковской губ. // Труды XII АС. Т. 1. М., 1905.

Некрасова А.Н. Раскопки памятников черняховской культуры у с. Боромля // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Київ, 1991.

Некрасова Г.М. Поселення черняхівської культури Хлопків-1 на Київщині // Археологія. 1988. Вип. 62.

Некрасова Г.М. Черняхівське поселення біля м. Білопілля // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілля, 1994.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. М., Сумы, 1991.

Обломский А.М. О роли позднезарубинецкого населения в сложении киевской культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья // СА. 1992. № 1.

Обломский А.М. Этнические процессы в междуречье Сулы и Ворсклы в I–V вв. н.э. // РА. 1994. № 2.

Обломский А.М. Среднее Посеймье в позднеримское время. Формирование южной границы колочинской культуры // РА. 1996. № 4.

Обломский А.М. О взаимоотношении киевского и черняховского населения на водоразделе Днепра и Дона // Проблеми походження та історичного розвитку словєян. Київ; Львів, 1997а.

Обломский А.М. Этническая ситуация в лесостепном Подонье в позднеримское время // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. М., 1997б.

Обломский А.М. Поселение Журавка Ольшанская в Среднем Поднепровье (опыт культурно-хронологического анализа материалов) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 13. Мінск, 1998.

Обломский А.М. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гуннское время // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999а.

Обломский А.М. О времени появления черняховского населения на территории Днепровского Левобережья // 100 лет черняховской культуре. Киев, 1999б.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Поселение Попово-Лежачи 4 и его место среди памятников киевской культуры // Acta Universitatis Lodziensis. Folia archaeologica, 22. Łodź, 1998.

Петренко Е.Н. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991.

Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. 1958. № 64.

Радзієвська В.Є., Шрамко Б.А. Нові археологічні пам'ятки на Харьківщині // Археологія. 1980. Вип. 33.

Седов В.В. Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

Сибилев Н.В. Древности Изюмщины. Т. 1. Изюм, 1926.

Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. 1983. Вып. Д1–22.

Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья. Киев, 1984.

Терпиловский Р.В. Киевская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР. Киев, 1985.

Терпиловский Р.В. Новые исследования памятников первой половины 1 тыс. н.э. на Сумщине // Питання археології Сумщини. Суми, 1990.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. Памятники киевской культуры. (Свод археологических источников). Киев, 1992.

Терпиловський Р.В., Левченко Д.І. Слов'янське поселення середини I тис. н.е. поблизу с. Сенча в Середньому Посуллі // Полтавський археологічний збірник. Вип. 2. Полтава, 1994.

Терпиловський Р.В., Шекун О.В. Олександрівка-1 – багатошарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів, 1996.

Третьяков П.Н. Древности второй и третьей четвертей 1 тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.

Шекун А.В., Терпиловский Р.В. Памятники I в. до н.э. – VII в. н.э. у с. Деснянка близ Чернигова. Чернигов, 1993.

Шишкін Р.Г. Господарсько-екологічна модель черняхівської культури (за матеріалами Середнього Подніпров'я) // Археологія. 1999. Вип. 4.

Jaskanis J. Cecele. Ein Graeberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen. Krakow, 1996.

Nowakowski W. Od Galindai do Galinditae. Z badań and pradziejami bałtyjskiego ludu z Pojezierza Mazurskiego // Barbaricum. № 4. Warszawa, 1995.

Pietrzak M. Cmentarzyska z Pruszcza Gdańskiego w młodszym okresie rzymskim // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. I. Lublin, 1988.

Podobed V.A., Simonenko A.V. A Late Sarmatian burial in the Central Donetsk basin // Communicationes archaeologiae Humgariae. Budapest, 1998.

Tomaszewska I. Groby kultury wielbarskiej na cmentarzysku w Kolozębiu, gm. Suchocin, woj. ciechanowskie // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. I. Lublin, 1988.

The Ethnic-Cultural Processes in the Dnieper Left Bank Forest-Steppe in the IIIrd–Vth cc.

A. M. Oblomsky, R. V. Terpilovsky

Summary

The paper represents a reconstruction of the ethnic processes in the Dnieper left bank forest-steppe, as well as the Desna and Seim forested area in the second half of the 3rd – the first half of the 5th cc. Three stages of historic process are singled out. The first one (the mid 3rd – the second half of the 4th cc.) is marked by the penetration of Chernyakhovo culture into the territories eastward from the Dnieper where it came in interconnection with the local Kiev culture. Multi-ethnic population of Chernyakhovo culture included at least three components: Wielbark culture of the German tribes, early Slavic Kiev culture, and the Scythians and Sarmatians. In the 4th c. the territory in question was divided into three following ethnic-cultural zones: Chernyakhovo sites, the Seima-Donets variant of Kiev culture, and the Desna variant of the same culture. In the second half of the 3rd c. mass migration of the East European forest-steppe population was caused by the so-called Scythian and Goth wars. This in evidenced by the movement of Chernyakhovo culture as far east as the Seversky Donets, and the occurrence of Kashirka-type and Sedelki-type sites on the Don. Apparently, the colonisation of the Dnieper left bank by the Chernyakhovo population in the 4th c. had been reflected in Jordanis' information on Ermenrich's raids to the east and his conquest of the Venethi. In the beginning of the second stage (the last quarter of the 4th c.) the balance was destroyed by the Huns' disastrous victory over the Goths. Different groups of Kiev culture were then moving all over the left bank of the Dnieper and the Don basin, while the late Sarmatian groups were penetrating into the south of the area once occupied by Chernyakhovo culture. In the early 5th c. the most of the Chernyakhovo population left the lands on the Dnieper left bank and moved westward and, partly, eastward – to the forest-steppe banks of the Don. The final stage dates to the second quarter – mid 5th c., it is marked by formation of new ethnic and political system, which included the population attributed to three archaeological units: Kolochin, Pen'kovka, and so-called culture of Early Medieval inhumations. This system existed since this time onward till the late 7th c. for the whole period of the Early Middle Ages.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 44–59

СИРАКИ И АОРСЫ В СТЕПНОМ ПРИКУБАНЬЕ

© 2003 г. Н. Ф. Шевченко

Историко-археологический музей-заповедник, Краснодар

Сарматские древности степной полосы Восточного Приазовья представляют собой обширный пласт разновременных памятников. Возможность их территориальной и типологической локализации в сочетании с данными письменных источников позволяет, как нигде в другом месте, рассматривать эти памятники в свете этноплеменного деления. В связи с этим любые новые данные, уточняющие сложившуюся картину, представляют особый интерес.

В 1991–1992 гг. Приазовская археологическая экспедиция КГИАМЗ исследовала курганный могильник у хутора Кавказского Брюховецкого района Краснодарского края. Могильник состоял из 22 насыпей, расположенных на двух заплывших порогах левой надпойменной террасы реки Бейсужек-Левый (рис. 1, *4*). Внешняя форма насыпей была полностью искажена распашкой, и к моменту начала работ они представляли собой расплывшиеся всхолмления высотой от 1.5 до 0.3 м. Из восемнадцати раскопанных курганов, пятнадцать были сооружены над погребениями эпохи бронзы, а в трех – центральными были могилы сарматского времени. Всего в могильнике было раскопано 26 сарматских захоронений. Впервые на Северо-Западном Кавказе исследован компактный могильник, включающий такое разнообразие типов погребальных конструкций. Анализ материала позволяет говорить о сочетании в могильнике как типичных "сиракских" комплексов, так и погребений среднесарматской культуры неизвестных ранее на этой территории. Хронологически весь материал можно разделить на две группы.

Группа 1.

Кавказский 91. Курган 1. Погребение 5 (рис. 2, *1*). Впускное. Костяк человека лежал на подстилке вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Руки согнуты в локтях и кисти уложены на область таза. Возле стоп стояли: лепной горшок (рис. 2, *3*) и кружальный сероглиняный грубо сформованный сосуд с отбитым в древности венчиком (рис. 2, *2*). Под черепом найдены два бронзовых височных кольца (рис. 2, *19*, *20*). На шее расчищено ожерелье, состоящее из мелкого пастового бисера синего цвета и трех стеклянных подвесок (рис. 2, *7*, *8*, *9*, *22*). Такой же бисер найден на запястье правой руки. Возле левого бедра открыты два предмета, лежавшие, вероятно, внутри не сохранившейся деревянной шкатулки: два кусочка реальгара, раковина рапана (рис. 2, *10*), железный игольник (рис. 2, *4*), фрагменты кованного бронзового зеркала (рис. 2, *5*, *6*), скопление стеклянных и пастовых бусин (рис. 2, *11–17*), фрагмент железного ножа (рис. 2, *21*).

Кавказский 91. Курган 2. Погребение 6 (рис. 2, *23*). Впускное. Погребение совершено в катакомбе с продольным расположением входной ямы и камеры. Костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на ЗСЗ. Возле черепа найдена лепная курильница с углями и тремя закопченными галькаами. Тулово орнаментировано врезными линиями, а верхний срез венчика – рядом круглых вдавлений (рис. 2, *25*). Здесь же стояла кружальная сероглиняная кружка (рис. 2, *26*). Под черепом расчищены два бронзовых височных кольца и скопление пастового бисера (рис. 2, *27–30*). У правого бедра лежало керамическое пряслице овальной формы (рис. 2, *24*).

Кавказский 91. Курган 2. Погребение 8 (рис. 3, *18*). Впускное. Совершено в катакомбе с продольным расположением входной ямы и камеры. Входная яма очень узкая, переходит в камеру через отвесную ступеньку высотой до 0.20 м. Камера представляла собой узкий лаз шириной около 0.60 м. Костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ. Правая рука согнута в локте и уложена кистью на таз. Возле левого локтя найдена костяная игла (рис. 3, *19*), а возле стоп расчищены кости животного (ребра) и фрагмент железного ножа (рис. 3, *21*). Во входной яме стоял сероглиняный сосуд, сформованный на ручном круге. Тулово орнаментировано пролощенными полосами (рис. 3, *20*).

Кавказский 91. Курган 6. Погребение 7 (рис. 2, *31*). Впускное. Совершено в катакомбе. Входная яма не прослежена, а камера имела форму узкого лаза шириной не более 0.55 м. Дно камеры плавно понижалось к юго-западу. Костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Возле коленного сустава правой ноги найдены три железных втульчатых трехлопастных наконечника стрелы (рис. 2, *32*). Возле стоп лежали кости животного.

Кавказский 91. Курган 6. Погребение 8 (рис. 1, *1*). Впускное. Совершено в очень узкой катакомбе с

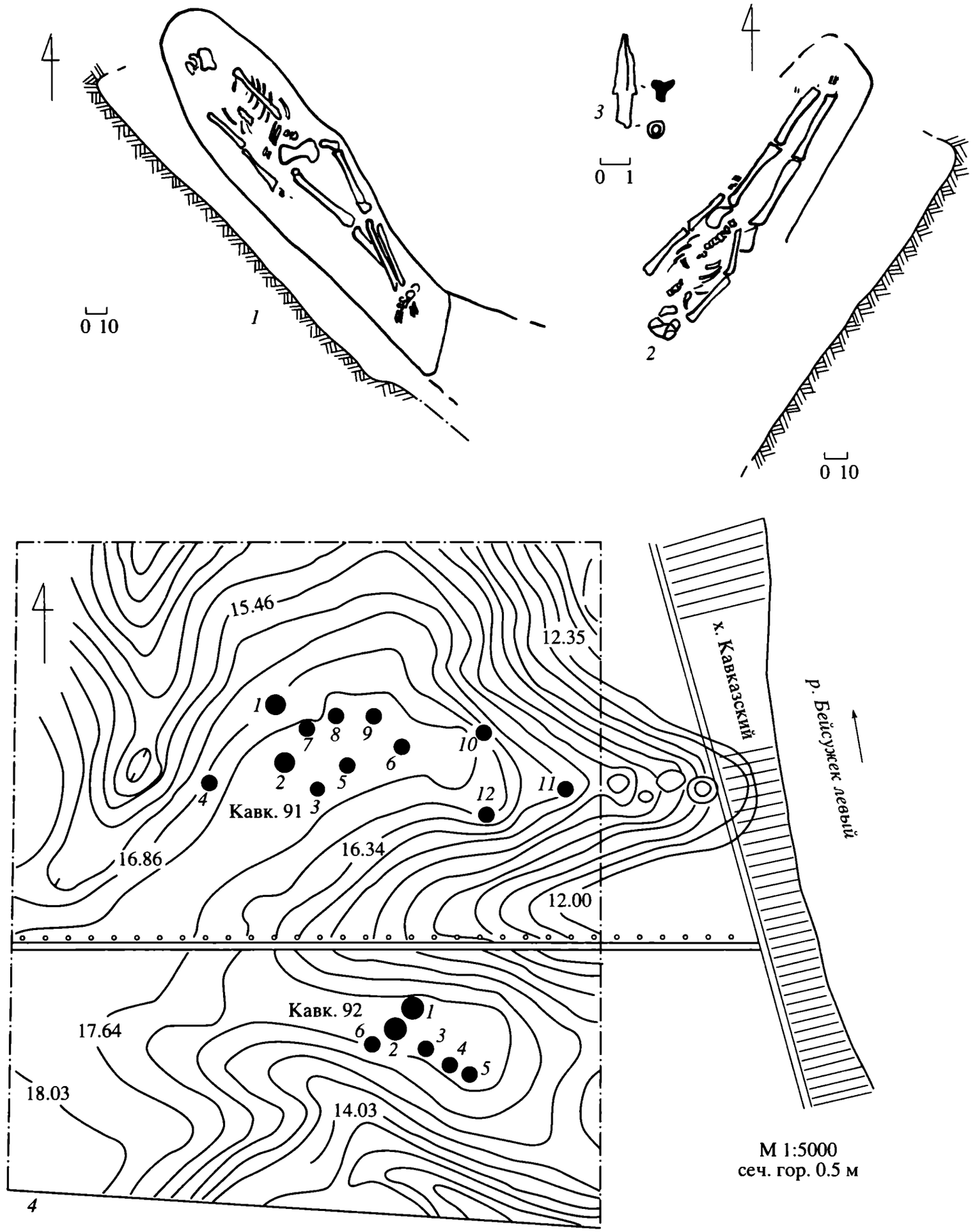

Рис. 1. Могильник у х. Кавказский: *1* – Кавказский 91, кург. 6, погр. 8; *2*, *3* – Кавказский 91, кург. 7, погр. 2; *4* – Могильник Кавказский, общий план.

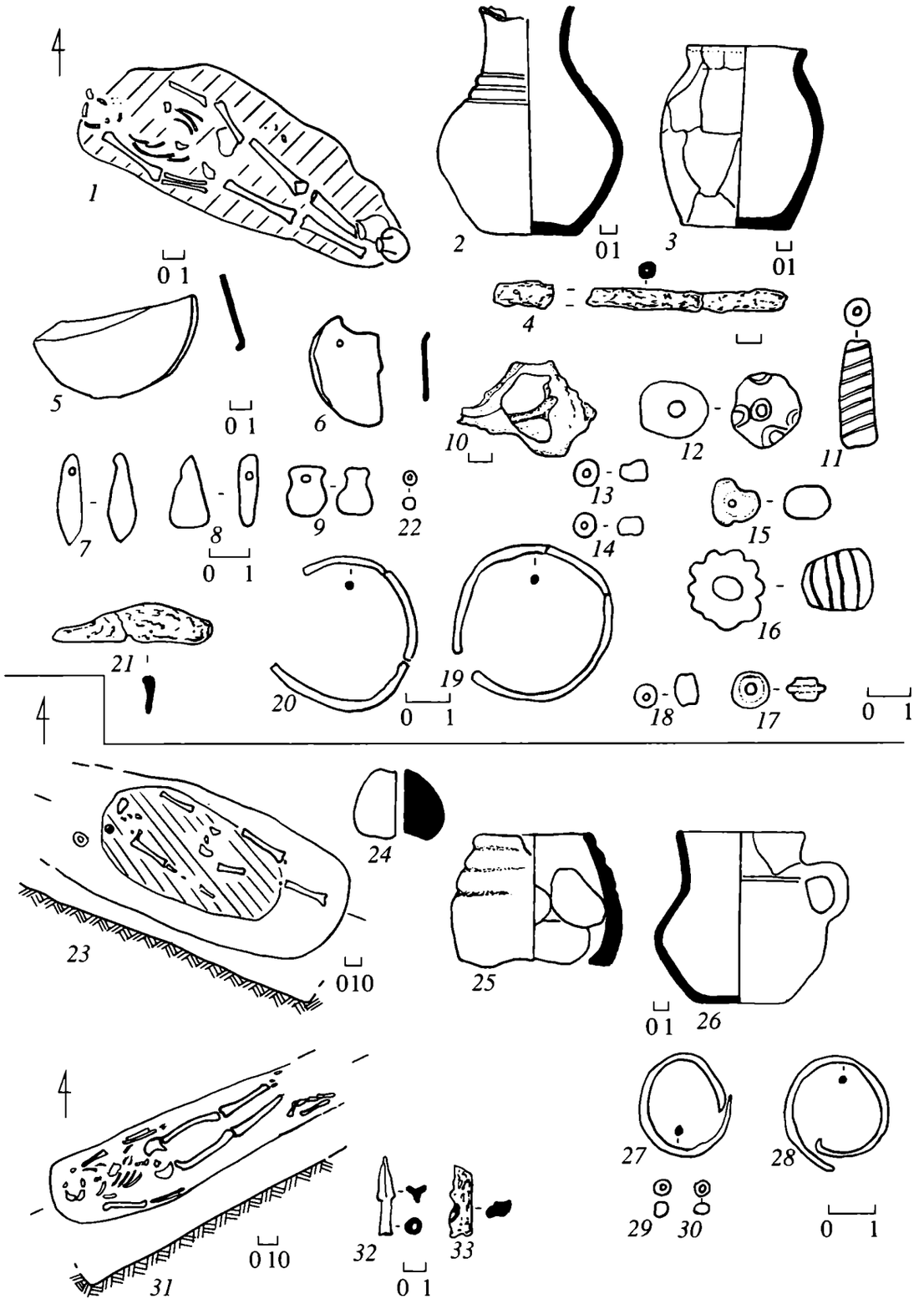

Рис. 2. Погребения из могильника Кавказский: *1–22* – Кавказский 91, кург. 1, погр. 5; *23–30* – Кавказский 91, кург. 2, погр. 6; *31–33* – Кавказский 91, кург. 6, погр. 7.

продольным расположением входной ямы и камеры. Входная яма прослежена частично. Костяк человека лежал на спине, головой на СЗ. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая сильно согнута в локте, ноги перекрещены в голенях. Неестественный разворот туловища, вероятно, объясняется трудностями, возникшими при помещении тела в узкую камеру. На дне входной ямы расчищена трубчатая кость животного. Вещей нет.

Кавказский 91. Курган 7. Погребение 2 (рис. 1, *2*). Впускное. Могильная яма прослежена частично

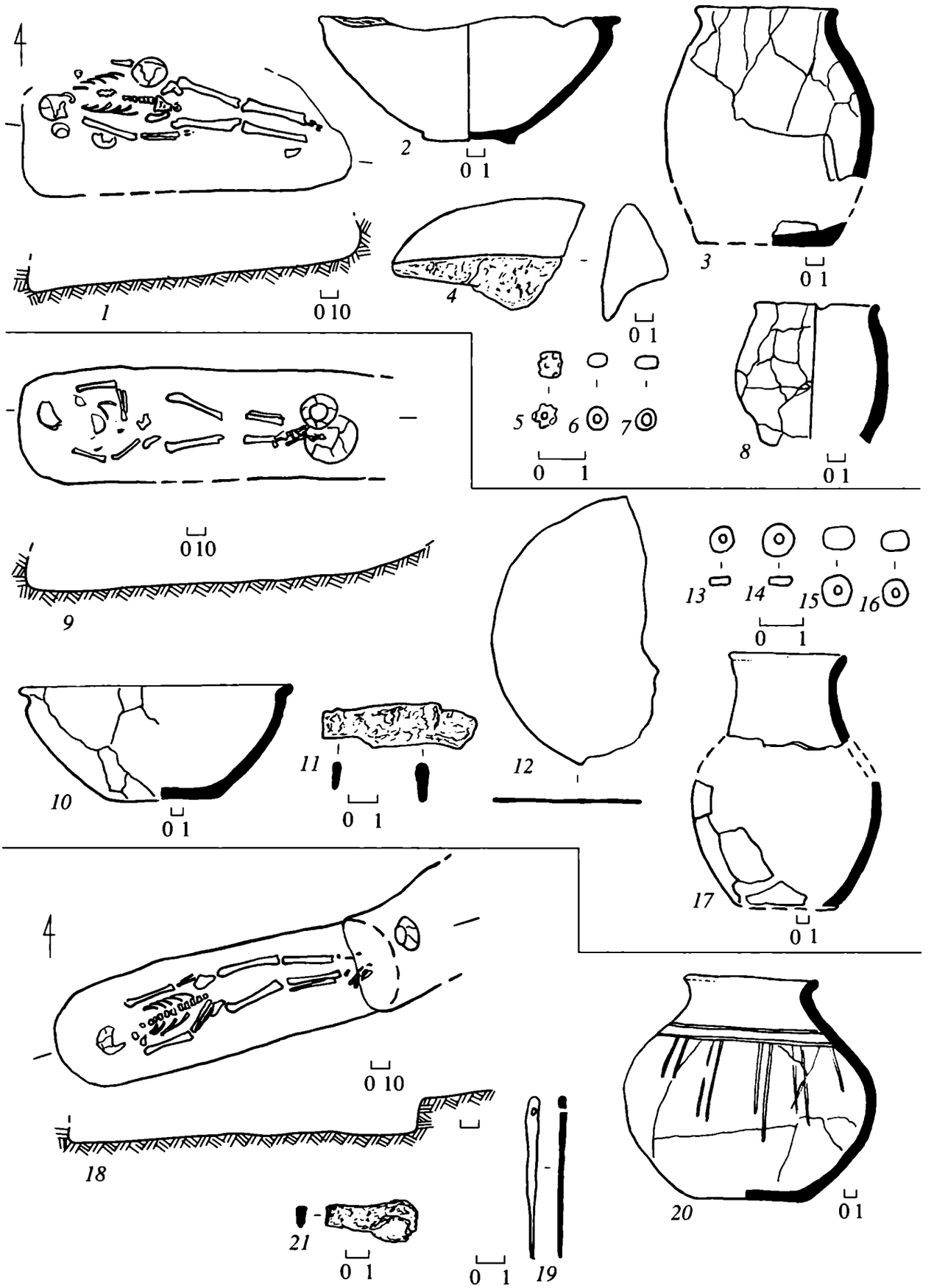

Рис. 3. Погребения из могильника Кавказский: *1–8* – Кавказский 92, кург. 4, погр. 9; *9–17* – Кавказский 92, кург. 4, погр. 10; *18–21* – Кавказский 91, кург. 2, погр. 8.

и, судя по перепаду высот в уровне дна, представляет собой катакомбу, аналогичную описанным выше. Костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. Правая рука согнута в локте и уложена кистью поверх таза. Возле левого бедра найден один втульчатый, трехлопастной, железный наконечник стрелы (рис. 1, *3*).

Кавказский 91. Курган 11. Погребение 3 (рис. 4, *1*). Впускное. Совершено в подбое. Костяк человека лежал на спине, головой на запад. Руки погребенного согнуты в локтях и уложены кистями в область таза. Возле стоп расчищена кружальная красноглиняная миска, орнаментированная по бортику прорезной волной (рис. 4, *2*), в ней находились кости животного. Рядом найдены кружальная красноглиняная кружка (рис. 4, 1*3*) и крышка красноглиняного сосуда, использованная как туалетная мисочка (рис. 4, *5*). Внутри сохранились следы краски ярко-оранжевого цвета. Возле черепа открыт грубый лепной горшок (рис. 4, *6*). В западном углу подбоя стоял кружальный оранжевоглиняный сосуд на кольцевидном поддоне (рис. 4, *4*). Возле запястья левой руки, прямо поверх костей туловища, расчищено скопление предметов, находившихся, вероятно, в поясном мешочке: бронзовый литой браслет с шишковидными выступами (рис. 4, *14*), фрагмент бронзовой бляхи умбоновидной формы (рис. 4, *16*), фрагмент литого бронзового зеркала (рис. 4, *15*), железная игольница в виде трубочки, конец которой с одной стороны сплющен (рис. 4, *3*), россыпь крупных стеклянных бусин и подвесок (рис. 4, *7–10*), керамическое пряслице усеченно-конической формы. Под черепом найдены два бронзовых височных кольца (рис. 4, *17*, *18*). В области шеи лежала одна бронзовая бусина (?), сделанная из тонкой пластины (рис. 4, *12*). Рукава одежды были обшиты прозрачным стеклянным бисером и пастовым бисером синего цвета (рис. 4, *11*).

Кавказский 92. Курган 1. Погребение 3 (рис. 4, *23*). Впускное. Могильная яма не прослежена. Костяк человека лежал на спине, головой на запад. В области стоп стояла лепная плоскодонная кружка. Тесто в изломе темно-серого цвета с примесью ракушки, поверхность чернолощеная (рис. 4, *24*). Рядом найден фрагмент кружальной сероглиняной миски (рис. 4, *26*). Возле голени левой ноги лежало керамическое пряслице овальной формы (рис. 4, *25*).

Кавказский 92. Курган 4. Погребение 7 (рис. 4, *19*). Впускное. Могильная яма прослежена частично, но с большой долей вероятности можно утверждать, что погребение совершено в катакомбе с переходом из входной ямы в камеру через ступеньку (см. Кавказский 91, к 2. п. 8). Дно камеры имело характерный наклон вдоль длинной оси, а стены покрыты известковым налетом. Костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. Правая рука согнута в локте и уложена кистью в область таза. За черепом стояла кружальная оранжевоглиняная кружка с горизонтальной ручкой (рис. 4, *20*). Вдоль костей левой руки лежал железный меч с брусковидным перекрестьем и серповидным навершием (рис. 4, *22*). Возле острия меча расчищен темно-коричневый органический тлен от колчана и восемь бронзовых бляшек умбоновидной формы (рис. 4, *21*).

Кавказский 92. Курган 4. Погребение 9 (рис. 3, *1*). Впускное. Погребение совершено в узком подбое, сделанном под северной стенкой входной ямы. Край могилы прорезан сарматским захоронением № 10. Костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на запад. Поверх костей левой руки стояла грубая черноглиняная миска, изготовленная на ручном круге (рис. 3, *2*). Возле черепа стоял маленький лепной горшок (рис. 3, *8*). Второй лепной горшок находился возле правого плеча (рис. 3, *3*). В области шеи расчищена россыпь стеклянных бусин белого цвета (рис. 3, *6*, *7*) и одна стеклянная цилиндрическая бусина с шишковидными выступами (рис. 3, *5*). В ногах лежал необработанный обломок камня (рис. 3, *4*).

Кавказский 92. Курган 4. Погребение 10 (рис. 3, *9*). Впускное. Погребение совершено в катакомбе с продольным расположением входной ямы и камеры. Входная яма не прослежена, но дно камеры плавно понижается вдоль длинной оси и под торцевой стенкой закругляется на свод. Костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на запад. Левая рука сильно согнута в локте, правая согнута и уложена кистью в область таза. У входа в погребальную камеру стояла грубая миска, сформованная на ручном круге (рис. 3, *10*). Внутри находились кости животного. Рядом стоял высокогорлый сосуд, тоже изготовленный на ручном круге (рис. 3, *17*). На груди погребенного лежал фрагмент кованого бронзового зеркала, диаметр 13 см (рис. 3, *12*). В области шеи расчищено ожерелье, состоящее из крупных стеклянных бусин белого цвета (рис. 3, *15*, *16*) и дисковидных бусин из гагата (рис. 3, *13*, *14*). С внутренней стороны правого бедра найден фрагмент железного ножа (рис. 3, *11*).

Таким образом, первая группа включает в себя одиннадцать комплексов, впущенных в курганы эпохи бронзы. В девяти из них полностью или частично удалось проследить форму могильного сооружения. Семь погребений совершены в катакомбах с продольным расположением входной ямы и камеры. Этот тип характеризуется наклоном дна камеры в сторону, противоположную входу, поэтому входная яма часто повреждается техникой. При этом катакомба почти всегда определяется по характерному изгибу стенок на свод и белому известковому налету, который появляется на стенах только в незаполненных землей пустотах. Переход из входной ямы обычно

оформлен в виде пологого спуска (рис. 3, *9*) и, реже, через отвесную ступеньку (рис. 3, *18*). В последнем случае, если дно входной ямы срезается, катакомбу часто путают с обычной прямоугольной ямой. Два захоронения совершены в ямах с подбоями. Один подбой значительно больше входной ямы и расположен от нее с южной стороны (рис. 4, *1*). В другом, под северной стенкой, сделана небольшая овальная ниша (рис. 3, *1*). Переход из входной ямы оформлен в виде ступенчатого спуска или плавного понижения. Все погребенные лежат вытянуто на спине головой в западный сектор. Как правило, ноги вытянуты, и отмечен только один случай перекрещивания их в голенях. Положение рук сильно варьируется: 3 случая – руки вытянуты; 3 – левая вытянута, правая положена кистью на таз; 2 – левая лежит на животе, правая на тазе; 1 – обе руки на тазе; 1 – левая на животе.

Набор погребального инвентаря в комплексах этой группы достаточно разнообразен и находит широкие аналогии в сарматских захоронениях Нижнего Прикубанья.

По набору бус погребение 5 (рис. 2, *1*) может быть датировано II–I вв. до н.э. Типы: 152, 163, 165 (рис. 2, *7*, *9*, 16); тип 215 *б* (рис. 2, *11*) по Е.М. Алексеевой 1978. Табл. 33, *50*, *68*, *70*; 28, *35*, *36*). Фрагменты кованого бронзового зеркала с неравномерно отогнутым краем (рис. 2, *5*) можно условно сопоставить с зеркалами Отдела 3, тип 3.0 по А.С. Скрипкину 1990. С. 94). Грубые сероглиняные кувшины без ручек редко встречаются в сарматских погребениях, но их фрагменты отмечены на городище Новоджерелиевское 3 в слое I в. до н.э. Раковины рапаны известны в нескольких сарматских погребениях II–I вв. до н.э. Эти находки особенно интересны, так как рапана появилась в Черном море 50–60 лет назад, а в раннем железном веке могла доставляться только с Дальнего Востока.

Лепные сосудики с гальками как в погребении 6 (рис. 2, *25*) широко распространены в памятниках Центрального Кавказа, и Б.М. Керефов считает их хронологическим индикатором погребений последних веков до нашей эры (Керефов, 1988. С. 54).

Погребение 3 (рис. 4, *1*) датируется браслетом латенского стиля концом II первой половиной I в. до н.э. (Нефедова, 1992. С. 3). Не противоречит этой дате набор посуды боспорского производства (рис. 4, *2*, *4*, *13*). Красноглиняные кувшины, миски и кружки входят в состав керамического импорта, планомерно поставлявшегося в степь с середины II до последней трети I в. до н.э. (Шевченко, 1993а. С. 37). Стеклянные бусы и бронзовая подвеска имеют широкую датировку, но в целом укладываются в предложенные хронологические рамки.

Катакомбное погребение 7 (рис. 4, *19*) надежно датируется концом II в. до н.э. красноглиняной кружкой с горизонтальной ручкой и мечом с прямым перекрестьем и серповидным навершием (Марченко, 1996. С. 53). Особый интерес в этом комплексе представляет находка остатков колчана, украшенного бронзовыми бляшками (рис. 4, *21*). При этом наконечники стрел не обнаружены. Подобные находки уже отмечались в сарматских погребениях Прикубанья; вероятно, их можно интерпретировать как символический показатель статуса погребенного (Шевченко, 1993б. С. 48).

Датировать погребения 9 и 10 (рис. 3, *1*, *9*) позволяет прямая стратиграфия. Оба комплекса расположены рядом друг с другом, и катакомба (№ 10) прорезает северный край подбоя (№ 9), при этом сама катакомба перекрыта погребением 7, II в. до н.э. (рис. 3, *19*). Лепные горшки и черноглиняные миски, изготовленные на ручном круге (рис. 3, *2*, *3*, *8*, *10*), не имеют узкой даты, тип бронзового зеркала не восстанавливается, однако плоские гагатовые бусы относятся к эллинистическому времени (Алексеева, 1978. Табл. 20, *41*). Остальные бусы из глухого белого и желтого стекла датируются широко, начиная со II в. до н.э. Таким образом, оба комплекса укладываются в рамки середины или первой половины II в. до н.э.

Три катакомбных захоронения из курганов 6, 7 не имеют узко датированного материала. Все находки представлены железными втульчатыми наконечниками стрел. В погребении 7 (рис. 2, *31*) найдены окисленные остатки трех наконечников, в погребении 2 (рис. 1, *3*) – один. В большинстве сарматских захоронений Прикубанья стрелы, независимо от их количества, были положены в могилу в колчане. При этом выделяется группа, в которой количество стрел колеблется от 1 до 3 или просто положен пустой колчан, как в погребении 7 (рис. 4, *19*). Обряд замены реального оружия символами широко распространяется со второй половины II в. до н.э. и сохраняется до I в. н.э. (Шевченко, 1993б. С. 47).

Время совершения всех захоронений первой группы укладывается в рамки II–I вв. до н.э. Все они могут быть сопоставлены с т.н. сиракскими погребениями Прикубанья. Очень важно, что в могильнике удалось проследить большинство погребальных конструкций, при этом из одиннадцати комплексов семь были совершены в катакомбах, два в подбоях, и ни одного в прямоугольной яме (две конструкции не прослежены). Все катакомбы имели узкие, как лаз, камеры и сравнительно бедный инвентарь. Такая статистика ставит под сомнение тезис о том, что захоронение по катакомбному обряду составляет всего 10% от всех сарматских комплексов Прикубанья и свидетельствует о высоком социальном статусе умершего (Марченко, 1996. С. 137). Полученный материал скорее говорит о массовом применении катакомбной традиции, которая наряду с другими

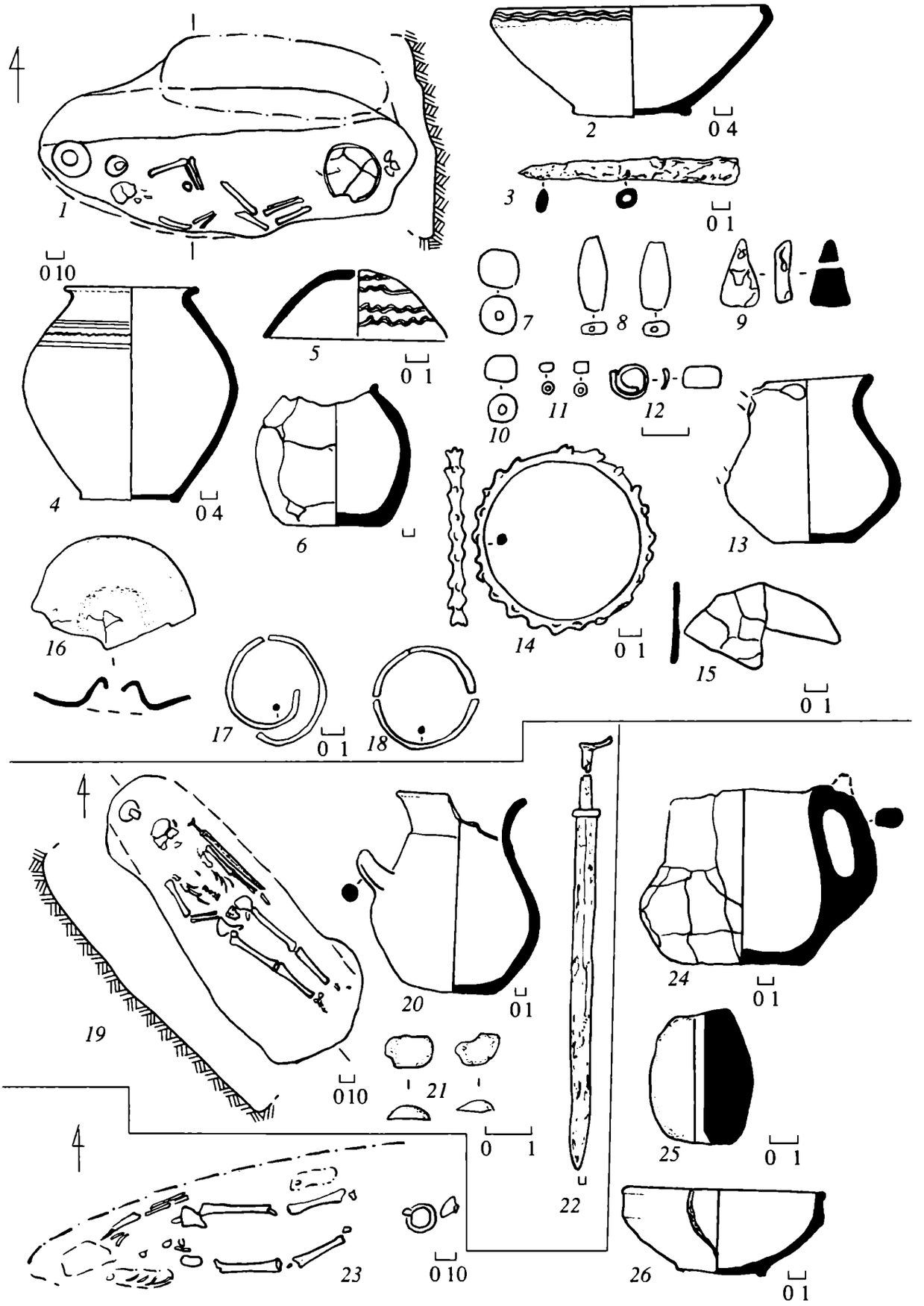

Рис. 4. Погребения из могильника Кавказский: *1–18* – Кавказский 91, кург. 11, погр. 3; *19–22* – Кавказский 92, кург. 4, погр. 7; *23–26* – Кавказский 92, кург. 1, погр. 3.

вариантами погребальных обрядов отражала выделение социальных групп в сарматском обществе (свободные кочевники, ремесленники, зависимое население и т.д.). Имущественный ценз и иерархический статус определяли только размеры катакомбы и набор инвентаря.

Группа 2.

Кавказский 91. Курган 2. Погребение 3 (рис. 5, *15*). Впускное. Могильная яма не прослежена. Костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на юг. Возле правой берцовой кости найден кружальный красноглиняный кувшинчик. Ручка и часть венчика отбиты в древности (рис. 5, *19*). В районе стоп расчищены парные курильницы. Большая – грубая толстостенная с цилиндрическим туловом (рис. 5, *17*). Внутри нее находился маленький лепной сосудик с плавно загнутыми стенками (рис. 5, *18*). Под курильницами лежал фрагмент бронзового зеркала-подвески с валиком по краю и коническим выступом в центре (рис. 5, *20*). Поперек голеней в два ряда лежали пастовые бусы голубого цвета (рис. 5, 21, *22*). Между берцовыми костями найдено керамическое пряслице (рис. 5, *16*), а в ногах расчищены кости животного.

Кавказский 91. Курган 3. Погребение 4 (рис. 5, *25*). Впускное. Могильная яма не прослежена. Костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на юг. Нижняя челюсть находилась в области груди, а череп и кости обоих запястий в могиле отсутствовали. В 0.30 м от правой бедренной кости стояла кружальная коричневоглиняная кружка (рис. 5, *26*). Рядом найдены кости ноги животного.

Кавказский 91. Курган 4. Погребение 1. Центральное. Насыпь в плане имела округлую форму, высота 0.23 м, диаметр 27 м. (рис. 6, *1*). Погребение совершено в подпрямоугольной яме, сориентированной по линии ЮВ–СЗ, размером 2.60 × 1.20 м. (рис. 6, *4*). Могила ограблена в древности. В заполнении найдены: 27 черешковых трехлопастных наконечников стрел (рис. 6, *8–10*), фрагмент гагатовой бусины (рис. 6, *6*), верхняя часть краснолакового сосуда (рис. 6, *5*), железный колчанный крючок (рис. 6, *7*). В 7.5 м к востоку от погребения, на уровне погребенной почвы, расчищены остатки тризны в виде фрагментов двух мисок: кружальная красноглиняная (рис. 6, *2*), кружальная сероглиняная (рис. 6, *3*).

Кавказский 91. Курган 8. В вершину насыпи эпохи бронзы впущены два сарматских захоронения, окруженные ровиком, разомкнутым с южной стороны. Диаметр 7 м, глубина около 1 м, ширина 0.50 м (рис. 7, *3*). В заполнении рва найдена придонная часть лепного сосуда и кости животного. Земля, вынимавшаяся изо рва, вероятно, использовалась для увеличения насыпи.

Погребение 1 (рис. 7, *1*). Впускное. Могильная яма прослежена частично. Костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на юг. Вдоль правого бедра лежал железный меч с кольцевидным навершием (рис. 7, *5*). Возле правого плеча находился колчан, в котором было около 50 железных черешковых трехлопастных наконечников стрел (рис. 7, *6*). Справа от черепа стоял лепной черноглиняный горшок (рис. 7, *2*). Под восточной стенкой расчищен кружальный высокогорлый кувшин с носиком-сливом. Тесто в изломе коричневого цвета, поверхность покрыта темным лощением и украшена прорезным орнаментом (рис. 7, *4*). В северо-восточном углу погребения найдены ребра животного.

Погребение 2 (рис. 7, *9*). Впускное. Открыто в центре насыпи на глубине 1.02 м от 0. Форма могильной ямы не прослежена. В захоронении открыты два человеческих костяка. Первый принадлежал взрослому мужчине. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юг. Вдоль правого бедра лежал железный меч с кольцевым навершием (рис. 7, *7*). На тазовых костях найден фрагмент бронзового литого зеркала со слабым рельефом по краю (рис. 7, *12*). Возле левого коленного сустава стоял лепной черноглиняный горшок (рис. 7, *11*) и лежали кости животного. Второй костяк лежал параллельно первому, головой на юг. Возле правого колена найден фрагмент лезвия железного меча (рис. 7, *8*). За правым плечом стоял кружальный красноглиняный кувшин на кольцевидном поддоне. Горло и ручка отбиты в древности (рис. 7, *10*).

Кавказский 91. Курган 12. Погребение 1. Центральное. Насыпь в плане округлой формы, диаметр около 20 м, высота 0.40 м. (рис. 8, *5*). Погребение совершено в подпрямоугольной яме сориентированной по линии север–юг, размер 2.90 × 1.45 м (рис. 8, *1*). Захоронение ограблено в древности. В заполнении найдены: фрагмент круглого в сечении металлического стержня (рис. 8, *4*), пастовая бусина светло-синего цвета (рис. 8, *3*), фрагмент бронзового зеркала с ручкой петелькой и валиком по краю (рис. 8, *2*).

Кавказский 91. Курган 12. Погребение 2 (рис. 8, *6*). Впускное. Совершено в подквадратной яме, сориентированной по сторонам света. В 0.40 м от дна сделаны заплечики, на которых лежало перекрытие. Деревянный настил держался на двух бревнах, перекинутых через яму в направлении север–юг. Размер ямы на уровне заплечиков 1.90 × 2 м. На дне находился деревянный помост, сделанный из трех бревен, перекрытых деревянным настилом. Размер 1.30 × 1.20 м. Костяк человека лежал на помосте, по диагонали могильной ямы, головой на ЮЗ. Кости ног образуют "позу всадника". Возле кисти левой руки найден железный нож с прямой спинкой (рис. 8, *10*). У левого плеча лежал фрагмент железного стержня (рис. 8, *9*). Под черепом расчищена стеклянная бусина красного цвета с белым волнистым орнаментом (рис. 8, *8*). Возле

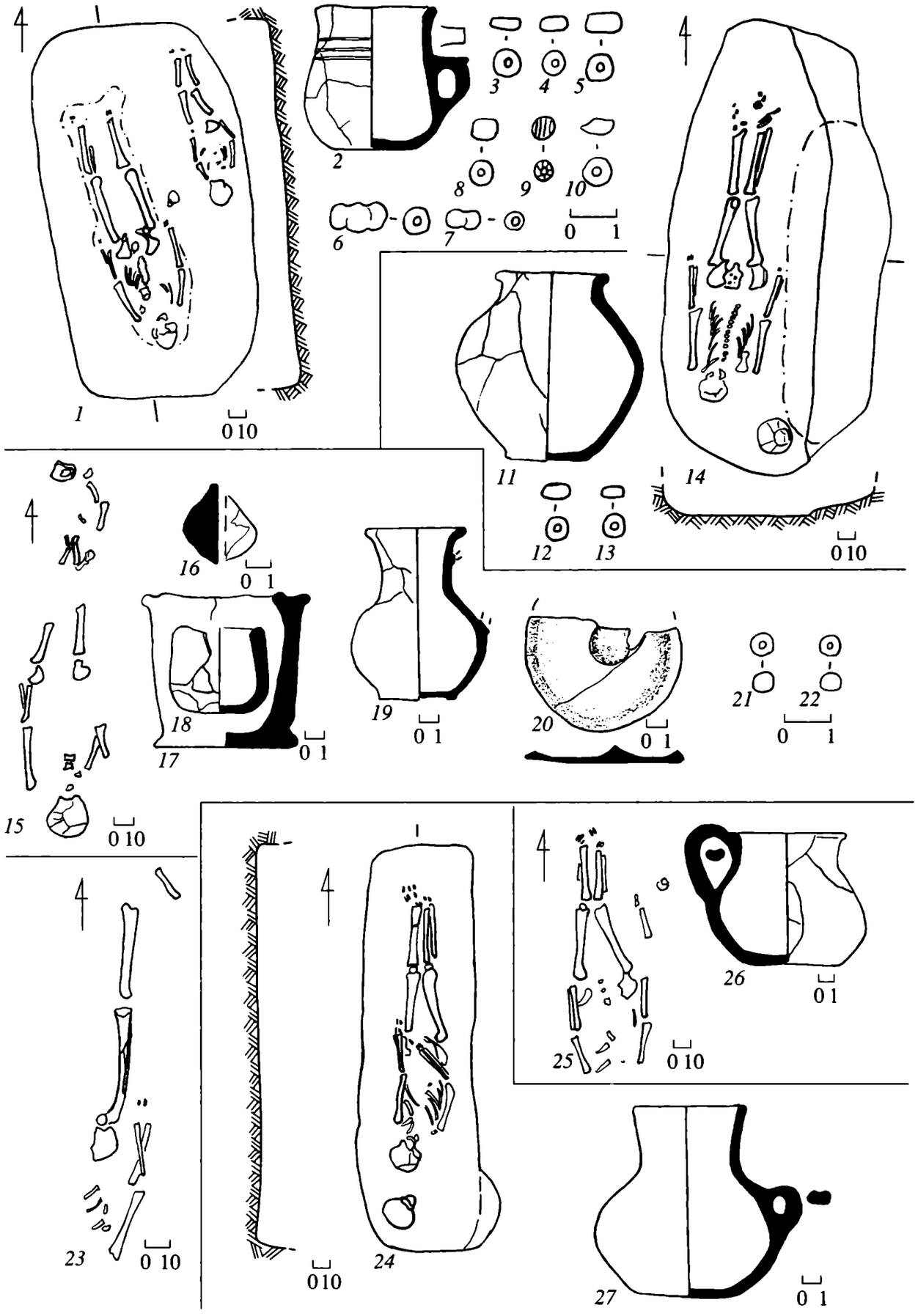

Рис. 5. Погребения из могильника Кавказский: *1–10* – Кавказский 92, кург. 5, погр. 3; *11–14* – Кавказский 92, кург. 5, погр. 5; *15–22* – Кавказский 91, кург. 2, погр. 3; *23* – Кавказский 92, кург. 3, погр. 1; *24*, *27* – Кавказский 92, кург. 3, погр. 5; *25*, *26* – Кавказский 92, кург. 3, погр. 4.

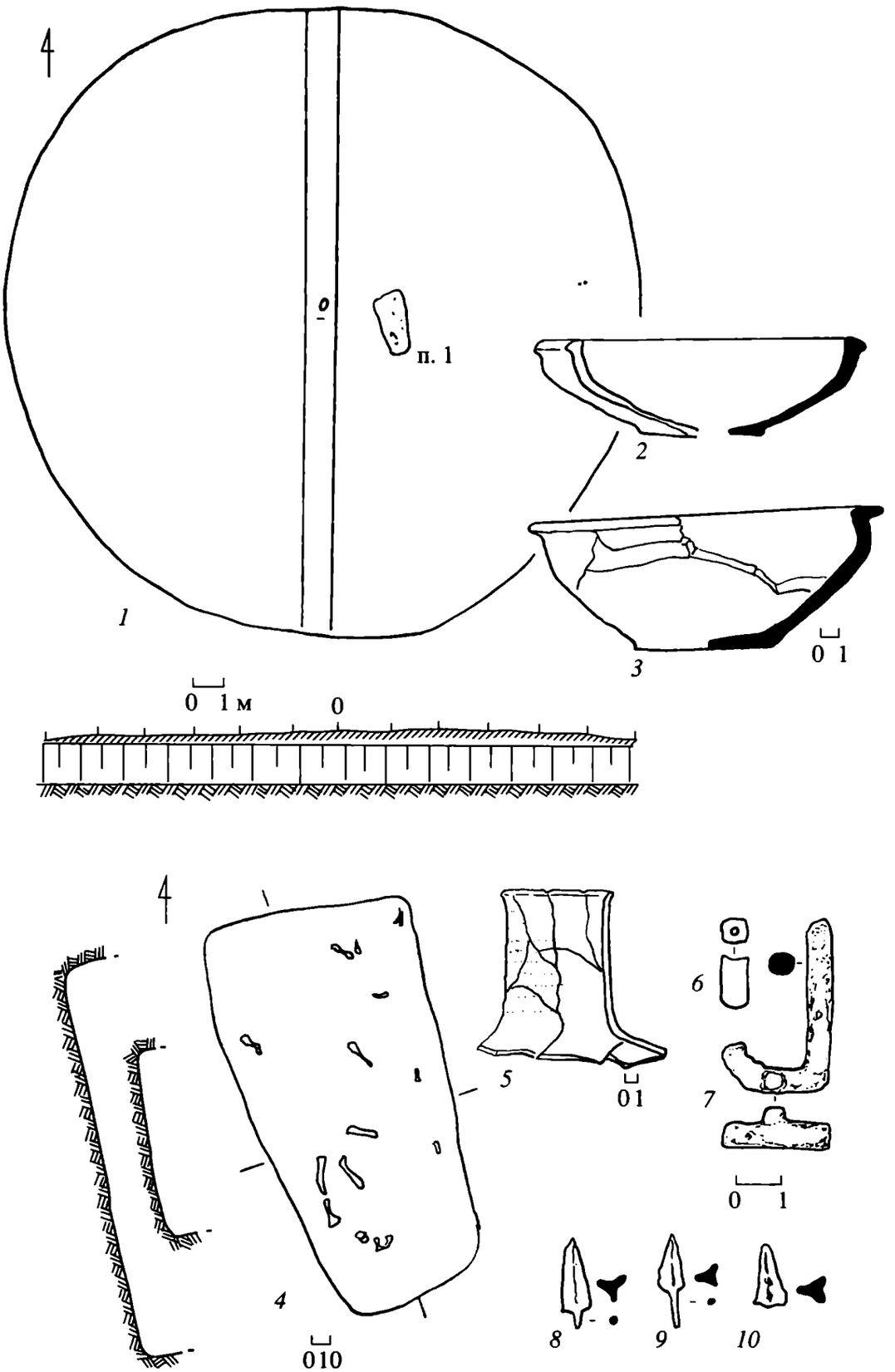

Рис. 6. Погребения из могильника Кавказский: *1–10* – Кавказский 91, кург. 4, погр. 1.

помоста стоял кружальный высокогорлый кувшин. Тесто темно-серого цвета, поверхность залощена (рис. 8, *7*).

Кавказский 92. Курган 3. Погребение 1 (рис. 5, *23*). Впускное. Могильная яма не прослежена. Костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на юг. Сохранилась только правая половина туловища. Между ребер найден черешок железного наконечника стрелы со следами древесного тлена.

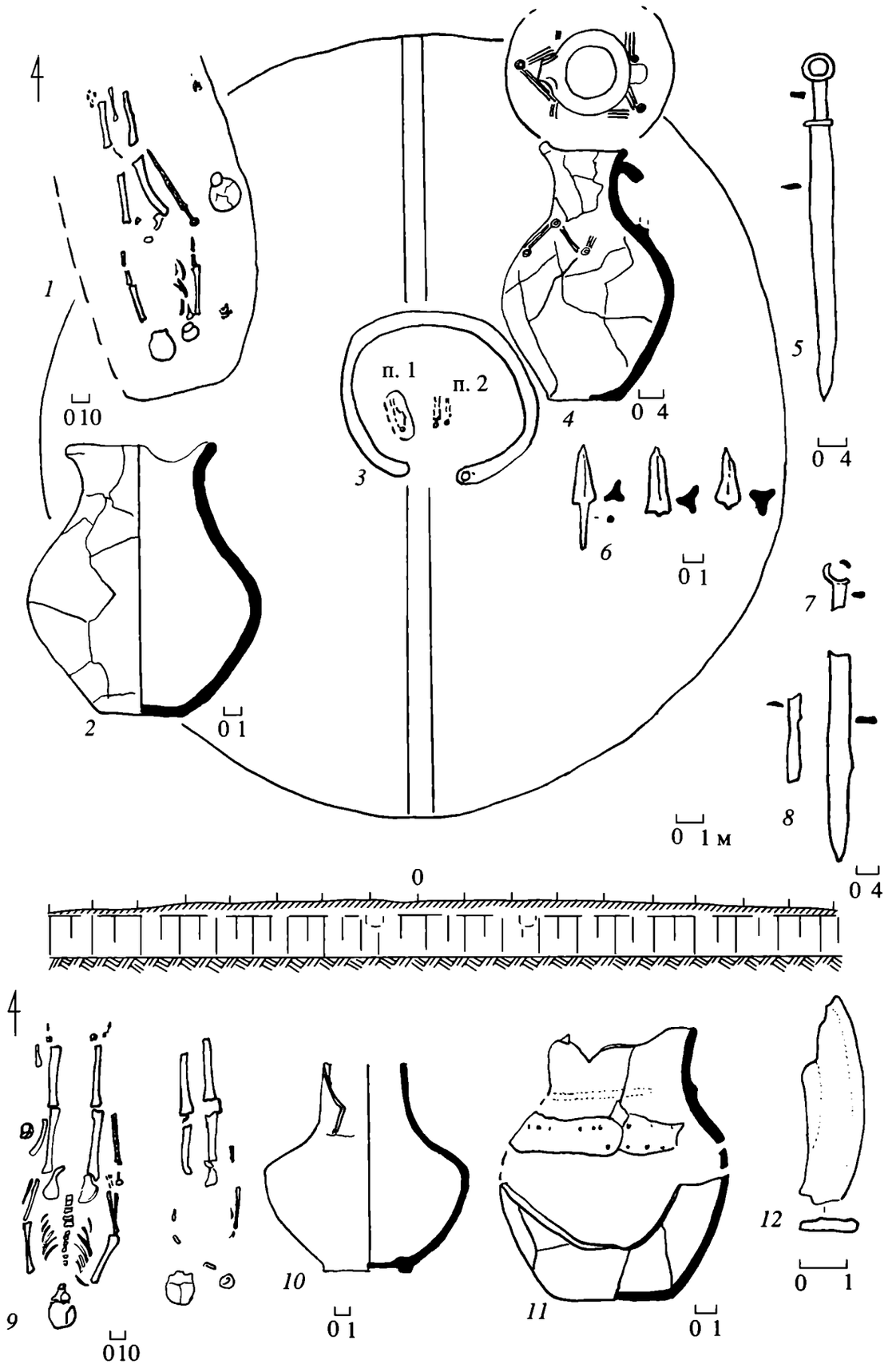

Рис. 7. Погребения из могильника Кавказский: *1–8* – Кавказский 91, кург. 8, погр. 1; *9–12* – Кавказский 91, кург. 8, погр. 2.

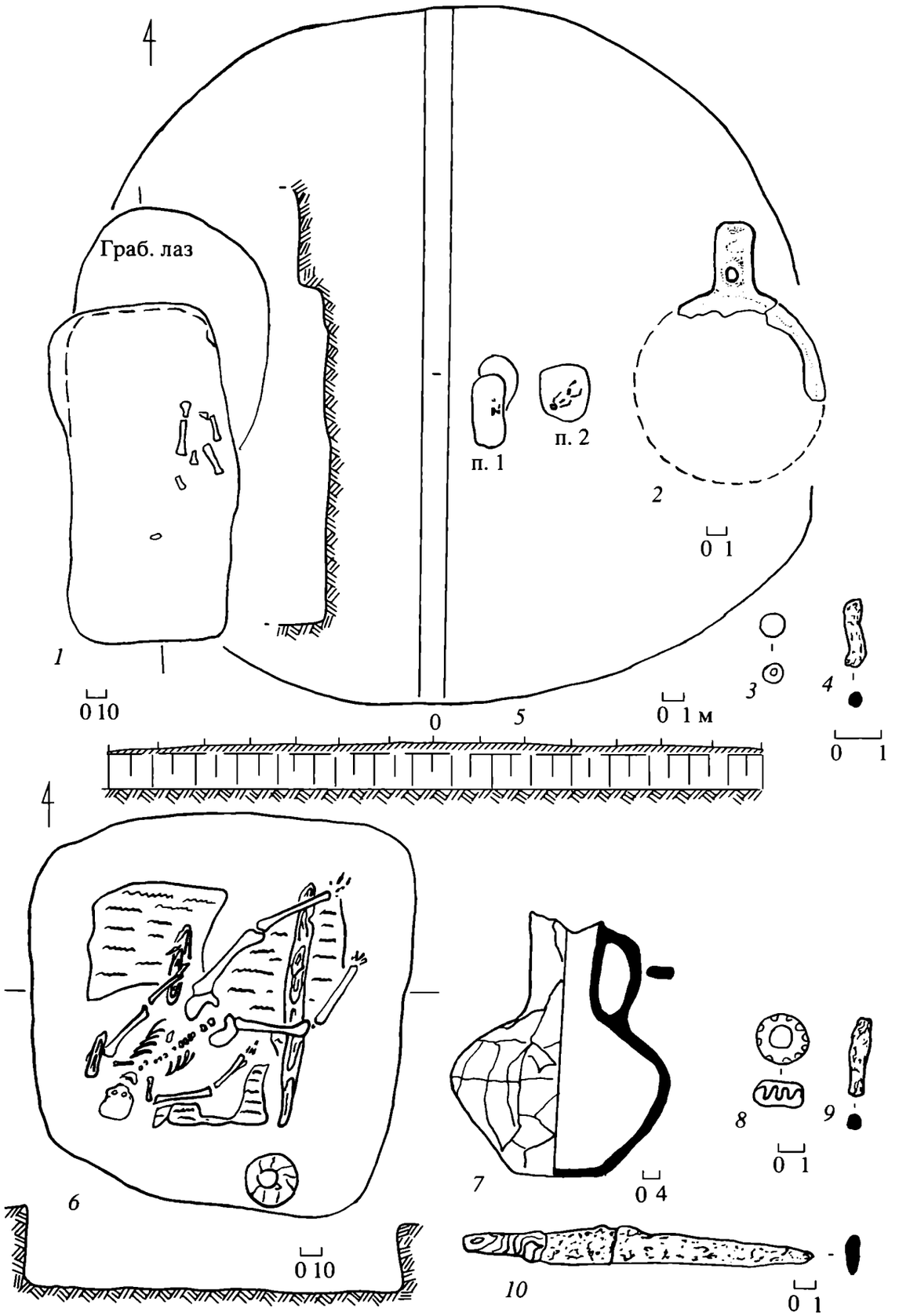

Рис. 8. Погребения из могильника Кавказский: *1–5* – Кавказский 91, кург. 12, погр. 1; *6–10* – Кавказский 91, кург. 12, погр. 2.

Кавказский 92. Курган 3. Погребение 5 (рис. 5, *24*). Впускное. Совершено в подпрямоугольной яме. Костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на юг. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте и положена кистью в область таза. За черепом стоял кружальный сероглиняный кувшин (рис. 5, *27*).

Кавказский 92. Курган 5. Погребение 3 (рис. 5, *1*). Впускное. Совершено в прямоугольной яме, сориентированной по линии север–юг. В погребении

открыты два костяка. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. Вдоль правой бедренной кости расчищены семь пастовых сильно патинированных бусин (рис. 5, 3, *4*). Возле кисти правой руки стояла кружальная плоскодонная кружка. Тесто светло-серого цвета, с примесью известковых частиц, поверхность залощеца. Верхняя часть ручки оформлена в виде горизонтальной площадки (рис. 5, *2*). Костяк ребенка лежал вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. В области шеи расчищено ожерелье из 27 стеклянных бусин и пронизок (рис. 5, 6, 7, *10*). На стопах открыто скопление стеклянных бусин синего цвета (рис. 5, *8*). Аналогичные бусы лежали вдоль берцовых костей и на запястьях обеих рук. Вероятно, тело ребенка было накрыто расшитым покрывалом, так как отдельные бусины найдены на черепе и поверх костяка. Особый интерес представляет бусина с дольчатым орнаментом синего, зеленого, желтого и белого цветов (рис. 5, *9*).

Кавказский 92. Курган 5. Погребение 5 (рис. 5, *14*). Впускное. Погребение совершено в подбое. Костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на юг. Под южной стенкой подбоя стоял кружальный сероглиняный сосуд с лощеной поверхностью (рис. 5, *11*). Поперек берцовых костей лежала низка пастовых бусин белого цвета (рис. 5, *12*, *13*). В районе стоп расчищены ребра и кости ноги животного.

Кавказский 92. Курган 6. Погребение 2 Центральное. Насыпь в плане округлая, диаметр около 25 м, высота 0.30 м (рис. 9, *1*). Погребение совершено в подквадратной яме размером 1.80 × 2.5 м, прослеженная глубина 0.95 м (рис. 9, *5*). Захоронение ограблено в древности. В заполнении ямы найдены: кремневый отщеп (рис. 9, *3*), фрагмент железной пластины (рис. 9, *4*), фрагменты черешков и один целый черешковый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 9, *2*). В юго-восточном углу могильной ямы найдены сдвинутые с места и перемешанные кости человека.

Кавказский 92. Курган 6. Погребение 3 (рис. 9, *6*). Впускное. Могильная яма не прослежена. Костяк человека лежал вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. В области шеи расчищено ожерелье, состоявшее из стеклянных пронизок и бусин (рис. 9, *7–12*), среди них одна полихромная бусина с мозаичным орнаментом (рис. 9, *15*). Поперек берцовых костей лежала низка бусин, состоявшая из прозрачных стеклянных бус (рис. 9, *14*) и бус биконической формы зеленого цвета (рис. 9, *13*).

Впускное погребение 1 в курган 6 безынвентарное (рис. 9, *16*) и датировать его не представляется возможным.

Во вторую группу входят тринадцать погребений, три из которых являются центральными, а десять впущены в курганы эпохи бронзы или сарматского времени. Высота насыпей над центральными сарматскими могилами не более 0.40 м, и при визуальном осмотре они практически не выделяются над поверхностью земли. В двух из них захоронения совершены в больших ямах подпрямоугольной формы, ориентированных по линии север–юг, в одном яма имела форму почти правильного квадрата. Все три центральных погребения ограблены в древности, поэтому положение костяков не прослеживается. Набор вещей, сохранившихся в этих погребениях, ограничен и дает мало оснований для узких датировок. Бронзовое зеркало-подвеска с узким валиком по краю (рис. 8, *2*) может быть датировано в пределах I в. н.э. Не противоречат этой дате трехлопастные черешковые наконечники стрел, найденные в двух погребениях. Они имеют аккуратную боевую головку и короткий черешок, что характерно для позднего типа стрел (Скрипкин, 1990. С. 141). Датировка центральных погребений I в. н.э. подтверждается датами впускных комплексов из этих же курганов. В квадратной яме с перекрытием костяк лежал на помосте, по диагонали могильной ямы, головой на ЮЗ (рис. 8, *6*). В настоящее время это единственное известное в Восточном Приазовье диагональное погребение. Они распространены к северу от Маныча и поздняя группа, по мнению Скрипкина А.С., датируется не ранее I в. н.э. (Скрипкин, 1990. С. 178). Ограбленное центральное погребение в кургане 6, вероятно, тоже было диагональным (рис. 9, *5*). Захоронение 2, впущенное в этот курган, датируется I в. н.э. полихромной бусиной с мозаичным орнаментом (рис. 9, *15*) (Алексеева, 1982. Табл. 48, *45*). Погребальные конструкции впускных захоронений представлены двумя прямоугольными ямами, одним подбоем, одной квадратной ямой с перекрытием. Погребенные лежат на спине, головой на юг. Руки вытянуты вдоль туловища, и только в одном случае кисть правой руки положена на таз. Дважды отмечено парное захоронение. Особый интерес представляют погребения 1 и 2, впущенные в вершину кургана эпохи бронзы и окруженные ровиком с перемычкой с южной стороны (рис. 7, *3*). Этот обряд, в разных вариантах, имеет древние иранские корни и распространен очень широко (Кульчар, 1997. С. 131). Ближайшие аналогии известны в Подонье в комплексах III–IV вв. н.э. (Безуглов, Захаров, 1988. С. 16). Ко II–IV вв. н.э. относятся курганы с ровиками на территории Северо-западного Причерноморья (Симоненко, 1990; Гроссу, 1990. С. 27). На окруженной рвом площадке открыты два сарматских погребения, совершенные одновременно или с небольшим временным разрывом (рис. 7, *3*). В обоих найдены железные мечи с кольцевидным навершием и прямым перекрестьем (рис. 7, 5, *8*). Этот тип появился в сарматской среде со II в. до н.э. и дожил до II–III вв. н.э. Тем не менее временем их наибольшего распространения считается средне-

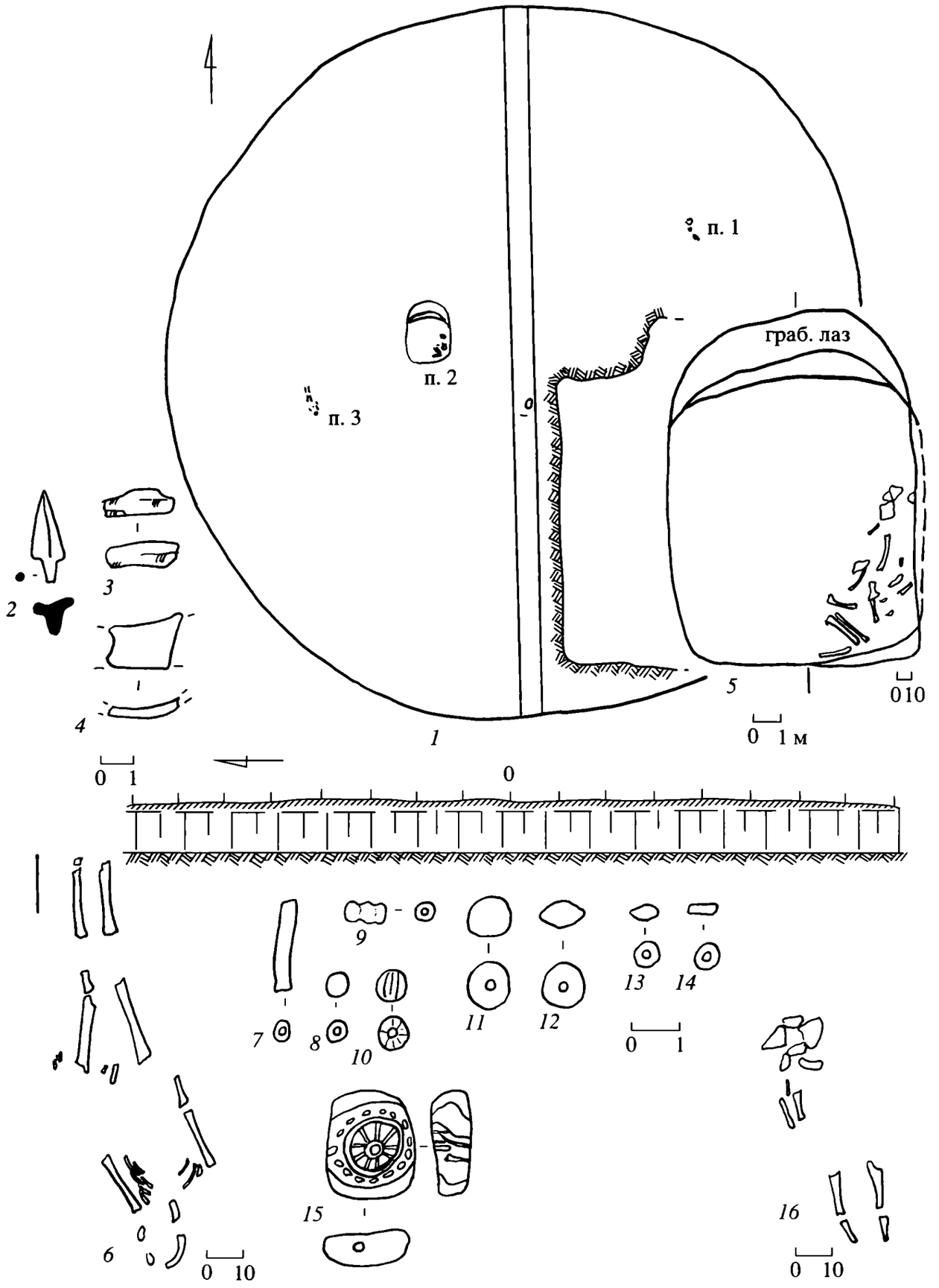

Рис. 9. Погребения из могильника Кавказский: *1–5* – Кавказский 92, кург. 6, погр. 2; *6–15* – Кавказский 92, кург. 6, погр. 3; *16* – Кавказский 92, кург. 6, погр. 1.

сарматское время (Скрипкин, 1990. С. 124). То же самое можно сказать про трехлопастные черешковые наконечники стрел (рис. 7, *6*). Сероглиняный кувшин с носиком-сливом (рис. 7, *4*) имеет полную аналогию в погребении конца I в. до н.э. из Зубовского хутора (Гущина, Засецкая, 1989. Табл. XI, *129*). Таким образом, оба комплекса также могут быть отнесены к I в. н.э. Среди остальных захоронений этой группы выделяется комплекс с парными курильницами и зеркалом подвеской (рис. 5, *15*), который тоже надежно датируется I в. н.э. В керамическом наборе погребений второй группы преобладают сосуды характерных для среднесарматского времени форм: кружальный сероглиняный кувшин с маленькой боковой ручкой (рис. 5, *27*), (Максименко, 1998. Табл. 41, *13–16*); кружальная серолощеная кружка с ручкой плоско срезанной сверху (рис. 5, *2*); кружальная кружка коричневой глины с выступающей боковой ручкой (рис. 5, *26*).

Таким образом, вторая группа погребений в целом может датироваться I в. н.э. Курганы с центральными сарматскими захоронениями, подкурганный ров с перемычкой, диагональные могилы, южная ориентировка погребенных – все это принципиально отличает захоронения этой группы от т.н. сиракских комплексов. Вещевой набор характеризует наличие красного лака, парных курильниц, черешковых наконечников стрел и мечей с кольцевым навершием. Таким образом, могильник у хутора Кавказского составлен двумя группами погребений, которые отражают нюансы племенного деления Азиатской Сарматии. Если первая группа легко сопоставима с сираками Прикубанья, то культурный облик второй близок к памятникам среднесарматского времени на территории Нижнего Дона и Поволжья. Условно она может быть названа аорской. Серия таких захоронений впервые открыта в Восточном Приазовье и не исключено, что их появление связано с событиями войны 49 года.

Хронологическая преемственность между группами очевидна, но характер взаимоотношений двух сарматских племенных объединений в период после конфликта не ясен. Они не укладываются в рамки отношений, складывающихся по принципу победитель – побежденный. С одной стороны, сиракские захоронения в I в. н.э. на территории Восточного Приазовья исчезают, но с другой – тринадцать "аорских" комплексов нельзя считать следами широкой племенной экспансии. Не могут они быть и прямым следствием военных действий, так как половину составляют погребения женщин и детей, которые, судя по расположению в разных частях могильника, совершались в течение нескольких месяцев или даже больше. Одновременно отдельные комплексы этого времени появились и в других местах Северного Прикубанья. Следовательно, можно предположить, что в середине I в. н.э. аорсы делают попытку занять Приазовские степи, но потом вдруг покидают их одновременно с исходом своих оппонентов – сираков, и здесь с конца I в. н.э. образуется племенной вакуум.

Но если в Приазовье сарматские памятники I в. н.э. исчисляются единицами, то в Восточном Закубанье они известны достаточно широко. Это погребения т.н. Зубовско-Воздвиженской группы, где отмечены, в числе прочих, и диагональные захоронения (Берлизов и др., 1994. С. 42). Как бы ни определяли этноплеменную принадлежность этих памятников, они относятся к среднесарматскому времени и включают ряд черт нехарактерных для сиракских комплексов Прикубанья. Это позволило даже напрямую связывать их с аланами (Раев, Яценко, 1993. С. 121). Одновременно "аланы" появляются на территории Нижнего Дона. При этом даже простое нанесение комплексов первых веков нашей эры на карту показывает, что они оставляют нетронутым огромный участок Приазовской низменности между Кубанью и Доном. Есть варианты. Либо здесь полностью исчезает курганная традиция, что мало вероятно, либо есть причина, никак не связанная с внутрисарматскими отношениями. Такой причиной мог быть характер отношений Приазовских сираков и Боспора. Этот вопрос уже рассматривался автором, и сейчас нет необходимости останавливаться на нем подробно (Шевченко, 1993а). Смена в конце I в. до н.э. политической ориентации Боспора на Рим превращает сираков из союзников в потенциальную угрозу восточным границам царства. А столкновение 49 года находится в цепи военных конфликтов, повлекших вытеснение сираков из Приазовских степей. Это происходит во второй половине I в. н.э. и, по крайней мере до начала III в., область контролировалась правителями Боспора, которые удерживали варваров от расселения вблизи границ государства. Такой результат мог быть достигнут сначала военными акциями, а потом сохранен политическими средствами. Для этого боспорские цари получали от Рима денежные субсидии, предназначенные для оплаты наемников из среды варварских племен (Фролова, 1982. С. 61). По сути часть из них выполняла функции "федератов", расселенных вблизи границ Боспора (Гущина, Засецкая, 1994. С. 39). Существование в это время разносторонних дипломатических отношений с варварами подтверждается наличием на Боспоре целого штата аланских переводчиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1–12.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1–12.

Безуглов С.И., Захаров А.В. Могильник Журавка и финал позднесарматской эпохи в Правобережном Подонье // Известия Ростовского областного музея краеведения. 1988. Вып. 5.

Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н. Сарматские памятники Восточного Закубанья. Хронология и хронография // Проблемы истории и культуры сарматов. Тез. докл. междунар. конф. Волгоград, 1994.

Гроссу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990.

Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э.–II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989.

Гущина И.И., Засецкая И.П. "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.

Керефов Б.М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988.

Кульчар В. Некоторые характерные черты погребального обряда сарматов Карпатского бассейна // Донские древности. 1997. Вып. 5.

Максименко В.Е. Сарматы на Дону // Донские древности. 1998. Вып. 6.

Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996.

Нефедова Е.С. К вопросу о браслетах "латенского стиля" // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992.

Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе // Скифия и Боспор. Матер. конф. Новочеркасск, 1993.

Симоненко А.В. Сарматские погребения со рвами как исторический источник // Древнейшие общества земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Кишинев, 1990.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.

Фролова Н.А. О римско-боспорских отношениях в I– середине III в. н.э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982.

Шевченко Н.Ф. Некоторые аспекты боспоро-сарматских отношений в Восточном Приазовье (III в. до н.э.–II в. н.э.) // Музейный вестник. Вып. 1. Краснодар, 1993а.

Шевченко Н.Ф. Стрелы у сарматских племен Прикубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993б.

The Siraciae and the Aorses in the Kuban' River Steppe Region

N. F. Shevchenko

Summary

The excavations carried out at kurgan cemetery near Kavkazsky farmstead have produced the ground to trace the final period of existence of Sarmatian population in East Azov littoral. Traditionally the events of the civil war of 49 AD in Bosporan state were associated with the defeat of the Siraciae tribal union. The material excavated demonstrates that at the same time the Aorses group participating in the war on the Romans' side had also left eastern shores of the Azov sea, and hereafter the fertile steppes between the Don and Kuban' rivers were left unpopulated until the early 3rd c. AD at least. These facts led the author to a conclusion that the military actions of 49 AD should be interpreted not as an internecine war, but as an episode in the whole chain of conflicts aimed at forcing the Sarmatians as a potential threat out of the Empire's frontier. These actions of the Bosporan rulers were apparently supported and financed by Rome.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 60–71

ВАРИАНТЫ ИКОНОГРАФИИ ОДИНА И ПЕРУНА/ПЕРКУНО

© 2003 г. В. И. Кулаков

Институт археологии РАН, Москва

В 1995 г. автором этих строк была опубликована статья "Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв." (Кулаков, 1995а. С. 80), посвященная вариантам изображений высших богов древнегерманского пантеона "Один и вóроны" (варианты 1, 2), "Тор – хозяин хорошей погоды" (вариант 3) и "Тор и пара козлов" (вариант 4). Значительная часть этих иконографических феноменов, крайне важных для анализа знаковой системы раннесредневековой Европы, предполагает наличие в среде раннесредневековых германцев идеи языческой "иконы", возникшей как оппозиция христианским изобразительным канонам. Как выяснилось, эта идея была близка и соседям германских племен в Балтийском регионе – западным балтам и славянам. Особенно ярко это проявилось при рассмотрении культового оружия X–XI вв. жителей берегов Балтики (Кулаков, 1993. С. 126). Оформление идеи языческой "иконы" было связано с тем, что в VIII–X вв. в юго-восточной Балтии и Киевской Руси прослеживаются тенденции к созданию четко регламентированного языческого пантеона, причем в обоих случаях иерархию богов возглавляет повелитель грома и молний Перкуно/Перун (Рыбаков, 1986. С. 453). Разумеется, эти действия не могли не вызвать появления у населения Балтии и Восточной Европы набора иконографических типов изображений богов, главенствующих в местных языческих пантеонах. Новые находки памятников культового искусства, сделанные в земле пруссов, дают возможность обратиться к изучению этих иконографических типов, еще не привлекавших внимание исследователей в своем полном объеме.

В 1992 г. при раскопках могильника Коврово (бывш. Dollkeim, Kr. Samland – северная часть Зеленоградского р-на Калининградской обл.) была сделана уникальная для европейских древностей находка. В северной части раскопа III, в нижней части 1-го штыка была обнаружена бронзовая подвеска с утраченной верхней частью (рис. 1, *1*). Характерное утолщение (следы припоя) в верхней части находки указывает на существование здесь утраченной впоследствии петли для подвешивания, соединявшейся с подвеской посредством пайки. На одной из сторон подвески сохранились остатки оловянисто-цинкового покрытия. Техника исполнения подвески – литье, толщина ее достигает 1 мм, высота – 2.2 см. На обеих сторонах находки четко прослеживаются практически идентичные изображения стоящей мужской фигуры с согнутыми в локтях руками, упирающимися в бедра. Правая нога каждой фигуры слабо отставлена в сторону. Изображенный персонаж одет в приталенную рубаху (кафтан?), расширяющуюся на бедрах. Диспропорция коротких по сравнению с туловищем ног подчеркивается их несоразмерными по величине ступнями. Голова персонажа на одной фигуре имеет ромбическую форму, на другой – треугольную. Рисунок фигур нанесен на остывшую отливку оттиском зигзагообразного штампа, находившегося, видимо, на ребре подвижного колесика. Ввиду того, что данная подвеска обнаружена вне комплекса, датировка ее ясна не до конца. Можно лишь предполагать, что она происходит из верхней части какого-либо близлежащего погребения. В северной части раскопа III были вскрыты погребения 251, 252, 254, 255 и 256, относящиеся к древностям Самбии IV в. н.э. (Кулаков, 1996), что позволяет предполагать гипотетическую связь упоминавшейся выше подвески с комплексом инвентаря позднеримского времени (скорее всего – фаза C_2/D_1).

Второй находкой ранее неизвестного в Пруссии иконографического типа является изображение на правой стороне каменного изваяния из Мозгово-Ласечно (бывш. Mosgau-Groß-Herzogswalde, Kr. Rosenberg, West-Preußen, окрестности совр. г. Илава Варминьско-Мазурского воеводства, Польша) (Błazejewska, 1994. S. 77. Foto 3, 4). Здесь на уровне пояса каменного изваяния в технике плоского рельефа представлена мужская фигура высотой 40 см, стоящая на прямых коротких ногах, причем левая нога слегка отставлена в сторону (рис. 2, *4*, *4а*). Обе руки фигуры вытянуты горизонтально. Правая ладонь, сжатая в кулак держит вертикально направленный Т-образный предмет, имеющий форму равностороннего топора или молота. Пальцы правой руки оформлены тем же изобразительным приемом, которым были воспроизведены пальцы на руках основной каменной фигуры (рис. 2, *4*). Это указывает на принадлежность каменного изваяния и рельефа на его правом торце одному мастеру, или камнерезам одного творческого направления. Поверхность камня в районе левой руки мужской фигурки повреждена, ввиду чего невозможно выяснить, изобразил ли камнерез в левой ладони какой-либо предмет или нет. Голова фигурки окружена достаточно глубоким

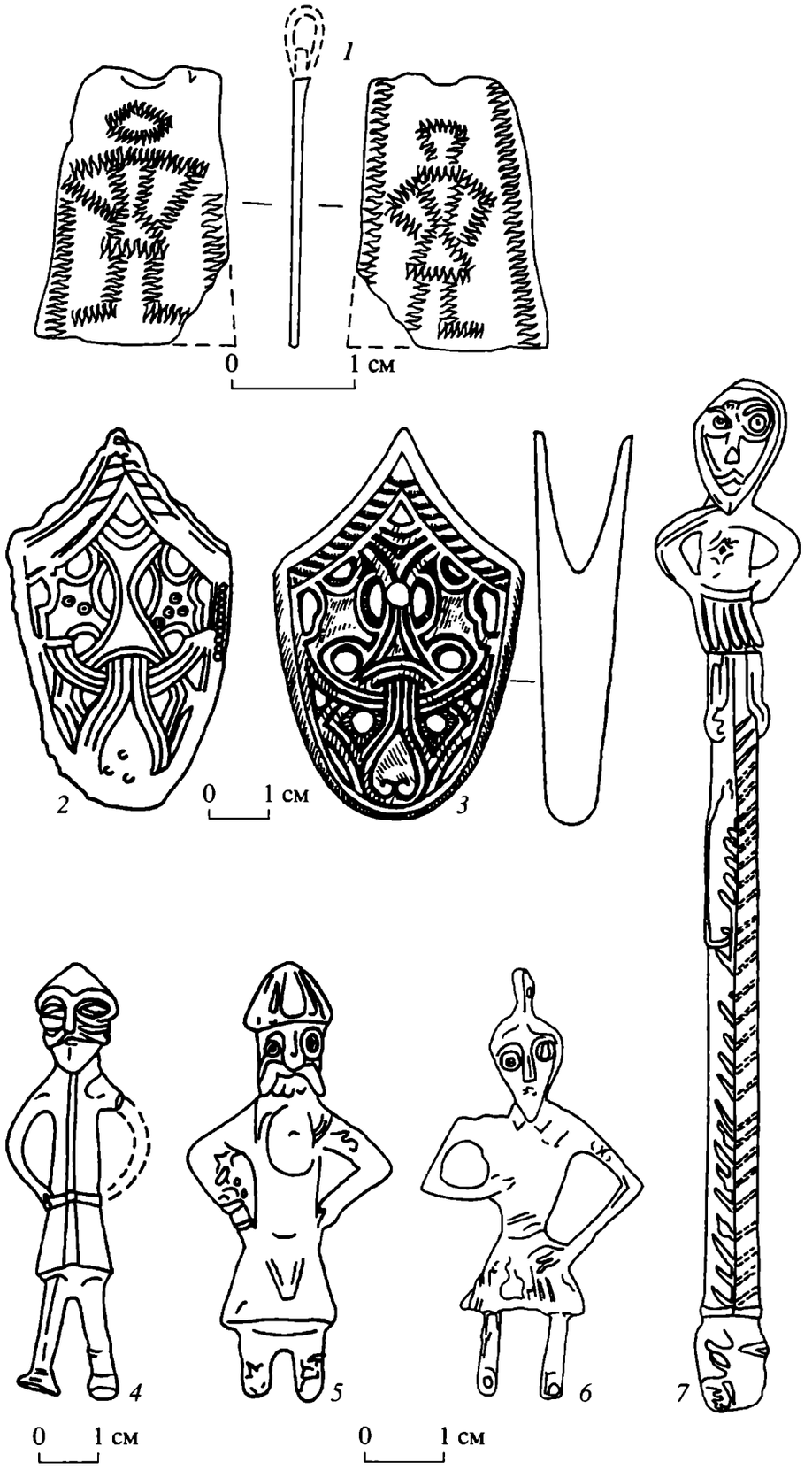

Рис. 1. Изображения фигуры божества с согнутыми в локтях руками: *1* – подвеска из раскопа Ш могильника Ковррово (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), бронза с остатками покрытия цинково-оловянистым сплавом; *2* – наконечник ножен меча из погр. 117 могильника Ирзекапинис (Зеленоградский р-н Калининградской обл.), бронза; *3* – наконечник ножен меча из погр. 94 могильника Жасинас (Шилальский р-н Литовской Республики), бронза; *4* – фигурка, случайно обнаруженная в Линдби (окрестности Свенсторпа, область Скония, Швеция), бронза; *5* – фигурка, найденная на городище Шведт-ан-Одер (Германия, ныне хранится в Museum für Ur- und Frühgeschichte, Berlin–Charlottenburg), бронза; *6* – подвеска из Новгорода, бронза; *7* – фигурка из Новгорода, оловянисто-цинковый сплав. *1* – фонды Калининградского историко-художественного музея; *2* – по: Кулаков, 1993. Т. XXX; *5*; *3* – по: Vaitkunkienė, 1983. 3 pav., 4; *4* – по: Graham-Campbell, P. 154. Ill. 515; *5* – по: Herrmann, 1985. S. 319. Taf. 60, *b*; *6*, *7* – по: Колчин и др., 1985. Рис. 60, *203*.

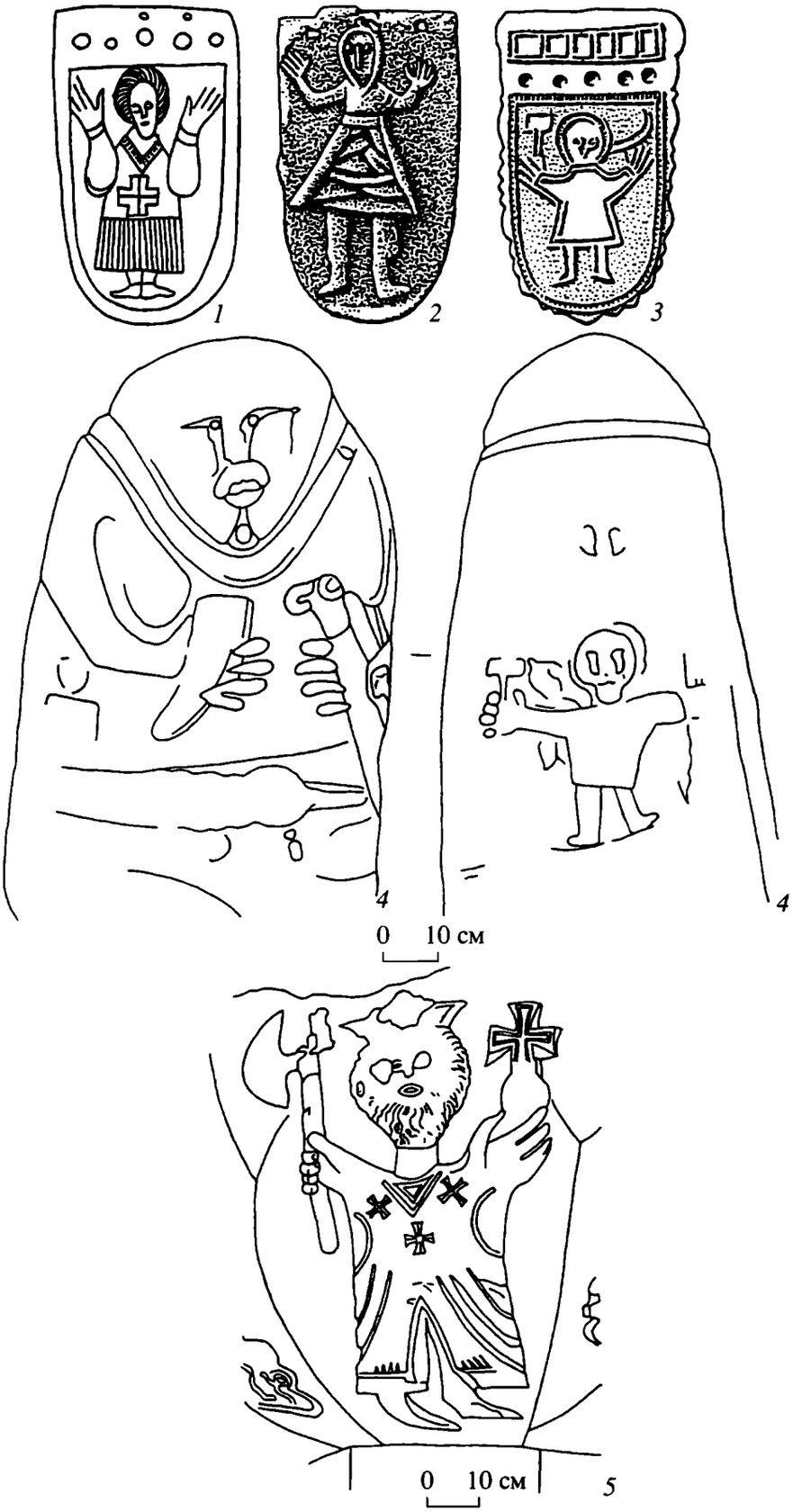

Рис. 2. Изображения фигур божества с атрибутами и христианская иконография фигуры orans: *1* – оборотная сторона наконечника ремня из погребения мальчика у западной стороны храма II в с. Микульчице (окрестности г. Годонин, историческая область Моравия, Чехия), серебро; *2* – наконечник ремня из погребения у трехнефного храма III в с. Микульчице (Чехия), серебро; *3* – наконечник ремня из Микульчиц (Чехия), серебро; *4* – лицевая сторона изваяния из Мозгово-Ласечно (окрестности г. Илава, юго-западная оконечность Вариньско-Мазурского воеводства, Польша), гранит; *4а* – правая сторона изваяния из Мозгово-Ласечно; *5* – фигура Св. Олафа на одной из четырех основных граней чаши для святой воды (Кафедральный собор на о. Кнайпхоф, г. Кенигсберг, ныне – г. Калининград), готландский известняк. *1* – по: Поулик, 1963. Рис. 12; *2*, *3* – по: Hermann, 1982. Abb. 48, *b*, *c*; *4*, *4а* – по: Błazejewska, 1994. S. 77. Foto 3, 4; *5* – по: Franz, 1937. S. 18, 19. Abb. 5.

контуром. Новейшие исследования двулезвийных раннесредневековых клинков, проведенные в 1991 г. Альфредом Гайбином, позволяют отнести меч изваяния из Мозгово-Ласечно к типу 18, датируемому XII в. (Geibig, 1991. S. 154). Эту дату каменной фигуры подтверждает изображенный на ее спине круглый щит, характерный для балтских древностей X–XII вв. Датировка изваяния XII в. выглядит логичной, ибо основной массив подобных каменных фигур, изображавших легендарных вождей пруссов Видевута (с мечом, посохом/нагайкой, ритоном – атрибутами военного вождя) и Брутена (отсутствие воинских атрибутов подчеркивает его жреческий сан), ставились жителями Янтарного берега в XII в. на сакральной границе прусского ареала (Кулаков, 1994. С. 21). Близкая по времени своего создания изваянию из Мозгово-Ласечно композиционная аналогия представлена на Збручском идоле, где на четырех гранях объемного каменного блока, завершенного в своей верхней части образами четырех верховных богов, представлены в плоском рельефе четыре человеческие фигурки, правда без дополнительных атрибутов. Возможно, эта аналогия подтолкнула Б.А. Рыбакова к отнесению прусских изваяний (во всяком случае – фигуру из Барчан, Варминьско-Мазурское воеводство, Польша, у Б.А. Рыбакова ошибочно – "Барцяны (Мазовия)") к разряду славянских идолов (Рыбаков, 1986. С. 234). Этот вывод вряд ли соответствует действительности. От западнославянских плоскостных изваяний прусские идолы отличаются как изобразительными принципами (объемная скульптура, а не плоскостной рельеф), так и своим ареалом – Западная часть Мазурского Поозерья на Вислинском правобережье. Напротив, славянские изваяния концентрируются в поморском ареале в северной части Вислинского левобережья. Восточнее, в пограничной с прусской территорией польской Мазовии христианское население в начале I тыс. н.э. в языческих идолах уже не нуждалось.

Таким образом, новые прусские находки представляют два иконографических варианта изображения мужской фигуры. Представленные изображения, явно имеющие культовый характер, характеризуются различным положением рук и наличием или отсутствием в них атрибутов. Эти варианты обозначены как "Фигуры божества с согнутыми в локтях руками" и "Фигуры божества с атрибутами". В данной статье собраны артефакты, происходящие из раннесредневековых древностей Северной, Центральной и Восточной Европы (рис. 1, 2) и отвечающие отмеченными признакам. Материал суммирован по соответствующим группам.

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ "ФИГУРЫ БОЖЕСТВА С СОГНУТЫМИ В ЛОКТЯХ РУКАМИ" (ВАРИАНТ 5)

1. *Двустороннее изображение на подвеске из Коврово* (рис. 1, *1*). Представленные здесь фигуры в иконографическом отношении восходят к единому прототипу. Существуют два различия между изображениями на обеих сторонах подвески. Одна из фигур имеет ромбическую форму головы (лица?), другая – трапециевидную. Эти отличия имеют сугубо технологический характер: при работе на столь миниатюрном предмете мастеру не удалось выдержать единый модуль очертания головы (лица?) для обеих фигур. Кроме того, если на одной стороне орнаментальные полосы по сторонам подвески, ограничивающие фигуру, доходят до локтей мужской фигуры, то на второй плоскости эти линии достигают верхней части подвески. Это может объясняться лучшей сохранностью второй плоскости подвески. Артефакты явно культового характера, представляющие собой секировидные подвески, хорошо известны в древностях восточной части европейского Barbaricum I–V вв. н.э. Подвеска из Коврова наиболее близка к подвескам типа Kokowski 5, возникающему в вельбарском ареале этапа C_2 и окончательно формирующемся в начале V в. н.э. в Тисско-Дунайском междуречье (Kokowski, 1998. S. 101, 102). Идея возникновения в германской среде начала I в. н.э. амулета такой формы связывается А. Коковским с сарматским влиянием. Скорее всего, есть смысл предполагать фракийское происхождение секировидных подвесок (Kulakov, 2001. S. 49). Правда, их дериваты в германской и балтской культурной среде в V в. имели уже не цельнолитое продольное ушко для подвешивания, а паяное или просто поперечное отверстие в подвеске. Показательно, что из трех находок секировидных подвесок, сделанных в ареале западнобалтской культуры римского времени (в состав этого ареала входит и Коврово), две подвески орнаментированы представленным на артефакте № 1 приемом "тремоло" (т.е., зигзагообразной линией) (Kokowski, 1998. S. 103, 104). Единственной особенностью, выделяющей подвеску из Коврово из массива германских секировидных амулетов I–V вв. н.э., является достаточно выраженная ее трапециевидная форма. Тем самым она сближается с находками из лесной и лесостепной зоны Восточной и Юго-Восточной Европы VII в., имеющими, по мнению И.О. Гавритухина, связь с древностями среднеаварского времени (Гавритухин, 1997. С. 50). Скорее всего, подвеска из Коврово занимает промежуточное положение между германскими секировидными амулетами начала эпохи переселения народов и славянскими (в известной мере) трапециевидными подвесками финальной фазы этой эпохи. Такая точка зрения позволяет предполагать связь трапе-

циевидных раннеславянских амулетов не только (скорее – не столько) с миром аварских древностей, но и с более древним культовым наследием ранних германцев. Кстати, аналогично происходит и с пальчатыми фибулами, сопутствующими в "древностях антов" трапециевидным подвескам. Германские прототипы "антских" пальчатых фибул не вызывают сомнений (Кулаков, 1990а. С. 154–156). Дата подвески из Ковров вряд ли может быть отнесена ко времени позднее конца V в. н.э., ибо орнамент типа "тремоло" на памятниках декоративного искусства Барбарикум в VI в. н.э. и позднее уже не используется.

2. *Бронзовый наконечник ножен меча из погр. 117 могильника Ирзекапинис* (Зеленоградский р-н Калининградской обл.). С двух сторон на наконечнике (это напоминает принцип изображения на подвеске из Ковров) представлен частично прорезной рисунок весьма стилизованной мужской фигуры с головой (лицом?) треугольной формы, руками, согнутыми в локтях и упирающимися в бока персонажа. Между локтями и спиной человеческой фигуры проникает змеевидное туловище, оканчивающееся с обеих сторон драконьими головами. Глаза на этих головах намечены при помощи циркульного орнамента, пасти двуглавого дракона обращены к ушам человека. Погребальный комплекс, в котором обнаружен данный артефакт, представлял собой трупосожжение, произведенное в ладье на стороне и помещенное в могилу на деревянный настил, перекрывавший осуществленное ранее захоронение шкуры коня. Череп второго коня обнаружен на настиле. Инвентарь, сопровождавший погребение (пара удил, в том числе – с витым трензелем, пара стремян подтипа Antanavičius III.2, с бронзовыми накладками оголовья и т.д.), датирует этот комплекс началом X в. (Кулаков, 1990б. С. 80). Иконографическая композиция на наконечнике ножен меча (рис. 1, *2*) воспроизводит на средней фазе эпохи викингов схему "языческой иконы" (сюжет "Один и во́роны", вариант 2 – Царь Богов, "слушающий" воронов), сформировавшейся у западных германцев в V в. н.э. Правда, на Самбии эта иконография претерпела изменения: пернатых спутников царя богов заменил "двуглавый дракон" (Кулаков, 1995а. С. 73). Эта замена и предельная стилизация изображения Царя Богов – результат корректировки балтскими мастерами скандинавского канона, реализованный на памятниках декоративного искусства юго-восточной Балтии второй половины X в. (Кулаков, Иов, 2001. С. 82).

3. *Бронзовый наконечник ножен меча из погребения 94 могильника Жасинас (Шилальский р-н Литвы).* Является аналогией находке из Ирзекапиниса (рис. 1, *3*). Правда, датировка X–XI вв., предложенная Л. Вайткунскене для находки из Жасинас, менее точна (Vaitkunkienė, 1983. 3 pav., 4. P. 10), нежели в случае с самбийской находкой. Из одной литейной формы с артефактом № 3 вышла находка, обнаруженная в погр. 62 могильника Жасинас. Интересно то, что известный литовский археолог В. Казакявичюс, относящий наши находки к наконечникам подгруппы 1 (X–XI вв.), трактует изображения на них как фигуры птиц (Kazakevičius, 1992. P. 94, 95), что выглядит неправомерным даже при самом первом взгляде на исследуемые артефакты.

4. *Бронзовая фигурка, случайно обнаруженная в Линдби (окрестности Свенсторпа, область Скония, Швеция)*, имеет высоту 6.9 см и представляет мужчину, стоящего на относительно коротких ногах и упершего в бока на уровне пояса согнутые в локтях руки. В ступнях ног имеются отверстия, предназначенные для крепления фигурки на некоем постаменте. Несимметричная ширина глаз этой фигурки позволила Дж. Грэхему-Кэмпбеллу трактовать эту фигурку как изображение Одина, обозначив ее как редкую для эпохи викингов находку (Graham-Campbell, 1980. P. 154. Ill. 515).

5. *Бронзовая фигурка, найденная на городище Шведт-ан-Одер (Германия)*, связывается с пережитками язычества, существовавшими в западнославянском ареале X в. даже после крещения местного населения, предпринятого князьями Мешко и Болеславом (Herrmann, 1976. S. 212). Данная фигурка представляет собой мужчину, стоящего на неправдоподобно коротких ногах с упертыми в пояс руками, согнутыми в локтях. Пространство между руками и корпусом персонажа заполнено бронзой. Этот аспект, а также наличие в металле фигурки каверн (рис. 1, *5*) позволяют предполагать вторичность этого изображения, изготовленного, видимо, по отпечатку в литейной форме, оставленной объемной фигуркой прототипа.

6. *Бронзовая подвеска из Троицкого II-го раскопа в Новгороде.* М.В. Седова считает ее изображением бога Перуна и датирует второй половиной XII в. (Седова, 1981. С. 266, 286. Табл. XXIII, *6*). От артефактов № 4 и 5 подвеска отличается плоскостным изображением мужской фигуры, правая рука которой не упирается в бок, а покоится в нижней части груди, в районе диафрагмы. На голове изображенного персонажа отсутствует прическа (конический шлем?), имеющаяся на скандинавской и западнославянской находках. Однако асимметрия глаз, четко заметная на артефактах № 4, 5, здесь также акцентирована. В современной археологической науке утвердилось мнение о том, что эта статуэтка и ее многочисленные аналоги "перунчики", найденные при раскопках святилищ на о. Вайгач, изготовлены в XII–XIII вв. "местными мастерами верхнего Прикамья для русской дружинной среды, осевшей в данных регионах" (Недошивина, 1996. № 2. С. 201). Показательно, что кроме "перунчиков" на святилищах,

расположенных у о. Новая земля, в проливе Югорский Шар, обнаружено как значительное количество христианских амулетов (всадник Св. Георгий и архангелы), так и подвеска, воссоздающая иконографический тип скандинавского Тора, держащего себя руками за бороду.

7. *Фигурка из Новгорода.* Выполнена из оловянисто-свинцового (цинкового?) сплава, представляет плоскостное изображение мужчины, руки которого упираются в бока. Одежда персонажа – рубаха со сборчатым подолом. Изображенный здесь мужчина обладает, как и в случае с артефактом № 6, миндалевидными очертаниями лица, имеет усы и, видимо, остроконечную бородку. Персонаж стоит на стержне четырехгранного сечения длиной 7.5 см, представляющем собой стилизованное изображение древа (рис. 1, *7*). Находка происходит из слоя, датирующегося 30–60-ми г. XII в. и предположительно считается изображением Перуна (Седова, 1981. С. 175. Рис. 75). Как и многие аналогичные по материалу и крайней небрежности исполнения находки, происходящие из Новгорода Великого, артефакт № 7 мог служить предметом, изготовленным исключительно по случаю некоего одноразового события (праздника). К XVIII в. в католических страна эта традиция трансформировалась в оловянные образки и медальоны на религиозные темы, в ряде случаев сопровождавшие умерших в качестве "письма на небеса" (Białobłocki, 1993. S. 178–180).

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ "ФИГУРЫ БОЖЕСТВА (ИЛИ ХРИСТИАНСКОГО СВЯТОГО) С АТРИБУТАМИ" (ВАРИАНТ 6)

8. *Оборотная сторона серебряного наконечника ремня из погребения мальчика у западной стороны храма II в. с. Микульчице* (окрестности г. Годонин, Моравия, Чехия). Это изображение, датируемое первой половиной IX в., относится к христианскому иконографическому варианту orans и определяется как "фигура святого, священника или епископа, руки которого изображают жест благословения" (Поулик, 1963. С. 53. Рис. 12). Правда, наличие вокруг головы изображенного мужчины нимба бескомпромиссно характеризует его как святого, а воздетые "горé" руки – жест не благословения, а молитвенной просьбы к силам небесным (рис. 2, *1*).

9. *Серебряный наконечник ремня из погребения у трехнефного храма III в. с. Микульчице.* Данный артефакт (рис. 2, *2*), происходящий из погребения воина, считается произведенным в одной мастерской с артефактом № 8 (правда, христианских черт иконография изображения № 9 не имеет). Упомянутая мастерская располагалась непосредственно на близлежащем к могильнику городище в урочище "Валы" (Поулик, 1963. С. 55).

10. *Серебряный наконечник ремня из погребения у трехнефного храма III в с. Микульчице.* Как и артефакт № 9, находка относилась к инвентарю воинского погребения. На наконечнике ремня представлена мужская фигура с горизонтально распростертыми руками. Правая рука вертикально держит предмет с прямоугольным навершием (топор или молот), в левой – ритон. Одежда персонажа, как и на артефакте № 9, напоминает рубаху с расширяющимся к низу подолом, из-под которого выглядывают нижние части ног (рис. 2, *3*). В отличие от миндалевидных очертаний лица фигуры на предмете № 9, данный персонаж имеет лицо округлое. Атрибуты, которыми снабжена фигура на артефакте № 10, считаются княжескими (Поулик, 1963. С. 55).

11. *Изображение на правой стороне каменного изваяния из Мозгово-Ласечно (Варминьско-Мазурское воеводство, Польша),* представляет мужскую фигуру, в вытянутой правой руке которой четко виден предмет с прямоугольным навершием. Как в случаях с изображением вознесения Александра Македонского на диадеме из Сахновки и артефактом № 10, Б.А. Рыбаков этот предмет определяет так же, как "молоткообразный" жезл – аналог позднейших жезлов-"тояг" болгарских русальцев (Рыбаков, 1986. С. 639. Рис. 108). Разумеется, в случае со средневековой иконографией Александра Великого в его руках изображались палки с кусками мяса (печени), которыми он, согласно легенде, стимулировал к полету влекущих его колесницу грифонов. В руках коренастых, далеких от византийских канонов персонажей артефактов № 3 и 4 "молотообразные жезлы" никоим образом не связаны с византийским эпосом о Великом Александре и представляют собой хорошо известный по скандинавским изображениям Тора молот Мьёлльнир. В данном случае канон фигуры Бога-Громовника полностью повторяет схему одного из малоизученных иконографических канонов Одина. Согласно ему в IX в. скандинавские мастера изображали служившие амулетами фигурки царя богов с широко распростертыми руками. Правая крепко сжимала ведущий атрибут бога – меч, в левой находились две молнии (?) (Jansson, 1992. S. 277. № 185).

12. *Изображение Св. Олафа на одной из четырех основных граней каменной чаши для святой воды (Кафедральный собор на о. Кнайпхоф, г. Кёнигсберг, ныне – г. Калининград).* Этот массивный артефакт, достигавший высоты не менее 1.5 м, находился под слоем разрушения, образовавшемся на полу собора после осуществленных воздушными силами Великобритании в августе 1944 г. бомбардировок исторического центра Кёнигсберга. В результате проводившейся в 1984–1985 гг. (без участия археологов) расчистки внутренней части собора местонахождение чаши не было установлено. Чаша изготовлена из готланд-

ского известняка (песчаника?) серо-розового цвета, причем дата изготовления определялась в промежутке между 1300 и 1600 гг. (Franz, 1937. S. 16). По мнению Вальтера Франца, блок известняка был около 1300 г. доставлен с о. Готланд местными донаторами в Кёнигсбергский кафедральный собор, где из него изготовили чашу для святой воды. Вальтер Франц отнес эту чашу к южноскандинавскому типу Fröjel. Не исключено, что данный массивный артефакт стал трофеем жителей Пруссии, преподнесших его в собор (в 1333 г. перенесенный на о. Кнайпхоф) после "зачистки" Готланда от пиратов, начатой войском Великого Комтура Тевтонского Ордена Ульриха фон Юнгинген 21 марта 1398 г. и завершенной в трехнедельный срок. В 1403–1408 гг. оккупация крестоносцами Готланда была повторена (Tumler, 1992. S. 37). Правда, "трофейная" версия обретения в соборе на острове Кнайпхоф готландской каменной чаши выглядит малоубедительно, ибо подобная иконография Св. Олафа в Скандинавии отсутствует (Paulsen, 1956. Abb. 126–131). Объединяет фигуру Св. Олафа из Кёнигсберга и скандинавские изображения наличие у святого короны на голове, секиры в правой руке и увенчанной крестом державы в левой (рис. 2, *5*). Композиционно же артефакт № 12 является аналогом изображений № 8–12, представляющих в основном явно персонажей языческого культа. Это не должно вызывать удивления, ибо в культовых воззрениях скандинавов XI–XIV вв. Св. Олаф являлся христианским наследником части сакральных функций бога Тора (Paulsen, 1956. S. 259).

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ФИГУР, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ ВАРИАНТАХ 5 И 6

Не имеющий аналогов в Скандинавии вариант иконографии Св. Олафа, реализованный на каменной чаше из Кафедрального собора Кёнигсберга, является полной калькой композиционного решения языческого персонажа (иконографический вариант 6), представленного в виде плоского рельефа на каменном изваянии из Мозгово-Ласечно (рис. 2, *4а*). Аналогичное предположение можно высказать и относительно плоских рельефов, украшающих чашу из Кафедрального собора (артефакт № 12). Версия о прусском происхождении автора данного объекта, материалом которого является готландский известняк, убедительно подтверждает чаша для святой воды, находившаяся до 1945 г. в старой кирхе Св. Анны, г. Эльбинг (ныне – Elbląg, Варминьско-Мазурское воеводство, Польша), изготовленной из готландского известняка в XIII в. (Zaborsky-Wahlstätten, 1936. Bild 130; Franz, 1937. S. 23). Здесь средневековый мастер на одной из граней изобразил в плоском рельефе уникальную для христианского искусства композицию. Она состоит из древа, по сторонам которого стоят олень (скорее – бык с древесным ростком меж рогами) и дракон. Мотив священного древа стилистически близок декору аналогичных артефактов, изготовлявшихся в XIII в. на о. Готланд (Тегнер, 1996. С. 86). Сюжет, связанный с верой многих европейских язычников в мировое древо, охраняемое священными животными, известен в прусском искусстве с начала VIII в. (Kulakov, 1994/95. Abb. 2, 4). Упомянутый вариант изображения священного древа был чужд христианским мастерам Готланда и, несомненно, является творением местных камнерезов. Этот же вывод относится и к чаше из Кафедрального собора Кёнигсберга, на одной из граней которой был воссоздан вариант изображения священного персонажа с секирой, известный еще в прусской языческой иконографии (рис. 2, *4а*, *5*). Использование готландского камня прусскими камнерезами возможно в результате доставки орденскими кораблями этого весьма известного в средневековой Европе материала в Пруссию в виде продукта торговли или в качестве балласта. Правда, крайняя архаичность сюжетов чаш из Кёнигсберга и Эльбинга позволяет с трудом датировать их рубежом XIV–XV вв.

Как показывают материалы археологии Великой Моравии, редкий для раннесредневековой Европы вариант изображения языческого божества с распахнутыми руками, держащими топор/молот и (реже) жертвенный ритон, возникает в первой половине IX в. В языческом искусстве нашего континента прототип этому канону отсутствует. Напротив, христианская иконография фигуры orans представляет четкую схему упоминавшегося выше варианта 6 и, судя по всему, является его прототипом. Как показывает анализ изображения варианта 1 ("Один и вороны") на рунической шкатулке из Аузона ("Franks Casket"), этот языческий канон построен по принципам христианской иконы Богородицы, представленной на этой же шкатулке (Кулаков, 1995а. С. 67). Для языческих мастеров не было запрета на использование христианских конструктивных новаций. Это и проявилось в Моравии в создании (через столетие после появления "Franks Casket") образа вооруженного молотом персонажа. Здесь же известен и промежуточный вариант иконографии – фигура orans без христианских атрибутов (рис. 2, *2*).

В Скандинавии некоторые памятники искусства финальной фазы эпохи викингов передают образ Тора, вооруженного молотом Мьёлльнир (Кулаков, 1989. С. 67, 68). В сакральной части центрального для Скандинавии святилища в Старой Уппсале статуя Бога-Громовника представляла сидящего на троне Тора с молотом. Показательно, что Адам Бременский, оставивший описание этого святилища, принял это волшебное оружие за "ски-

Рис. 3. Вид центральной части святилища в Старой Уппсале с изваяниями верховных богов скандинавского пантеона, представленный Айлеттом Сомсом (Britannia Antiqua, 1676) по описанию Адама Бременского. *3*. Fell, 1980. S. 34.

петр Юпитера" (von Bremen, 1986. S. 278). Учитывая чрезвычайную близость сакральных функций Бога грома и молний в североевропейском и славянском пантеонах, вполне логично появление молота у фигуры Перуна в славянской иконографии IX в., впитавшей заодно элементы христианской изобразительной традиции. Видимо, именно из славянского культурно-этнического ареала сформировавшийся в Великой Моравии иконографический тип 6 попадает по Янтарному пути в землю пруссов, где соответствует образу главы прусского пантеона – бога Перкуно. Гораздо сложнее выглядит процесс сложения иконографического типа 5.

Выше уже упоминалось об идентификации амулетов из Новгорода (рис. 1, *6*, *7*) и аналогичных находок из святилищ на о. Вайгач как изображений Перуна. На это, казалось бы, бесспорно указывает присутствие у двух из подвесок признака, определяющего принадлежность амулета к культу Бога-Громовника – жертвенного ритона в отставленной в сторону правой руке персонажа (Недошивина, 1996. С. 200. Рис. 2, *4*). Изображение этого важного культового предмета является обязательным признаком иконографического варианта 6, чья атрибуция как языческая "икона" небесного громовержца сомнений не вызывает.

Однако этот признак является скорее исключением в массиве артефактов, составляющих иконографический тип 5. Самым ранним среди них, безусловно, является подвеска из Коврово. Показателен факт активного использования орнаментальной техники "тремоло" на подвесках позднеримского времени, реализация этой техники на подвеске из Коврово и затухание этой традиции в древностях "антов".

Для археологического материала Центральной Европы фигуры, представленные на подвеске из Коврова, уникальны. Их прототипами условно можно считать контурное изображение человеческой фигуры на бронзовой подвеске VI – середины VII в. из станицы Преградненская (Северный Кавказ) (Ковалевская, 1981. С. 87. Рис. 64, *3*). Ноги и руки представленного на этой подвеске мужчины слабо согнуты. Подобного рода поза в плоскостном изображении соответствует фронтальной передаче объемного образа персонажа, восседающего на троне. Возникающая в VI в. в искусстве сасанидского Ирана (Луконин, 1977. С. 168), эта манера долгие века присутствует как в византийском искусстве, так и в изобразительной традиции Западной Европы и Средней Азии. При этом согнутые в локтях и упирающиеся в бедра или в пояс руки персонажа иногда держат скипетр (Даркевич, 1976. Табл. 6, *5*), меч или иной атрибут правителя. Показателен факт отображения такой традиции (плоскостная передача эффекта сидящей фигуры через акцентацию слабо согнутых рук и ног персонажа) даже в "реконструкции" (по Адаму Бременскому) (Fell, 1980. S. 34) сакральной части храма в Старой Уппсале с изваяниями сидящих на тронах Одина, Тора и Фрейра (рис. 3). Таким образом, не будет преувеличением считать первоначальным импульсом для изготовления предметов с иконографическим вариантом 5 влияние восточных изобразительных приемов передачи образа сидящего на троне божества или властителя.

В европейских древностях контурные фигуры варианта 5 с согнутыми в коленях ногами известны лишь в двух случаях. Первый – общеизвестные фигурки из Мартыновского клада, априорно относившиеся Б.А. Рыбаковым к древностям "русов" V–VI вв. н.э. (Рыбаков, 1953. С. 86, 89) и ныне справедливо связываемые с северной частью днепровской правобережной подгруппы древностей антов второй половины VII в. (Гавритухин, Щеглова, 1996. С. 56). Второй случай отмечен на наконечниках ножен мечей из Ирзекапиниса и Жасинас (рис. 1, *2*, *3*). Если атрибуция фигурок из Мартыновского клада затруднительна, то персонификация фигурки, изображенной на объектах 2 и 3 более ясна, представляя собой балтский вариант канона "Один и вороны" (Кулаков, 1995а. С. 73). Божество с упертыми в бока руками (имеющее прямые короткие ноги, что явно передает фронтальный фас сидящей фигуры) представлено на перекрестии меча X в. на куршском могильнике Сильмальциемс (Латвия) (Mugurēvič, 1974. P. 47. Tab. 12). В стороны от мужской фигуры разбегаются зайцы, представленные здесь (как у скандинавов – вороны и у пруссов – драконы) сакральными спутниками-вестниками божества. Наконец, известно изображение аналогичного по своей позе персонажа, представленного на навершии меча из погр. V могильника Ciepłie (Варминьско-Мазурское воеводство, Polska) (Żak, 1957. Ryc. 1, *c*), по сторонам которого изображены головки воронов. Здесь реализован канон варианта 1 – "Один и вороны" (Кулаков, 1998. С. 42. Рис. 6). Исходя из всего вышеизложенного, следует полагать, что мужская фигурка варианта 5, одетая в кафтан (рубаху) с расширяющимся книзу подолом, сопровождаемая симметрично расположенными сакральными (жертвенными) существами, в искусстве Балтии изображала (по аналогии с интерпретацией канона "Один и вороны") главу языческого пантеона. Общеизвестно, что балтами в таком качестве почитался бог Перкуно/Перконс. Его культ в раннесредневековой Балтии, восходивший к эпохе индоевропейского единства, достиг по сравнению с культами иных племен максимальной мощи (Иванов, Топоров, 1982. С. 304). Культ царя богов Водана-Одина у жителей восточных берегов Балтики не был распространен. Тем не менее, используя тесные этнокультурные контакты с германским миром, пруссы и курши могли в эпоху викингов перенять у своих северо-западных соседей нормативы канона "Один и вороны", используя его принципы для изображения образа главы своего пантеона – Перкуно.

В североевропейском и западнославянском регионах эпохи викингов известны единичные находки фигурок варианта 5 (№ 4, 5). Ввиду явной симметрии глаз изображенного персонажа, являющейся общеизвестным качеством главы скандинавского пантеона, эти фигурки нельзя связывать с образом Одина. Фигурка № 4, судя по отверстиям в ее стопах, была предназначена для крепления стоя. Однако непропорционально короткие ноги этих миниатюрных образов божества предполагают генетическую связь с отмеченной выше традицией фронтального изображения сидящего персонажа. Упрощенной версией артефактов № 4 и 5 выглядят находки из Новгорода (№ 6) и с о. Вайгач. Однако положение правой руки данных "перунчиков" на груди персонажа, показывающее влияние христианской иконографии (благословляющий жест), ставит их несколько в стороне от артефактов № 4, 5. Не исключено, как и в случае с жителями юго-восточной Балтии, что автор подвески № 6 использовал скандинавский образец для изготовления образа царя славянских богов – Перуна. Иначе трактуется смысл артефакта № 7, представляющего фигурку в явно скандинавском каноне Одина (кстати, здесь его глаза также асимметричны), помещенного на конце

стержня четырехугольного сечения. Исследователи новгородских древностей не обращали внимание на растительный орнамент, покрывающий лицевую стороны этого стержня и воспроизводящий древо с направленными вверх ветвями. В данном случае перед нами редчайший канон изображения Одина, принесшего себя в жертву на ясене Иггдрасиль. Правда, ограниченные возможности мастера не позволили показать копье, которое пронзило тело царя богов и девять дней удерживало его на Мировом древе. Однако ромбический знак, заметный на груди Одина, может интерпретироваться как рана, оставленная этим копьем.

Наименее ясной представляется интерпретация персонажа на подвеске из Коврово. Как уже отмечалось выше, композиционное решение данного образа представляет собой плоскостной ("фасадный") вариант объемной человеческой фигуры. Как это стало ясно из анализа артефактов № 4–7, данный иконографический вариант в X–XII вв. представлял образ главы пантеона богов в языческих культах скандинавов, западных балтов и восточных славян. Относительно фигур с подвески из Коврово нет полной уверенности в том, что здесь представлен верховный бог жителей Самбии позднеримского времени или носителей прусской культуры на ее ранней фазе. Правда, парность этих фигур позволяет приблизиться к осмыслению этого образа. Данные прусской археологии позволили сделать вывод о возникновении во второй половине V в. н.э. на западных рубежах прусского ареала основанного на реалиях близнечного культа, связанного с дружинной средой (Кулаков, 1997. С. 158). Показателен факт связи упомянутых реалий с поздне- и постгуннскими древностями Среднего Подунавья, местом распространения подвесок типа Kokowski 5 – непосредственных типологических предшественников находки из Коврово. Возможно, появление иконографического варианта 5 связано с происходившими в эпоху Аттилы контактами между германцами, балтами и сармато-аланами. Только так можно объяснить появление на севере Европы дериватов сакральных изображений характерной человеческой фигуры, на Северном Кавказе генетически связанных с местными древностями эпохи бронзы. Замечателен факт появления в Балтийском регионе не только плоскостного, но и объемного варианта сидящей фигуры божества. Это засвидетельствовано общеизвестной находкой в болоте близ Руде Эскильдструп, о. Зеланд, Дания (Roesdal, 1980. S. 131) деревянной объемной скульптуры божества, ставшего в VI в. субъектом жертвоприношения. Для этой объемной скульптуры, как, впрочем, и для плоскостных фигур иконографического варианта № 4, в Балтийском регионе прототипов нет, они существуют лишь в Передней Азии, в виде раннесасанидской скульптуры, и на Северном Кавказе. Нельзя не упомянуть о напрашивающейся аналогии южному происхождению древнейшей иконографии Одина эддической традиции, сообщавшей о расположенной на юге прародине культа асов, впоследствии широко распространившегося в Скандинавии. Согласно Снорри Стурлусону, "Одину и жене его было пророчество, и оно открыло ему, что его имя превознесут в северной части света и будут чтить превыше имен всех конунгов. Поэтому он вознамерился отправиться в путь, оставив Страну Турков" (Младшая Эдда, 1970. С. 13). Представляется перспективным юго-восточное направление поисков предтечи культа Одина, обозначенное как письменным, так и археологическим источником.

Иконографический вариант 5 появляется в Балтийском регионе в результате крупных этнических перемещений поздне- и постгуннской эпохи и гипотетически восходит к плоскостному воспроизведению "фасадного" вида объемных скульптур раннесасанидского культурного круга. Правда, возможен более ранний вариант создания "варварских" языческих идолов. Описывая события 353–361 гг., происходившие во Фракии, познеримский историк Олимпиодор сообщает о находке трех серебряных "кумиров", которые "лежали во всем своем варварском обличье с заведенными за спину обеими руками..." (Олимпиодор, 1999. С. 74). В любом случае эта проблема нуждается в дополнительном изучении. В эпоху викингов существуют объемные фигуры скандинавских божеств, восседающих на тронах. Примером тому служит сообщение Адама Бременского, а также археологические реалии. Скульптуры мужчин, восседающих на троне (в том числе в мелкой пластике: Седова, 1981. С. 178. Рис. 78) и плоскостное их подобие (вариант 5), воссоздавали образ главы языческого пантеона в Скандинавии – Одина, в юго-восточной Балтии – Перкуно, у восточных славян – Перуна. Появление означенного изобразительного канона в Скандинавии гипотетически связано с окончательным сложением культа Одина (Мелетинский, 1982. С. 241). Этот культ, ознаменовавший победу в германском обществе дружинной системы на исходе эпохи переселения народов, отразил "мифологизацию некоего общества воинов вроде Harii..." (Дюмезиль, 1986. С. 144) и реализовался во многочисленных памятниках германского прикладного искусства, семантика которых имеет культовую и социальную направленность (Кулаков, 1995б. С. 38).

Иконографический вариант 6 формируется, скорее всего, в западнославянском ареале в первой половине IX в., по своей композиции восходит к нормам христианской иконографии и в культовом мышлении славян и западных балтов связан с образом Бога-Громовника Перуна/Перкуно. Как и канон Одина (вариант 5), становление иконографического варианта 6 непосредственно реализовалось в рамках окончательного оформления системы пантеона языческих богов в Централь-

ной и Восточной Европе в пред- и раннегосударственный период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гавритухин И.О. Маленькие трапециевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю // Гістарычна-археалагічны зборник. № 12. Мінск, 1997.

Гавритухин И.О., Щеглова О.А. Группы днепровских раннесредневековых кладов // Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М., 1976.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.

Иванов Вяч.Вс., Топоров В.М. Перкунас // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.

Ковалевская В.Б. Центральное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Колчин Б.А., Янин В.Л., Ямщиков С.В. Древний Новгород. Прикладное искусство и археология. М., 1985.

Кулаков В.И. Знамена дружин Балтийского региона // СА. 1989. № 4.

Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII в. (по материалам раскопок 1878–1938 гг.) // Barbaricum–1989. Warszawa, 1990a.

Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. // САИ. 1990б. Вып. Г1–9. М.

Кулаков В.И. Культовое оружие балтов и славян X–XII вв. // Slavia Antiqua. 1993. T. XXX. Rok 1991/92.

Кулаков В.И. Пруссы (V–XIII вв.). М., 1994.

Кулаков В.И. Варианты иконографии Одина и Тора V–XI вв. // Древняя Русь: новые исследования. Славянорусские древности. Вып. 2. СПб., 1995а.

Кулаков В.И. Предшественники европейских знаков отличия // Avstrvegr. 1995б. № 1.

Кулаков В.И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1996 г. // Архив ИА РАН. 1996. Р-1.

Кулаков В.И. Варникам. Древности прусских вождей // Гістарычна-археалагічны зборник. № 12. Мінск, 1997.

Кулаков В.И. Серебряный век викингов // Квадрат. 1998. № 3.

Кулаков В.И., Иов О.В. Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь // КСИА. 2001. Вып. 211.

Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. М., 1977.

Мелетинский М.Е. Один // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982.

Младшая Эдда. Л., 1970.

Недошивина Н.Г. Ритуальные литые фигурки со святилищ острова Вайгач // СА. 1996. № 2.

Олимпиодор. История. СПб., 1999.

Поулик Й. Древняя Моравия в свете новейших археологических находок // Великая Моравия. Тысячелетняя традиция государства и культуры. Прага, 1963.

Рыбаков Б.А. Древние русы. К вопросу об образовании ядра древнерусской народности в свете трудов И.В. Сталина // СА. 1953. Т. XVII.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1986.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.

Тегнер Ё. Церковь и таинства // Наследие викингов. Диалог культур. Borås, 1996.

Bialoblocki K. Zespól medalików z wykopalisk archeologicznych w Lubiniu pod Kościanem // Slavia Antiqua. T. XXX. Rok 1991/92. Poznań, 1993.

Blazejewska A. Kamienna rzeźba figuralna z czasów przedkrzyżackich w Prusach. Stan, możliwosci i perspektywy // Sztuka Prus XIII–XVIII wieku. Toruń, 1994.

von Bremen A. Hamburgische Kirchengeschichte. Essen; Stuttgart, 1986.

Fell Ch.E. Götter und Heroen der Nordischen Welt // Kulturen im Norden. Die Welt der Germanen, Kelten und Slawen 400–1000 n. Chr. München, 1980.

Franz W. Königsberger Altertümer und ihre Beziehungen zu Orient, Antike und nordischer Welt // Schriften der Königlichen Deutschen Gesellschaft zu Königsberg Pr. H. 13. Königsberg, 1937.

Geibig A. Beiträge zur morphologischen Entwicklung des Schwertes im Mittelalter. Neumünster, 1991.

Graham-Campbell J. Viking Artefacts. London, 1980.

Herrmann J. Zwischen Hradschin und Vineta. Frühe Kulturen der Westslawen. Leipzig; Jena; Berlin, 1976.

Herrman J. Slawen und Wikinger in der Frühgeschichte der Ostseevölker // Wikinger und Slawen. Berlin, 1982.

Herrman J. Materielle und geistige Kultur // Die Slawen in Deutschland. Berlin, 1985.

Jansson I. "Waffentänzer"-Figürchen // Wikinger. Waräger. Normanne. Die Skandinawier und Europa 800–1200. Berlin, 1992.

Kazakevičius V. Sword chapes from Lituania // Studia Baltica Stockholmiensia. 1992. T. 2.

Kokowski A. Metalowe wisiorki w ksztalce topora na terenie Barbaricum na północ i północny-wschód od limesu rzymskiego, w okresie rzymskim i we wczesnym okresie wędrówek ludów // 20 lat archeologii w Maslomęczu. T. II. Lublin, 1998.

Kulakov V.I. Der Goldreif von Strobjehnen und seine Bedeut ung im Beziehungengeflecht von Prussen und Steppenvölkern // Acta Praehistorica et archaeologica. Bd. 26/27. Berlin, 1994/95.

Kulakov V.I. Jütland-Dobrudscha: die Rochade der "Barbaren" vom 2. bis 4. Jh. Chr. // Archaeologia Bulgarica. 2001. Jg. V. H. 2.

Mugurēvič Ē. Kurši // Latvijas PSR archeologija. Rīga, 1974.

Paulsen P. Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa. Bonn, 1956.

Roesdal E. Die Skandinavier in ihrer Heimat // Kulturen im Norden. Die Welt der Germanen, Kelten und Slawen 400–1100 n. Chr. München, 1980.

Tumler M. Der Deutsche Orden. Von seinem Ursprung bis zur Gegenwart. Bad Münsreteifel, 1992.

Vaitkunkienė L. Skandinaviški elementai žemaicių kulturoje X–XI a // Lietuvo istorijos metraštis, 1982 metai. Vilnius, 1983.

Zaborsky-Wahlstätten O. Urväter-Erbe in Deutscher Volkskunst. Leipzig, 1936.

Żak J. Czy grób uzbrojonego jaźdźca z Ciepłego, pow. Tczewski, jest grobem skandynawskim? // Archeologia Polski. 1957. T. I.

Iconographic Variants of Images of Odin and Perun/Perkuno

V. I. Kulakov

Summary

The article represents a continuation of studies of iconography of the Early Medieval deities. The author investigates the figurative materials attributed both to the ancient Germans and the Slavs from the standpoint of semantic system of the Early Medieval society. Iconographic variants of the images of Odin and Perun are singled out and interpreted as pagan "icons" worked out by the early German tribes and adopted by the West Balts and the Slavs. This idea had emerged as an opposition to the standards of Christian figurative art. The author regards the finds attributed to different iconographic variants against the background of development of the Early Medieval society on the final stage of the Great Migration of the Peoples.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 72–82

ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ БЛЯХ С ДВЕРКОЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕЦНИНСКИХ МОГИЛЬНИКОВ)

© 2003 г. Р. Ф. Воронина

Институт археологии РАН, Москва

Данная статья является одной из серии статей, посвященных публикации важных категорий вещей, типология и хронология которых разработана автором в диссертации "Средне-Цнинская мордва VIII–IX вв.". Диссертация написана на основании анализа 937 погребальных комплексов, происходящих из могильников: Крюково-Кужновского, Кершин-Вьюнского, Большого Кашлинского, Елизавет-Михайловского и Пановского. Все эти могильники расположены на среднем течении р. Цны, в окрестностях города Моршанска. Погребения Средне-Цнинской мордвы содержат богатый погребальный инвентарь, что связано со своеобразием материальной культуры финских племен. Большой материал (40 категорий вещей) и разнообразие типов вещей каждой категории требовали четкой классификации. При ее разработке был применен метод формалистической корреляции признаков. Для этого каждая категория вещей разбиралась по признакам, затем выбирались наиболее существенные, которые и ложились в основу типологии. Этим же методом была разработана типологическая классификация и блях с дверками.

Данная статья посвящена классификации одного довольно распространенного женского поясного украшения: блях с дверкой. Фактически, это не столько женское украшение, сколько оберег Богини Плодородия. Это дисковидные бляхи сделанные из бронзовой или серебряной пластины с заходящими, склепанными концами. В центре бляхи располагается круглое отверстие, прикрытое дверкой. Дверка имеет шестиугольную или круглую форму, с треугольным выступом-язычком. На противоположном от язычка конце дверка имеет ушко. С помощью этого ушка, продетого в небольшое прямоугольное отверстие на месте склепки пластины, дверка прикрепляется к бляхе. В центре дверка чаще всего орнаментирована пятью выпуклинами, расположенными крестообразно, а по краям насечками или одним рядом ложной зерни. Сама бляха по краю украшена тремя параллельными рядами ложной зерни, а по середине, вокруг дверки – прорезями и выпуклинами. Ражее встречаются бляхи вдоль края которых наклепана накладка шириной 1–1.5 см (рис. 1).

Фактически бляхи с дверками не столько женское поясное украшение, сколько оберег Богини Плодородия. Трудно сказать когда у древней мордвы появляется культ Богини Плодородия, но появление оберега в VI–VII вв. у восточных финнов свидетельствует о его распространении. Вероятно, их появление было связано с распространением у восточных финнов подсечного земледелия.

Распространение оберегов и культа Богини Плодородия довольно широко. Они известны на территории Рязано-окских могильников в мордовских могильниках, у муромы (рис. 2). Находки блях с дверками на Сарском городище и в Прикамье скорее всего результат обмена, а не распространение этих оберегов на этой территории, в связи с чем мной они не были нанесены на карту. Эти обереги в различных регионах выполняли различные охранительные функции: у мордвы и муромы это поясной оберег. Он должен охранять лоно женщины от злых сил и болезней, в Рязано-окских могильниках это нагрудный оберег. По мере социального развития общества видоизменялись религиозные представления, что нашло отражение в изменении символики этого оберега и украшения.

Появившись в VI–VII вв., в период развития подсечного земледелия, развитого родового строя и женских божеств, бляхи с дверками имели символ Богини Плодородия в виде ромба с точкой внутри, образованного четырьмя выпуклинами с наколами у основания – солярными знаками. Пятая выпуклина – солярный знак находилась в центре ромба. С VIII в. появляется новый символ Богини Плодородия – ромб с крючками, по вершинам которого располагались символы огня, солярные знаки. В центре этого ромба также помещен солярный знак. В VIII в. впервые появляется человеческое изображение Богини Плодородия. В центре дверки бляхи, внутри ромба с крючками, располагается человеческая фигурка в позе роженицы. Более подробно этот вопрос освещен в специальной статье (Воронина, 1987; 1993. С. 65, 134).

Впервые типология блях с дверками была разработана П.П. Ефименко. Правда, она посвящена в основном ранним типам блях и их эволюции, фактически, она касалась лишь нашего раннего 1 типа Отдела А Класса I. Прообраз блях с дверками П.П. Ефименко видит в "плоской бляхе-застежке" более ранней поры. Эволюция их "имеет место в промежуточную эпоху В (III–IV в.)". По его мне-

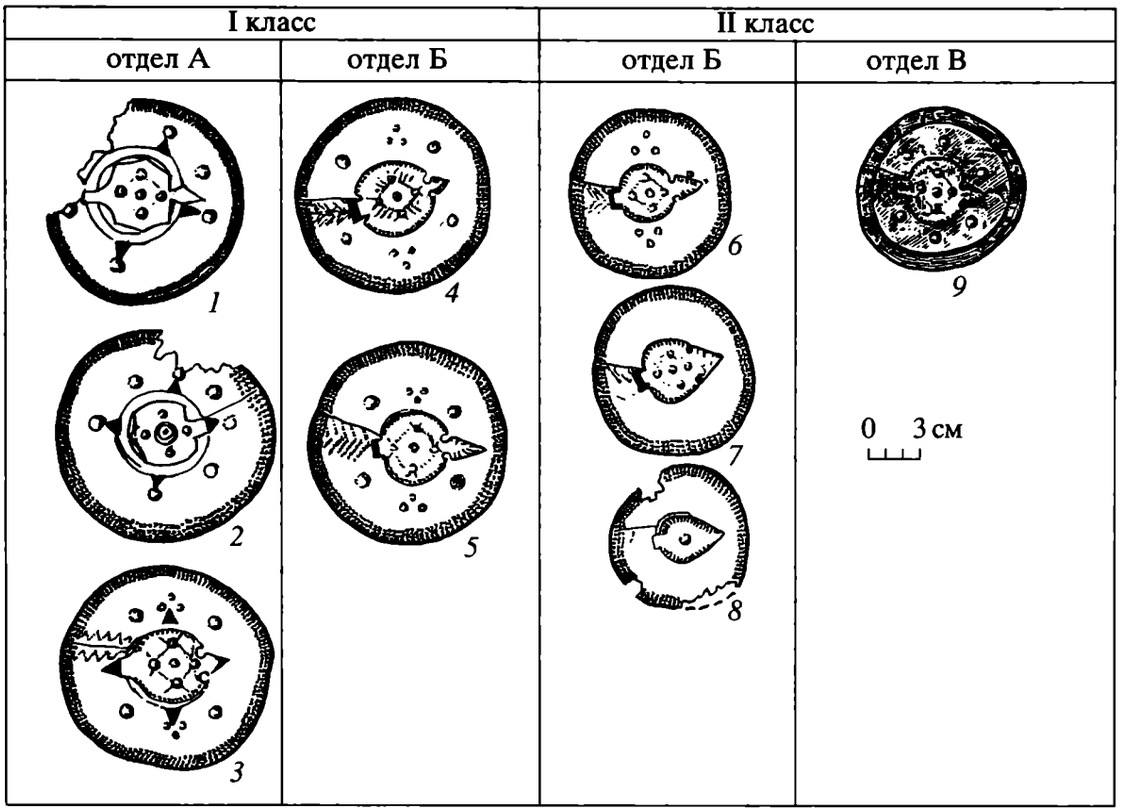

Рис. 1. Типы блях с дверками. *1* – тип 1 отдел А класс I; *2* – тип 2 отдел А класс I; *3* – тип 3 отдел А класс I; *4* – тип 1 отдел Б класс I; *5* – тип 2 отдел Б класс I; *6* – тип 1 отдел Б класс II; *7* – тип 2 отдел Б класс II; *8* – тип 3 отдел Б класс II; *9* – тип 4 отдел Б класс II.

нию, бляхи с крышкой, где игла бляхи-застежки принимает вид шестигранной крышки, прикрывающей отверстие бляхи, появляется на стадии С (VII в.) (Ефименко, 1926. С. 74).

В дальнейшем типология отдельных типов блях с дверками давалась различными исследователями в процессе публикаций материалов тех или иных могильников. Однако, в распоряжении авторов публикаций находилось не более шести или десяти экземпляров блях с дверками, что не давало возможности дать полную эволюцию. Специального исследования, посвященного этому украшению-оберегу, нет. В 1947 г. А.Е. Алихова в своей диссертации, принимая полностью хронологию и типологию П.П. Ефименко при работе над более поздним материалом могильников X–XIV в. выделяет типы более поздних блях (Алихова, 1947. С. 63; 1959а. С. 18).

Позднее при публикации Безводнинского могильника отдельные типы блях выделил Ю.А. Краснов. Он разделил все бляхи по функциональному признаку на две группы: 1) бляхи-застежки; 2) бляхи-украшения, к которым он отнес бляхи с дверками. В свою очередь бляхи-украшения он разделил на 2 типа: 1-й тип – гладкие с отверстием; 2-й тип – бляха с дверкой округлой формы, у внешнего края валика шесть симметрично расположенных отверстий треугольной формы (Краснов, 1980. С. 53). Это фактически наш 2-й тип 1-го класса отдела А. В дальнейшем Ю.А. Краснов предложил свою версию эволюции, признавая исходной круглую бляху с отверстием. По его мнению, нагрудные бляхи "с дверцей" появляются несколько позднее нагрудных блях с прорезями и с перекрестием, некоторое время сосуществовали с последними, бытовали и позднее. Однако позднее бляхи этого типа (не ранее VII–VIII вв.), например, найденные в Серповском могильнике и более поздних мордовских могильниках, характеризуются уменьшением размеров прорезей по бокам центрального отверстия, а затем и полным их исчезновением. Некоторым изменениям подвергается со временем и сама дверка. Этим они отличаются от Безводнинских (Краснов, 1980. С. 107). Что же касается хронологии и типологии А.К. Амброза (1971. С. 108), то в своей статье он больше касается проблем хронологии. Он не согласен с хронологией А.А. Ефименко и решает общие вопросы датировки могильников большей частью разбором фибул и поясных гарнитур, приводит дату блях и других украшений. Однако типология и эволюция блях остаются за кадром (Амброз, 1971. С. 108. Рис. 9, *69*).

В связи с этим целью статьи является попытка на новых материалах Средне-Цнинской мордвы, содержащих около сотни экземпляров блях, дать более подробную и полную классификацию, изучить эволюцию этого женского оберега и поясного украшения и создать более дробную хроно-

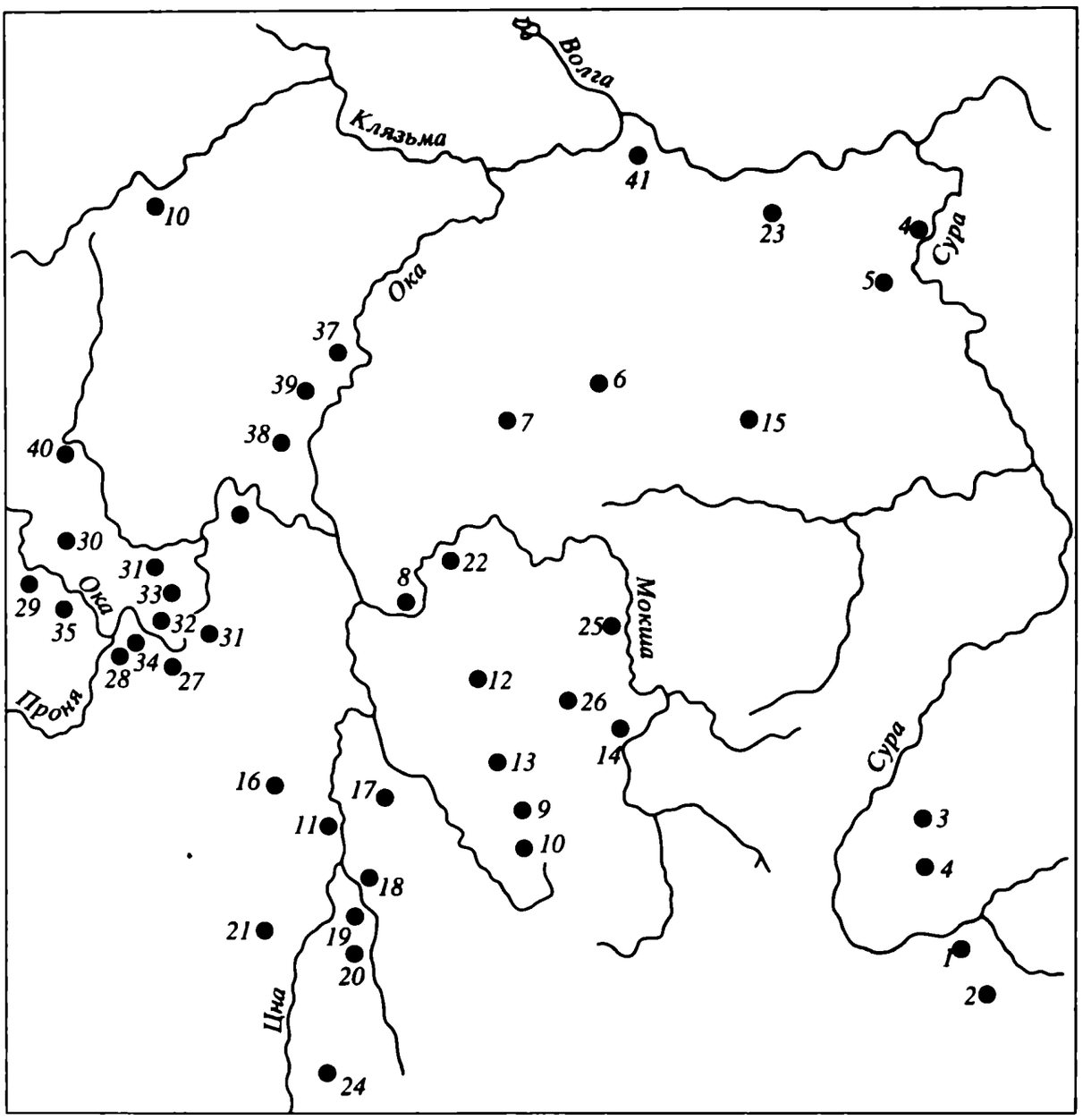

Рис. 2. Карта находок блях с дверками. *1* – Армиевский; *2* – Шемышийский; *3* – Селикса-Трофимовский; *4* – Иваньковский; *5* – Сергач; *6* – Абрамовский; *7* – Кужендеевский; *8* – Старо-Кадомский; *9* – Старо-Бадиковский–I; *10* – Старо-Бадиковский–II; *11* – Серповский; *12* – у пос. Заря; *13* – Журавкинский; *14* – Красный Восток; *15* – Перемчалки; *16* – Томниковский; *17* – Елизавет-Михайловский; *18* – Крюково-Кужновский; *19* – Кершин-Вьюнский; *20* – Большой Кашминский; *21* – Кулеватовский; *22* – Шокшинский; *23* – Волчиха; *24* – Лядинский; *25* – Шатрищенский; *28* – Никитинский; *29* – Барковский; *30* – Кузьминский; *31* – Тырновский; *32* – Облачинский; *33* – Закожище; *34* – Киструс; *35* – Гавердовский; *36* – Курманский; *39* – Подболотьевский; *40* – Малышевский; *41* – Безводненский.

логию отдельных выделенных типов. Все бляхи с дверкой по величине могут быть разбиты на два класса: I. Бляхи крупные. Диаметр их от 10 до 15 см. Они несколько уплощены; II. Бляхи мелкие. Диаметр их от 8 до 10 см. Они менее плоские. Все они сделаны из бронзы или плохого серебра, которое без химического анализа не отличить от бронзы.

По строению тела блях, по наличию на нем прорезей или накладки бляхи с дверками внутри классов делятся на отделы, имеющие буквенные обозначения: А – с прорезями; Б – без прорези и накладки; В – с накладкой без прорезей. Внутри классов и отделов по форме дверки бляхи делятся на типы.

Перейдем теперь к характеристике каждого класса и типа.

КЛАСС I – КРУПНЫЕ БЛЯХИ. ОТДЕЛ А – С ПРОРЕЗЯМИ (РИС. 1).

Тип 1 представлен одним экземпляром (погребение 8 Елизавет-Михайловского могильника). Дверка имеет шестиугольную форму. В противоположном от ушка конце она имеет треугольный

язычок, орнаментированный пирамидкой низ наколов. Такой же орнамент и на ее теле. Длина язычка равна 1/5 диаметра дверки (рис. 1, *1*). Аналогии ей известны в погребении 135 Армиевского (Полесских, 1979. С. 29 рис. 17, *7*), погребении 67 Шатриценского (Кравченко, 1974. С. 2), погребении 15 Гавердовского могильников (Ефименко, 1975. С. 34. Рис. 14, *11*).

Тип 2 представлен одним экземпляром (погребение 343 Крюково-Кужновского могильника) (рис. 1, *2*). Дверка имеет четырехугольную форму. Вверху и внизу стороны ее скруглены, а боковые – прямые, треугольный язычок обломан. Дверка в центре украшена выпуклинами, вокруг которых идут группы более мелких выпуклин, образующие ромб. Аналогий бляхе нет.

Тип 3 представлен четырьмя экземплярами (погребения: 45, 259, 405а, 473 Крюково-Кужновского могильника) (рис. 1, *3*). Дверка этого типа блях круглая, на противоположном от ушка конце она имеет треугольный язычок. В центре она орнаментирована пятью выпуклинами крестообразно расположенными между ними двумя линиями насечек образующими ромб. Выделяется два варианта: а) имеет на теле блях над прорезью по одной небольшой выпуклине; б) на теле бляхи над прорезями пирамидки из трех мелких выпуклин.

ОТДЕЛ Б – БЕЗ ПРОРЕЗИ И НАКЛАДКИ

Тип 1 представлен 16 экземплярами (погребения: 4, 205, 299, 308, 329, 349, 412, 450, 559 Крюково-Кужновского могильника; п. 32, 48, 70, 90, 123 Елизавет-Михайловского; п. 10 Пановского могильников). Бляхи этого типа имеют круглую форму с небольшим треугольным язычком. Длина язычка равна 1/4 диаметра дверки (рис. 1, *4*). Дверка аналогична дверке типа 3 отдела А. По краю она орнаментирована двумя рядами ложной зерни. В центре располагаются крестообразно пять выпуклин, соединенных в ромб прямыми линиями наколов, сделанных зубчатым колесиком. От ромба во все стороны отходят лучеобразно прямые линии, сделанные зубчатым колесиком. На теле бляхи у места склепки прямоугольное отверстие, в которое продевается ушко дверки бляхи. Тело бляхи орнаментировано четырьмя выпуклинами, чередующимися с пирамидками из трех шариков ложной зерни и тремя рядами ложной зерни по краю тела. Аналогии ей есть в Томниковском могильнике. Наряду с тем в ряде случаев тело бляхи бывает орнаментировано шестью крупными выпуклинами. Аналогии им есть в Томниковском могильнике (Ястребов, 1893. С. 56), в Шокшинском могильнике (Циркин, 1968. С. 25. Рис. 105), в Малышевском могильнике (Дубынин, 1950. С. 10), в Курманском (Спицын, 1890. Табл. VI. Рис. 3).

Тип 2 представлен восемью экземплярами (погребения: 65 Елизавет-Михайловского; 26, 72 Пановского; 3, 21, 105, 301, 417а Крюково-Кужновского могильников) (рис. 1, *5*). Дверка блях этого типа имеет круглую форму, язычок треугольный вытянутых пропорций. Длина его равна 1/3 диаметра дверки. Дверка по краю украшена ложной зернью, а в центре ромбом с выпуклинами по углам и в центре него. Тело блях орнаментировано шестью крупными выпуклинами или выпуклинами, чередующимися с пирамидками из трех шариков ложной зерни. Аналогии этому типу известны в Томниковском (Ястребов, 1893) и в Премчалкинском могильниках (Алихова, 1948. Табл. XI. Рис. 6).

КЛАСС II – МЕЛКИЕ БЛЯХИ. ОТДЕЛ Б – БЕЗ ПРОРЕЗЕЙ И НАКЛАДКИ

Тип 1 представлен 10 экземплярами (погребения: 43, 257, 337 Крюково-Кужновского; 4, 16, 42, 73г Елизавет-Михайловского; 33, 62, 74 Пановского могильников). Этот тип блях имеет круглую маленькую дверку, язычок дверки этой бляхи имеет длину, равную 1/4 диаметра дверки. Она украшена пятью крестообразно расположенными выпуклинами (рис. 1, *6*). Тело самой бляхи орнаментировано шестью крупными выпуклинами, идущими вокруг дверцы по телу бляхи или пирамидками из трех мелких выпуклин. Аналогии этому типу блях есть в Шокшинском могильнике (Циркин, 1968. С. 35).

Тип 2 в могильниках данного региона отсутствует.

Тип 3 представлен семью экземплярами (погребения: 459, 522, 561 Крюково-Кужновского; 113, 116 Елизавет-Михайловского; 30 Пановского могильников) (рис. 1, *7*). Дверка блях этого типа круглая, имеет широкий короткий почти сливающийся с дверкой язык. По краю дверка украшена рядами ложной зерни, в центре пятью крестообразно расположенными выпуклинами. Тело бляхи (рис. 1, *6*) украшено шестью крупными выпуклинами или пирамидками из трех мелких выпуклин. Близкой аналогией этому типу блях может служить бляха из п. 10 могильника у пос. Заря (Жиганов, 1968а. С. 8).

Тип 4 представлен тремя экземплярами (погребения: 241, 491 Крюково-Кужновского; 2 Елизавет-Михайловского могильников) (рис. 1, 8). Дверка этого типа блях имеет широкую листовидную форму. Язычок ее слился с самой дверкой. По краю дверка украшена двумя рядами ложной зерни. В центре ее имеется одна выпуклина. Тело самой бляхи гладкое, украшено лишь по краю тремя рядами ложной зерни. Аналогия этой бляхе была найдена в п. 52 Лядинского могильника при раскопках его автором в 1984 г. (Воронина, 1984. С. 20).

ОТДЕЛ В–С НАКЛАДКОЙ БЕЗ ПРОРЕЗЕЙ

Этот отдел представлен лишь одним типом. *Тип 1* представлен тремя экземплярами (погребения: 604 Крюково-Кужновского; 99 Елизавет-Михайловского; 96 Пановского могильников). Дверка этого типа блях имеет круглую форму и треугольный язычок. Длина его равна 1/4 диаметра дверки бляхи. Аналогии этому типу известны в Томниковском могильнике (Ястребов, 1893. С. 6).

Корреляция каждого типа блях с дверками и различных типов других категорий вещей, проведенная в работе, дает возможность выделить группы сопутствующих вещей, характерные для каждого типа блях с дверками. Ниже, на рисунках 3 и 4, я привожу группы сопутствующих вещей для каждого типа. Следует отметить, что здесь нет резкой смены вещей. Как видно из рисунка 3, для блях с дверками I класса типа 1 отдела А среди сопутствующих вещей находится узкая серповидная гривна, верхняя часть которой представляет собою дрот, обвитый бронзовой кованой треугольной в сечении проволокой с бронзовыми напускными бусами и имеет застежку "коробочку" (рис. 3, *1*) столь характерную для ранних дротовых гривен рязанских могильников, таких как Борковский, Кузьминский (Ефименко, 1926. С. 59–84)]. Нижняя ее часть, узкая серповидная, также аналогична ранним типам, известным в рязанских могильниках.

Близкая аналогия нижней части этой гривны известна в Абрамовском могильнике (Жиганов, 1968б. Погр. 7). В комплексе с бляхой с дверкой 1-го типа I класса отдела А найдена серповидная гривна с накладками-бляшками розетками с колечками внизу (рис. 3, *2*). Аналогия ей известна в Серповском (Алихова, 1959б. С. 12. Рис. 51, *2*) (VII–VIII) и Старшем Кужендеевском могильниках (Жиганов, 1959. С. 62. Табл. 23, *1*). В том же комплексе была найдена короткая массивная височная привеска с массивным бипирамидальным грузиком, верхняя пирамидка его значительно меньше нижней (рис. 3, *3*) (Жиганов, 1959. Рис. 12, *2*). Здесь же был дротовый браслет с расширенными концами (рис. 3, *4*) (Жиганов, 1959. Табл. 2, *3*), небольшая трапециевидная бляха-привеска с треугольной прорезью в центре (рис. 3, *5*, *6*), простой кистевидный накосник (рис. 3, *7*). Почти все эти типы вещей имеют аналогии в Серповском могильнике VII–VIII вв. Однако отсутствие в комплексе с бляхой 1-го типа красных пастовых бус, столь характерных для памятников VII в., дает основание датировать ее VIII в., возможно, началом или первой половиной VIII в. Этот тип является наиболее ранним среди наших блях и исходным для последующих типов.

Прообраз этого женского украшения, по мнению Н.В. Трубниковой, появляется еще во II–IV вв. в Кошибеевском могильнике (Трубникова, 1974. С. 87), а более отдаленные параллели уводят на восток, в Прикамье. Подобные бляхи широко распространены и на Средней Оке.

В VI–VII вв. н.э. они видоизменяются, утрачивая часть своих прорезей и приобретают 4-угольную дверку с узким небольшим язычком с противоположной стороны от ушка дверки. Подобные бляхи распространены в погребениях VI–VII вв. у мордвы, в Армиевском могильнике (Рыков, 1930) и на соседней с ней территории в Шатрищенском могильнике (Кравченко, 1974. Рис. 14, *4*) в погребениях этого времени Курманского могильника (Спицын, 1890. Табл. VI, *2*), Борковском (Спицын, 1894. Табл. VI, *8*) и Кузьминском могильниках (Спицын, 1894. Табл. XVI, *8*), Иваньковском могильнике (Краснов, Трубникова, 1969. С. 10; Воронина, 1970; 1972). В VII–VIII вв. н.э. происходят изменения дверки блях. Язычок ее приобретает четкий треугольный характер. Дверка уже имеет очертания, аналогичные нашему вышеописанному 1-му типу А блях с дверкой.

Бляха с дверкой 2-го типа отдела А является производной от типа 1-го А. Дверка ее уже ближе к форме дверки 3-го типа блях (рис. 3). Этот тип блях встречен в одном комплексе с височной привеской типа Ia (Воронина, 1988. С. 237), аналогии которым есть в Серповском (Алихова, 1959б. С. 112. Табл. 30, *1*) и Армиевском могильниках VII–VIII вв. (Рыков, 1930. С. 28).

Сопутствуют ему привески ожерелья 1-го типа (рис. 3, *8*), по типологии автора (Воронина, 1988. С. 240), аналогии им есть в погребениях Серповского могильника (Алихова, 1959б. С. 113. Табл. 50, *17*), и массивные дротовые браслеты с расширенными и обрубленными концами, аналогии которым известны в Агойском ауле (Миллер, 1909. Рис. 22, *4*). Все это дает основание отнести этот тип блях к VIII в. н.э.

3-й тип – производный от 2-го (рис. 3). Он коррелируется с височной привеской вышеописанного 1-го типа А, привеской ожерелий 1-го типа массивным дротовым браслетом с обрубленными концами (рис. 3, *9*), дротовой гривной с перстневидной застежкой (рис. 3, *10*), серповидной гривной с фигурной накладкой и привесками (рис. 3, *11*).

Этому типу сопутствуют массивные пластинчатые браслеты с отогнутыми гвоздевидными концами, дротовые браслеты из массивной полукруглой проволоки с отогнутыми гвоздевидными концами (рис. 3, *12*). Аналогии этим браслетам мы находим в могильниках Северного Кавказа у Агойского аула (Миллер, 1909. С. 86). Известны они и в Серповском могильнике (Алихова, 1959б. С. 122. Табл. 52, *2*). По мнению А.Е. Алиховой, подобные типы браслетов появляются у мордвы еще в VII в. и "становятся господствующими вплоть до X в." (Алихова, 1959б. С. 18). Весь этот набор сопровождающих вещей дает основание датировать 3-й тип временем VIII в.

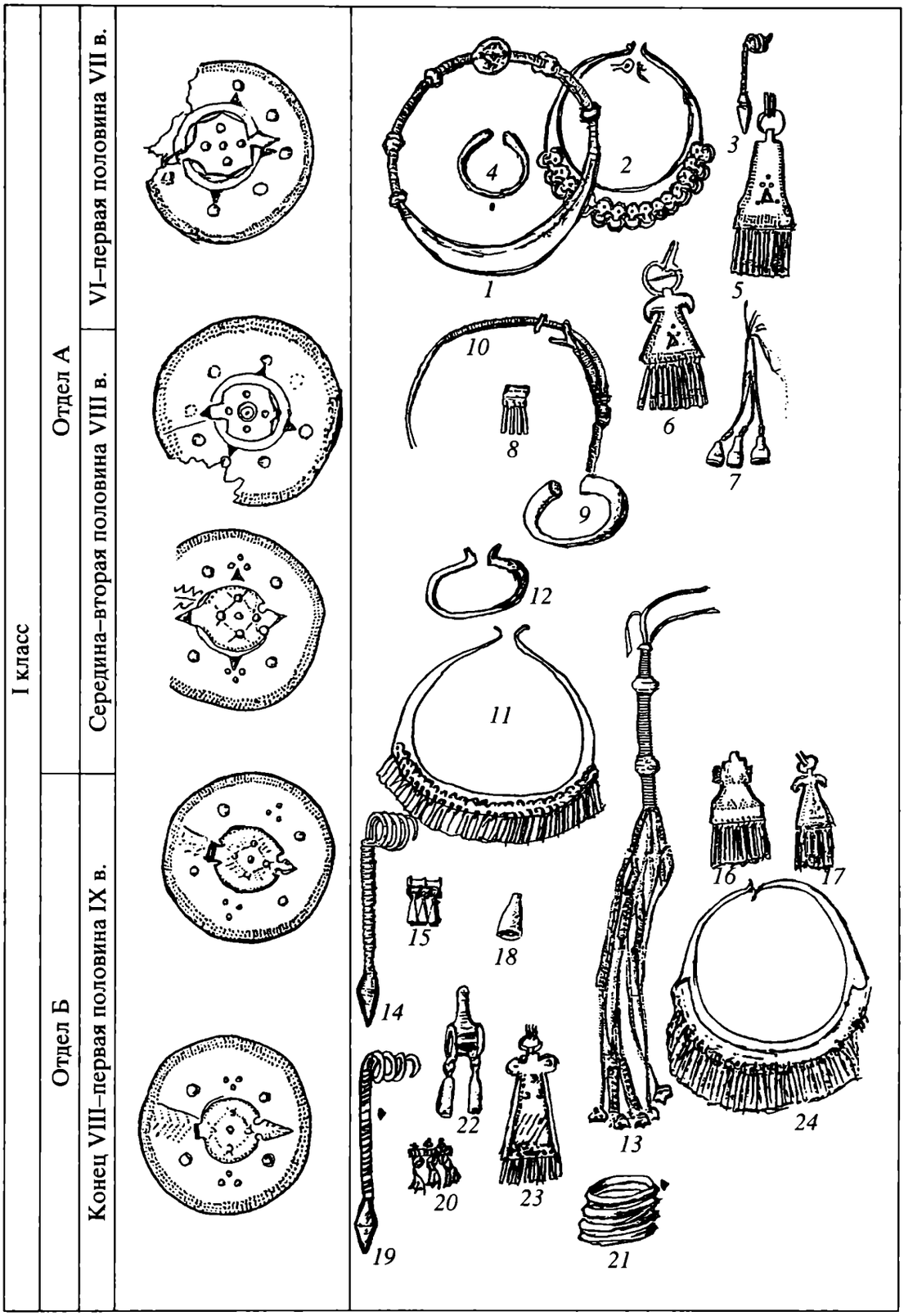

Рис. 3. Вещи, сопутствующие бляхам с дверками I класса, вещи типа 1: *1* – серповидная гривна с застежкой коробочкой; *2* – серповидная гривна с бляшками-накладками; *3* – височная привеска типа 1*а*; *4* – браслет с расширенными концами; *5* – трапециевидная привеска с трубчатыми подвесками типа 2 вариант А I класса; *6* – трапециевидная привеска с трубчатыми подвесками тип 1*а* вид А I класс; *7* – простой кистевидный накосник; *8* – привеска ожерелий тип 1; *9* – дротовый браслет с обрубленными концами; *10* – дротовая гривна с перстневидной застежкой; *11* – серповидная гривна с фигурной накладкой; *12* – браслет с отогнутыми гвоздевидными концами. Бляхи с дверками отдела Б. Бляхи 1 типа: *13* – сложный кистевидный накосник; *14* – височная привеска типа 1*б*; *15* – привеска ожерелья типа 2; *16,17* – трапециевидные привески с трубчатыми подвесками тип 1–2 отдел Б I класса; *18* – привеска-колокольчик. Бляхи типа 3: *19* – височная привеска типа 1*в*; *20* – привеска ожерелья типа 3; *21* – спиральный браслет; *22* – привеска-колокольчик с двумя кольцами по бокам и подвесками; *23* – трапециевидная привеска с трубчатыми подвесками тип 3*д* отдел Б II класс; *24* – серповидная гривна с гладкой накладкой.

Таким образом, бляхи класса I отдела А являются более древними и исходными в дальнейшей эволюции этого поясного украшения.

Бляхи с дверкой отделов Б и В являются более поздними в эволюционном ряду, и генетически связаны с типом 3 отдела А. При дальнейшей эволюции они утратили прорези, а выпуклины или пирамидки из трех небольших выпуклин, располагавшихся ранее над прорезями, теперь занимают само тело бляхи и идут вокруг дверки. Эти бляхи еще таких же размеров, как и бляхи с дверкой типа 3 отдела А.

Таковы бляхи с дверкой типа 1 отдела Б I класса (Рис. 1, *4*). Они встречаются в комплексах с бусами 3-го отдела, бородавчатыми 2-го подтипа по типологии В.Б. Ковалевской, являющимися, по ее мнению, датирующими для погребений VIII–IX вв. (Ковалевская, 1961. С. 223).

В комплексах с вышеописанными бляхами постоянны находки многогранных бус из голубого мало прозрачного стекла (2-я категория, группа I, 3-й отдел тип Б 14-ти гранные по типологии В.Б. Ковалевской). По ее мнению, это один из распространенных типов бус VIII–IX вв. (Ковалевская, 1961. С. 218). В тех же комплексах обычны бусы отдела круглых, типа А, боченкообразные 2-го отдела – ребристые по типологии В.Б. Ковалевской, которые она датирует VIII–IX вв. (Ковалевская, 1961. С. 3, 218). Здесь же встречены бусы отдела круглых типа А подтипа 3, характеризующиеся желтым с красным глазком и желто-зелеными полосами, которые В.Б. Ковалевская считает типичными для VIII–IX вв. и тип В вариант 1. По типологии Ковалевской это VIII–IX вв., а по ее свидетельству и Паулик, и Линкло датируют их IX в. (Ковалевская, 1961. С. 230).

В комплексах с бляхами с дверкой тип 1 отдела Б I класса (рис. 3) встречаются сложные кистевидные накосники с привесками-колокольчиками с двумя кольцами, к которым подвешены привески в виде утиных лапок (рис. 3, *13*), а также привеска к накоснику салтовского солнечного амулета в виде двух сросшихся шеями головок коней. По мнению С.А. Плетневой, эти амулеты обнаружены в могилах салтово-маяцкой культуры конца VII – первой половины IX в. (Плетнева, 1965. С. 176). К этому же времени относятся и найденные в комплексах бляхи с дверками и салтовский перстень со стеклянными глазком, укрепленным в гнезде с четырьмя лапками (Плетнева, 1965. С. 141. Рис. 36).

В тех же комплексах постоянны и находки височных привесок менее массивных с менее массивным бипирамидальным гладким грузиком, у которого эта верхняя пирамидка меньше нижней (тип 1 вариант Б) (рис. 3, *14*). Находка этой привески с монетой, датированной А.В. Фоминым 30-ми годами – серединой IX в. н.э., дает основание датировать ее серединой IX в.

Все это позволяет датировать бляхи с дверкой типа 1 отдела Б I класса концом VIII – первой половиной IX вв.

Тип 2-й отдела Б является последующим звеном в эволюции блях с дверкой типа 3 отдела А I класса. Она развивается из 1-го типа отдела Б I класса и коррелируется с височной привеской с бипирамидальным грузиком типа Iв (Воронина, 1988. С. 240) (рис. 3, *19*), которая имеет более длинный стержень с менее массивным бипирамидальным грузиком. Верхняя и нижняя половинки его равны. Бляха этого типа может быть датирована второй половиной IX в. Сопутствующей этому типу является привеска ожерелья 3-го типа в виде ложной спиральки с тремя привесками-утиными лапками внизу (рис. 3, *20*).

В комплексах с бляхой типа 2 отдела Б I класса встречаются спиральные браслеты (рис. 3, *21*), серповидные гривны, поясные бляшки, накладки сегментовидной формы с кольцом внизу, украшенные стилизованными трилистниками, датирующиеся серединой IX в. (Плетнева, 1981. С. 150. Рис. *115*, *116*), и бляшки-накладки в виде личины с глазами, усами и четко выраженным носом, встречающиеся в салтовских древностях в начале IX в. (Плетнева, 1981. С. 150. Рис. 37, *27–29*), наконечники поясных наборов с заостренным верхним и нижним краями, орнаментированные схематичными трилистниками, произрастающими друг над другом по обе стороны от ствола (Плетнева, 1981. С. 151. Рис. 37, *89*), бляшки-накладки с прорезями, украшенные трилистниками, также широко распространенные в салтово-маяцких древностях начала и середины IX в. (Плетнева, 1981. С. 150. Рис. 37, *16*, *110*, *111*).

В тех же комплексах вместе с бляхами с дверками типа 1 отдела Б класса I встречены узколезвийные боевые топоры с гвоздевидным обухом. Отсутствие в комплексах с бляхами с дверками типа 1 отдела Б класса I более поздних вещей X–XI вв. дает основание отнести бляхи типа 1 отдела Б класса I к концу VIII–IX вв.

Бляхи с дверкой класса II, как говорилось выше, генетически связаны с бляхами предшествующего класса.

Бляхи типа 1 отдела Б класса II аналогичны бляхам типа 1 того же отдела I класса и отличаются лишь размерами. Рисунок 4 содержит сопутствующие вещи для каждого типа блях с дверками II класса. Как видно на рис. 4, бляхам с дверками типа 1 отдела Б сопутствуют височные привески 1-го типа *в* и 2-го типа *в* (рис. 4, *1*, *2*) по типологии автора (Воронина, 1988. С. 239), серповидная гривна с гладкой накладкой и с трубчатыми или трапециевидными привесками (рис. 4, *3*), сложный кистевидный накосник с привесками в виде колокольчика с высокой тульей и с кольцами по бокам, к

которым подвешены привески в виде изогнутых утиных лапок. Среди сопутствующих этому типу блях вещей следует указать спиральные браслеты (рис. 4, *5*), которые, по мнению А.Е. Алиховой, появляются в IX в. (Алихова, 1959б. С. 14) одновременно с серповидной гривной и трапециевидными привесками того же времени.

В мужских погребениях, в которые в качестве дара положены бляхи с дверкой, вместе с бляхами вышеописанного типа находятся наконечники ремня, подвески-петли, аналогии которым уводят в салтово-маяцкие древности (Алихова, 1959а. С. 163. Рис. 44, *62*), датируемые концом VIII – первой половиной IX в. В комплексах с этими бляхами продолжают встречаться височные привески вышеописанного 1-го типа *б*, относящиеся ко второй половине IX в. (Воронина, 1988. С. 240) (рис. 4, *1*). Этот тип блях с дверкой находится в комплексах с височной привеской с длинным тонким стержнем, обмотанным круглой проволокой, но имеющей бипирамидальный грузик, обе пирамидки которого равны (рис. 4, *2*). Это тип 2-й вариант *в* (рис. 4, *2*) по находкам удил с прямыми псалиями (Ковалевская (Деопик), 1961. С. 178. Рис. 35) стремян, арочной формы с прямой подножкой и прямоугольной петлей для ремня, конца IX – начала X в. по находкам бляшек накладов прямоугольных с прорезями, верх которых украшен стилизованными трилистниками. Этот тип бляшек встречается в салтово-маяцких погребениях (Голубева, 1979. С. 148. Рис. 36, 38) середины IX в., а также в сопровождении трехлопастных стрел типа 14 – по типологии А.Ф. Медведева (Медведев, 1966. С. 59). Таким образом, все это дает основание датировать височную привеску типа 2 второй половиной IX – началом X в. Этим же временем, очевидно, датируется и бляха 1-го типа отдела Б II класса.

Бляхи с дверкой 2-го типа отдела Б II класса еще повторяют форму 2-го типа блях с дверкой 2-го типа Б класса I, отличаясь лишь более мелкими размерами. Они встречаются в комплексах с серповидной гривной с накладкой и привесками (рис. 4, *3*), со сложными кистевидными накосниками с привесками-колокольчиками с двумя петлями, к которым подвешены привески в виде утиных лапок (рис. 4, *4*). В тех же комплексах находятся 14-гранные голубые и зеленые бусы из полупрозрачного стекла (2-я категория группа I, 3-й отдел тип *б*) по типологии В.Б. Ковалевской, датируемые ею VIII–IX вв. (Ковалевская (Деопик), 1961. С. 218), дротовые гривны с гвоздевидными концами (рис. 4, *6–15*), височные привески вышеописанного типа 1*в* и височные привески с бипирамидальным грузиком типа 2*в* (рис. 4, *7*), спиральные браслеты и серповидные гривны с привесками. Все это дает основание говорить о сосуществовании блях с дверкой 1-го типа и 2-го и дает основание датировать их второй половиной IX в.

Тип 3 отдела Б II класса является одним из поздних завершающих типов эволюции блях с дверкой (рис. 4, *7–22*). Он коррелируется с пластинчатыми браслетами с отогнутыми концами, монетовидными привесками ожерелий (рис. 4, *18*). Эти привески широко распространены в памятниках X–XI вв. В тех же комплексах встречаются привески в виде ложной пронизки, украшенной вверху тремя пирамидками ложной зерни. Внизу ее кольца, к которым на восьмеркообразном звене подвешены привески в виде утиных лапок.

Сопутствующими вещами этого типа блях с дверками является височная привеска типа 2*г* (Воронина, 1988. С. 240, 241) (рис. 4, *7*), крестовидные привески ожерелий (рис. 4, *8*, *9*), дротовые гривны с гвоздевидными концами (рис. 4, *10–16*), бубенчики со щелевидной прорезью и монетовидные привески (рис. 4, *18*), трапециевидная привеска с трубчатыми подвесками типа 3*г* вид Б класса II по типологии автора (Воронина, 1990. С. 216), спиральные кольца из круглой в сечении волоченой проволоки (рис. 4, *20*), накосник-пулокерь, обмотанный ремешком и бронзовой проволокой (рис. 4, *21*).

В тех же комплексах встречены прямоугольные и круглые наборные ажурные привески с конскими головками по углам прямоугольной рамы и с привесками в виде утиных лапок, подвешенных внизу к кольцам наборной рамы и круглые привески утиными лапками (рис. 4, *23*). Это вариант 2 наборных коньковых подвесок с прямоугольным щитком по типологии Л.А. Голубевой и датированным ею X–XI вв. (Голубева, 1979. С. 50). Вместе с бляхами с дверками 3-го типа отдела Б II класса в комплексах встречены крестовидные привески ожерелий X–XI вв. (рис. 4, *8*, *9*), мелкие сюльгамы – кольцевидные застежки с раскованными в узкие лопасти височными привесками с длинным стерженьком, обмотанным круглой в сечении проволокой и бипирамидальным грузиком, у которого верхняя пирамидка значительно больше нижней. Тип 2*г* по типологии Ворониной (Воронина, 1988. С. 240).

Все это дает основание датировать этот тип блях с дверками X–XI вв.

Четвертый тип блях с дверкой отдела Б II класса является последним завершающим типом эволюции этого женского поясного украшения. Это по сути последнй, полностью видоизменившийся вариант блях с дверкой.

Сопутствующими вещами для этого типа блях являются височная привеска типа 2*д* – с каплевидным грузиком на длинном тонком стержне с обмоткой тонкой волоченой проволокой (рис. 4, *24*), накосник пулокерь с палочкой, вложенной внутрь накосника и с обмоткой ремешком, который, в свою очередь, обмотан плотно волоченой проволокой (рис. 4, *25*), крупными трапециевидными привесками с трубчатыми подвесками (тип 3 вид Б

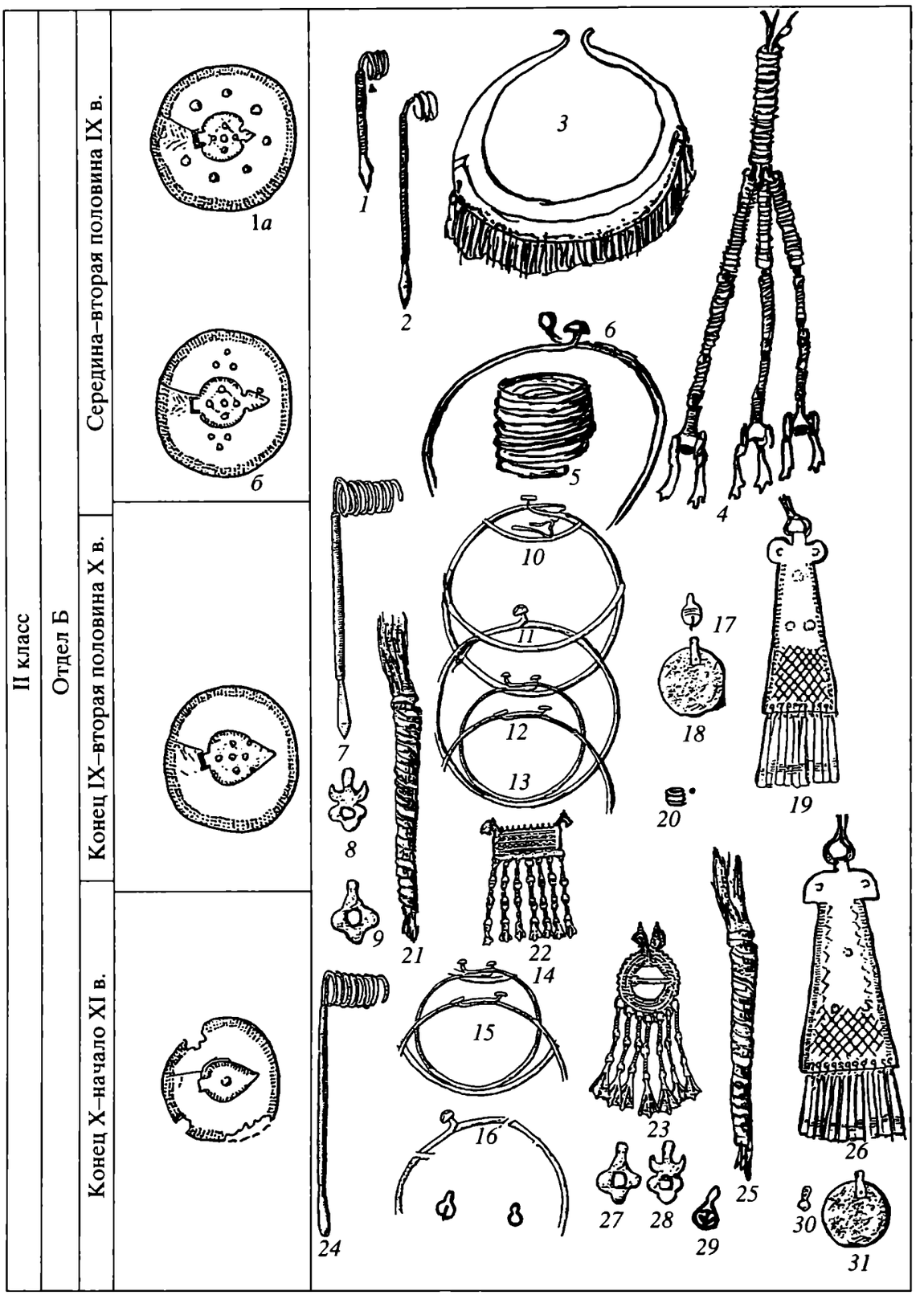

Рис. 4. Вещи, сопутствующие бляхам с дверками II класса. Тип 1*а*, *б*: *1* – височная привеска типа 1*в*; *2* – височная привеска типа 2*в*; *3* – серповидная гривна с гладкой накладкой и привесками; *4* – сложный накосник – кисть с привесками-колокольчиками и подвесками-утиными лапками; *5* – спиральный браслет; *6* – дротовая гривна с петлей с одной стороны и гвоздевидной головкой с другой. Тип 2: *7* – височная привеска типа 2*г*; *8* – крестовидная с отростками привеска ожерелья; *9* – крестовидная привеска; *10–16* – дротовые гривны; *17* – бубенчик со щелевидной прорезью; *18* – монетовидная привеска ожерелья; *19* – трапециевидная привеска с подвесками типа 3*г* вид Б класса Ш; *20* – спиральный перстень из волоченой проволоки; *21* – пулокерь; *22* – ажурные прямоугольные бляхи-привески (вариант 2 наборных коньковых привесок по Л.А.Голубевой). Тип 3: *23* – ажурная круглая пряжка; *24* – височная привеска типа 2*д*; *25* – пулокерь с палочкой внутри и обмоткой ремешка тонкой бронзовой проволокой; *26* – трапециевидные привески с подвесками тип 3*д* вид Б класс Ш; *27, 28* – крестовидные подвески ожерелий; *29* – бубенчик с крестообразной прорезью; *30* – литой бубенчик с большой петлей; *31* – монетовидная привеска ожерелья.

III класс). Корреляция этого типа блях с височной привеской (тип 2, *д*), самым поздним типом височной привески и с бубенчиками со щелевидной прорезью, с шиферными пряслицами, дают основания датировать этот 4-й тип блях с дверками X–XI вв.

Не противоречат этой дате находки в комплексах сердцевидных бляшек со стилизованными завитками растений, возможно, стилизованными листьями оканфа. Аналогии им известны в погребениях X–XI вв. Лядинского могильника (Ястребов, 1893. Табл. V. Рис. 15).

Бляхи с дверкой 1-го типа отдела В (с накладкой и без прорезей) II класса генетически связаны с бляхами с дверкой 1-го типа отдела Б I класса. Находки их в комплексах вместе с височными привесками с бипирамидальными грузиками, типа 1 варианта *в* и типа 2 варианта *в*, спиральными браслетами, серповидными гривнами с привесками и серповидной гривной с накладкой дает основание датировать их IX в.

Таким образом, развившись из древних форм блях VI–VII вв., это женское поясное украшение, а возможно, и оберег, видоизменяясь, доживает до X–XI вв., и тип 4 отдела Б II класса – это уже завершающий этап этой эволюции.

Сама символика этого последнего завершающего эволюцию, 4-го типа блях с дверками, говорит о тех социальных изменениях, которые произошли в обществе. По мере распада родового строя, дальнейшего роста имущественного расслоения, выделения родовой верхушки и развития патриархата, происходит оттеснение женских божеств на второй план. Это нашло отражение в смене символики блях. В XI в. происходит ее смена. Вместо ромба с крючками предшествующих веков на крышке бляхи типа 4 появляется солярный знак, знак огня. Женское божество сменилось мужским, солярным знаком, знаком огня и солнца, покровителя родовой аристократии и зарождающихся дружинников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

... *Алихова А.Е.* Мордовские могильники X–XIV вв. Дис. канд. ист. наук // Архив ИА РАН. 1947. Р-2. № 739.

Алихова А.Е. Перемчалкинский могильник // Археологический сборник. Т. I. Саранск, 1948.

Алихова А.Е. Из истории мордвы конца I – начала II тыс. н.э. // Археологический сборник. Т. II. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959а.

Алихова А.Е. Серповский могильник // Археологический сборник. Т. II. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959б.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2.

Воронина Р.Ф. Отчет о работе 2-го чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. 1970. Р-1. № 4229, 4229а.

Воронина Р.Ф. Отчет о работе 2-го чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции // Архив ИА РАН. 1972. Р-1. № 4918.

Воронина Р.Ф. Отчет о раскопах в Тамбовской области (Лядинского могильника) 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11417а.

Воронина Р.Ф. Обереги Великой Богини древней мордвы // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. Всесоюзной конф. Суздаль. Суздаль, 1987.

Воронина Р.Ф. Мордовская височная привеска с бипирамидальным грузиком // СА. 1988. № 4.

Воронина Р.Ф. Трапециевидные привески древней мордвы // СА. 1990. № 3.

Воронина Р.Ф. К вопросу символики оберега плодородия мордвы // Социальная дифференциация общества. М., 1993.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. 1979. Вып. Е1–50.

Дубынин А.Ф. Раскопки Малышевского могильника // Архив ИА РАН. 1950. Р-1. № 476.

Ефименко П.П. Рязанские могильники // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. I. Л., 1926.

Ефименко Е.П. Иваньковский и Гавердовский могильники древней Мордовии. Саранск, 1975.

Жиганов М.Ф. Новые археологические памятники в долине рек Вад и Теша // Археологический сборник. Т. II. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959.

Жиганов М.Ф. Отчет о раскопках могильника у пос. Заря в 1968 г. // Архив ИА РАН. 1968а. Р-1. № 1804.

Жиганов М.Ф. Отчет о раскопках Абрамовского могильника // Архив ИА РАН. 1968б. Р-1. № 4675.

Ковалевская (Деопик) В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. 1961. № 2.

Кравченко Т.А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966 г.) // Археология Рязанской земли. М., 1974.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. Чебоксары, 1980.

Краснов Ю.А., Трубникова Н.В. Отчет 2-го Чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3993.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII–XIV. М., 1966.

Миллер А.А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. Могильник Агойского аула // ИАК. 1909. Вып. 33.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1965.

Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Полесских М.Р. Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Саранск, 1979.

Рыков П.С. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930.

Спицын А.А. Раскопки Курманского могильника // Древности. 1890. Т. XIV.

Спицын А.А. Древности бассейна р. Оки и Касмы // Древности. 1894. Т. XXV.

Трубникова В.Н. К вопросу о связях племен средней полосы Восточной Европы с Кавказом в I тыс. н.э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.

Циркин Л.В. Отчет о раскопках Шокинского могильника за 1968 год // Архив ИА РАН. 1968. Р-1. № 3664.

Ястребов В.Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии // МАР. 1893. № 10.

Typology and Chronology of the Plaques With Opening Panels

R. F. Voronina

Summary

The author's aim was to work out an exhaustive classification and to trace the evolution of the original medieval woman's ornaments popular among the east Finnish tribes of the Volga basin in the second half of the 1st – the early 2nd millennia AD. The plaques of this kind represented not only adornments, but were also protective amulets related to the worship of the fertility goddess. The discussed amulets were worn by the population which had used the cemeteries of Ryazan-Oka type, and the tribes of ancient Muroma and Mordvinians. The discussed plaques were worn by the Mordvinian and Muroma women on waistbands to protect the female bosom from the evil forces. In the cemeteries of Ryazan-Oka type they were used as breast ornaments and at the same time protective amulets. Abundant material was recovered form the cemeteries of the Middle Tsna river (937 burials). These numerous finds give an opportunity to trace the evolution of the plaques and suggest their detailed chronology. The artefacts can be divided into two classes according to their dimension: large and small ones. They are also divided into groups by the structure of their body, and into types by that of their opening panel. Generally, in the course of their evolution the plaques became smaller, the slots on their bodies disappeared, the shape of the openings and their decoration changed. Type 1 of group A, class I is considered the earliest one in the evolution, while type 4 of group A, class II the final one. Social shifts had their impact on the symbolism of the protefctive amulets. These were: development of slash-and-burn agriculture in the 6th – 7th cc., existence of tribal social system, and female deities. The plaques with opeining panels were decorated with the motif of rhombus with attached hooks interpreted as the symbol of the fertility goddess. This deity was gradually displaced into the background in the course of the process of social and property stratification, and finally in the 11th c. solar symbols appeared on the opening panel. The female deity was replaced by male god, the protector of tribal aristocracy and the warriors of the princes' retinue.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 83–90

ДИСКУССИИ

АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА ЭПОХИ БРОНЗЫ

© 2003 г. А. В. Епимахов

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

Последнее десятилетие ознаменовалось широкими поисками новой методологии археологических исследований в отечественной науке. Ликвидация идеологических ограничений наряду с расширением возможностей знакомства с иностранной литературой стимулировали поиски новых горизонтов, породили перенос акцентов на интерпретацию аспектов, ранее изучавшихся в чрезвычайно ограниченных масштабах.

Это особенно заметно при обращении к памятникам поздней первобытности, долгое время трактовавшимся как период разложения первобытнообщинного строя. В рамках линейной эволюционной схемы любое обсуждение проблем социального и экономического развития в приложении к конкретным материалам имело оттенок схоластики, когда археологические источники выступали лишь в качестве иллюстрации теоретических положений. Это признание не должно затенять достижений отечественной археологии, обратившейся к данным проблемам уже в 1920-е годы (Генинг, 1982). Сегодня можно считать изжитым представление об универсализме таких категорий как "военная демократия" или "вождество"[1], которые, видимо, должны быть признаны частными случаями постпервобытных социумов. Более того, высказано мнение о неэффективности применения моделей социальной антропологии к археологическим фактам (O'Shea, Barker, 1996). Попыткой его преодоления стало внедрение в исследовательскую практику концепции комплексности. Правда, и в этом случае "инициатива" исходила не от археологов (Tainter, 1988; Массон, 1996. С. 90–97).

Определенный методологический застой в отечественной науке имел прямым следствием сокращение числа работ, посвященных изучению экономических и социальных структур, ввиду предполагаемой тривиальности возможных выводов. Действительно, природа археологических источников такова, что многие построения имеют гипотетический характер, приходится предполагать заведомую неполноту реконструкции[2], затруднена перекрестная проверка выводов и т.д. Вместе с тем наличие в нашем распоряжении и бытовых, и погребальных объектов одновременно оставляет шансы на рассмотрение многих вопросов очерченной проблематики. С нашей точки зрения, использование для определения типа социума имеющегося спектра таксономических единиц (например, выбор в зависимости от количества уровней иерархии между племенем, вождеством, государством и империей (Carneiro, 1981)[3] действительно не слишком эффективно. По этой причине, видимо, имеет смысл сосредоточить усилия на изучении изменений уровня комплексности во времени и пространстве. Поиски критериев в оценке уровня комплексности конкретных обществ ведутся достаточно давно, однако задача эта отнюдь не проста даже для обществ, изучаемых этнографически (Корякова, 1998). Перечень признаков должен включать такие показатели, как демографические параметры социума, степень его неоднородности (включая количество и степень обособленности групп, основания их выделения), наследуемый или ненаследуемый характер приобретения социального статуса. Экономическими чертами предклассового общества могут быть признаны следующие: достижение уровня развития производительных сил, обеспечивающего "выпадение" некоторых групп из сферы производства; специализация; дальнедистанционная торговля и др.

Эти общие заключения требуют дополнительной системы перевода на "язык" археологического памятника или группы. Часть их опознается в вещественных материалах относительно легко

[1] Для последнего можно констатировать все большее размывание семантического поля и утерю конкретного содержания, вкладываемого антропологами – создателями данной теории (Steward, 1955). Явная неоднородность обществ, рассматриваемых в рамках концепции, порождает все новые классификации, для отдельных частей которых иногда нелегко обнаружить объединяющие моменты.

[2] Такой пессимизм обусловлен ничтожным количеством полно и комплексно исследованных памятников, сохранностью материалов, неовеществленностью многих сфер жизнедеятельности индивида и социума.

[3] Имеются и более сложные схемы. Например, К. Кристиансен вводит понятия "децентрализованного стратифицированного общества", "централизованного архаического государства" (Kristiansen, 1998).

(например, торговля или производственная специализация[4]), другая может быть реконструирована в рамках уже выработанных методик (демография). Однако эти моменты являются существенными, но не решающими в оценке характера общества. К сожалению, это обстоятельство редко учитывается, и мы наблюдаем многолетние дискуссии, в которых авторы, оперируя идентичным набором фактов, приходят к диаметрально противоположным заключениям. Приоритет обычно отдается погребальным памятникам, по которым, используя ряд признаков, удается за редким исключением установить наличие неких групп, понимаемых как отражение социальной неоднородности. Синкретический характер информации, заключенной в погребальной обрядности, уже обосновывался (Ольховский, 1995; Мышкин, 1999), поэтому особое значение имеет ее сопоставление с результатами анализа однокультурных поселений. В предварительном плане можно констатировать, что погребальные памятники почти всегда "рисуют" картину более сложного, иерархически организованного общества, чем поселения (см., например, Тихонов, 1997). Видимо, в ходе ритуальной практики отображается *идеальная* социальная структура и актуализируются аспекты отношений, слабо проявляющиеся (или не овеществляемые) в повседневной жизни.

Социально значимыми признаками при изучении погребальной обрядности обычно признаются: количество трудозатрат коллектива (размеры и сложность сооружения); объем и состав жертвоприношений и инвентаря; использование альтернативных ритуалов обращения с умершим; положение покойного в пределах могилы, кургана и некрополя в целом; наличие предметов-маркеров статуса; индивидуальный или коллективный характер погребения и некоторые другие. Для поселений этот перечень выглядит примерно следующим образом: включение рассматриваемой группы в структуры более высокого уровня, модель расселения и выделение иерархии памятников (по площади и типам) в пределах рассматриваемой территории, различия в архитектуре (включая размер и конструкцию) и инвентарном комплексе отдельных строений, наличие следов специализированных производств и пр. Рассмотрение любого из поименованных признаков в отрыве от прочих может быть легко оспорено, однако их сочетание должно дать более адекватную картину.

С нашей точки зрения, возможности такой реконструкции предоставляют материалы эпохи бронзы Уральского региона, где разнотипные памятники, датируемые данным периодом, представлены чрезвычайно широко и столь же широко обсуждаются в литературе. Правда, рассмотрение долгосрочных тенденций экономического и социального развития – весьма редкий жанр в нашей историографии (Косарев, 1984; Кузьмина Е.Е., 1997; Koryakova, 1996), где большинство авторов ориентированы на культурогенетические темы, обобщение категорий инвентаря либо комплексное изучение отдельных археологических культур. Вовсе не отрицая необходимости исследований такого рода, считаем возможным акцентировать внимание читателя на следующем. Во-первых, в условиях относительно стабильного существования конкретной экономической и социальной модели зачастую невозможно уловить динамику изменений в рамках археологической культуры. Во-вторых, интерпретация такой эволюции или трансформации в рамках культуры создает неразрешимые проблемы и толкает на поиски причин внешнего порядка (экология, инвазия и т.п.). В-третьих, обычно не ставится вопрос о форме проявления изменений и их системном характере, хотя на словах многими декларируется использование системного подхода.

Выбор хронологических рамок не случаен, слишком очевидны изменения, произошедшие на рубеже энеолита и бронзового века – поэтапное утверждение производящего хозяйства, предполагающее изменение парадигмы взаимоотношений человека и природы; формирование гигантских культурно-исторических общностей, стабильность существования которых во многом определялась металлопроизводством (Черных, 2000); возникновение и поддержание дальнедистанционных связей; становление комплексного общества и др. С другой стороны, Урал, в нашем представлении, в течение эпохи бронзы функционировал как единая система, что предполагает взаимообусловленность макроэкономических процессов и делает неизбежным рассмотрение территории в целом. Характер отношений в пределах системы, во всяком случае на некоторых этапах, может быть определен как "центр–периферия", причины чего кроются в редкости месторождений, высокой технологичности металлопроизводства и некоторых других отраслей.

В рамках данной публикации нет места рассмотрению возможного изменения ландшафтных границ (Семочкина, Рябогина, 1999. С. 117) и связанного с этим распространения степного населения к северу (Матвеев, 1998). Полагаем лишь, что взаимосвязь природных условий и основного вида хозяйственной деятельности не повод для дискуссии. С некоторой долей условности можно констатировать возможность выделения северной и южной зон, этнически атрибутируемых как индоевропейский и финно-угорский миры. Отсутствие надежной общепризнанной внутренней хронологии большинства

[4] Частным случаем такой специализации является так называемая "престижная экономика", когда выделение и развитие некоторых отраслей диктуется не реальными потребностями общества в целом, а запросами элиты, стремящейся дистанцироваться путем апелляции к внешним образцам или специально производимым атрибутам.

археологических культур[5], подтвержденной большими сериями стратиграфических наблюдений и методами естественнонаучного датирования, заставляет ориентироваться на рассмотрение их в целом как этапов длительного исторического процесса. В тех случаях, когда речь не идет о трансформации системы культур, уловить динамику можно лишь на уровне количественных различий, что хорошо вписывается в тезис о статистическом характере проявления крупных исторических закономерностей.

Поскольку тезис о нелинейном характере нарастания комплексности в степной и лесостепной зонах Урала в III–I тыс. до н.э. уже выдвигался (Kogyakova, 1996), имеет резон сосредоточиться на поиске механизмов этого процесса. Решающим фактором изменений, произошедших в начале бронзового века на Урале, с нашей точки зрения, является утверждение производящих форм хозяйства. Мы разделяем скепсис авторов, отрицающих включение Урала в зону производящего хозяйства в период энеолита (Косинцев, 2001). Использование отдельных прирученных особей, даже если таковое имело место, не играло существенной роли в системе жизнеобеспечения этноса, не говоря уж о более чем скромном количестве аргументов (в подавляющем большинстве косвенных) "за" раннюю дату развития животноводства. Судя по всему, население сохраняло "приверженность" охотничьим и рыболовным традициям, устойчиво обеспечивающим необходимый уровень потребления (Косарев, 1984). Косвенно об этом свидетельствует длительное сохранение этих отраслей в северной зоне в качестве основных укладов на протяжении всего рассматриваемого временного промежутка.

Исходной территорией распространения производящего хозяйства в форме животноводства стало Южное Приуралье. Носителем новации явилось ямное население, освоившее не только речные долины для ведения подвижного животноводства, но и Каргалинское месторождение для разработки медных руд (Черных и др., 2000. С. 70). При кажущейся ограниченности результатов этого процесса, видимо, стимулированного притоком носителей новых традиций извне[6], влияние на сопредельные территории все-таки имело место. Нельзя исключить прямых контактов с местным населением, находившимся на техническом уровне энеолита. Свидетельства таких контактов крайне отрывочны и косвенны (отдельные находки ямной керамики, единичные кости домашних (?) животных, редкие изделия из меди), однако они есть[7]. Важнее другое, ямное население, несмотря на достижение явно более высокого в сравнении с северными и восточными соседями экономического и социального уровня, оказалось не в состоянии в полной мере освоить степи Зауралья, а также лесостепную и лесную зоны. В качестве вероятных причин могут быть названы несовместимость природных условий с привычным способом ведения хозяйства, малочисленность носителей, сопротивление аборигенного населения либо нежелание удаляться от источников медной руды.

Тем не менее впервые в условиях Урала мы констатируем важные изменения: возникновение очага производящего хозяйства, появление такой высокотехнологичной отрасли как металлургия, формирование комплексного общества, включение территории в систему широтных связей за счет контактов с родственным населением Восточной Европы[8]. Не следует сбрасывать со счетов развитие колесного транспорта и основной вид хозяйственной деятельности, обусловившие динамичный характер связей социума. Детализовать реконструируемую картину экономики и социальной жизни сегодня вряд ли удастся, поскольку в нашем распоряжении лишь погребальные объекты, число которых относительно невелико (выборка составляет около 130 погребений). Разнородность их очевидна (Моргунова, Кравцов, 1994), однако выводам о конкретном уровне социальной стратификации препятствует сама мизерность выборки и явные отклонения от нормальной демографической структуры. Неизбежный вывод о существовании альтернативных обрядов погребения лежит в русле заключения о наличии социальной стратификации, но добавляет мало информации в интересующем нас аспекте. Лишь индивидуальный характер большинства захоронений и находки уникальных категорий инвентаря наводят на мысль, что рост стратификации общества происходил путем усиления личного статуса. Интересным фактом, особенно на фоне следующего хронологического периода, является практически полное игнорирование в погребальной обрядности военной атрибутики, что позволяет отказаться от рассмотрения ямного общества как начальной ступени *военного* пути политогенеза.

В период средней бронзы ситуация меняется кардинальным образом и в плане радикального расширения зоны производящего хозяйства, и в плане достижения принципиально нового уровня развития социальных отношений, не говоря уже о появ-

[5] В основном их последовательность установлена надежно, во всяком случае нет серьезных разногласий по поводу отнесения к периодам ранней, средней или поздней бронзы. Исключение составляют некоторые культуры лесостепной и южнотаежной зоны, например ташковская (Стефанов, Корочкова, 2000. С. 80–88).

[6] Во всяком случае большинство выявленных памятников относится к поздним периодам существования ямной культурно-исторической общности.

[7] Мысль о синхронности ранних подкурганных и хвалынских захоронений уже высказывалась (Богданов, 2000. С.13), в этой связи нет и принципиальных препятствий и для принятия нашего предположения.

[8] Это обстоятельство станет ключевым в генезисе культур средней бронзы и дальнейшем нарастании комплексности социума, поскольку при всей разноголосице мнений в вопросе о происхождении синташтинских и баланбашских древностей большинством исследователей признается примат западного импульса.

лении принципиально новых типов памятников, количестве металлических изделий и других хорошо фиксируемых археологически аспектах. Если в предшествующий период можно было обсуждать лишь свидетельства контактов ямного населения с сопредельными территориями, теперь следует констатировать *определяющий* характер воздействия южной зоны на соседей. Речь идет о формировании на Урале крупных и чрезвычайно ярких культурных образований – уральской абашевской (баланбашской) культуры и памятников синташтинского типа. Первыми была освоена в основном зона приуральской лесостепи (Епимахов, 2001), вторыми – степи Южного Зауралья[9].

Основой существования становится многоотраслевое животноводство при общем преобладании крупного рогатого скота и связанной с этим с низкой мобильностью стада и прочной оседлостью. Различие западной и восточной частей состоит в доле свиньи в составе стада (Косинцев, 2000). Абашевские традиции предполагают довольно широкое использование этого животного, кормовая база которого в данном случае связана не с земледелием, а с распространением широколиственных лесов. Именно этим, видимо, обусловлен характер расселения в пределах лесостепного Приуралья и частично горно-лесного Зауралья[10]. Судя по этому косвенному признаку, а также полному отсутствию прямых доказательств, Урал на протяжении бронзового века так и остался зоной распространения животноводства, земледелие же не играло сколь-нибудь существенной роли в системе жизнеобеспечения (Лебедева, 1996).

Особое место в жизни населения Урала периода средней бронзы занимает металлопроизводство. Поиски аргументации существования местного очага металлургии и металлообработки не представляют никаких трудностей и давно уже стали устойчивой историографической традицией. Важно лишь подчеркнуть, что список местных ресурсов не ограничивается медьсодержащими минералами и должен быть дополнен богатством каменного сырья, прямо или косвенно задействованного в выплавке металла и обработке орудий, запасами древесины. Являясь наследницей Циркумпонтийской провинции, местная металлургия отражает формирование стереотипов Евразийской, чем отчасти и объясняется рассмотрение Южного Урала как очага культурогенеза (Бочкарев, 1991; Отрощенко, 1996), ставшего предтечей срубно-алакульского мира.

С нашей точки зрения, появление сложных фортифицированных памятников (Зданович, 1997) и чрезвычайно затратной погребальной ритуалистики (Генинг и др., 1992) обусловлено суммой факторов, важнейшим из которых представляется утверждение производящих форм хозяйства на новых территориях. Этап утверждения принципиально новых стереотипов сопровождался всплеском комплексности социума, археологические воплощения которой упомянуты выше. Ситуация такого рода не уникальна, аналоги можно обнаружить и на Ближнем Востоке и в Европе (Sherrat, 1997. С. 254–261)[11]. Очевидно, что лишь устойчивый избыток продукции мог создать возможность выпадения больших групп из сферы непосредственного производства, роста производственной и иной специализации и соответствующего усложнения социальной практики. Наиболее очевидными свидетельствами являются сложные фортификационные сооружения, требующие даже при поэтапном характере возведения не только концентрации больших трудовых ресурсов, но также планирования и координации работ. К явлениям того же порядка относится "расцвет" престижной экономики (прежде всего, производство оружия и военной техники) и высокозатратная погребальная обрядность.

Радикальные трансформации культурных стереотипов, связанные практически с полным исчезновением предшествующей культуры, нередко обусловлены внешними обстоятельствами. Для Урала – это приток населения извне и, возможно, экологический фактор. Именно освоение новой территории пришельцами породило общую "милитаризацию" социума. Ее воплощением являются не столько оборонительные системы поселений, сколько значительно количество оружия, в том числе в погребальной обрядности. Следует оговориться, что абашевские образцы вооружения (топоры, наконечники копий) встречаются в основном в виде случайных находок либо в кладах, то есть об их культурной атрибуции приходится судить по совпадению ареалов и близости хронологической позиции, базирующейся на построении типологических рядов (Кузьмина О.В., 2000. С. 79–91).

Остается открытым вопрос о разрыве между жизненными реалиями и "социально-погребальной" структурой. Поселения, несмотря на огромные по площади раскопы[12], не демонстрируют внятных следов военных действий, за исключением Мало-Кизыльского селища, локализованного

[9] Имеющиеся материалы позволяют констатировать проникновение синташтинских традиций в зону северной лесостепи (Нелин, 2000), но документированных комплексов укрепленных поселения и могильников севернее р. Уй пока нет.

[10] Кости свиньи почти полностью отсутствуют в коллекциях синташтинских поселений, а в период поздней бронзы исчезают в Зауралье совсем. Приемлемым объяснением может быть изменение экологической обстановки и сокращение территории широколиственных лесов, служивших кормовой базой свиноводства.

[11] В том же русле находится решение вопроса о генезисе фортификационных сооружений лесной и лесостепной зон в период раннего железного века (Борзунов, 1989).

[12] Синташтинские: Аркаим – около 9000 м^2, Синташта – более 4000 м^2, Устье – около 3000 м^2. Среди абашевских объемы не столь впечатляющие: Береговское – около 3000 м^2, Тюбяк – более 1000 м^2.

в "пограничной" зоне абашевского и синташтинского населения. Часть находок оружия в синташтинских погребениях явно является нефункциональными образцами. Мы допускаем также ограниченный характер именно боевого использования колесницы (Littauer, Crouwel, 1996).

Тем не менее, сопоставляя группы населения Урала периода средней бронзы в целом, можно констатировать более высокий уровень комплексности синташтинских социумов. В качестве аргументов такого заключения могут выступать большая концентрация населения, реализованная в поселенческих памятниках площадью до 2–3 га; явные следы координации крупномасштабной деятельности; значительное число специализированных отраслей[13]. Вариативность погребальной обрядности наблюдается в обоих случаях, однако лишь синташтинские некрополи демонстрируют разделение центра и периферии, ряд могил содержит предметы, интерпретируемые как символы высокого социального статуса, количество и сложность жертвоприношений просто несопоставимы. В целом, синташтинская погребальная обрядность – явление чрезвычайно яркое, что наряду с явной "недостачей" числа покойных (Епимахов, 1999) наводит на мысль об элитном характере археологически фиксируемых некрополей. Исходя из анализа только этого типа памятников, трудно устоять перед соблазном вывода о далеко зашедшей социальной (и даже имущественной) дифференциации, чему противоречат сравнительно скромные демографические параметры социума, а также трудности поиска доказательств такого заключения в поселенческих материалах.

Если не настаивать на практически недоказуемом тезисе о функционировании всей синташтинской ойкумены как единого организма, то даже самые оптимистические оценки числа жителей конкретного укрепленного поселения[14] (Епимахов, 1999) позволяют отнести социум к числу среднемасштабных (Березкин, 1995). Учитывая ведущую роль скотоводства, требующего значительных пастбищных территорий, эта цифра представляется предельной для выделяемых "сельскохозяйственных округов" (Зданович, 1997). С другой стороны, подробный анализ погребальной обрядности неизбежно приводит к выводу о том, что нарастание комплексности шло не по пути усиления личного статуса[15]. Различия касаются лишь расположения в центре или на периферии подкурганной площадки, а также отдельных категорий инвентаря – маркеров статуса, прежде всего некоторых типов вооружения и колесничного комплекса.

Есть еще один аспект, требующий упоминания. Яркость синташтинских памятников в максимальной степени проявлена в сфере идеологической. Своеобразная "избыточность" археологических проявлений ритуальной сферы хотя бы отчасти объясняется утверждением новой системы мировоззрения, когда мифологическая картина воплощалась наиболее полно[16]. В дальнейшем, по мере того как новация становится традицией, исчезает необходимость овеществления максимального числа стереотипных действий.

Возвращаясь к вопросу о причинах взлета комплексности, надо подчеркнуть, что его существование на довольно длительном отрезке времени может быть объяснено лишь сложением системы типа "центр–периферия" (Kristiansen, 1993), в которой группа синташтинских социумов Южного Зауралья играла роль ядра. В качестве характерной особенности могут быть названы и чрезвычайно дальние связи. Их характер вряд ли можно объяснить сугубо утилитарными потребностями или особенностями культурогенеза. Большинство свидетельств такого рода относятся к элитному комплексу и, видимо, должны были выступать как средство легитимизации высокого социального статуса. Не случайно неразрешимым остается вопрос о хронологическом приоритете колесничного комплекса.

Однако, судя по всему, очень длительное поддержание существования системы такого рода в эпоху бронзы невозможно. Особенно показательна в этом отношении судьба местного населения в следующий период поздней бронзы, когда, с нашей точки зрения, Уральская степь и лесостепь вступают в новый период стабильного существования и эволюционного развития. Для Приуралья пример менее выразителен. На смену абашевским древностям, представленным относительно небольшим числом памятников, среди которых, правда, В.С. Горбунову (Горбунов, 1992) удалось выделить крупные микрорайоны (Береговской и Тюбякский), приходят чрезвычайно массовые, но очень похожие по масштабам, инвентарю и другим параметрам срубные памятники. Наблюдается общая нивелировка культурных стереотипов, а единственным, хотя и ярчайшим примером производственной специализации является поселение Горный в зоне Каргалинского месторождения (Черных, 2001). Несмотря на определенность относительной хронологии, на этой территории нельзя исключить существенного внешнего влияния на ход культуро- и социогенетических процессов. Тем не менее можно уверенно констатировать значительную нивелировку куль-

[13] Кроме традиционно упоминаемых металлургии и металлообработки должен быть назван "колесничный" комплекс, включая не только изготовление экипажей и упряжи, но также тренинг лошадей и их выпас вне основного стада.

[14] Расхождения составляют от 400 до 4000 обитателей для поселения Аркаим площадью 2 га.

[15] Коллективный характер большинства захоронений взрослых; близкое количество трудозатрат на погребение одного покойного (за вычетом детей); значительная роль половозрастных градаций; нет следов накопления сокровищ и "неравноправного" расположения умерших в пределах погребальной камеры и т.п.

[16] Иначе говоря, передаваемая информация дублируется по нескольким каналам с использованием вербальных и невербальных средств.

туры во всех ее проявлениях, практически полное исчезновение свидетельств социальной неоднородности.

В Зауралье мы обнаруживаем те же закономерности, только в более "чистом" виде, поскольку генетическая линия от памятников синташтинского типа через петровские (раннеалакульские) к классическим алакульским не обнаруживает существенного влияния иных культур[17]. Не изменяет общей картины наличие огромного количества срубно-алакульских памятников в Приуралье и Зауралье. Остается полное впечатление плавной эволюции, в ходе которой не только оформляется "алакульский стандарт" материальной культуры и погребальной обрядности, но и происходит ряд важных социальных изменений. В первую очередь идет вымывание свидетельств значимости военной функции – сокращение количества находок оружия, деградация колесничного комплекса, минимизации трудозатрат на фортификационные сооружения и, в конечном счете, их полное исчезновение. В целом, чрезвычайно затруднительным становится выделение социальных групп по результатам анализа не только поселений, но и погребальной обрядности. Последняя приобретает ярко выраженный семейно-родовой характер. Во всяком случае, можно смело утверждать, что размеры социумов[18] сокращаются как минимум в несколько раз, не овеществленной оказывается координация деятельности этих коллективов и связи на дальние расстояния.

Все это происходит на фоне сохранения почти в неизменном виде системы жизнеобеспечения[19]. Судя по плотности расположения поселений, можно лишь предполагать, что идет процесс более широкого освоения ранее слабо заселенной территории. В конечном итоге скотоводство, интенсификация которого при отсутствии селекции жестко лимитирована особенностями экологической ниши, диктует расширение границ. В результате формируются две огромные общности позднего бронзового века – алакульская и срубная. Период поздней бронзы – также время поступательного расширения зоны производящего хозяйства не только за счет продвижения на север носителей алакульских и срубных традиций, но также в ходе освоения навыков скотоводства инокультурным окружением. Характерной особенностью южной части лесной зоны становится сочетание присваивающих и производящих отраслей, доли которых в конечном итоге зависят от природного окружения – чем далее к северу, тем большую роль играет охота и рыболовство.

В степной и южной лесостепной зоне заметные изменения происходят лишь в сфере специализированных отраслей – большинство из них по способу организации находится на уровне домашних производств. Предположительно можно говорить о децентрализации металлопроизводства, поскольку небольшие по объему находок свидетельства имеются на многих поселениях. Отчасти – это результат освоения более широкого круга месторождений полиметаллических руд, в первую очередь казахстанских, но гораздо в большей степени – итог исчезновения "престижной" экономики, предполагающей концентрацию специалистов и значительные объемы производимой продукции.

Период поздней бронзы нередко определяется как время социальной деэволюции, однако есть и другая сторона вопроса. Социум вырабатывает оптимальный способ взаимодействия с природным окружением в рамках имеющегося технического потенциала, достигается относительное равновесие ресурсов территории, с одной стороны, и потребностей коллектива, с другой. На это указывает достаточно длительная фаза стабильного существования, прерванная, видимо, лишь климатическими изменениями финала эпохи бронзы.

Влияние климата на хозяйственную деятельность древнего населения неоспоримо, хотя за редким исключением изменения имеют характер тенденции и улавливаются лишь на большом временном интервале. В нашем случае наиболее очевидным примером является общее увлажнение в период финала бронзового века (Иванов, Чернянский, 2000. С. 10–14), имевшее несколько важных последствий. Предполагается, что именно трудности выпаса изменили состав стада степного населения с целью увеличения мобильности (Vinogradov, Epimakhov, 2000), стимулировали миграционную активность черкаскульского населения (Потемкина, 1995. С. 15) и др.

Решение вопроса об уровне социальной организация населения этого периода наталкивается на источниковые трудности – нет крупных некрополей, немногочисленные стационарно изученные поселения дают крайне ограниченное количество материалов, наводя на мысль о сезонности обитания и, следовательно, подвижности значительной части населения. Обнаружение в пределах одних комплексов разнокультурной керамики (так, сочетание в разных пропорциях межовской и саргаринской керамики скорее правило, чем исключение), как и весьма далеких аналогий (карасукских, среднеазиатских), видимо, свидетельство именно миграционной активности и общей тенденции к номадизму в степной зоне. Вероятно, продолжается сокращение размеров коллективов, в которые с большой

[17] Мы не считаем необходимым останавливаться на проблеме хронологического соотношения с федоровскими древностями, тем более что последние достоверно представлены практически только некрополями.

[18] Достаточно сравнить размеры поселений (в пределах 0.8–1.2 га) и число стационарных строений (в редчайших случаях около десятка).

[19] Вариации состава стада связаны только с некоторым увеличением доли мелкого рогатого скота за счет сокращения числа костных остатков крупного рогатого скота, что интерпретируется как нарастание мобильности.

легкостью включаются пришлые элементы. Никаких следов металлургических центров в период финальной бронзы на территории Урала не обнаружено, хотя полностью исключать их существование в лесостепной зоне не приходится. Выделение элитного комплекса вряд ли удастся аргументировать даже в минимальной степени.

Подводя краткие итоги, отметим, что на протяжении бронзового века Урал становится ареной крупных социально-экономических трансформаций, важнейшими из которых нам представляются массовый переход к производящим формам хозяйства, формирование специализированных отраслей и становление комплексного общества. Однако рассмотрение долгосрочных тенденций убеждает в невозможности рассматривать эти события как линейный процесс поступательного развития. Несмотря на сохранение общей основы жизнеобеспечения, обнаруживается, что за взлетом комплексности раннего периода следует "откат", являвшийся по сути фазой стабильного развития по экстенсивному пути. Отношения типа "центр–периферия" сменяются равноправными, снижается концентрация населения, исчезает элитный комплекс, а с ним и необходимость поддерживать чрезвычайно дальние связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березкин Ю.Е. Аркаим как церемониальный центр: взгляд американиста // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита–бронзы Средней и Восточной Европы. Археологические изыскания. Вып. 25. СПб., 1995.

Богданов С.В. Проблемы формирования древнейших курганных культур востока Южнорусских степей // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.

Борзунов В.А. Становление производящего хозяйства и генезис укрепленного поселения // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.

Бочкарев В.С. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб., 1991.

Генинг В.Ф. Очерки истории советской археологии. Киев, 1982.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. Челябинск, 1992.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа, 1992.

Епимахов А.В. Возможности урбанистического развития в степной среде эпохи бронзы (по материалам памятников синташтинского типа) // Экология древних и современных обществ. Тюмень, 1999.

Епимахов А.В. О границах и соотношении частей "абашевской историко-культурной общности" // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург, 2001.

Зданович Г.Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. 1997. № 2.

Иванов И.В., Чернянский Н.Н. Вопросы археологического почвоведения и некоторые результаты палеопочвенных исследований в заповеднике Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.

Корякова Л.Н. Некоторые проблемы изучения обществ поздней первобытности в российской и зарубежной археологии // Урал в прошлом и настоящем. Матер. науч. конф. Ч. I. Екатеринбург, 1998.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.

Косинцев П.А. Костные остатки животных из укрепленного поселения Аркаим // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.

Косинцев П.А. Хозяйство населения Урала и Поволжья в III–II тыс. до н. э. // XV Уральское археологическое совещание. Оренбург, 2001.

Кузьмина Е.Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма // ВДИ. 1997. № 2.

Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). Археологические изыскания. Вып. 63. СПб., 2000.

Лебедева Е.Ю. О земледелии в степях и лесостепях Восточной Европы в эпоху бронзы // XIII Уральское археологическое совещание. Тез. док. Ч. I. Уфа, 1996.

Массон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Самара, 1996.

Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994.

Мышкин В.Н. К проблеме взаимосвязи социальной структуры и погребальной обрядности в древних обществах // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999.

Нелин Д.В. Поселение эпохи бронзы Шибаево–I: результаты исследования (предварительная публикация) // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.

Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. 1995. № 2.

Отрощенко В.В. Южно-уральский очаг культурогенеза на оси пассионарных толчков // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Ч. 2. Воронеж, 1996.

Потемкина Т.М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // РА. 1995. № 2.

Семочкина Т.Г., Рябогина Н.Е. Палинологическая характеристика разреза кургана 15 Чистолебяжского могильника // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 2. Тюмень, 1999.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург, 2000.

Тихонов С.С. К проблеме определения достоверности социальных реконструкций // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997.

Черных Е.Н. Эпоха раннего металла в Евразии: некоторые кардинальные проблемы изучения // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в. Матер. междунар. науч. конф. Ижевск, 2000.

Черных Е.Н. Каргалинский комплекс в системе металлургических провинций Евразии // XV Уральское археологическое совещание. Тез. док. междунар. науч. конф. Оренбург, 2001.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю. и др. Исследование курганного могильника у с. Першин // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. IV. Оренбург, 2000.

Carneiro R.L. The chiefdom: precursor of state // The transition to statehood in the New World. Cambridge, 1981.

Koryakova L. Social trends in temperate Eurasia during the second and first millennia BC // Journal of European archaeology. 1996. V. 4.

Kristiansen K. The emergence of the European world system in the Bronse Age: divergence, convergence and social evolution during the first and second millennia BC in Europe // Europe in first millennium BC. (Sheffield Archaeological Monographs 6). Sheffield, 1993.

Kristiansen K. Europe before history. Cambridge, 1998.

Littauer M.A., Crouwel J.H. The origin of true chariot // Antiquity. 1996. V. 70. 270–December.

O'Shea J.M., Barker A.W. Measuring social complexity and variation: a categorical imperative? // Emergent complexity: the evolution of intermediate societies. (International monographs in prehistory. Archaeological series 9). Michigan, 1996.

Sherrat A. Economy and society in prehistoric Europe: changing perspectives. Princeton, 1997.

Steward J. Theory of cultural change. Urbana, 1955.

Tainter J.A. The collapse of complex societies. Cambridge, 1988.

Vinogradov N.B., Epimakhov A.V. From a settled way of life to nomadism. Variants in models of transition // Kurgans, ritual sites, and settlements: Eurasian Bronze and Iron Age. BAR. 2000. International Series. № 890.

The Analysis of the Tendencies in Social and Economic Development of the Population of the Ural in the Bronze Age

A. V. Epimakhov

Summary

The problem of study of long-term tendencies in economic development and changes in social structures of the late prehistory is considered basing on the Bronze Age materials from the Ural region. The stress is made on the investigation of the stages of introduction of producing economy. The initial stage of this process in the Ural is marked by the most impressive example of the complex society associated with the fortified sites of Sintashta archaeological culture typified by existence of monumental architecture and complicated highly labour-consuming burial rites. This is an example of the social system based on the principally new economy and with clearly expressed military character that had emerged due to the features of its cultural genesis, related to setting new territory during the migration. Here we met with quite new social pattern in the Bronze Age archaeology of Eurasia. This structure functioned for relatively long period and was built upon the system of contacts between the centre and periphery, where the bearers of the Sintashta traditions played the role of the core. Later on, as a result of final establishment of producing economy and stable settlement of the territory, stock-breeding economy determined the extensive model of development. This had led to general decrease in complexity of the economy, decline of demographic indexes, crisis of prestige economy, disappearance of the culture's military character, reduction of long-distance exchange, and so forth. The author establishes non-linear character of historic development of the Ural in the epoch of the Bronze Age.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 91–102

ПУБЛИКАЦИИ

ОБ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ ПРОТОКОБАНСКИХ УКРАШЕНИЙ

© 2003 г. А. Ю. Скаков

Институт археологии РАН, Москва

В фондах Государственного Исторического музея среди материалов из могильников Фаскау и Верхняя Рутха Дигорского ущелья Северной Осетии хранится 28 экземпляров (в том числе, семь фрагментов и мелких обломков) каменных распределителей, покрытых резным циркульным орнаментом (рис. 1; 2, *1–16*; 3, *1, 2*).[1] Как правило, это плоские почти квадратные или прямоугольные пластины, толщиной 3.5–7 мм и размерами от 2 на 2.1 см и 2 на 3.5 см до 3.6 на 3.9 см. Поперек пластин просверлены сквозные отверстия. Все грани пластин тщательно отшлифованы, но торцевые стороны иногда скруглены и лишены четких углов. Распределители изготовлены из мягкого белого камня, вероятно талька. В трех случаях на лицевых поверхностях распределителей заметны окислы бронзы (рис. 1, *9*, *10*; 2, *5*).

Две противоположные стороны распределителей имеют либо одинаковый, либо различный (в восьми случаях) циркульный орнамент. По декору можно выделить четыре основных варианта распределителей. Для первого варианта (4 экз.) характерен орнамент из девяти кругов, расположенных по три в ряду (рис. 1, *1–4*). Распределители второго варианта (11 экз.) украшены орнаментом из пяти кругов, один из которых расположен в центре, а четыре – по углам (рис. 1, *6–9*; 2, *1*, *2*, *7–11*). К этому варианту примыкают еще два экземпляра, у которых круги также расположены крестообразно (рис. 1, *5*, *10*). У трех распределителей второго варианта на противоположной стороне нанесены четыре круга (рис. 2, *7*, *8*, *11*). Эти экземпляры примыкают к третьему варианту (4 или 5 экз.), для которого характерен орнамент из четырех кругов (рис. 2, *3*, *4–6*, *14*). Два распределителя третьего варианта дополнительно украшены полуциркульными дугами, размещенными между кругами (рис. 2, *4*, *6*). К четвертому варианту (2 экз.) относятся распределители с орнаментом из 8, 10 или 12 кругов, расположенных по периметру лицевой поверхности (рис. 3, *1*, *2*).

24 распределителя происходит из могильника Фаскау близ аула Галиат (коллекции Б. Дзелихова – 20 экз. и А.А. Бобринского – 4 экз.). 3 распределителя коллекции П.С. Уваровой происходят из окрестностей аула Кумбулта, вероятнее всего, из могильника Верхняя Рутха. Еще один распределитель входит в состав исследованного Е.И. Крупновым погребения 17 могильника Верхняя Рутха. Все распределители представляют собой достаточно цельную группу с близким декором и вряд ли могли бытовать длительное время. Объединяет их и происхождение из одного достаточно небольшого и замкнутого района, каким является Дигорское ущелье.

Данные распределители (в дальнейшем – "распределители типа Фаскау") использовались, несомненно, в ожерельях, состоящих не из одной низки бус или подвесок, а из нескольких – как правило, трех-четырех. Подобное ожерелье, состоящее из нескольких низок сурьмяных бус и подвесок, было найдено экспедицией ГИМ под руководством А.П. Мошинского в 1998 г. в протокобанском погребении № 6 могильника Кари Цагат в Дигорском ущелье[2]. Обращает на себя внимание наличие в пяти случаях на торцевых гранях распределителей как продольных, так и поперечных отверстий (рис. 1, *6*; 2, *8*, *12*; 3, *1*, *2*). При этом в трех случаях кроме сквозных отверстий в длинных боковых гранях распределителя имеется одно отверстие в его короткой нижней грани, не являющееся сквозным, но доходящее до сквозных отверстий (рис. 1, *6*; *2*, *8*, 12). Распределители четвертого варианта кроме трех отверстий в боковой грани имеют четыре отверстия в короткой грани. У этих распределителей и продольные, и поперечные отверстия являются сквозными, а в одной из лицевых сторон имеются еще одно или три несквозных отверстия (рис. 3, *1*, *2*). Такая сложная система отверстий объясняется, вероятно, использованием распределителей не в ожерелье, а в более сложном элементе костюма, возможно, в головном уборе, состоящем из нескольких пересекающихся низок бус и подвесок.

Впервые два распределителя из Фаскау были опубликованы П.С. Уваровой, рассматривавшей их как бусы и указавшей на наличие аналогичных предметов в материалах "Кумбултского могильника", т.е. Верхней Рутхи (Уварова, 1900. С. 284. Табл. CXVIII, *4*, *5*). П.С. Уварова, как и Е.И. Крупнов, считали распределители костяными. О.А. Дудко в своей работе об археологических материалах

[1] Благодарю А.П. Мошинского (ГИМ) за возможность публикации данных предметов.

[2] Благодарю А.П. Мошинского за возможность использований материалов данных раскопок.

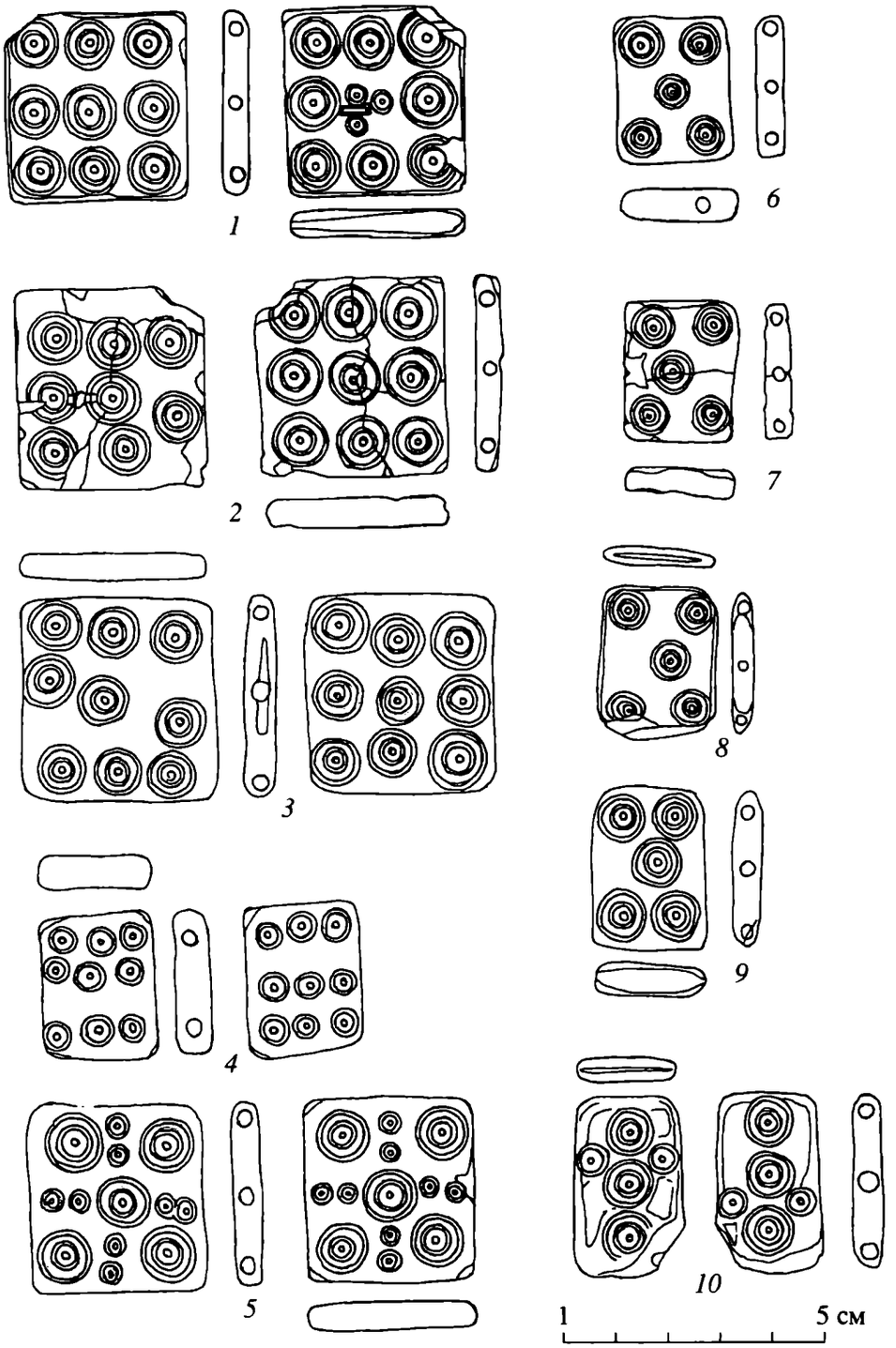

Рис. 1. Каменные распределители. *1* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 497/732); *2* – Фаскау, коллекция Бобринского (ГИМ, Б, № 527/21); *3* – Фаскау, коллекция Бобринского (ГИМ, Б, № 527/20); *4* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 497/322); *5* – Фаскау, коллекция Бобринского (ГИМ, Б, № 527/19); *6* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 497/736); *7* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 497/739); *8* – Кумбулта, коллекция Уваровой (ГИМ, Б, № 489/639); *9* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 497/734); *10* – Кумбулта, коллекция Уваровой (ГИМ, Б, № 489/639).

из могильника Фаскау обошла распределители молчанием (Дудко, 1961). Р. Дзаттиаты, знакомый с данными распределителями, вероятно, исключительно по опубликованным П.С. Уваровой иллюстрациям, назвал их "костяными пластинами" и отнес к раннему средневековью (Дзаттиаты, 1992. С. 20. Табл. XVII, *18*, *19*).

Как уже говорилось, распределитель входил в состав комплекса 17 из Верхней Рутхи, опубликованного Е.И. Крупновым и датированного им кон-

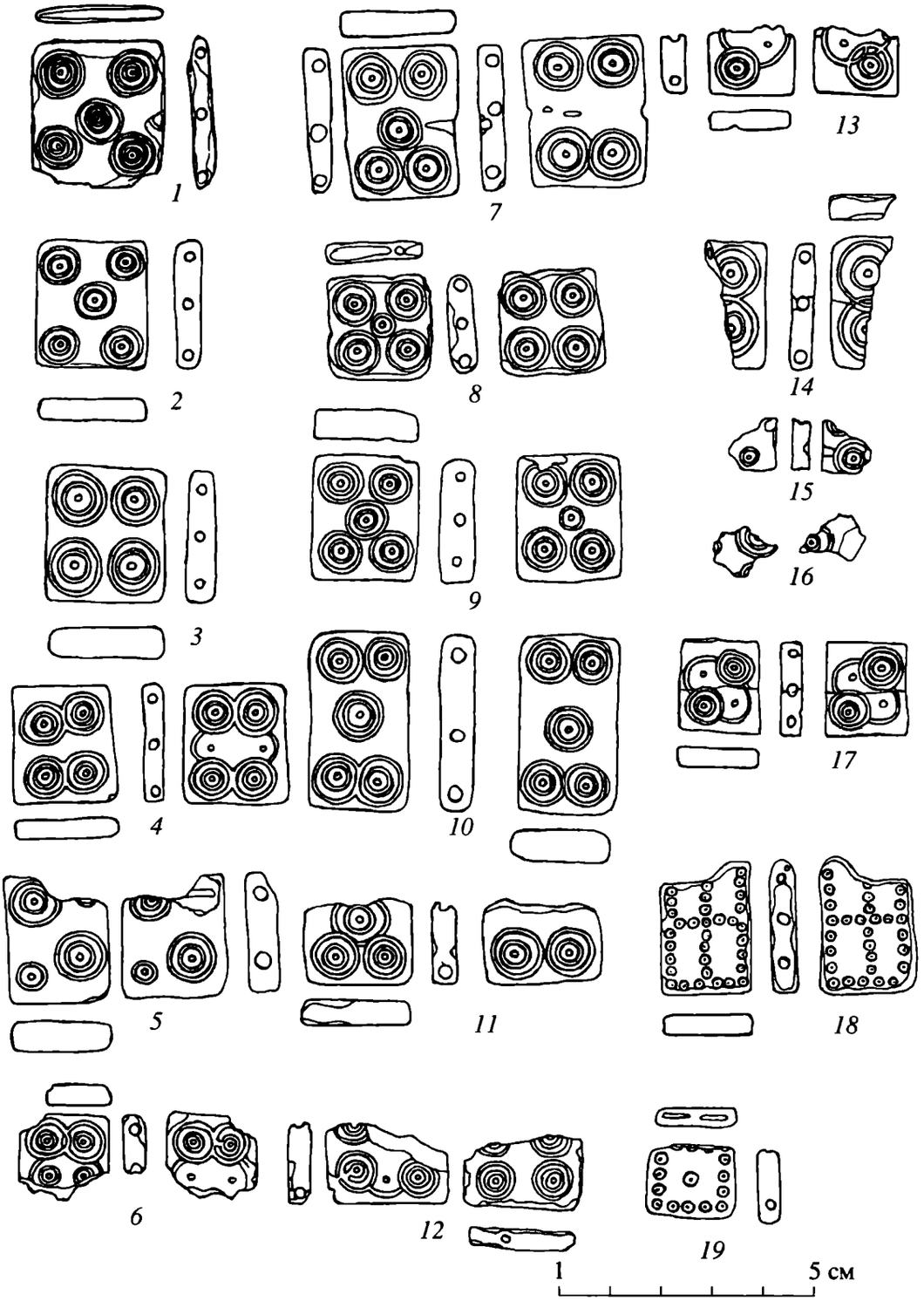

Рис. 2. Каменные распределители. *1* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 497/735); *2* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 497/737); *3* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 497/782); *4* – Кумбулта, коллекция Уваровой (ГИМ, Б, № 489/639); *5* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 1166/37); *6* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 497/741); *7* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 497/100); *8* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 497/740); *9* – Верхняя Рутха, погребение 17, раскопки Е.И. Крупнова (ГИМ, Б, № 79845/8); *10* – Фаскау, коллекция Бобринского (ГИМ, Б, № 527/18); *11* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 497/1132); *12* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 1166/38); *13* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 1166/39); *14* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 1166/40); *15* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 1166/40); *16* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 1166/40); *17* – Кари Цагат, погребение 9, раскопки 2000 г.; *18* – Кари Цагат, погребение 9, раскопки 2000 г.; *19* – Кари Цагат, погребение 9, раскопки 2000 г.

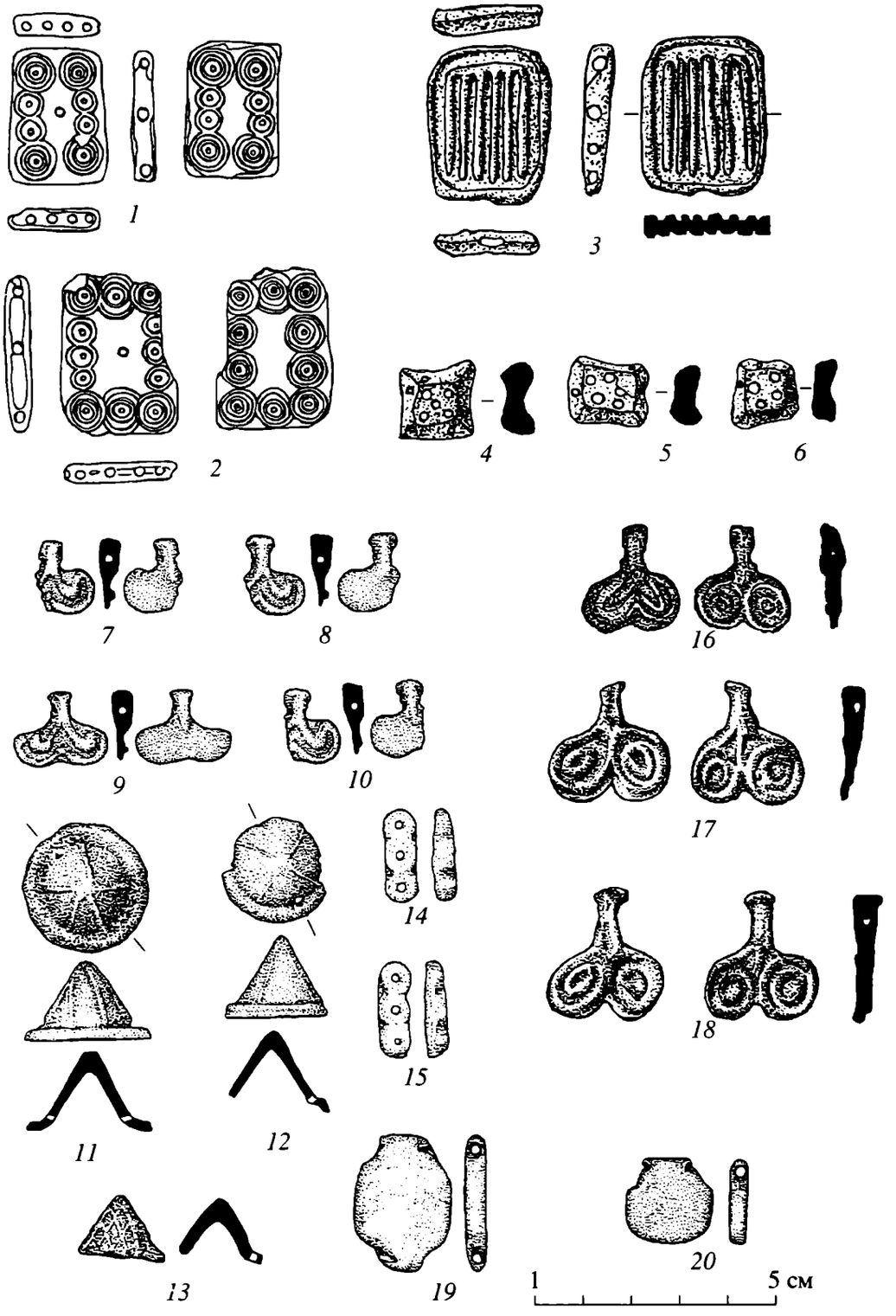

Рис. 3. Каменные распределители и сурьмяные украшения. *1* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 497/738), камень; *2* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 497/733), камень; *3* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 497/1150), сурьма; *4* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 1166/41), камень; *5* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 1166/42), камень; *6* – Фаскау, коллекция Дзелихова (ГИМ, Б, № 1166/43), камень; *7–15* – Кари Цагат, погребение 6, раскопки 1998 г., сурьма; *16–18* – Кари Цагат, погребение 9, раскопки 2000 г., сурьма; *19–20* – Кари Цагат, погребение 6, раскопки 1998 г., камень.

цом первого этапа развития кобанской культуры, т.е. IX–VIII вв. до н.э. (Крупнов, 1960. С. 226, 236, 237. Табл. XLII, *3*). Необходимо отметить, что так называемый комплекс 17, как и большинство других комплексов из раскопок Е.И. Крупнова, скорее всего, представляет собой остатки разновременных и перемешанных погребений. Так, фибулы с витой дужкой из погребения 17 датируются позд-

некобанским временем, а пластинчатый браслет с продольным ребром и закругленными концами относится к протокобанскому периоду.

Таким образом, до сих пор вопрос о датировке и культурной атрибуции дигорских каменных распределителей с циркульным орнаментом оставался открытым.

В 2000 г. на упомянутом выше могильнике Кари Цагат в Дигорском ущелье Северной Осетии Северокавказской экспедицией ГИМ было исследовано погребение 9, сильно ограбленное в древности и разрушенное промоиной. Тем не менее по инвентарю и погребальному обряду исследованный комплекс сближается с протокобанским погребением № 6 того же могильника. В погребении № 9 найдено три каменных распределителя интересующего нас типа. Один из них сохранился полностью, а его лицевые стороны украшены орнаментом из двух кругов, соединенных двумя полуциркульными дугами (рис. 2, *17*). Аналогия данному экземпляру известна из материалов могильника Фаскау (рис. 2, *13*). Эти распределители мы выделяем в пятый вариант по декору. Два других распределителя были повреждены еще в древности, но затем вторично использовались, причем поврежденную грань подшлифовали. Они близки к распределителям четвертого варианта: у одного кроме мелких кружков по периметру нанесен крест из таких же кружков (рис. 2, *18*), а у другого – кружки нанесены по периметру лицевой стороны, ряд из трех кружков делит ее на две равные части, в центре каждой из которых было, вероятно, также размещено по кружку (рис. 2, *19*).

Могильник Кари Цагат идентифицируется нами как могильник Догуй Хунта, шесть погребений которого исследовалось в конце XIX в. В.Л. Тимофеевым (Уварова, 1900. С. 204–206). Судя по описанию, данному П.С. Уваровой, могильник Догуй Хунта был виден с "огибающей холмы и скалы" дороги, ведущей от ныхаса села Лизгор к селу Донифарс и находился при этом ниже ныхаса и расположенных выше него склеповых могильников (Уварова, 1904. С. 108). Могильник Кари Цагат удовлетворяет всем этим условиям.

К сожалению, приводимое П.С. Уваровой описание инвентаря погребений могильника Догуй Хунта является слишком общим и не дает представления о вещах (Уварова, 1900. С. 204–206). Та часть инвентаря, которая поступила в Государственный Исторический музей, оказалась депаспортизированной. Тем не менее надо отметить упоминания о "плоской бронзовой фибуле" (вероятно, фибулообразная подвеска), подвесках в виде бараньих голов, "бронзовом топоре с небольшим отверстием сверху обуха" (вероятно, втульчатый топор эпохи средней бронзы), каменной булаве, костяной застежке с орнаментом, "бронзового украшении наподобие топора" (птицевидная бляха или навершие – модель топорика). Все эти предметы могут быть отнесены к протокобанскому периоду. При этом погребение № 2 из раскопок Тимофеева было кремационным, а в других погребениях мы видим вытянутое трупоположение на спине. Таким образом, погребальный обряд не противоречит протокобанской интерпретации данных комплексов.

Раскопанные в 1998–2000 гг. погребения № 6 и 9 могильника Кари Цагат относятся к дигорской культуре, бытующей в данном регионе в протокобанский период. В целом, протокобанский период датируется В.И. Козенковой началом XIV – первой половиной XII в. до н.э. (Козенкова, 1996. С. 89–92). В рамках протокобанского периода В.И. Козенкова и А.П. Мошинский выделили два этапа, условно названные Кобан Ia и Кобан Iб (Козенкова, 1990. С. 72–78; Козенкова, Мошинский, 1995).

Как справедливо отмечает А.П. Мошинский, дигорская культура по времени следует за первым протокобанским периодом (Мошинский, 2000. С. 103). Таким образом, для региона Дигорского ущелья (близлежащие памятники Рачи и Верхней Балкарии не изучены или не изданы, но наличие там материалов, аналогичных дигорским, можно предполагать) в рамках протокобанского периода выделяется три хронологических этапа, соответствующие периоду Кобан Ia, по В.И. Козенковой, дигорской культуре, по А.П. Мошинскому, и периоду Кобан Iб, по В.И. Козенковой. Более оправданным было бы обозначение этих периодов как Протокобанский I (маркируется погребением 3 могильника Верхняя Рутха из раскопок А.П. Мошинского), Протокобанский II (дигорская культура) и Протокобанский III (маркируется предметами, находящими аналоги в Былымском кладе) (Мошинский, Скаков, 2000. С. 209). Для Протокобанского I периода характерен эклектичный и неустойчивый облик культуры, а в материалах Протокобанского III периода заметны некоторые раннекобанские черты. Напротив, материалы дигорской культуры достаточно своеобразны и устойчивы (Мошинский, 2000).

Большинство материалов, рассматривающихся как протокобанские (Козенкова, 1996. Рис. 34), было обнаружено в погребениях № 6 и 9 могильника Кари Цагат и может быть теперь с уверенностью отнесено к дигорской культуре (Мошинский, 2000. С. 103). Булавки представлены экземплярами с навершиями типа "павлинье перо", двувалютными навершиями, вытянутыми овальными навершиями с пуансонным орнаментом. Другие украшения представлены фибулообразными височными подвесками со спиралями, птицевидными бляхами, бараньими головками, подвесками в полтора оборота, спиральными пронизями, стеклянным бисером. Из предметов вооружения имеются бронзовые черешковые кинжалы и кремневые стрелы с выемкой в основании. Отсутствие в двух изученных комплексах бронзовых топоров, кинжалов переднеазиатского типа и булав могло быть связано с социальным

статусом погребенных, не относящихся к воинской верхушке общества. Набор керамических форм не отличается разнообразием – это банки и горшки. Обращает на себя внимание изобилие украшений из сурьмы. Это лапчатые (узкие и широкие), лопатовидные, двувалютные (рис. 3, *7–10*, *16–18*) и кувшинообразные подвески, пуговицы с петелькой, застежки с прямоугольными выступами, бляшки с двумя или четырьмя сосцевидными выступами, двух- и трехчастные пронизки (рис. 3, *14*, *15*), бляшки в виде колпачков (рис. 3, *11-13*), бусы различных форм. Любопытно отсутствие в погребениях № 6 и 9 известных в дигорских материалах сурьмяных подвесок ромбической формы, украшенных сетчатым рельефным орнаментом. Вероятно, они относятся к более раннему периоду (Протокобанский I), что подтверждается их многочисленными находками в комплексах степной бронзы покровского типа, датируемых XVII в. до н.э. (Литвиненко, 1996. С. 98, 99).

Для дигорской культуры наиболее характерным погребальным обрядом можно считать кремацию на стороне при захоронении праха в больших ямах, обложенных камнями и включающих в себя деревянные конструкции типа настила и перекрытия (Козенкова, Мошинский, 1995. С. 48, 49; Мошинский, 2000. С. 103). При этом не исключено наличие ингумационных погребений, хотя и, возможно, с частичной кремацией. Кроме раскопанных В.Л. Тимофеевым погребений могильника Догуй Хунта об этом свидетельствует изученная В.И. Долбежевым гробница 2 могильника Верхняя Рутха, материал из которой был детально проанализирован В.И. Козенковой (1982. С. 14–18. Рис. 1–3). Необходимым представляется внесение ряда коррективов в предложенное В.И. Козенковой распределение инвентаря между тремя разновременными захоронениями погребения № 2. К протокобанскому погребению можно отнести бронзовый топор типа Фаскау I (Кореневеский, 1981. С. 27. Рис. 5, *17*), булавки с вытянутым овальным навершием с пуансонным орнаментом, с двувалютным и четырехвалютным навершием, черешковый кинжал с листовидным лезвием, подвеску в виде бараньей головы, фибулообразную подвеску. Некоторые из этих предметов находят аналоги в погребении № 6 могильника Кари Цагат и относятся к тому же хронологическому пласту. В целом, материалы раскопок В.И. Долбежева и его отчеты требуют детального анализа и критического осмысления. Как отмечал австрийский ученый Хегер в письме к Тизенгаузену от 9 января 1891 г., при ознакомлении с частью находок Долбежева напрашивается вывод о невозможности наличия некоторых вещей в одной могиле (Архив ИИМК. 1890. Д. 39. Л. 27–28).

При всей схожести материалов из погребений № 6 и 9 могильника Кари Цагат между ними прослеживается некоторая хронологическая разница. Погребение № 9, как представляется, является более ранним. Об этом свидетельствуют найденные в нем сурьмяные двувалютные подвески (рис. 3, *16–18*). Они более массивные, чем аналогичные подвески из погребения № 6, а спирально-круговой рельефный орнамент покрывает у них обе стороны. Кроме того, на подвесках из погребения 6 спиральный орнамент менее проработан. Из четырех найденных там экземпляров три представляют собой обломанные половинки подвесок, что, вероятно, не препятствовало их вторичному использованию в ожерельях (рис. 3, *7–10*). Сурьмяные двувалютные подвески являются репликами характерных для предшествующего времени спаренных медальонов со спиральным орнаментом или орнаментом из концентрических кругов.

Таким образом, погребения № 6 и 9 могильника Кари Цагат позволяют нам предполагать наличие двух хронологических этапов в развитии дигорской культуры (Протокобанский IIа и Протокобанский IIб). Каменные распределители с циркульным орнаментом относятся при этом, вероятно, к первому хронологическому этапу. Обращает на себя внимание характер их орнаментации. Большинство известных нам распределителей украшено двойными вписанными друг в друга концентрическими кругами с точкой в центре. Два распределителя из погребения № 9 украшены одинарными концентрическими кругами с точкой в центре (рис. 2, *18*, *19*). Возможно, такое упрощение декора является хронологическим признаком. В этом случае можно предполагать наличие еще более раннего пласта в дигорской культуре.

Аналогичный, но фрагментированный распределитель был найден в склепе № 3 (1976 г., раскопки М.Б. Мужухоева) в Эгикале (Марковин, 1982. С. 29. Рис. 3, *3*). Распределитель имел, вероятно, размеры 2 × 2 см при толщине 0.4 см, два продольных сквозных отверстия в боковых гранях, скошенные в обе стороны нижнюю и верхнюю грани. От дигорских экземпляров данный распределитель отличается именно характером обработки нижней и верхней грани, примыкая по декору к выделенному выше второму варианту.

В.И. Марковин счел комплекс склепа № 3 разновременным, датировав часть предметов, в том числе распределитель, концом II тыс. до н.э., а остальные – серединой или скорее всего началом второй половины II тыс. до н.э. (Марковин, 1982. С. 25–32). Серединой – началом второй половины II тыс. до н.э. были также датированы изученные в 1966 г. склепы № 1 и 2 в Эгикале (Марковин, 1970. С. 92). В более поздней работе В.И. Марковин, отнеся склепы Эгикала к началу второй половины II тыс. до н.э., не исключил датировки отдельных предметов более ранним временем (Марковин, 1994. С. 328). Как представляется, склепы вряд ли содержат разновременные материалы и скорее всего относятся к одному, достаточно узкому временному интервалу. По распределителю с циркульным орнаментом и сурьмяной конической

бляшке в виде колпачка из склепа № 3 они синхронизируются с дигорской культурой.

Обломок каменного распределителя с четырьмя концентрическими окружностями, относящегося к второму варианту по декору, происходит из погребения 1 кургана № 2 в станице Суворовской (Нечитайло, 1979. С. 15. Рис. 14, *9*). А.Л. Нечитайло связывает это погребение с верхнекубанским вариантом предкавказской культуры и датирует XVI–XIV вв. до н.э. (Нечитайло, 1979. С. 83, 84). В.А. Сафронов относит данное погребение к середине XIV–XIII вв. до н.э. (Сафронов, 1974. С. 110, 111, 169).

Еще один распределитель, относящийся к четвертому варианту по декору, найден в Богрешском могильнике в Сванетии в коллективном погребении ("костище") под каменным закладом (Чартолани, 1989. С. 132. Табл. XLVII, *2*). Основную часть материала Ш.Г. Чартолани относит к финалу эпохи ранней бронзы – началу средней бронзы. Ш.Г. Чартолани считает возможным говорить о наличии здесь разновременных погребений, но, как представляется, материал не дает никаких оснований для подобного вывода. Единственным предметом, находящим аналогии в материалах ранней бронзы, является кинжал с лопатовидным клинком и вытянутым черешком. Судя по описанию, "костище" по своему обряду и характеру не отличалось от погребений дигорской культуры. Среди инвентаря погребения надо отметить кинжал с вытянутым клинком линзовидного сечения и выделенным черешком, кинжал с листовидным клинком линзовидного сечения и слабо выделенным черешком, горшок, близкий найденным в погребениях № 6 и 9 могильника Кари Цагат, браслет с одним завитком на каждом конце (Чартолани, 1989. С. 132. Табл. XLVII, *1*, *4*, *5*, *8*, *9*). Аналогичные браслеты, завитки на концах которых закручены в разные стороны (тип XXIII по В.И. Козенковой), известны из Былымского клада и разрушенного погребения в станице Исправной (Козенкова, 1998. С. 56. Табл. XVIII, *1*). Погребение или погребения из Исправной по булавке с дисковидным навершием могут быть приблизительно датированы концом II тыс. до н.э. Былымский клад В.И. Козенкова справедливо относит к протокобанскому периоду и датирует в пределах XIII–XI вв. до н.э. (Козенкова, 1989. С. 21). В то же время, как отмечает сама В.И. Козенкова, булавки с навершием в виде "павлиньего пера" из Былымского клада представляют из себя наиболее позднюю разновидность этого типа, датирующегося обычно в пределах XV–XIII вв. до н.э. (Козенкова, 1998. С. 64). На этом основании можно предположить, что Былымский клад относится к третьему протокобанскому периоду (Кобан Iб по В.И. Козенковой).

Понимая всю условность абсолютной хронологии, для погребения № 6 могильника Кари Цагат можно предложить датировку в пределах XV–XIII вв. до н.э., а для Былымского клада – XIII–XII вв. до н.э. Таким образом, находки в Эгикале, Суворовской и Богреши позволяют датировать распределители типа Фаскау в пределах XV–XIII вв. до н.э., причем более вероятно их бытование в начале рассматриваемого периода, в XV–XIV вв. до н.э.

В погребении кургана № 2 Миатлинских вторых курганов, относящемся к присулакской группе памятников эпохи средней бронзы, были найдены восемь известняковых(?) ромбовидных бус, на одной из сторон которых размещалось по четыре кружочка "домино". Бусы, трактованные как разъединители между отдельными звеньями из бус или бисера в ожерелье, имели по два отверстия, пересекающих противоположные углы (Канивец, Березанская, 1959. С. 70. Рис. 5, *4*; Магомедов, 1998. Рис. 129, *11*, *13*, *15*). Три аналогичных каменных распределителя происходят из Фаскау (рис. 3, *4–6*). Эти почти квадратные грубо выполненные предметы небольшого размера (1.2–1.6 см) имеют форму усеченного конуса, слегка прогнутое основание и два косых сквозных отверстия в торцевых сторонах. Лицевая, плоская или слегка прогнутая сторона украшена четырьмя или пятью точечными вдавлениями. Вероятно, распределители из Миатли и Фаскау типологически предшествуют более поздним каменным распределителям с кольцевым орнаментом.

Достаточно широкую датировку имеют распределители с кольцевым орнаментом в Закавказье. Отметим при этом, что там большинство подобных распределителей считается пастовыми. Мы лишены возможности проверить это утверждение.

С северокавказскими распределителями может быть предположительно синхронизирована находка фрагмента подобного предмета в погребении № 94 (1939 г.) в Самтавро (Каландадзе, 1981. С. 87, 88. № 387). Распределитель, вероятно, относился к второму варианту по декору. Погребение № 94, содержащее, впрочем, недостаточно выразительный материал (керамика, пастовые и сердоликовые бусы), датируется III стадией позднего бронзового века, а именно XI–X вв. до н.э. Керамика из погребения № 94 характерна для самтаврских комплексов второй половины II тыс. до н.э.

Целая серия распределителей данного типа и их обломков найдена в нижнем VIII слое поселения Пичори в Гальском районе Абхазии (Барамидзе и др., 1991. Табл. 31; 33, *2*). Кроме того, обломок распределителя известен из поселения Носири в Сенакском районе (Микеладзе, 1994. Табл. 16, *50*). Некоторые найденные в Пичори распределители по своему декору относятся к третьему и пятому вариантам, другие же не находят прямых аналогов в дигорских древностях. Авторы раскопок датируют идентичные по материалу VII и VIII слои Пичори последними веками III тыс. до н.э. (Бара-

мидзе и др., 1991. С. 20, 21). VIII слой Пичори по С-14 датируется последней четвертью III тыс. до н.э. (2295 – +60 г. до н.э.). Т.К. Микеладзе достаточно осторожно датирует нижний слой Пичори концом III – началом II тыс. до н.э., а нижние слои Носири – началом 2-й четверти II тыс. до н.э. (Микеладзе, 1990. С. 22–26).

Э.М. Гогадзе датирует первый нижний слой Носири XVIII–XVII/XVI или XIX–XVII вв. до н.э., второй – XVI/XV–XIV вв. до н.э., третий – XIII–XII/XI вв. до н.э. При этом он отказывается от использования имеющейся для нижнего слоя даты по С-14 (1400 г. до н.э.), считая ее маловероятной (Гогадзе, 1984. С. 40, 50–53. Рис. II). Э.М. Гогадзе не согласен с Т.К. Микеладзе, относящим все три нижних слоя Носири исключительно к первой пол. II тыс. до н.э., хотя и признает значительное сходство их керамического материала. В целом схему абсолютной хронологии, предложенную для колхидских поселений, можно считать недостаточно обоснованной, а механическое определение бытования слоев периодом в 200 лет – не приемлемым. Сомнения вызывает также и избирательный подход к датам по С-14, когда из достаточно небольшой серии принимаются во внимание только ранние даты. В III слое Носири, датированном Э.М. Гогадзе XIII–XII/XI вв. до н.э., найден плоский топор, находящий аналогии в Бекешевской группе прикубанского очага металлообработки (Гогадзе, 1984. С. 52. Рис. II, *24*; Бочкарев, 1996. С. 96, 97). Бекешевская группа датируется В.С. Бочкаревым XII–X вв. до н.э. Вероятно, такая датировка для третьего слоя Носири может считаться близкой к реальности.

К финалу ранней бронзы (XXII–XXI вв. до н.э.) относят и погребения куро-аракского Нижнекобанского могильника (раскопки 1982 г.), где были найдены пастовые распределители с циркульным орнаментом (Ростунов, 1988. Рис. 7, *5*). От рассмотренных выше распределителей их отличает правильная треугольная форма, наличие только двух продольных отверстий и лишь одного концентрического круга с вписанным в него меньшим кругом с точкой в центре или только с точкой в центре.

Близкие распределители "из белой пасты" треугольной или квадратной формы, на каждой из лицевых сторон которых изображено по одной концентрической окружности, известны в памятниках Азербайджана, относимых к эпохе поздней бронзы (Джафаров, 1984. С. 51. Табл. VIII, *13*, *19*, *39*). В частности, в материалах Мингечаура известны составляющие ожерелья костяные (?) прямоугольные, ромбовидные и треугольные бусы с концентрическим орнаментом на лицевых поверхностях (Асланов и др., 1959. С. 83, 85. Рис. 69. Табл. XXI, *28*, *28а*).

Поздней репликой распределителей с циркульным орнаментом являются тальковые бусы типа "домино", хорошо известные в Закавказье в XI–VIII вв. до н.э. В частности, они известны в погребениях 223, 421, 539 Артика, датируемых X–IX вв. до н.э. (Хачатрян, 1979. С. 16, 17, 202, 295, 347). Особенно большое количество таких бусин известно в могильниках Триалети (Куфтин, 1941. С. 57. Табл. XXXII). Эти бусины имеют, как правило, одно, реже два отверстия, сложную подромбическую или восьмерковидную форму, чаще всего два, а в единичных случаях – три расположенных в ряд концентрических круга. Сложную форму бусам придают треугольные вырезы на их торцевых сторонах. Древнейшим комплексом с подобной бусиной является курган № 3 на Зуртакетском плато в Триалети (Джапаридзе, 1964. С. 119. Рис. 10, *5*). Б.А. Куфтин предполагал, что подобные бусины связаны, в первую очередь, с районом Триалети, а их существование ограничивается незначительным промежутком времени (Куфтин, 1941. С. 57). Напротив, по мнению О.М. Джапаридзе, бусы типа "домино" появляются в Триалети достаточно рано. О.М. Джапаридзе справедливо связывает их происхождение с "плоскими подвесками", украшенными кружками с точкой посредине из коллективных погребений Квасатальского могильника и Коретского кургана (Джапаридзе, 1964. С. 119).

Находки распределителей типа Фаскау в Пасиетском кургане в Корети и в погребении № 6 (1953 г.) в Квасатальском могильнике относят к концу III – началу II тыс. до н.э. (2400/2200 – 1900/1800) (Джапаридзе, 1961. С. 182. Рис. 37). По своему декору распределители из Квасатали и Корети несколько отличаются от дигорских экземпляров. Следует отметить, что предлагаемая датировка Квасатальского могильника представляется несколько удревненной. Судя по облику черешковых кинжалов с вытянутым лезвием, булавок с удлиненным весловидным навершием и с дисковидным навершием, бронзовой булаве из погребения 6 и наличию разнообразных сурьмяных украшений, погребения Квасатали (Джапаридзе, 1955) должны быть синхронизированы с протокобанскими древностями. Так, раннекобанские булавки с весловидным навершием представляют собой явную реплику предшествующих им квасатальских, а булава из погребения 6 находит ближайшие аналогии в кургане 4 Земо Бодбе (Пицхелаури, 1979. С. 69, 82. Табл. VI, *8*) и погребениях 13 и 20 Бешташенского могильника (Куфтин, 1941. Табл. XLVII; L) эпохи поздней бронзы. По керамике Квасатали сближается с памятниками триалетской культуры. Вероятно, наиболее приемлемой датой для большинства погребений могильника является середина II тыс. до н.э.

Пастовый (?) прямоугольный распределитель, одна из лицевых сторон которого украшена крестовым орнаментом, а другая – спиральным орнаментом в два ряда, найден в составе комплекса (?) из Хелчуа близ Цхинвали (Техов, 1971. С. 123. Рис. 35, *5*). Здесь, вероятно, мы видим более позд-

ний вариант распределителей с кольцевым орнаментом. Судя по составу комплекса (орнаментированные гривна и массивные браслеты, витая гривна, а также пронизи с ромбическим расширением в средней части, датирующиеся в материалах Самтавро XIII–XI вв. до н.э.) он должен датироваться в пределах конца II – начала I тыс. до н.э.

Таким образом, мы сталкиваемся с достаточно парадоксальной ситуацией, когда одинаковые по форме и декору предметы, являющиеся сравнительно редкими находками, но представленные на обширной территории, датируются временем от финала ранней (Пичори) до финала поздней бронзы (Самтавро, Хелчуа). При этом механическое удревнение северо-кавказских памятников (Эгикал, Суворовская) заставит значительно удревнить предметы безусловно протокобанского типа и растянуть протокобанский период в горах не менее чем на 800 лет, что маловероятно.

Функцию распределителей в ожерельях могли выполнять также сурьмяные и бронзовые изделия. Большинство металлических распределителей на Кавказе датируется эпохой средней бронзы.

Определенное значение для решения вопроса о путях их проникновения на Центральный Кавказ имеет уникальный сурьмяной распределитель из Фаскау (рис. 3, *3*) размерами 3.1 × 2.5 см, снабженный четырьмя сквозными отверстиями в длинной стороне и одним несквозным – в короткой. Лицевые стороны распределителя имеют ребристую поверхность с пятью продольными бороздками и одной бороздкой по периметру. Необходимо отметить, что сурьмяные изделия в Дигорском ущелье характерны исключительно для протокобанского времени.

Этот уникальный предмет находит аналогии среди бронзовых, каменных или стеклянных распределителей для ожерелий, известных в более южных районах Закавказья (погребение № 65 Арича, Кизил Ванк, погребение № 580 Артика) (Хачатрян, 1963. С. 88. Табл. 8). Все они имеют ребристую поверхность лицевых сторон или украшены продольными углублениями. Как считается, подобные предметы имеют хурритское происхождение, распространяются по всей Передней Азии вместе с хурритскими печатями и датируются не ранее XVIII–XII вв. до н.э. (Кушнарева, 1994. С. 126. Табл. 41, *9*). Экземпляры, особенно близкие к сурьмяному распределителю из Фаскау, являются наиболее ранними. В частности, XVII–XVI вв. до н.э. датируется погребение № 65 Арича, синхронизирующееся с курганами Триалети и содержащее распределитель, лицевые стороны которого украшены продольными углублениями (Хачатрян, 1975. С. 116–118. Рис. 71). Распределитель из Артика с ребристой поверхностью лицевых сторон датируется XII–XI вв. до н.э.

Разнообразные распределители из сурьмы, бронзы, кости, талька, пасты, менее близкие к экземпляру из Фаскау, встречаются и в других памятниках Закавказья эпохи поздней бронзы (конец II – начало I тыс. до н.э.): погребении 117 могильника Пакер, могильнике Кахни-хоч у сел. Кирги (Есаян, 1976. С. 138. Табл. 128, *16*; 132, *10*; 136, *19*); Мингечауре (Асланов и др., 1959. С. 83, 172. Рис. 45. Табл. XXXVIII, *7*), погребении 158 (1940) в Самтавро (Каландадзе, 1980. С. 97, 98. № 373, 374). Сурьмяные распределители с тремя отверстиями, украшенные с лицевых сторон рельефным орнаментом, известны в погребении № 25 Кобальского могильника в Алгетском ущелье (Южная Грузия), датирующемся XIV – первой половиной XIII вв. до н.э. (Тушишвили, Амиранашвили, 1985. С. 22–24. Табл. XXV, *27*). В кургане № 5 в селе Ирганчай Дманисского района (Южная Грузия), в достаточно выразительном комплексе, включающем кинжал переднеазиатского типа, были найдены оловянные (?) распределители с четырьмя отверстиями и ребристой поверхностью, являющиеся, вероятно, отдаленной репликой хурритских (Кахиани и др., 1991. С. 58. Табл. 139). По С-14 комплекс был датирован XIV в. до н.э., что не вызывает серьезных сомнений. В древнейших погребениях Самтаврского могильника, датированных XII–X вв. до н.э., найдены сурьмяные прямоугольные распределители, лицевые стороны которых украшены геометрическим орнаментом (Чубинишвили, 1952. С. 57, 58).

Появление как каменных, так и металлических распределителей в горных районах Центрального Кавказа связано, вероятно, с распространением здесь моды на многорядные ожерелья и сложные головные уборы, не встречающиеся в данном регионе ни в более раннее, ни в более позднее время.

Можно предполагать проникновение в Закавказье моды на распределители из более южных районов, испытавших хурритское воздействие. Появляясь в XVIII–XVII вв. до н.э. на территории Армении, около XVI–XIV вв. до н.э. распределители, в том числе и металлические, распространяются и на территории Грузии. Таким образом, с южным культурным влиянием можно связывать сурьмяной распределитель из Фаскау, ближайшие аналоги которому встречаются в Закавказье.

В середине – второй половине II тыс. до н.э. металлические распределители распространяются и в памятниках северокавказской культурно-исторической общности. Здесь можно указать на бронзовые разделители в виде стерженька с тремя отверстиями в муфтообразных выступах, украшенных с лицевой стороны литым циркульным орнаментом, найденные в погребении 2 кургана № 40 у станицы Усть-Джегутинская (Нечитайло, 1978. С. 78, 96. Рис. 31, *11*). Погребение отнесено А.Л. Нечитайло к средней группе памятников северокавказской культуры и датировано 2-й четвертью II тыс. до н.э. (Нечитайло, 1978. С. 104). Наличие на разделителе

циркульного орнамента позволяет предположить влияние со стороны каменных распределителей типа Пичори. Бронзовым аналогом распределителей типа Фаскау является экземпляр с тремя отверстиями и шестью выступающими концентрическими окружностями из погребения № 1 кургана № 34 в Чегеме II, названный прямоугольной муфтой (Кореневский, 1984. Рис. 14, *16*).

Не исключено, что подражанием рассматриваемым предметам являются распределители из погребения 37 Кобальского могильника, датированного XIV – первой половиной XIII вв. до н.э. (Тушишвили и др., 1987. С. 17–19. Табл. XV, *7*, *9*). Два распределителя имеют квадратную форму и три сквозных отверстия, а их лицевые стороны украшены девятью расположенными рядами округлыми выпуклинами. Эти предметы являются более упрощенными и, вероятно, более поздними аналогами распределителя из погребения № 1 кургана № 34 в Чегеме II. Другие распределители из погребения 37 Кобальского могильника лишены какого-либо декора, имеют подквадратную форму, слегка скошенные углы, два сквозных отверстия на одной торцевой стороне и три – на другой. Аналогичный каменный распределитель найден в погребении № 6 могильника Кари Цагат (рис. 3, *19*), что еще раз подтверждает предлагаемую нами для него дату. Кроме того, в погребении № 6 найдена аналогичная по форме каменная подвеска с одним сквозным отверстием (рис. 3, *20*).

В погребении № 6 могильника Кари Цагат в большом количестве найдены также сурьмяные распределители, представляющие из себя узкую восьмерковидную пластину длиной 1.5–2 см, шириной 0.6–0.8 см и толщиной 0.3–0.5 см с двумя или тремя отверстиями и одним или двумя перехватами (рис. 3, *14*, *15*). Такие распределители, имеющие от трех до шести отверстий, известны в погребении 18 в Верхней Рутхе (вместе с подвеской-головой барана) и в Карце (Крупнов, 1960. С. 228. Табл. XLIV, *3*). Костяной распределитель с пятью отверстиями происходит из Былымского клада (Батчаев, 1980. С. 33. Табл. II, *5*).

Каменные распределители с кольцевым орнаментом распространились на Центральный Кавказ из памятников типа Пичори, относящихся, вероятно, к началу II тыс. до н.э. Передаточным звеном здесь могли быть памятники типа Квасатальского могильника в Центральной Грузии, относящиеся, как представляется, ко 2-й четверти – середине II тыс. до н.э. Культурный импульс из центрально-грузинского региона (Квасатали, Нули) в формировании протокобанского пласта памятников и дигорской культуры прослеживается и по другим категориям инвентаря. Обращает на себя внимание наличие в погребении 3 Верхней Рутхи (раскопки А.П. Мошинского) сосуда беденского облика, датируемого в Закавказье концом III тыс. до н.э. или концом III – первой половиной II тыс. до н.э. (Кузенкова, Мошинский, 1995. С. 50. Рис. 1, *5*). Беденская керамика известна и в памятниках гинчинской культуры, с которой связываются склепы Эгикала (Магомедов, 1998. С. 151, 152).

К сожалению, отсутствие полноценной публикации датируемых второй половиной II тыс. до н.э. материалов Брильского могильника в горной Раче, расположенного непосредственно у перевала, ведущего в Дигорское ущелье, не позволяет нам проследить механизм формирования протокобанского пласта древностей на южном склоне Большого Кавказского хребта. Тем не менее важно отметить наличие в материалах Брильского могильника птицевидных блях, втульчатых топоров типа Фаскау, наверший в виде топориков, подвесок в виде бараньих головок, пластинчатых браслетов с ребром, булавок с дисковидной головкой, сурьмяных украшений и других изделий, находящих аналогии в дигорских памятниках (Гобеджишвили, 1952. С. 188–190. Рис. 3, *4*; Археология Грузии, 1959. Табл. XI, XII, XIV).

В настоящее время грузинские археологи датируют протокобанские материалы Брильского могильника (в частности, погребение 12 с топорами типа Фаскау 6 и Фаскау 7, подвеской в виде бараньей головки, птицевидной бляхой) в пределах XVIII–XVI вв. до н.э. (Unterwegs..., 1995. S. 243, 244). Такое удревнение этих материалов связано с наличием значительного хронологического разрыва между родственными по облику памятниками Квасатали, Пичори и беденской культуры, с одной стороны, и протокобанским пластом древностей, с другой стороны. В то же время удревнение протокобанских древностей позволяет, вроде бы, синхронизировать их с памятниками степной бронзы, содержащими сурьмяные украшения кавказских типов и датирующимися XVII в. до н.э. (Литвиненко, 1996. С. 98–101). Тем не менее такое растягивание во времени протокобанской эпохи представляется пока недостаточно обоснованным.

Другим путем для проникновения в Дигорию и прилегающие горные районы культурных элементов из Центрального Закавказья могла быть Сванетия, о чем позволяет думать комплекс из Богрешского могильника. О проникновении в дальнейшем в Сванетию элементов дигорской культуры и тесных связях между этими горными регионами свидетельствуют находки здесь булавки с навершием типа "павлинье перо" и втульчатых топоров, аналогичных дигорским. Распространение каменных распределителей с циркульным орнаментом в другие регионы Северного Кавказа (Эгикал, Суворовская) связано, вероятно, уже с дигорской культурой и должно датироваться XV–XIV вв. до н.э. В случае выделения в протокобанском пласте древностей трех хронологических периодов это соответствует периоду Протокобанский IIа. Со значительной степенью условности период Протокобанский I можно датировать в рамках 2-й четверти II тыс. до н.э.,

Протокобанские IIа и IIб (дигорская культура) – соответственно XV–XIV и XIV–XIII вв. до н.э., Протокобанский III – XIII–XII вв. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Грузии. Тбилиси, 1959 (на груз. языке).

Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур. Баку, 1959.

Барамидзе М.В., Чигошвили Т.Э., Пхакадзе Г.Г. и др. Археологические исследования в Гальском районе Абхазской АССР // ПАИ–1986. Тбилиси, 1991.

Батчаев В.М. Клад из селения Былым // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1. Нальчик, 1980.

Бочкарев В.С. Новые данные о Прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. СПб., 1996.

Гобеджишвили Г.Ф. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях с. Геби // САНГ. 1952. Т. XIII. № 3.

Гогадзе Э.М. К вопросу о хронологии и периодизации памятников колхидской культуры (по материалам Носири-Мухурча) // ВГМГ. 1984. Т. XXXVII–B.

Джапаридзе О.М. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии // КСИИМК. 1955. Вып. 60.

Джапаридзе О.М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961 (на груз. языке).

Джапаридзе О.М. Археологические раскопки в Триалети в 1959–1962 гг. // СА. 1964. № 2.

Джафаров Г.Ф. Связи Азербайджана со странами Передней Азии в эпохи поздней бронзы и раннего железа. Баку, 1984.

Дзаттиаты Р.Г. Орнаменты горной Осетии. Владикавказ, 1992.

Дудко О.А. Опыт классификации археологического материала из Галиатского могильника "Фаскау" // Археологический сборник. М., 1961.

Есаян С.А. Древняя культура Северо-Восточной Армении. Ереван, 1976.

Каландадзе А.Н. Самтавро – археологические памятники доантичной эпохи // Мцхета. Итоги археологических исследований. Т. IV. Тбилиси, 1980.

Каландадзе А.Н. Самтавро – археологические памятники доантичной эпохи // Мцхета. Итоги археологических исследований. Т. V. Тбилиси, 1981.

Канивец В.И., Березанская С.С. Курганы бронзового века на Сулаке // МАД. Т. I. Махачкала, 1959.

Кахиани К.К., Глигвашвили Э.В., Дзнеладзе М.С. и др. Археологическое исследование Машаверского ущелья // ПАИ–1986. 1991.

Козенкова В.И. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. 1982. № 3.

Козенкова В.И. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. 1989. Вып. В2–5.

Козенкова В.И. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. № 3.

Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.

Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен // САИ. 1998. Вып. В2–5.

Козенкова В.И., Мошинский А.П. Кобанская культура Кавказа: генетические корни и условия формирования (третья четверть II тыс. до н.э.) // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир; М., 1995.

Кореневский С.Н. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.

Кореневский С.Н. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. Нальчик, 1984.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.

Кушнарева К.Х. Севано-узерликская группа памятников // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994.

Литвиненко Р.А. Сурьмяные подвески в памятниках степной бронзы и их кавказские аналогии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. СПб., 1996.

Магомедов Р.Г. Гинчинская культура. Махачкала, 1998.

Марковин В.И. Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии // СА. 1970. № 4.

Марковин В.И. К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе // КСИА. 1982. Вып. 169.

Марковин В.И. Северо-восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994.

Микеладзе Т.К. К археологии Колхиды. Тбилиси, 1990.

Микеладзе Т.К. Протоколхская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994.

Мошинский А.П. О правомерности выделения дигорской культуры // XXI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Кисловодск, 2000.

Мошинский А.П., Скаков А.Ю. Новые исследования по кобанской культуре // РА. 2000. № 2.

Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.

Нечитайло А.Л. Суворовский курганный могильник. Киев, 1979.

Пицхелаури К.Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979.

Ростунов В.Л. Куро-аракские могильники Северной Осетии // Погребальный обряд древнего и средне-

векового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.

Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения НМС по охране памятников культуры МК СССР. Вып. VII (Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников). М., 1974.

Техов Б.В. Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971.

Тушишвили Н.Н., Амиранашвили Дж.Ш. Результаты полевых исследований экспедиции Алгетского ущелья // ПАИ–1982. 1985.

Тушишвили Н.Н., Амиранашвили Д.Ш., Маргишвили С.Г. Археологическая экспедиция Алгетского ущелья // ПАИ–1984-1985. 1987.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Вып. VIII.

Уварова П.С. Кавказ. Путевые заметки. Часть Ш. Рача, Горийский уезд, горы Осетии, Пшавия, Хевсуретия и Сванетия. М., 1904.

Хачатрян Т.С. Материальная культура древнего Артика. Ереван, 1963.

Хачатрян Т.С. Древняя культура Ширака. Ереван, 1975.

Хачатрян Т.С. Артикский некрополь. Каталог. Ереван, 1979.

Чартолани Ш.Г. К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. Тбилиси, 1989.

Чубинишвили Т.Н. Древнейшие грунтовые погребения Самтаврского могильника // КСИИМК. 1952. Вып. XLVI.

Unterwegs zum goldenen Vlies. Archaologische Funde aus Georgien. Saarbrucken, 1995.

On Certain Category of Proto-Koban Ornaments

A. Yu. Skakov

Summary

A series of stone beads-distributors adorned with ring ornamentation from the State Historical museum was investigated. The material originates from the cemeteries in Digori gorge in North Ossetia and dates from the proto-Koban period. This conclusion has been grounded by the find of three similar distributors in proto-Koban burial 9 in Kari Tsagat cemetery of Digori region. Analogous artefacts are known from some other sites of the North Caucasus (Egikal, Suvorovskaya) and Transcaucasus (Bogreshi, Pichori, Nosiri, Samtavro, Pasieti, Kvasatali); the sites should be considered coeval with proto-Koban antiquities. Within proto-Koban period three chronological stages are singled out according to the material from the Digori gorge. The first stage is marked by burial 3 of Verkhnyaya Rutkha cemetery (excavated by A.P. Moshinsky), the second one corresponds to so-called Digori culture, the third one is represented by the antiquities similar to those from the Bylym hoard. In its turn, Digori culture may be divided into two chronological stages as well, according to the material recovered from burials 6 and 9 of cemetery Kari Tsagat excavated in 1998–2000. Stone beads-distributors are attributed to the first stage of Digori culture. The period proto-Koban I should be conventionally dated back to the second quarter of the 2nd mill. BC, proto-Koban II a and II b (corresponding to Digori culture) to the 15t^{h}–14th cc. BC and 14th–13th cc. BC accordingly, and proto-Koban III – to the 13th–12th cc. BC.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 103–116

ПУБЛИКАЦИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В БАССЕЙНЕ РЕКИ КЫЗЫЛСУ (ЮЖНЫЙ ТАДЖИКИСТАН)

© 2003 г. Н. М. Виноградова*, Т. Гётцельт**, Л. Т. Пьянкова***

*Институт востоковедения РАН, Москва

**Немецкий археологический институт, Берлин

***Институт истории, археологи и этнографии АН Таджикистана, Душанбе

Задачей совместного археологического отряда Немецкого археологического Института (г. Берлин), Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикистана (г. Душанбе), Кулябского историко-краеведческого музея и Института востоковедения Российской Академии наук (г. Москва)[1] было обследование памятников эпохи бронзы в бассейне р. Кызылку (Сурхоб) – крупного правого притока Пянджа (рис. 1) (Götzelt und and., 1998. S. 115). К этому бассейну относятся и притоки самой р. Кызылсу, основными из которых являются Яхсу и Таирсу. Долины этих рек в нижней части расширяются, образуя обширную холмисто-грядовую Пархаро-Кулябскую равнину. С ней географически связано лежащее в верхней части течения р. Таирсу Дангаринское плато.

Территория Южного Таджикистана в эпоху поздней бронзы – раннего железа относится к контактной зоне носителей различных археологических культур: земледельческие памятники так называемой сапаллинской культуры (северобактрийский вариант культуры Намазга V–VI) на ее финальной стадии Молали-Бустан, культуры степной бронзы – вахшская и бешкентская; отмечается проникновение северных степных племен андроновского круга (P'yankova, 1994. P. 355; Виноградова, 2000. С. 89; Vinogradova, 2001. S.199).

В 50-х годах первые могильники скотоводческих племен эпохи бронзы Ранний Тулхар и Ранний Аруктау были открыты А.М. Мандельштамом (1968 г.) в низовьях Кафирнигана на территории небольшой межгорной Бешкентской долины. А.М. Мандельштам считал могильники многослойными и большую часть однотипных захоронений отнес к бешкентской археологической культуре (Мандельштам, 1968). Археологическое изучение бронзового века в бассейне р. Кызылсу было начато под руководством Б.А. Литвинского в начале 60-х годов раскопками могильника Маконимор, расположенного на правобережье этой реки, в 8 км выше слияния с Пянджем. Могильник был отнесен Б.А. Литвинским к вахшской культуре, другой очаг которой, включающий несколько больших могильников, в те же годы исследовался в низовьях крупнейшего притока Пянджа – Амударьи-Вахша. По мнению Б.А. Литвинского, происхождение вахшской культуры было связано с расселением части бактрийского земледельческого населения в эти районы и переходом к скотоводству в новой природно-экономической ситуации, неблагоприятной для ведения земледельческого хозяйства. (Литвинский, 1964. С. 157, 158; 1973. С. 10, 11; 1981. С. 156). При дальнейших исследованиях вахшской культуры Л.Т. Пьянковой была показана наибольшая близость характерных форм ее керамики материалам южно-бактрийских оседло-земледельческих комплексов как в западном (особенно Дашлы 17 и 19), так и восточном регионах (поселение Шортугай, особенно его постхарапская фаза), расположенным в непосредственной близости к кызылсуйскому очагу вахшской культуры (P'jankova, 1986; 1994. Fig. 9; Пьянкова, 1989. С. 89–101)[2].

Дальнейшие археологические исследования в долине р. Кызылсу проводились в 1967 г. Х.Ю. Мухитдиновым на городище Саксанохур вблизи

[1] Исследования проводились с 15 по 30 октября 1996 г. В работе отряда принимали участие Т. Гётцельт (г. Берлин), Н.М. Виноградова (г. Москва), Л.Т. Пьянкова и С. Бобомуллоев (г. Душанбе), М. Азизов (г. Куляб).

[2] В литературе ведется непрекращающаяся дискуссия о происхождении скотоводческих комплексов древней Бактрии, о соотношении бешкентской и вахшской культур. Например, Е.Е. Кузьмина (1972. С. 138, 139) предлагает относить их к единой культуре скотоводческих племен; В.И. Сариниди (1977. С. 148), напротив, не только не считает их вариантами одной общей культуры, а допускает возможность их принадлежности разным этническим группам; по мнению А.-П. Франкфора (Francfort H.-P., 1981. P. 202), бешкентская и вахшская культуры различны и первая хронологически более ранняя, чем вторая. Двое из авторов данной статьи также придерживаются разных точек зрения по этому вопросу. Н.М. Виноградова предпочитает говорить о единой бешкентско-вахшской культуре с двумя или несколькими локальными вариантами, внутри которых могут быть выделены отдельные хронологические фазы (Vinogradova, 1997. P. 40; Виноградова, 1996. С. 32). По мнению Л.Т. Пьянковой (Пьянкова 1981; 1982; 1989. С. 98–100; P'jankova, 1985. P. 147–152), возникновение скотоводческих комплексов Бактрии по времени было синхронным, но в формировании бешкентской и вахшской культур участвовало население разных бактрийских регионов, а в Раннем Тулхаре к вахшской культуре следует относить лишь погребения в катакомбах, что в качестве гипотезы высказано и А.М. Мандельштамом (1968. С. 138).

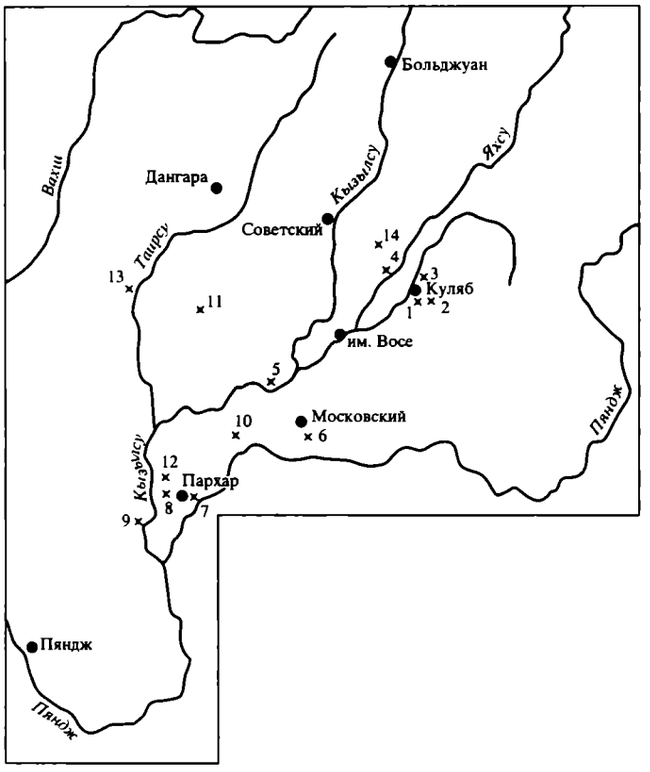

Рис. 1. Бассейн р. Кызылсу. Схема расположения археологических памятников: *1* – Мохали Сино; *2* – Куляб (ур. Ходжа Гоиб); *3* – Борбад; *4* – Гелот; *5* – Гулистан; *6* – Обкух; *7* – Пархарский могильник; *8* – Иттифак; *9* – Маконимор; *10* – кишлак Саед, *11* – кишлак Алимтай; *12* – кишлак Арча, *13* – Ташгузор; *14* – Каримберды.

г. Пархар, где в нижнем слое стратиграфического шурфа были найдены два сосуда эпохи бронзы. По мнению Б.А. Литвинского и Х.Ю. Мухитдинова, один из этих сосудов лепной, по форме и отчасти орнаменту напоминает таштыкские и бегазионские сосуды эпохи поздней бронзы степного казахстанско-сибирского региона, а другой гончарный, близок керамике вахшской культуры (Литвинский, Мухитдинов, 1969. С. 161). Несколько позже погребения вахшской культуры раскапывались Х.Ю. Мухитдиновым в многослойном могильнике Иттифок вблизи Пархара (Мухитдинов, 1971. С. 189).

В 1987 г., когда на могильнике Маконимор Л.Т. Пьянковой проводились небольшие раскопки. в окрестностях памятника была осуществлена археологическая разведка и в 10 км севернее, у кишлака Майда Пата был обнаружен могильник, аналогичный Маконимору; еще группа погребений была открыта в 200 м южнее Маконимора.

В 1989 г. при строительстве дороги у кишлака Гелот Восейского района был открыт еще один могильник вахшской культуры. Он расположен на верхней террасе сухого речного русла, являвшегося ранее правым притоком Яхсу. Место находки было обследовано Э.Г. Гулямовой, Р. Безанвалем и Л.Т. Пьянковой. В образе террасы было обнаружено несколько сосудов (рис. 2, *1–3*).

В 1978 и 1987 гг. Н.М. Виноградовой, а затем в 1988 г. Л.Т. Пьянковой в рассматриваемом регионе осуществлялись раскопки поселения Каримберды, относящегося к времени Яз I. Поселение расположено приблизительно в 20 км к северо-западу от г. Куляб, в предгорьях невысоких горных кряжей, разделяющих долины Кызылсу и Яхсу (Виноградова, 1986; Pyankova, 1996). В середине 80-х годов в окрестностях кишлака Каримберды Миёна Г. Ёрбабаевым был найден и привезен в Душанбе сосуд вахшской культуры (рис. 2, *4*), однако точное место его находки позже установить не удалось. Единичные погребения вахшской культуры известны и севернее, фактически на территории всего Южного Таджикистана.

Особый интерес представляет открытие первого поселения вахшской культуры Ташгузор, в 25 км от райцентра Дангара, на левом берегу р. Таирсу. Поселение было обнаружено Н.М. Виноградовой в 1993 г. по находке каменной "гири", хранившейся в небольшом краеведческом музее Дангаринского района. О размерах памятника судить трудно, так как большая часть его территории занята современными жилыми постройками. На поселении стратиграфически различаются два культурных горизонта. Нижний, мощностью 0.5 м относится к эпохе бронзы. Его перекрывает верхний культурный горизонт времени Яз II. В слое бронзы открыта большая полуземлянка со столбовой конструкцией и печью. Расчищено несколько хозяйственных ям, заглубленных в материк. Ямы и полуземлянка заполнены фрагментами керамики, глиняной обмазкой, камнями, костями животных, углями и пеплом. Встречаются также каменные орудия труда – зернотерки, отбойники, терочники, скребки, каменные гири и грузила. Из бронзовых предметов имеется только одна булавка (Vinogradova, 1997. P. 40; 1999. S. 34; P'jankova, 1999. S. 49), рис. 2, *7–10*.

Кызылсуйским отрядом в 1996 г. в первую очередь были изучены и обследованы места находок случайных предметов эпохи поздней бронзы в экспозиции музеев г. Куляб, Пархар и Московского района. Особо следует отметить многочисленную и разнообразную коллекцию археологических находок в музее г. Куляб. Эта коллекция в течение долгих лет собиралась сотрудником музея М. Азизовым, обследовавшим различные строительные объекты и кладбища как в самом Кулябе, так и во многих пунктах области. В результате разведок было открыто несколько новых могильников вахшской культуры, что значительно расширяет ареал этих памятников в данном регионе, и два могильника эпохи поздней бронзы оставленных земледельческим населением (рис. 1).

В окрестностях Куляба в юго-восточной части на второй террасе р. Теболяй (приток Кулябда-

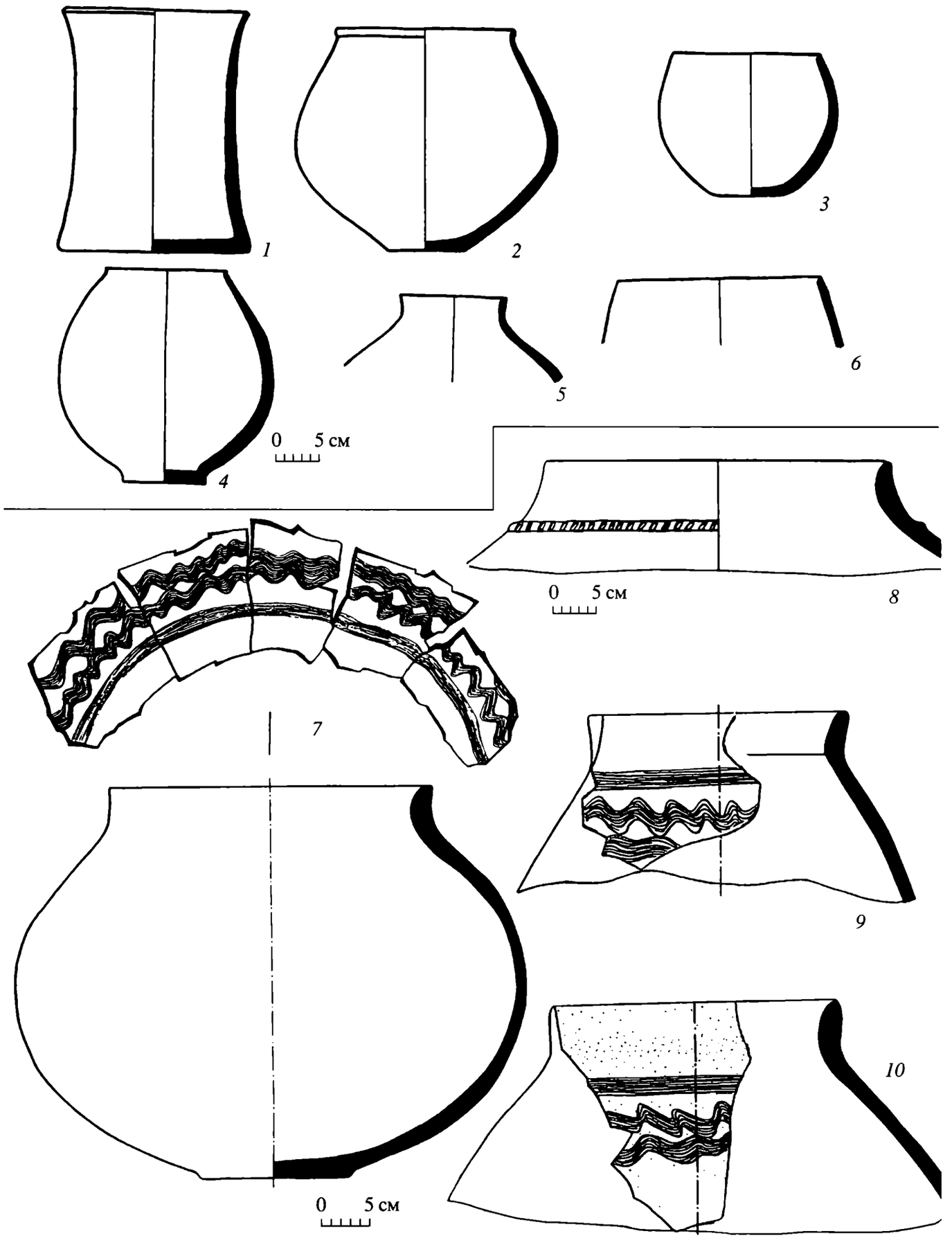

Рис. 2. Керамика из могильника Гулистон в бассейн Кызылсу. *1–3, 5, 6* – могильник Гелот; *4* – поселение Каримберды; *7–10* – поселение Ташгузор.

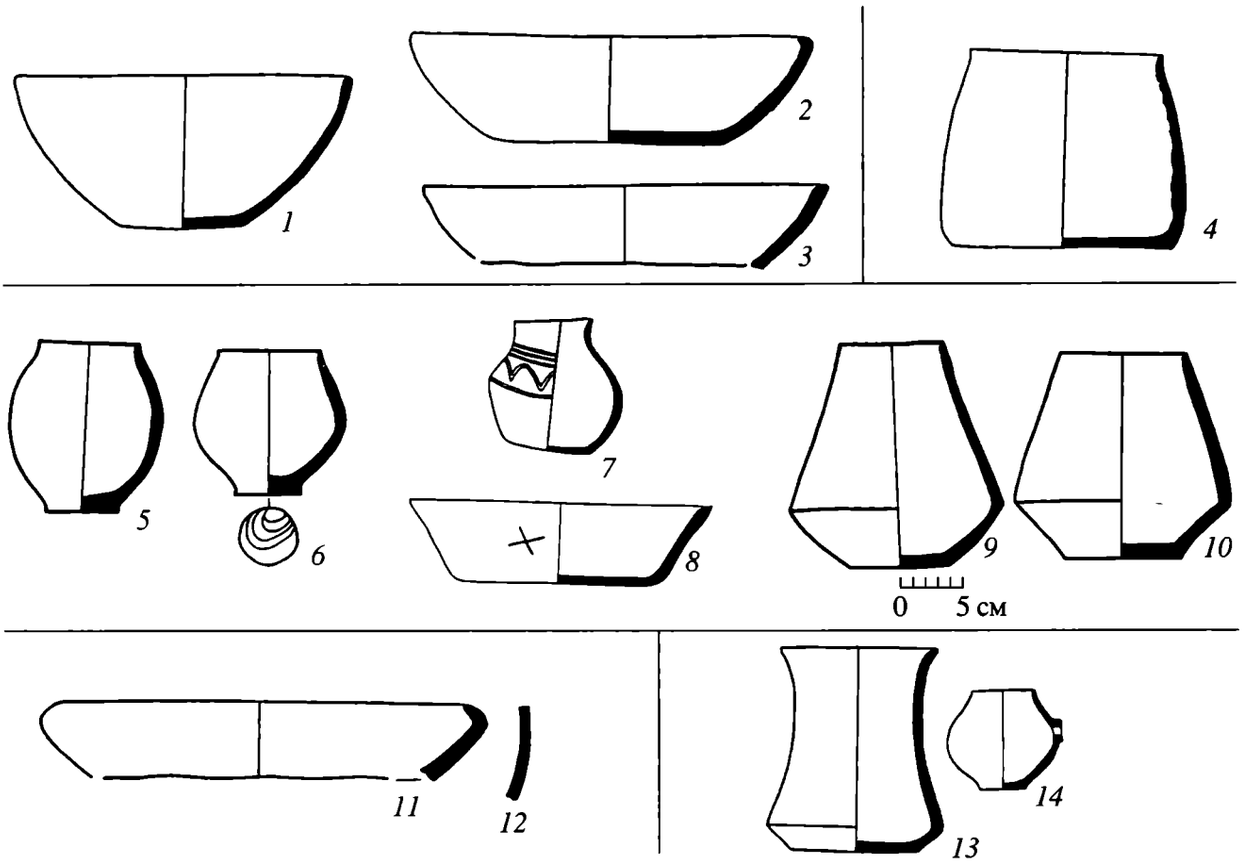

Рис. 3. Керамика из могильников бассейна Кызылсу: *1–3* – могильник Гулистон; *4* – могильник Гелот; *5–10* – могильник Обкух; *11*, *12* – Пархарский могильник; *13*, *14* – могильник Куляб (ур. Ходжа Гоиб).

рьи, втекающей в р. Яхсу) осмотрено два памятника: могильник вахшской культуры *Мохали Сино* и земледельческий некрополь *Куляб*[3] Последний находится на холме *Ходжа Гоиб*; в настоящее время здесь находится мусульманское кладбище города. С кладбища происходят два сосуда из древних погребений (рис. 3, *13*, *14*).

На северо-восточной окраине Куляба в 9-м микрорайоне города на 2-й террасе р. Кулябдарья на участке Борбат зафиксирован еще один могильник вахшской культуры. При строительных работах были найдены лепные сосуды с округлым дном. Интересна форма миски с прочерченным орнаментом свастики[4]. На предполагаемом месте могильника керамики не найдено.

Могильник Гелот открыт к югу от селения Гелот (в 10–15 км от Куляба) на участке Учкун, рядом с чашмой Хотлон. Памятник располагается на 2-й адырной террасе р. Яхсу. Древние погребения были обнаружены при строительстве дороги. При обследовании территории могильника обнаружены круговой сосуд вахшского типа (рис. 3, *4*). В срезе лессового холма в некоторых местах на глубине 1–1.5 м видны кости скелетов.

Могильник Гулистон находится на 2-й высокой террасе Кызылсу к югозападу от поселения Гулистон Воссейского района. В настоящее время здесь устроено мусульманское кладбище. Собран большой подъемный материал керамики вахшской культуры (рис. 4; 3, *1–3*).

Могильник Обкух Московского района обнаружен на высокой адырной террасе к северу от кишлака Туадбоён. Памятник частично уничтожен при сбрасывании земли в долину р. Пяндж[5]. Местные жители передали несколько сосудов вахшской культуры, происходящих с могильника (рис. 3, *5–10*).

Могильник Пархар располагается на возвышенности Урта-Боз справа от дороги, ведущей в Пархар из Воссе[6]. В настоящее время это место занято мусульманским кладбищем. При сооружении современных могильных ям находят предме-

[3] В Кулябском музее имеется несколько предметов с этого могильника: обломок каменного стержня неизвестного назначения, бусина из полудрагоценного камня, бронзовый крючок и биконический сосуд с вытянутой придонной частью. Подобная керамическая форма характерна для культуры поздней Намазга V.

[4] Все сосуды хранятся в музее Куляба.

[5] В музее Московского района имеется несколько сосудов из этого могильника.

[6] В Кулябском музее хранится несколько предметов, происходящих с этого могильника: бронзовые ножи, глиняная форма модели "дома" прямоугольной формы и предмет из слоновой кости с прочерченным орнаментом кружков. (См.: Азизи, 1992. С. 13).

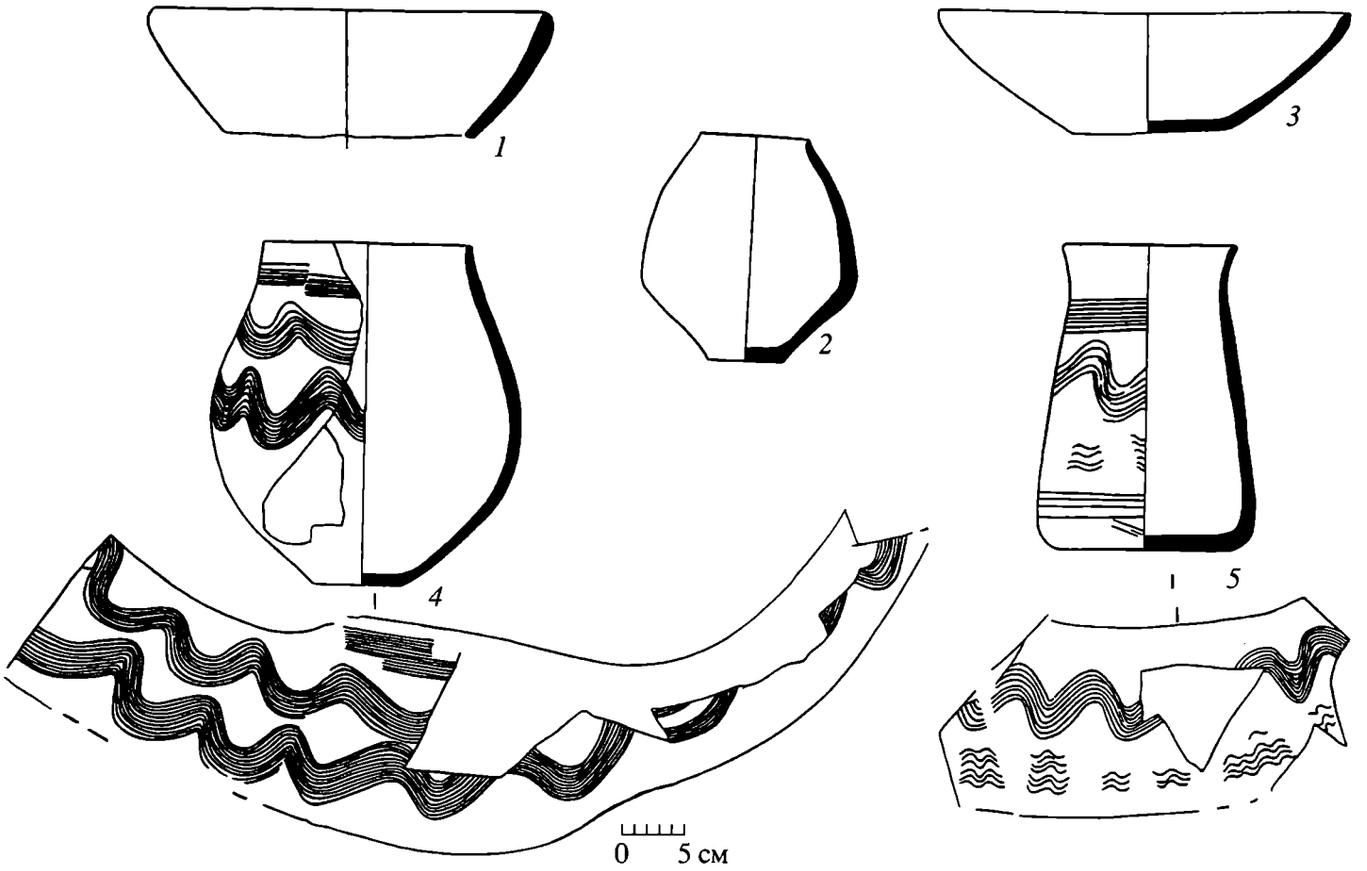

Рис. 4. Керамика из могильников и поселений бассейна Кызылсу.

ты, свидетельствующие, что здесь в древности были захоронения, относящиеся к эпохе поздней бронзы. Собраны фрагменты круговой земледельческой керамики молалинского типа так называемой сапаллинской культуры (верхняя часть вазы и фрагмент стенки сосуда) (рис. 3, *11*, *12*). Особый интерес представляют находки в детском захоронении двух серебряных браслетов (рис. 5, *1*, *2*).

Большая часть керамики, собранной во время разведки, типична для вахшской археологической культуры. Основные формы представлены горшками и горшковидными сосудами, биконическими и баночными сосудами, блюдами и мисками. В коллекции представлена и гончарная, и лепная керамика. Сразу заметим, что для скотоводческих комплексов Бактрии характерно преобладание посуды ручного изготовления, которая в среднем составляет до 70% всей керамики из могильников, при этом одни и те же формы представлены и в гончарном, и в лепном вариантах, они близки и по объему, и можно полагать, что лепные экземпляры изготовлялись в подражание гончарным "стандартам".

По результатам разведки могут быть выделены следующие основные формы керамики вахшской культуры[7]:

I. Горшковидные сосуды без выделенного горла, с плавно очерченным туловом

1. Сосуды происходят из могильников Гелот (рис. 2, *3*, *6*), Обкух (рис. 3, *5*, *6*) и окрестностей Каримберды (рис. 3, *4*). У большинства экземпляров стенка тулова плавно переходит в небольшой вертикальный венчик с приостренным краем. В одном случае (рис. 2, *6*) венчик не выделен, в верхний край стенки тулова также приострен. У одного из сосудов (рис. 2, *2*) венчик слегка утолщен и имеет скругленный наружный край. Дно плоское (рис. 2, *2*) или вытянуто в виде плоского поддона (рис. 3, *5*, *6*; рис. 2. *2*, *4*). Сосуды различаются размерами и пропорциями.

Один сосуд (рис. 3,*5*) покрыт красным ангобом и украшен горизонтальным полосчатым лощением, другой (рис. 3,*6*) – вертикальным полосчатым лощением. На дне второго экземпляра имеется спиралевидный след снятия сосуда с круга с помощью нитки или проволоки – технического приема, широко известного при изготовлении гончарной керамики Средней Азии эпохи бронзы и более позднее время.

2. Лепной плоскодонный сосуд из могильника Гулистон (рис. 4, *4*). Верхняя половина его тулова украшена прочерченным (гребнем?) орнаментом в виде трех последовательных широких концентрических полос, состоящих из близко расположенных, частых, неглубоких желобков. Верхняя поло-

[7] Весь керамический материал вахшской культуры описан и проанализирован Л.Т. Пьянковой.

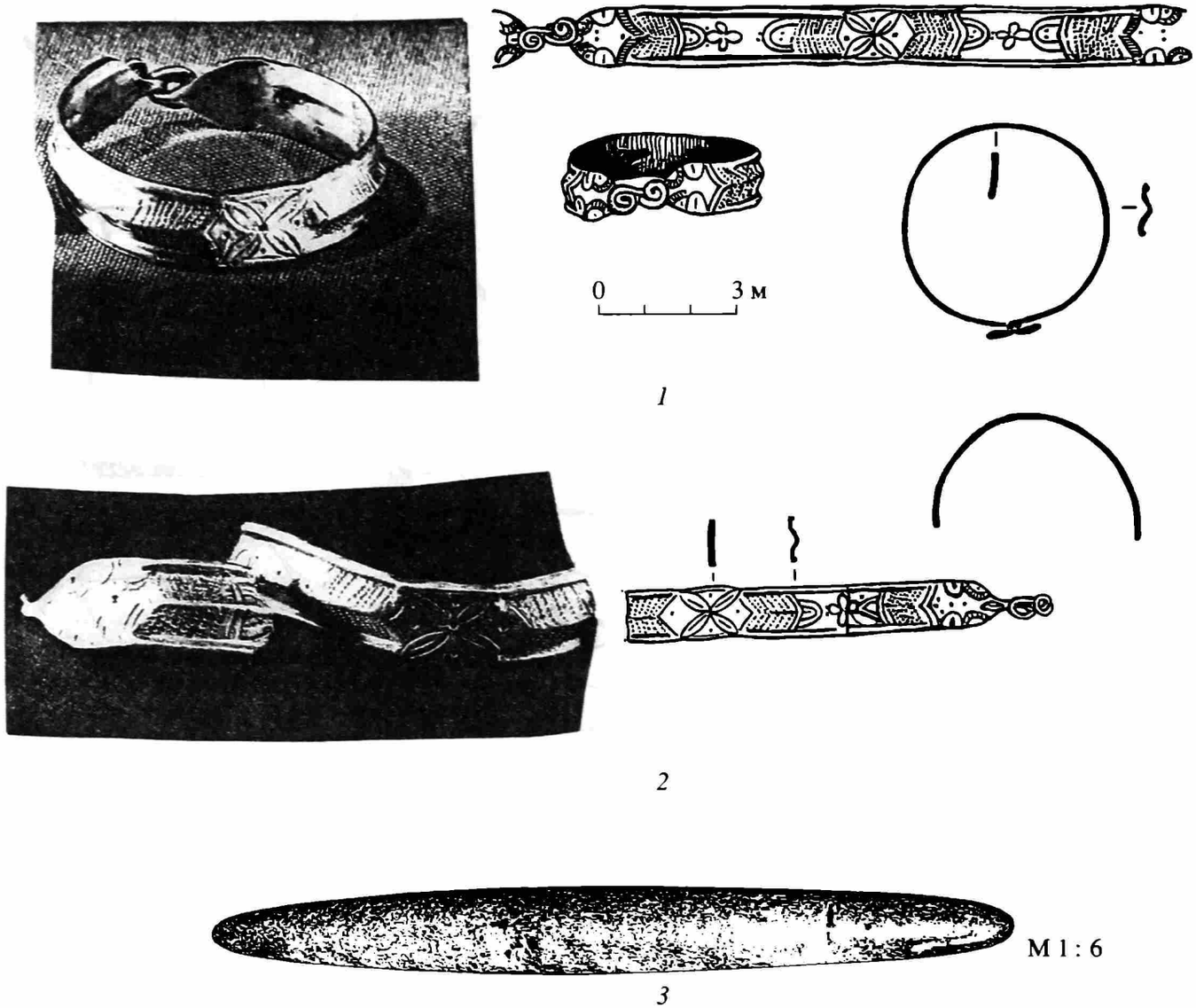

Рис. 5. *1*, *2* – Серебряные браслеты из Пархарского могильника; *3* – каменный скипетр (случайная находка).

са не замкнута и состоит из прямых линий, а две другие из волнистых.

Рассмотренные выше сосуды без выделенного горла (иногда эту форму называют яйцевидной или тюльпановидной) являются ведущим типом керамики вахшской культуры (P'jankova, 1986. Abb. 65–67). Венчик слегка выделен лишь у некоторых гончарных экземпляров. Что касается сосудов на поддоне, то у гончарных экземпляров он дисковидный сплошной, а у лепных – кольцевой. В Раннем Тулхаре такие сосуды (все лепные) происходят из катакомб и ямы в прямоугольной ограде (Мандельштам, 1968. Табл. XV, *5–7*). Ближайшие аналогии для этой керамической формы имеются в материалах разрушенных земледельческих могильников Дашлы 17 и 19 в Южной Бактрии (Сарианиди, 1977. Рис. 31, *3*, *8*, *9*)[8]. В материалах северо-бактрийской земледельческой культуры Сапалли такая форма отсутствует, хотя некоторые, особенно небольшие горшковидные сосуды на поддоне (рис. 3, *5*, *6*) формально сопоставимы с горшками, имеющими такую же придонную часть, но в то же время и значительно более четко выраженное горло. Такие горшки известны в материалах кузалинского этапа сапаллинской культуры, но наиболее распространены в период Молали этой же культуры как на территории Южного Узбекистана, так и в земледельческих могильниках Гиссарской и Бешкентской долин (бешкентская культура) Южного Таджикистана (например: Аскаров, Абдуллаев, 1983. Табл. XXXVII, *4* слева, *4*, *5*

[8] К сожалению, тысячи могил эпохи бронзы в Северном Афганистане были разграблены местными крестьянами. В противоположность другим находкам из этих погребений керамика представлена в печати лишь единичными экземплярами. Также можно заметить, что в археологическом отношении недостаточно полно исследована ближайшая к основным очагам вахшской культуры территория междуречья Кундуза и Кокчи, где Французская археологическая миссия проводила разведки лишь вдоль русел древних каналов.

справа; Виноградова, 1991. Рис. *4*, *7*; Мандельштам, 1968. Табл. XII, *6–8* и др.). Точно так же горшок с широким туловом из Гелота (рис. 2. *2*) можно сопоставить с аналогичными сосудами с оседлоземледельческих памятников как Южной Бактрии (например: Сарианиди, 1976. Рис. 46, *7*), так и Северной (например: Аскаров, Абдуллаев, 1983. Табл. LII).

Что касается приемов орнаментального украшения посуды, то лощение (чаще всего в виде вертикальных полос) широко известно в бактрийских земледельческих комплексах эпохи бронзы, в том числе и в вахшских могильниках (например: P'jankova, 1986. Abb. 60).

Прочерченный орнамент на лепном горшковидном сосуде из могильника Гулистон (рис. 2, *4*) типичен для вахшской культуры. Основные элементы такого орнамента – ленты из частых прямых и волнистых линий – характерны для керамики позднебронзового века разных регионов Средней Азии; в материалах культуры Сапалли такой орнамент получает широкое распространение, начиная с кузалинского этапа (Аскаров, Абдуллаев, 1983. Табл. XLX и др.). В Шортугае ленты из прямых прочерченных линий встречаются на многих сосудах периодов III и IV, а в сочетании с волной, что наиболее характерно для вахшской культуры, – на сосудах, в том числе и лепных, отнесенных и периоду II (Francfort, 1989. Pl. 50, *18*, *19*; 57, *2*). На керамике вахшской культуры, особенно лепной, орнаментальные ленты, состоящие из этих элементов, более широкие, часто незамкнутые или изображены в виде отрезков, покрывают значительную часть или всю поверхность сосуда. Ближайшие аналогии встречаются на сосудах поселении Ташгузор (рис. 2, *7*, *9*, *10*).

II. Сосуды с округло-биконическим и биконическим туловом (верхняя часть по высоте значительно превышает нижнюю)

Сосуды происходят из могильников Гулистон (рис. 4, *2*) и Обкух (рис. 3, *9*, *10*). Среди них два гончарных рис. (4, *2*; рис. *3*, *10*) и один лепной (рис. 3, *9*). Это сосуды со скошенной придонной частью, которая у гончарных экземпляров выполнена в специальной форме с песчаной подсыпкой. У биконических сосудов (рис. 3, *9*, *10*) ребро перегиба стенок тулова выражено более четко, у округло-биконического (рис. 2, *2*) – более плавно. Верхний край стенки тулова приострен, венчик слегка выделен лишь в одном случае (рис. 4, 2). Дно плоское.

III. Биконические сосуды

Это также одна из наиболее характерных форм керамики вахшской культуры (P'jankova, 1986. Abb. 70, 71). Родство этой формы с многочисленными сосудами со скошенной придонной частью из оседлоземледельческих центров не вызывает сомнений. Некоторые формы (хумча из погребений могильника Дашлы 3) по пропорциям тулова очень близки вахшским сосудам (Сарианиди, 1976. Рис. 42, *3*; 43,*2*). Отличительной особенностью вахшских экземпляров является отсутствие или очень слабое обозначение венчика. Такие сосуды также иногда встречаются в Дашлы 3 (Сарианиди, 1977. Рис. 27, *1*). В материалах культуры Сапалли такой формы нет, а биконические горшки, получившие широкое распространение на финальной, бустанской, фазе, имеют в целом другие пропорции и иную профилировку верхней части тулова (Аскаров, Абдуллаев, 1983. Табл. 1, 2, 3, 6, 10, 11, 17 и др.).

Биконический сосуд с резко вогнутой стенкой верхней части тулова и очень низкой придонной частью происходит из могильника Куляб (урочище Ходжа Гоиб), рис. 3, *13*. Сосуд выполнен на круге. Перегиб между верхней и нижней частью тулова имеет вид четко выраженного ребра. Верхний, слегка приостренный край плавно отогнут наружу. Дно плоское. Сосуд покрыт белым ангобом. Форма является промежуточной между выше описанными биконическими сосудами и сосудами баночной формы, которые будут рассмотрены ниже.

В могильниках вахшской культуры такая форма редка. Наиболее похожий, но лепной и на высоком плоском поддоне экземпляр найден в Амударьинском могильнике, расположенном у слияния Вахша с Пянджем (Пьянкова, 1991. Рис. 3, *3*). Аналогичный, но более вытянутый гончарный сосуд, также на поддоне, происходит из могильника Тигровая Балка (P'jankova, 1986. Abb. 69, *II*).

Сосуды меньших размеров, имеющие профилировку, сходную с экземпляром из могильника Куляб (ур. Ходжа Гоиб), происходят из разграбленных могильников Южной Бактрии (Amiet, 1977. Fig. 2, *8*) и Мохенджо Даро в Индии, где такой сосуд является уникальным и рассматривается в позднем контексте периода С–5 (Dales, Kenoyer, 1986. Fig. 16, *87*). Можно отметить, что некоторые баночные сосуды Шортугая имеют профилировку, близкую сосуду из могильника Куляб (ур. Ходжа Гоиб), хотя их придонная часть более низкая, а дно более широкое (Francfort, 1989. Pl. 48, *11*, *16*, *17*). Еще один сосуд, но из меди очень напоминает южнотаджикистанский экземпляр, он происходит из материалов разграбленных земледельческих могильников Южной Бактрии (Pottier, 1984. Fig. 32, 240). В целом такая форма кажется ближайшим генетическим прототипом наиболее характерных столовых сосудов среднеазиатских комплексов времени Яз II–III (Массон, 1959. Табл. XXXVII, *7*; XLII, *1*, *6*; Альбаум, 1979. Табл. 16, *3*, *4*, *6–9*; Пидаев, 1974. Рис. 3, *12*, *14*, *16*, *23*; Сагдуллаев, Хакимов, 1976. Рис. 2, 10, 13; Пилипко, 1986. Табл. 3, *1*, *12* и др.). Близки южнотаджикистанским сосудам и цилиндроконические банки "ахеменидского типа"; последние представлены в подъемном материале с поверхности кушанских поселений в Северо-Восточном Иране, здесь же и

была найдена лепная расписная керамика (Сариниди, 1972. С. 31. Рис. 55, *2–6*).

IV. Сосуды баночной формы

Происходят из могильников вахшской культуры Гелот (рис. 2, *1*; рис. 3, *4*) и Гулистон (рис. 4, *5*). Форма сосудов варьируется.

1. Гончарный сосуд равномерно вогнутой стенкой тулова, плавно отогнутым наружу краем и широким плоским дном (рис. 2, *1*). Верхний наружный край стенки тулова плоский. У дна сосуд несколько асимметричен, и стенка тулова с одного бока плавно, а с другого – с помощью невысокого подкоса переходит в дно. Наружная поверхность покрыта жидким белым ангобом со следами вертикального полосчатого лощения.

Баночные сосуды представлены в могильниках вахшской культуры довольно большим количеством экземпляров и являются характерной формой ее керамического комплекса (P'jankova, 1986. Abb. 68, 69). Гончарные банки, аналогичные рассмотренному сосуду из Гелота, также с белым ангобом, наиболее характерны для могильника Маконимор низовьев Кызылсу. Уже упоминались очень близкие по форме сосуды из Шортугая, где они отнесены к разным периодам – II, III и IV (Francfort, 1989. Pl. 48, *3*, *7*, *11*, *12*, *16*, *17*). Шортугайские баночные сосуды, в отличие от южнотаджикистанских, более сужаются к верхнему краю.

Гончарные баночные сосуды из могильников низовьев Вахша имеют сходную, но несколько иную профилировку или пропорции (P'jankova, 1986. Abb. 69, *4*, *11–13*), хотя некоторые из них (P'jankova, 1986. Abb. 69, *4*) также имеют очень близкие аналогии в Шортугае (Francfort, 1989. Pl. 48, *8*).

Банки вытянутой формы, с узким туловом встречаются и в комплексах времени Намазга V на подгорной равнине Копетдага (Götzelt, 1996. Taf. 83, *1114–1118*). Интересно, что многие намазгинские экземпляры при этом украшены лентами из прочерченных линий, как и сосуды Шортугая и вахшской культуры. В эпоху Намазга V появляются (Удеумурадов, 1987. Рис. 2, *15*; Götzelt, 1996. Taf. 24, *336*), а затем в маргинских комплексах, и особенно второго хронологического периода (P'jankova, 1993. Fig. 2, *10*, *11*), очень широко распространяются миниатюрные гончарные сосуды баночной формы. На поселениях хараппской культуры они рассматриваются в контексте периода. В как редкая форма (Dales, Kenoyer, 1986. Fig. 10, *50a–c*). Медный экземпляр баночного сосуда вытянутой формы известен среди материалов из разграбленных могильников Южной Бактрии (Pottier, 1984. Fig. 32, *241*), и, наконец, гончарные банки, по форме близкие аналогичным сосудам эпохи бронзы, встречаются впоследствии и в среднеазиатских комплексах, и в ахеменидское время (например: Массон, 1959. Табл. XLIV, *2*).

2. Лепной баночный сосуд (рис. 4, *5*) по форме очень близок описанному выше. Отличие заключается в том, что стенка тулова на большую часть его высоты является прямой в профиле, а верхняя часть сосуда выделена в виде широкой, плавно расходящейся наружу–вверх горловины. Максимальным диаметром, как и в предыдущем случае, является диаметр дна. Большая часть внешней поверхности украшена прочерченным орнаментом: между двумя концентрическими лентами, состоящими из прямых желобков, заключены лента и отрезки ленты из волнистых линий. Ближайшие аналогии этому орнаменту имеются керамике с поселения Ташгузор, рис. 4, 7, 9, 10 (Vinogradova, 1997. P. 41).

Лепные баночные сосуды, явно подражающие своим гончарным образцам, количественно по сравнению с последними преобладают в могильниках вахшской культуры. В Раннем Тулхаре такие сосуды встречены лишь в катакомбных могилах (Мандельштам, 1968. Табл. XV, *3*, *4*).

3. Гончарный баночный сосуд с широким туловом (рис. 3, *4*): в противоположность двум выше рассмотренным экземплярам, его ширина превышает его высоту. Максимальным диаметром также является диаметр дна, кверху тулово сужается, его стенка в профиле слегка выпуклая, а верхний, приостренный край имеет вид плавно выделенной, очень невысокой и слегка расширяющейся кверху горловины.

В раскопанных могильниках вахшской культуры гончарные экземпляры такого типа не найдены. В Шортугае сужающиеся кверху банки с широким туловом имеют прямую в профиле стенку (Francfort, 1989. Pl. 48, *1*, *8*). Эти сосуды относятся к периодам III и IV. В верхних слоях Алтын-депе стенка таких сосудов выпуклая, но они имеют четко выделенный, отогнутый наружу, утолщенный венчик (Удеумурадов, 1987. Рис. 2, *26*, *27*). В могильнике Маконимор встречаются лепные сосуды близкой формы, но с более высокой горловиной. Все они украшены характерным для вахшской культуры орнаментом. Аналогичные банки, но без орнамента происходят, например, из могильника Заманбаба в низовьях Зеравшана (Гулямов и др., 1966. Табл. XIV, *6*; XV, *9*). Похожий сосуд найден и в одном из погребений бешкентской культуры (Мандельштам, 1968. Табл. X, *4*).

V. Лепные горшки с выделенным горлом

1. Фрагмент верхней части кухонного закопченного горшка из грубого теста с примесями. Происходит из могильника Гелот (рис. 2,*5*). Горло неширокое, выделено плавно, слегка расширяется кверху и имеет прямую в профиле стенку с плоским верхним краем.

В материалах вахшской культуры такие горшки встречаются часто и бывают плоскодонными и круглодонными. Первые составляют абсолютное большинство в Макониморе, где найден лишь

один круглодонный экземпляр, а вторые более характерны для некоторых могильников низовьев Вахша (P'jankova, 1986. Abb. 61, 62). Некоторые кухонные горшки украшены по основанию горла гладким или орнаментированным налепным валиком, что характерно для многих культур позднебронзового века степной зоны. И плоскодонные, и круглодонные кухонные горшки, и сосуды с валиками известны и в Шортугае (Francfort, 1989. Pl. 58, *3–10*), Шашгузоре (Vinogradova, 1997. P. 41. Fig. 2, *7*).

2. Миниатюрный горшочек или кувшинчик со сравнительно высоким, нешироким, плавно выделенным горлом. Происходит из могильника Обкух (рис. 3, *7*). Сосуд асимметричен; дно плоское, неровное; наружная поверхность покрыта белым ангобом; верхняя половина тулова украшена прочерченным орнаментом из концентрических прямых линий и волны, типичным для вахшской культуры. Такая форма характерна для многих эпох и регионов, встречается она и в могильниках вахшской культуры (например: P'jankova, 1986. Abb. 63, *2*, *3*).

VI. Лепная чаша из могильника Гелот (рис. 2, *3*)

Тулово с выпуклой в профиле стенкой плавно сужается к широкому устью, верхний край стенки плоский с наклоном внутрь.

Чаши такой формы встречаются и в Мокониморе, и в могильниках низовьев Вахша, хотя чаще они несколько более глубокие и закрытые и в целом близки выше рассмотренным горшковидным сосудам без выделенного горла (например, P'jankova, 1986. Abb. 67, *8*).

Достаточно близкие аналогии для глубоких лепных чаш из вахшских могильников имеют чаши комплекса Яз I (Массон, 1959. Табл. XXVIII, 3; XXIX, *3*, *8*, *9*) В одном из погребений бешкентской культуры найден аналогичный сосуд, но с круглым дном (Мандельштам, 1968. Табл. XII, *1*).

VII. Глубокие блюда или крупные миски

1. Лепные, с расходящимися вверх – в стороны стенками; у целых экземпляров дно плоское, его ширина варьирует. Последние происходят из могильников Гулистон (рис. 3, *1*, *3*; рис. 4, *1*, *3*) и Обкух (рис. 3, *8*).

Блюда из могильника Гулистон имеют слегка выпуклую в профиле стенку, верхний край которой скруглен, уплощен или приострен.

Миска из Обкуха имеет слегка вогнутую в профиле стенку и более широкое по отношению к верхнему диаметру дно, чем у блюд и могильника Гулистон. На стенке процарапан знак креста.

Лепные сосуды рассмотренного типа широко известны в могильниках вахшской культуры (P'jankova, 1986. Abb. 64, *6–13*); они также найдены в могилах бешкентской культуры (Мандельштам, 1968. Табл. XII, *2*) и Заманбаба (Гулямов и др., 1966. Табл. XI, А, *1*).

Гончарные экземпляры аналогичной формы и наиболее крупных размеров в Маргиане и Бактрии характерны для поздних комплексов бронзового века – Тахирбай 3 (Массон, 1959. Табл. VIII, *2*; IX, *9*) и земледельческих памятников времени Молали-Бустан сапаллинской культуры (Аскаров, 1977. Табл. LXI, *8*; LXII, *9*; LXIII, *12*; Vinogradova, 1996. Fig. 6, III, *4*, *5*; IV, 1, 2 и др.). Шортугайские миски без выделенного венчика (Francfort, 1989. Pl. 47, *14–16*) по размерам более близки сосуду из Обкуха, но они имеют дно меньшего диаметра.

2. Гончарное блюдо о загнутым внутрь краем и широким плоским дном из могильника Гулистон (рис. 3, *2*). Такая профилировка характерна именно для гончарных блюд вахшской культуры (P'jankova, 1986. Abb. 64, *4*), которые в количественном отношении представлены значительно меньшим числом экземпляров, чем лепные. В некоторых случаях стенка венчика таких блюд слегка вогнута и его основание обозначено более резко выраженным ребром, выступающим за линию общего контура сосуда (P'jankova, 1986. Abb. 64, *3*), что характерно также и для бешкентской культуры (Мандельштам, 1968. Табл. XIV, *7*).

Ближайшие аналогии для блюда из Гулистона имеются в керамике Шортугая, где такие сосуды распространены очень широко в периоды II, III и IV (Francfort, 1989. P. 40). Что касается сопоставления шортугайских блюд с материалами харапской культуры, то они наиболее близки некоторым аналогичным сосудам финального периода этой культуры, рассматриваемого в контексте Д (Dales, Kenoyer, 1986. Fig. S, *20*).

В материалах культуры Сапалли блюдо с загнутым внутрь краем отнесено к молалинскому этапу (Аскаров, 1977. Табл. XIII, *9*), оно отличается от сосудов Шортугая и вахшской культуры дном меньшего диаметра (Vinogradova, 1996. P. 189. Fig. 5, *29*). Лепное блюдо с широким дном и загнутым внутрь краем найдено в одной из могил бешкентской культуры (Мандельштам, 1968. Табл. XII, *3*).

Среди материалов разведки Кызылсуйского отряда привлекает внимание миниатюрный гончарный "чайник" со следами лощения из земледельческого могильника Куляб (Ходжа Гоиб) (рис. 3, *14*), фрагмент верхней части гончарной вазы на ножке (рис. 3, *11*) и два серебряных браслета с Пархарского кладбища (рис. 5, *1*, *2*).

"Чайники" – очень широко распространенная в земледельческих комплексах форма керамики. В Средней Азии они известны, начиная с эпохи Намазга V. В поздних комплексах эпохи бронзы в Маргиане и Бактрии эта форма, однако, почти исчезает и представлена лишь единичными экземплярами. Например, "чайник" с очень похожей на кулябский экземпляр формой тулова и близкими размерами найден в некрополе поселения Кангуртут, расположенного в северной части рассматриваемого нами региона (Vinogradova, 1996. Fig. 5, *42*). Керамический комплекс этого памятника наибо-

лее сопоставим с материалами финальной, бустанской фазы культуры Сапалли.

Фрагмент верхней части вазы на ножке из земледельческого могильника Пархар с резко, под углом загнутым внутрь высоким венчиком характере для культуры Сапалли (Аскаров, 1973. Табл. 13, *3*, *10*; 15, *6*, *8*; Аскаров, Абдуллаев, 1983. Табл. XXIII, *1*; XXIV, *5*, *10* и др.), а также широко распространен в синхронных земледельческих памятниках Дашлинского оазиса Южной Бактрии (Сарианиди, 1976. Рис. 22, *17*; 30, *6*, *10*, *17*; 42, *6*, *14*, *16*; 43, *5*, *14* и др.) и Южного Таджикистана (Vinogradova, 1994. P. 34. Fig. 3; 1996. P. 189. Fig. 5).

Из Пархарского могильника, скорее всего из детского захоронения, происходят два серебряных браслета (рис. 5, *1*, *2*). Они были найдены с описанным выше сосудом. Браслеты имеют круглую форму (43 × 43 мм); изготовлены по заключению И.Г. Равич из широкой (10–12 мм) пластины методом ковки и последующим изгибом ребра. Застежка на концах каждого браслета имеет форму нескольких спиралевидных витков, входящих друг в друга. Пластины с двух сторон, кроме самих концов, оформлены углубленными желобками. Орнамент на обоих браслетах идентичен и выполнен гравировкой – тонкими линиями или точками. Композиция состоит из трех симметрично расположенных четырехлепестковых розеток, центральная из которых, с прожилкой по длине каждого лепестка более крупная, а две другие, расположенные ближе к краям браслета, меньших размеров. Розетки обрамлены орнаментом из углевидных и дугообразных линий и точек. У краев браслета, в отдельном поле изображены части лепестков с прожилками и точками или дуги, иногда с двойным контуром.

Форма пластинчатого браслета с ребром характерна в Средней Азии как для памятников земледельческого, так и степного круга (Хлопин, 1983. Рис. 8, 9. Табл. XXVII, *6*, *7*; Аскаров, Абдуллаев, 1983. С. 25, 41. Табл. XLX, *17*; Виноградова, Пьянкова, 1990. Рис. 3, *13*, *14*; Итина, 1961. Рис. 24–26; Исаков, Потемкина, 1989. Рис 4, *4*, *9*, *10*, *12*; 5, *7–10*; 8, *9*, *10*; Аванесова, 1991. Рис. 53).

Застежки пархарских браслетов, состоящие из плоских спиралей и имеющие восьмеркообразную форму, практически не имеют точных аналогий. В целом рассматриваемые нами экземпляры, конечно, наиболее сопоставимы с андроновскими браслетами со спиралевидным завершением (Аванесова, 1991. С. 68, 69. Тип Б1)[8], однако концы таких браслетов не сомкнуты или сомкнуты, но как правило не застегнуты, а спираль в большинстве случаев туго закручена. В качестве застежки спираль использована, например, у некоторых экземпляров браслетов из могильника Верхняя Алабуга в Притоболье, датированного XVI в. до н.э. Однако в данном случае спиралевидным является лишь один конец браслета, а другой – приострен (Потемкина, 1985. Рис. 80, *3*, *4*; 107, 126). Спираль у этих экземпляров, как и у пархарских, плоская, слабо закрученная и с небольшим количеством оборотов.

Некоторые браслеты степных комплексов орнаментированы желобками или поясками вдоль краев, как у пархарских экземпляров, а иногда простым геометрическим орнаментом, сопоставимым с декором на степной керамике (Итина 1961; 1977; Кузьмина, 1966; 1972). Угловидные линии, заполняющие пространство между розетками на браслетах из Пархарского могильника, можно сопоставить с одним из характерных типов декора степной керамики – "елочкой", выполненной зубчатым штампом (Итина, 1977. Рис. 53, *2*; Потемкина, 1985. Рис. 107, *92* и др.). Гравированный орнамент в виде "елочки" встречается и на некоторых украшениях степной бронзы (Итина, 1961. С. 79. Рис. 27, *10*). Однако аналогии для четырехлепестковых розеток, изображенных на пархарских браслетах и прежде всего центральной из них, без сомнения, ведут к южным оседлоземледельческим комплексам. Орнамент четырехлистника довольно часто встречается на печатях и амулетах памятников Бактрии и Маргианы поздней бронзы (Аскаров, Ширинов, 1993. Рис. 24, *12*; Sarianidi, 1986. S. 222; Сарианиди, 1990. С. 92; Масимов, 1981. Рис. 4, *3*), а также на некоторых хлоритовых флаконах из разграбленных могильников Бактрии, где изображены похожие четырехлепестковые розетки, но с центральным кружком (Amiet, 1986. Fig. 159).

Серебряный сплав браслетов очень высокой пробы, медь составляет всего 3–5%[9] Подобные сплавы характерны для серебряных изделий времени поздней культуры Намазга VI (Хлопин, 1983. С. 227. Табл. 3). Могильник в целом можно датировать этим временем, т.е. второй пол. II тыс. до н.э.

Из случайных предметов, находящихся в экспозиции музеев Куляба, Московского района и Пархара, следует отметить находки каменных гирь из могильника Саед Московского района, Алимтай Дангаринского района, каменной колодки (из нефрита?) в кишлаке Арча Пархарского района. В Кулябском музее представлены находки двух жезлов из сланца (рис. 5, *3*) и двух каменных гирь; происхождение этих предметов неизвестно.

Могильник Туюн находится на краю холма Дарайгуристан, сам холм занят мусульманским кладбищем (Vinogradova, 1998). Здесь было расчищено погребение подбойно-катакомбного типа со скелетом ребенка подросткового возраста, в скорченном положении на левом боку. Рядом около груди лежа-

[8] К сожалению, по рисункам среди браслетов не всегда можно выделить браслеты с плоскими спиралями. Поэтому мы приводим здесь очень ограниченное количество таких примеров (Андроновская культура, 1966. Табл. XXXVIII, *18*; Потемкина, 1985. Рис. 107, 172).

[9] См. Приложение.

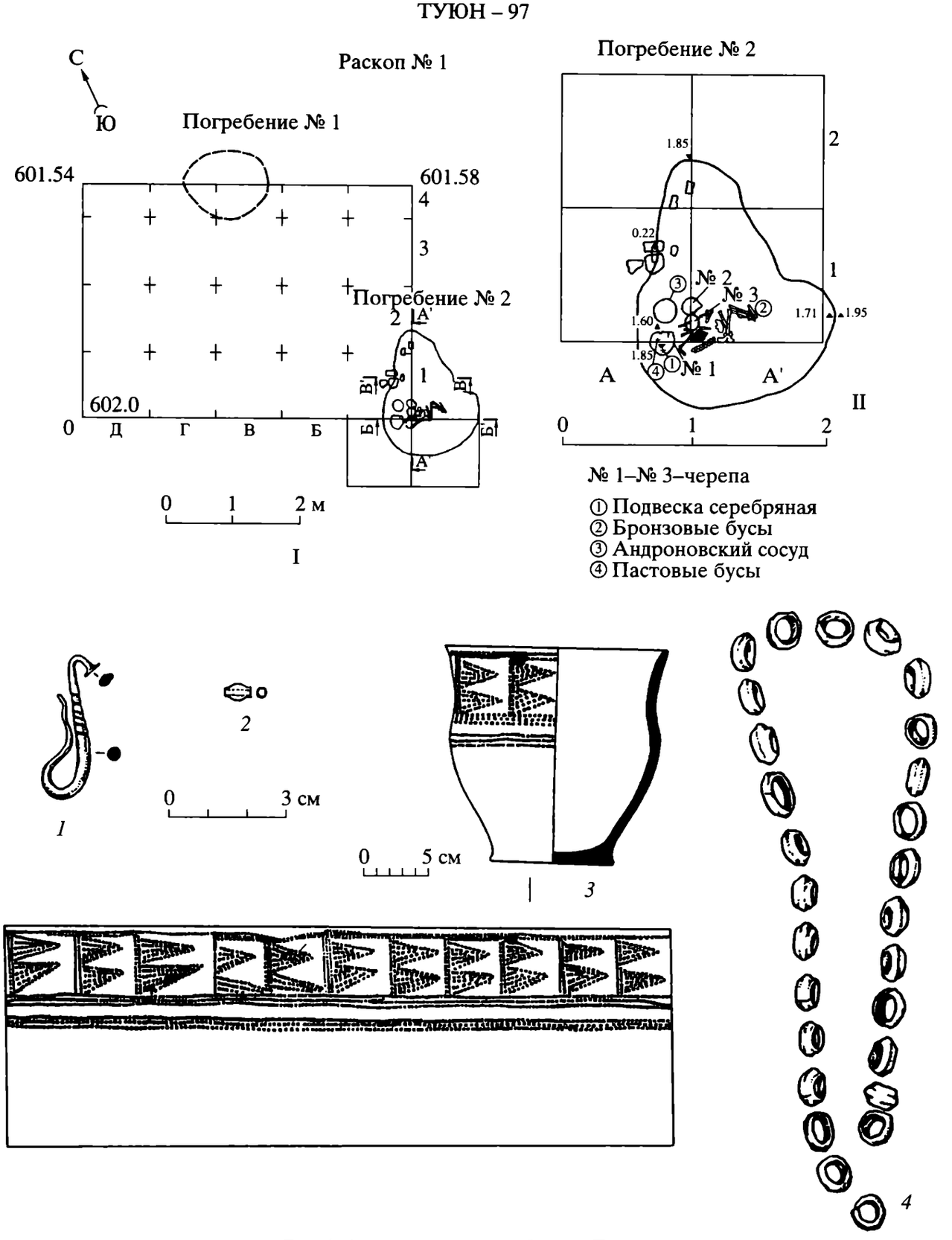

Рис. 6. Андроновское погребение в Туюне.

ли еще два детских черепа (рис. 6, I, II). На черепе подростка были найдены серебряная крюковидная подвеска с гвоздевидной шляпкой (рис. 6, *1*) и фрагмент пастовых составных бус (рис. 6, *4*); на ногах – бронзовые бусы (рис. 6, *2*), около лица стоял сосуд с орнаментацией гребенчатым штампом (рис. 6, *3*). Подобный орнамент "составных флажков" характерен для керамики федоровского типа андроновских племен (Зданович, 1988. С. 162. Табл. 4; Оразбаев, 1959. С. 61. Рис. 3, *2*; Маргулан и др., 1966. С. 115. Т. X, *2*; Кузьмина, 1986. С. 81. Рис. 19; Аванесова, 1991. Рис. 5, *20*). Аналогии крюковидной

подвеске с гвоздевидной шляпкой и бронзовым массивным бусам с ребром также имеются в материалах могильников андроновской культуры (Виноградова, Пьянкова, 1990. С. 102, 109, 110. Рис. 3, *8–10*; Аванесова, 1991. Рис. 61; Avanesova, 1997. P. 153. Fig. 3, 4). Пастовые бусы характерны для погребального инвентаря как земледельческого, так и андроновского круга памятников (Хлопин, 1983. Табл. 11. Рис. 9; Андроновская культура, 1966. Табл. XXXVI, *16*, *17*). Следует также указать, что подбойно-катакомбный тип погребений имеет место для так называемого зеравшанского варианта андроновской культурно-исторической общности (Дашти-Кози, Кумсай).

Подводя итоги археологическим разведкам в бассейне р. Кызылсу, можно сделать следующие выводы о хронологии этих памятников. Материалы могильников оседлоземледельческого населения Куляб (ур. Ходжа Гоиб), Пархар могут быть датированы временем финальной фазы (Молали-Бустан) культуры Сапалли, т.е. в пределах второй пол. II тыс. до н.э. (Аскаров, Ширинов, 1993; Vinogradova, 1994. P. 42). Находки с памятников вахшской культуры датируются последней четвертью II тыс. до н.э. (P'jankova, 1986. S. 56–58; Пьянкова, 1989. С. 92–101). Эти данные согласуются с относительной хронологией евразийских степных культур (Итина, 1977. С. 139; Кузьмина, 1985. С. 24; Зданович, 1988. С. 8), но вступают в противоречие с датировками, предлагаемыми в настоящее время западными исследователями (Lyonnet, 1993. P. 195; Hiebert, 1994. P. 77; Götzelt, 1996; Francfort, 1989. P. 242)[10].

Археологические разведки в бассейне р. Кызылсу 1996 г. не только значительно расширили наши знания об ареале распространения вахшской культуры, но и создали предпосылки для поисков в этом регионе земледельческих памятников, являющихся частью бактрийско-маргианской цивилизации бронзового века с ее уникальными произведениями искусства. Например, в музее г. Куляб хранится глиняная "модель дома" (Азизи, 1992. С. 13). Это первая находка на территории Южного Таджикистана. Аналогичные изделия найдены в разграбленных могильниках Южной Бактрии, а также в могильнике Заманбаба. В экспозиции разных региональных музеев изучаемого региона можно видеть жезлы из сланца, каменные "гири" и другие предметы, имеющие аналогии среди находок в Бактрии. Серебряные браслеты из Пархарского могильника, возможно, свидетельствуют о влиянии или участии племен степной бронзы в создании высокохудожественных произведений древнебактрийского искусства.

[10] Европейские и американские исследователи на основе калиброванных дат по С-14 датируют эти памятники первой пол. – серединой II тыс. до н.э. Эти датировки соотносятся с калиброванными датами для степных культур (Görsdorf und and., 1998. S. 73). По мнению Е.Е. Кузьминой, в наше время корректно использовать или традиционный метод синхронизации, или радиоуглеродный метод, учитывая расхождение обеих систем (Kuz'mina, 1998).

ПРИЛОЖЕНИЕ

И. Г. Равич

Результаты металлографического исследования браслетов из Пархарского могильника

Исследование проводили с целью определения технологии изготовления браслетов и их примерного состава. Основным методом исследования являлась металлография, которую дополняли также измерением микротвердости изделий. Использовали микроскоп МИМ-8 и микротвердомер ПМТ-3. Нагрузка при измерении микротвердости составляла 200 г. Шлифы готовили на самих браслетах на их узкой грани. Микроструктура обоих браслетов была одинаковой и характеризовалась весьма мелкими рекристаллизованными зернами (их средний размер составлял 0.01 мм), на фоне которых располагались отдельные дендриты, вытянутые в направлении деформации. Выделений эвтектики или следов распада – твердого раствора не наблюдалось. Микротвердость составляла 50 кг/мм^2. Вышеперечисленные признаки позволяли сделать заключение, что браслеты изготовлены из серебра высокой пробы, содержащего не более 8.8% меди (вероятно, 3–5%, учитывая низкое значение микротвердости, очень малый размер зерна и отсутствие следов распада – твердого раствора). Подобную структуру возможно получить в сплавах указанного состава после их деформации, отжига не выше 700°С и закалки от этой температуры в воду. Технологический цикл изготовления браслетов складывался из ковки литой заготовки (следы которой сохранились в виде дендритов) с высокой степенью деформации (вытянутые дендриты), ее отжига при температуре не выше 700°С и закалки от этой температуры с целью предотвращения распада твердого раствора и сохранения высокой пластичности. Подобная пластичность была необходима для изгиба браслета, формирования ребра, идущего вдоль его поверхности, и для других операций, связанных с деформацией изделия. Возвращаясь к составу браслетов, отметим, что характерная для них высокая проба серебра отличает обширные группы изделий древности. Как известно, чистота древних изделий из серебра специально контролировалась.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент, 1991.

Азизи М. Мухтасари таърихи хотлон. Кулоб, 1992.

Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.

Андроновская культура // САИ. 1966. В3–2.

Аскаров А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.

Аскаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

Аскаров А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент, 1983.

Аскаров А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.

Виноградова Н.М. Работы отряда по изучению памятников эпохи бронзы ЮТАЭ весной 1979 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XIX. Душанбе, 1986.

Виноградова Н.М. Могильник Тандырйул в Южном Таджикистане // Информ. бюлл. МАИКЦА. Вып. 18. М., 1991.

Виноградова Н.М. Первое поселение бишкентско-вахшской культуры на юге Таджикистана // Древность: историческое значение и специфика источника. Тез. докл. М., 1996.

Виноградова Н.М. Исследования контактов земледельческого и степного населения на юге Средней Азии (Южный Таджикистан) в эпоху поздней бронзы // Археология, палеоэкология и палеодемография Евроазии. М., 2000.

Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т. Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // Информ. бюлл. МАИКЦА. Вып. 17. М., 1990.

Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскаров А.А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент, 1966.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.

Исаков А.И., Потемкина Т.М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. 1989. № 1.

Итина М.А. Раскопки могильника тазабагъябской культуры Кокча 3 // МХЭ. 1961. Вып. 5.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья // Тр. ХАЭЭ. 1977. Т. X.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // САИ. 1966. Вып. В3–2.

Кузьмина Е.Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии. "Бактрийский мираж" и археологическая действительность // ВДИ. 1972. № 1.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной области // Информ. бюлл. МАИКЦА. Вып. 9. М., 1985.

Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.

Литвинский Б.А. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов) // Индия в древности. М., 1964.

Литвинский Б.А. Археологические работы в Таджикистане в 1962–1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы) // Археологические работы в Таджикистане. Вып. X. М., 1973.

Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.), М., 1981.

Литвинский Б.А., Мухитдинов Х.Ю. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан) // СА. 1969. № 2.

Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. 1968. № 145.

Масимов И.С. Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба // СА. 1981. № 2.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. 1959. № 73.

Мухитдинов Х.Ю. Разведка в Пархарском районе в 1964 г. // Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971.

Оразбаев А.М. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1959.

Пидаев Ш.Р. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии // Древняя Бактрия. Л., 1974.

Пилипко В. Ранний железный век Этека (Южный Туркменистан) // Информ. бюлл. МАИКЦА. Вып. 11. М., 1986.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.

Пьянкова Л.Т. Юго-Западный Таджикистан в эпоху бронзы // Информ. бюлл. МАИКЦА. Вып. 1. М., 1981.

Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Бактрии (о вахшской и бешкентской культурах) // Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). Душанбе, 1982.

Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе, 1989.

Пьянкова Л.Т. Новый могильник вахшской культуры (раскопки 1983 г.) // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXIII. Душанбе, 1991.

Сагдуллаев Т., Хакимов З. Археологическое изучение городища Кызыл-Тепе (По итогам работ 1973–1974 гг.) // Бактрийские древности. Л., 1976.

Сарианиди В.И. Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. М., 1972.

Сарианиди В.И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия 1. Материалы советско-афганской археологической экспедиции. М., 1976.

Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.

Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.

Удеумурадов Б.Н. Керамический комплекс верхних слоев Алтын-депе // СА. 1987. № 1.

Хлопин И.Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л., 1983.

Amiet P. Bactriane proto-historique // Syria. 1977. LIV.

Amiet P. L'age des echanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.-C. Paris, 1986.

Avanesova N. Spätbronzezeitliche Kulturkontakte in der baktrischen Flussoase nach den Befunden der Nekropole Bustan 6 // AMIT. 1997. B. 29.

Dales G.F., Kenoyer J.M. Excavations at Mohenjo Daro, Pakistan: The Pottery. Philadelphia, 1986.

Francfort P.-H. The Late Periods of Shortughai and the Problem of the Bishkent Culture (Middle and Late

Bronze Age in Bactria) // South Asian Archaelogy. 1979. Berlin, 1981.

Francfort P.-H. Fouilled de Shortughai'. Recherches sur l'Asie centrale protohistorique. Paris, 1989.

Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A., Leont'iev A. Neue 14C Datierungen für die Sibirische Steppe und Ihre Konsequenzen für die regionale Bronzezeitchronologie // Eurasia Antiqua. B. 3. Berlin, 1998.

Götzelt T. Ansichten der Archäologie Süd-Turkmenistans, bei der Erforschung der mittleren Bronzezeit (Periode "Namazga V"). Espelkamp, 1996.

Götzelt T., Pjankova T., Vinogradova N. Neue bronzezeitliche Fundorte in Kyzyl Su-Tal (Süd-Tadzikistan) // AMIT. 1998. B. 30.

Hiebert F.T. Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia. Cambridge, 1994.

Kuz'mina E.E. Three Methods of Chronologiza tion and Three Directions of Synchronization of the Sites of the Bronze Age in the Steppes of Eurasia // EAA 4th Annual Meeting. Abstracts Book. Göteborg, 1998.

Lyonnet B. The Problem of the Frontiers between Bactria and Sogdiana: An Old Discussion and New Data // SAA. 1993.

P'jankova L. Les particularites de l'evolution historique du Tadjikistan meridional a l'Age du Bronze // Dans: L'archeologie de la Bactriane ancienne. Paris, 1985.

P'jankova L. Jüngbronzezeitliche Gräberfelder im Vachs-Tal, Süd-Tadzikistan. München, 1986.

P'jankova L. Pottery of Margiana and Bactria in the Bronze Age // Inform. Bull. IASCCA. 1993. № 19.

P'yankova L. Central Asia in the Bronze Age: sedentary and nomadic cultures // Antiquity. 1994. V. 68. Number 259.

Pyankova L. The Settlement of Karimberdy // Inform. Bull. IASCCA. 1996. № 20.

P'jankova L. Keramik aus der Siedlung Tašguzor // AMIT. 1999. B. 31.

Pottier M.-H. Materiel funeraire de la Bactriane meridionale de l' Age du Bronze. Paris, 1984.

Sarianidi V. Die Kunst des alten Afghanistan. Leipzig, 1986.

Vinogradova N. The farming settlement of Kangurttut (South Tadjikistan) in the late Bronze Age // AMI. 1994. № 27.

Vinogradova N. Kangurttut: The Ancient Agricultural Burial Ground in Southern Tadjikistan // Inform. Bull. IASCCA. 1996. № 20.

Vinogradova N. The first Bishkent-Vakhsh culture settlement in South Tadjikistan (the end of the II nd mil. B.C.) // Orient Express. 1997. № 2.

Vinogradova N. Burial Ground of Andronovo Culture in South Tadjikistan // Orient Express. 1998. № 2.

Vinogradova N. Die spätbronzezeitliche Siedlung Tašguzor in Südtadzikistan // AMIT. 1999. B. 31.

Vinogradova N. Südtadzikistan in der Spätbronze- und Früheisenzeit // Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. B. 6. Bonn, 2001.

Archaeological Survey in the Kyzylsu River Basin (South Tadjikistan)

N. M. Vinogradova, T. Götzelt, L. T. Pjankova

Summary

The archaeological survey was carried out in basin of the Kyzylsu (or Surhob) river, the right tributary of the Pjange. First of all there were examined the sites where isolated finds were collected, now preserved in museums of Kulyab, Parkhar, and that of the Moscow district of Tadjikistan. Some new cemeteries attributed to Vakhsh culture were discovered, as well as two rural necropolises of so-called Sapally sulture. The latter is considered the North-Bactrian variant of Namazga V–VI culture, its Molaly-Bustan final phases. A new cemetery of Andronovo culture was also discovered. It is for the first time that the sites of this culture were accounted for in the region under investigation. In the article the problem of correlation of Vakhsh and Beshkent cultures is discussed. Presence of agricultural-type sites now proved provides a good reason to search for settled farming groups in the region. The monuments constitute a part of the Bactrian-Margiana civilization. Silver bracelets revealed in the rural cemetery of Parkhar display the influence of steppe tribes of Andronovo culture upon manufacturing pieces of high artistic value by ancient Bactrian artisans.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 117–123

ПУБЛИКАЦИИ

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ НУРСКИХ СТОЯНОК

© 2003 г. В. В. Потапов

Археологическое научно-исследовательское бюро, Ростов-на-Дону

Особое место в изучении финала эпохи бронзы и начала раннего железного века занимают обнаруженные в степном Поволжье стоянки нурского типа.

Впервые эти памятники были выделены в отдельную группу С.А. Агаповым и И.Б. Васильевым, обобщившими результаты многолетних разведок в Самарском Заволжье (Агапов, Васильев, 1976. С. 121. Рис. 15, 16). Однако анализ и культурно-хронологическая интерпретация материалов этих памятников связаны с работами Н.К. Качаловой. Результаты проведенного ею исследования можно свести к ряду положений:

1. Нурские памятники представляют собой самостоятельный культурный тип или группу (Качалова, 1989. С. 41, 42; Алексеев и др., 1993. С. 58, 59; Качалова, 1996. С. 52, 55, 56).

2. В нурскую группу помимо поселений включен ряд погребений, содержащих керамику, близкую найденной на стоянках (Качалова, 1989. С. 43–45; Алексеев и др., 1993. С. 58, 59; Качалова, 1996. С. 54, 55).

3. Нурские стоянки локализуются в аридной зоне. Если вначале к этой группе относились памятники, расположенные в степных и полупустынных районах Заволжья и низовьев правого берега Волги (Качалова, 1989. С. 42), то позднее ареал был продлен на восток до Центрального Казахстана (Алексеев и др., 1993. С. 59. Карта на с. 89; Качалова, 1996. С. 54).

4. Памятники этого типа являются, с одной стороны, более поздними, чем хвалынские, а с другой – предшествуют савроматским, хотя на самих нурских стоянках отсутствует датирующий материал (Качалова, 1989. С. 44, 45). Иными словами, они одновременны черногоровским памятникам начала эпохи раннего железного века (Качалова, 1996. С. 54, 55) и могут быть объединены с ними в один блок культур (Алексеев и др., 1993. С. 59). Хронологические привязки установлены по двум направлениям. Во-первых, погребения, отнесенные к группе нурских памятников, уверенно синхронизируются с черногоровскими по ряду находок (Качалова, 1989. С. 45; Алексеев и др., 1993. С. 59; Качалова, 1996. С. 55). Во-вторых, в Центральном Казахстане бытовые комплексы с керамикой, близкой нурской, выделенной в особый донгальский тип (Ломан, 1987), перекрывают алексеево-саргаринские жилища (Варфоломеев, 1987; Качалова, 1996. С. 54) финала эпохи поздней бронзы.

5. Была предложена следующая схема последовательной смены культур эпохи поздней бронзы – начала раннего железного века степного Поволжья: срубная культура сменяется хвалынской, которой в свою очередь наследуют памятники нурского типа, после которых здесь утверждается савроматская культура (Качалова, 1989. С. 44, 45; 1996. С. 56).

Не вызывает сомнения установленная Н.К. Качаловой культурная оригинальность нурских стоянок, обусловленная во многом своеобразными природно-климатическими условиями, определившими в свою очередь общие формы ведения хозяйства и быта населения, оставившего эти памятники. Однако обоснованная исследовательницей для этих памятников хронологическая позиция выглядит менее убедительной. В последнее время предложенная датировка де-факто ставится под сомнение. В частности, М.А. Изотова, указав, что нурские и хвалынские памятники занимают различные подзоны волжской Степи, сочла возможным их полностью или частично синхронизировать (Изотова, 1999. С. 115).

Таким образом, назрела необходимость вернуться к вопросу об относительной хронологии нурских стоянок, проанализировать аргументацию Н.К. Качаловой с точки зрения возможного удревнения нурской культурной группы.

Во-первых, представляется не совсем правомерным объединение в один культурный тип бытовых памятников и некоторых погребений, основанное на находках при погребенных посуды, сопоставимой с керамикой из стоянок. Сравнение найденных на стоянках фрагментов сосудов с целыми формами из погребальных комплексов, даже если ограничится выборками Н.К. Качаловой (1989. Рис. 1, 3), заставляет усомниться в их идентичности. Отсутствие полностью реконструируемых экземпляров на стоянках делает погребальные аналогии им в значительной мере условными: полностью сопоставить морфологию тех и других невозможно. Более того, из характерных нурских элементов декора – валика, расчлененного пальцевыми вдавлениями, наколов, защипов по краю венчика, прочерченных линий, "жемчужин" (рис. I, *1–14*) – на погребальных сосудах

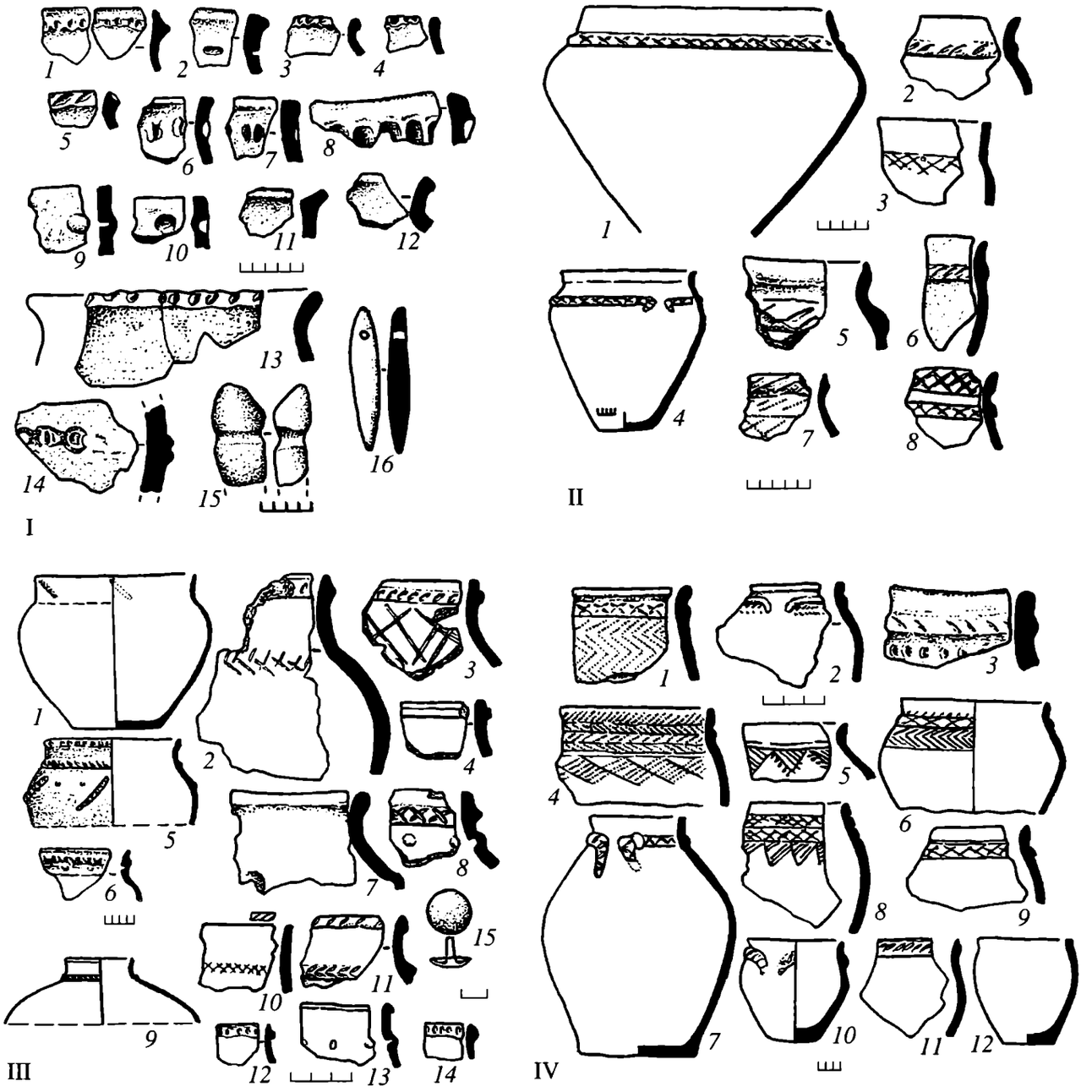

Рис. 1. Материалы поселений финала эпохи поздней бронзы степей Волго-Уралья и Северного Казахстана. I. Памятники нурского типа: *1–3, 6–12, 16* – Нур; *4, 5* – Максимовка; *13, 14* – Ерзовка *I*, *15* – Белозерское. *15, 16* – камень, остальное – керамика. II. Хвалынская керамика: *1–3* – Алексеевское городище, *4* – Танавское городище, *5* – Ураков Бугор, *6, 8* – Постников Овраг, *7* – Кирпичные Сараи. III. Находки на поселениях донгальского типа: *1–8* – Донгал, *9–15* – Кент: *16* – бронза, остальное – глина. IV. Алексеево-саргаринская керамика: *1–3* – Кент; *4–7* – Петровка II; *8–12* – Новоникольское I.

сравнительно полно представлен лишь последний. Еще в нескольких случаях встречены защипы по краю венчика (Качалова, 1989. Рис. 1, *11*). Вместе с тем деталь, характеризующая некоторые формы посуды начала раннего железного века и являющаяся в данной ситуации хронологически значимой, – наличие на венчике желобка-слива (Качалова, 1989. С. 39. Рис. 1, *9–13*) – ни разу не зафиксирована на черепках со стоянок. На нурских памятниках отсутствуют и фрагменты от лощеной посуды, которая все же представлена в погребениях на левобережье Волги (Качалова, 1989. С. 39).

Во-вторых, как следует из картирования поселений и погребений, проведенного самой Н.К. Качаловой (1989. Рис. 2), ареалы распространения тех и других соприкасаются, но почти не перекрывают друг друга (рис. 2), на что обратила внимание О.Р. Дубовская (1994. С. 24). Это опять же ставит под сомнение культурную идентичность бытовых и погребальных памятников. В таком случае дату захоронений, многие из которых достаточно надежно датированы началом эпохи раннего железа и могут быть отнесены к черногоровской культуре или, во всяком случае, с ней синхронизированы, нельзя распространять на нурские стоянки.

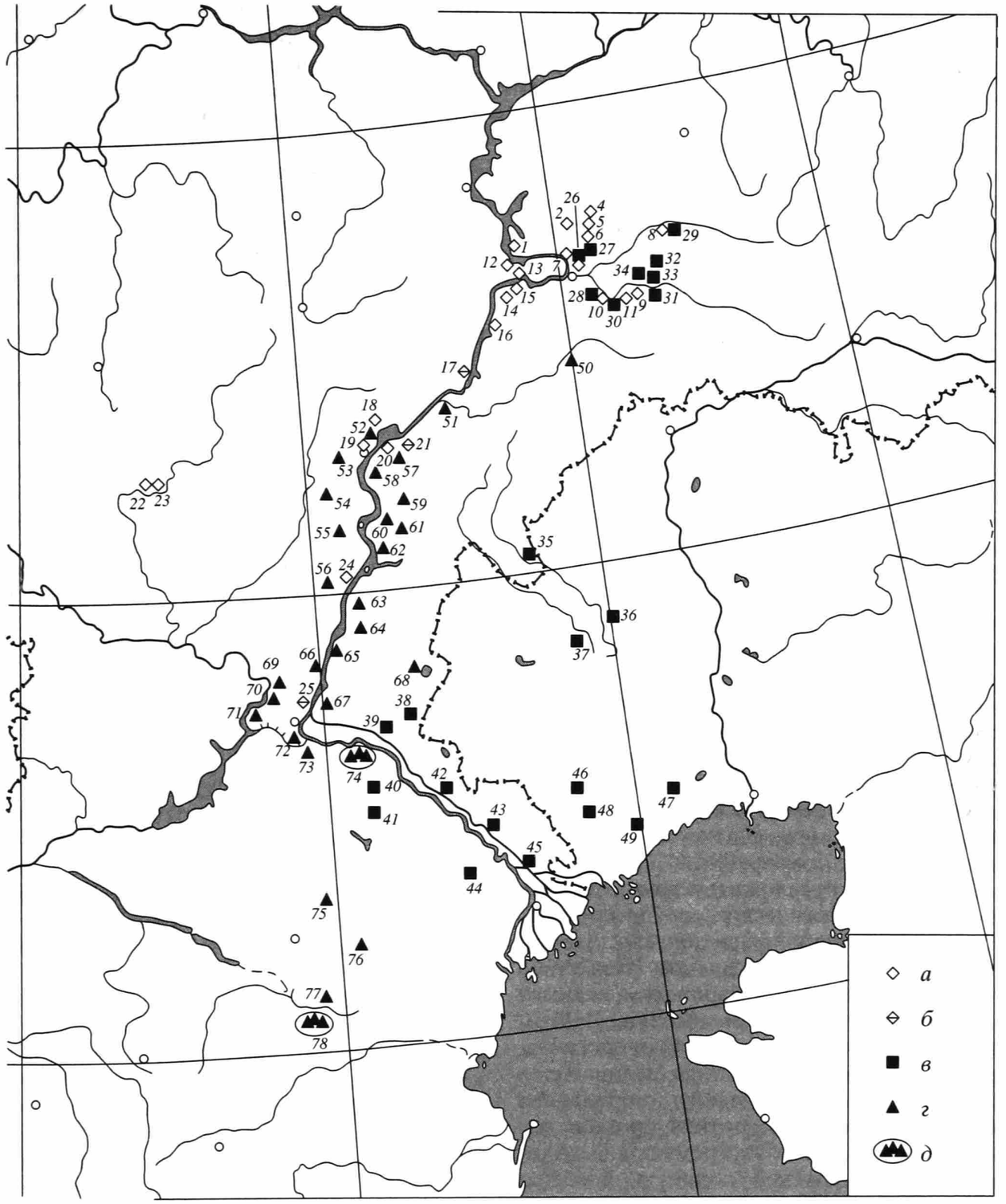

Рис. 2. Карта расположения памятников финала эпохи поздней бронзы – начала раннего железного века в степном Поволжье. *а* – хвалынские поселения; *б* – хвалынские поселения с нурской керамикой; *в* – нурские стоянки; *г* – предскифские погребения; *д* – группы могильников с предскифскими погребениями. *Хвалынские поселения*: *1* – Сусканское, *2* – Алмазовка I; *3* – Лебяжинка V; *4* – Новая Орлянка II; *5* – Григорьевка I; *6* – Русская Селитьба II; *7* – Красный Яр II; *8* – Осиновые Ямы; *9* – Максимовка II; *10* – Поплавское; *11* – Постников Овраг; *12* – Шигоны II; *13* – Муранка II; *14* – Яковка II; *15* – Яковка III; *16* – Екатериновка I; *17* – Ивановка; *18* – Танавское городище; *19* – Алексеевское городище; *20* – Смеловка I; *21* – Прапорский Бутор; *22* – Алмазово I; *23* – Алмазово II; *24* – Ураков Бугор; *25* – Ерзовка I. *Нурские стоянки*: *26* – Царевщина; *27* – Белозерское; *28* – Нур; *29* – Толкай; *30* – Максимовка; *31* – Виловатое; *32* – Захар-Калма; *33* – Немчанка; *34* – Коноваловка; *35* – Резвое; *36* – Новая Казанка; *37* – Сор-Айдын; *38* – Урда; *39* – Болхуны; *40* – Заханта; *41* – Сарна; *42* – Бачинские Дюны; *43* – Сероглазово; *44* – Комсомольское; *45* – Досанг; *46* – Исекей; *47* – Тюккей-Молла; *48* – Конур-Кудук; *49* – Сазды. *Предскифские погребения Поволжья*: *50* – Максютово-2–6; *51* – Бородаевка-7–3; *52* – Усть-Курдюм-1–2; *53* – Курдюм-1–6; *54* – Меркель; *55* – Норка; *56* – Барановка I-10–11; *57* – Советское-2–4; *58* – Узморье-1–6; *59* – Верхний Еруслан-2–4; *60* – Тарлыковка; *61* – Мирный-А1–2, 1–2, 8; *62* – Бережновский II-63–6, 94–1; *63* – Новая Молчановка-2; *64* – Могута-10–1; *65* – Ст. Разина-1–14, 15; *66* – Калиновка-22–1; *67* – Хохлачевский-2–2, *68* – Красная Деревня-7–5; *69* – Жирноклеевский-6–9; *70* – Мариновка-1–17, *71* – Ильевка-1–3; *72* – Химкомбинат А–1–1; *73* – Сарепта-3; *74* – Кривая Лука II-1–6, 7; V-5–9, VIII-2–12, IX-2–16, XXVIII-1–22, XXXIV-2–6, 5–9; *75* – Архара-19–2; *76* – Цаган-Усн VII-2–8; *77* – Восточный Маныч-2–8; *78* – Чограй III-8–3, 9–12, 10–5, IV-4–4, IX-14–1.

Обратимся теперь к восточной линии привязок.

Керамика донгальского типа по отношению к алексеево-саргаринской (рис. 1, III, IV), точно так же как и нурская по отношению к хвалынской (рис. 1, I, II), обладает значительным своеобразием. Более того, среди черт, отличающих их от посуды названных культур, есть такие, которые объединяют их между собой. Это присутствие в обоих случаях высокогорлых форм посуды, Г-образное оформление венчика, высоко расположенный рельефный валик, частое использование в декоре как самих сосудов, так и валиков, пальцевых и ногтевых вдавлений (ср. рис. 1, I, III) (Качалова, 1989. С. 42, 43; Ломан, 1987. С. 115–123. Рис. 1–6). И хотя объединение керамики нурского и донгальского типов в рамках одного культурного образования пока представляется преждевременным, все же морфологическая близость деталей делает весьма вероятной их полную или частичную синхронность. Важно и то, что памятники, содержавшие и ту, и другую посуду, находятся в схожих природно-климатических условиях.

Стратиграфическая ситуация на поселении Кент свидетельствует о более позднем времени появления на нем комплекса с донгальской посудой относительно алексеево-саргаринского (Варфоломеев, 1987). Очевидно, что такая посуда на поселении Кент появляется после того, как там исчезает население, оставившее алексеево-саргаринский слой. Однако помимо предложенной схемы, согласно которой донгальский тип наследует алексеево-саргаринскому комплексу, в целом (Варфоломеев, 1987. С. 66; Ломан, 1987. С. 128; Качалова, 1996. С. 54) можно предложить и другие варианты культурно-хронологических реконструкций. Первый: население, оставившее донгальскую керамику, сосуществует в Центральном Казахстане одновременно с алексеево-саргаринским, занимая порой оставленные последним поселки. В этом случае вряд ли существенным был хронологический разрыв между двумя слоями поселения Кент. Образование здесь делювиального стерильного слоя могло занять весьма короткий промежуток времени и сопровождаться экстремальной ситуацией, заставившей жителей покинуть поселок. Кроме того, использование поздним населением котлованов более ранних жилищ (Варфоломеев, 1987. С. 57) также свидетельствует о кратковременности перерыва в существовании поселения. Второй: в аридной зоне Центрального Казахстана алексеево-саргаринские памятники прекращают свое существование раньше, чем в других районах их распространения, и сменяются донгальскими. Последние синхронизируются с алексеево-саргаринскими других территорий, о чем свидетельствуют находки на поселении Донгал алексеев-саргаринской посуды (Ломан, 1987. С. 120. Рис. 7). Иначе говоря, ситуация с алексеево-саргаринскими и донгальскими поселенческими комплексами воспроизводит ситуацию с хвалынскими и нурскими памятниками: в обоих случаях на определенном этапе локализация ареалов распространения памятников различных типов приурочена к различным климатическим зонам степи.

Следует обратить внимание и на некоторые находки из содержавшего донгальскую керамику жилища 4 поселения Кент. Это, в первую очередь, полусферическая бляшка со шпеньком на обороте (Рис. 1, III, *16*) (Варфоломеев, 1987. С. 62. Рис. 6, 7). Мне неизвестны бляшки с таким креплением, выходящие за верхний предел поздней бронзы. Для примера можно назвать находки на поселениях Шортанды-Булак в Центральном Казахстане, где она происходит из содержавшего валиковую керамику жилища 21 (Маргулан, 1979. С. 213. Рис. 161, *4*), Чобручи белозерской культуры, в Молдавии (Агульников, Чеботаренко, 1990. С. 90. Рис. 1, *13*) и другие. Кроме того, из этого же жилища происходит амирабадский сосуд (рис.1, III, *9*) (Варфоломеев, 1987. С. 62. Рис. 4, *2*). Амирабадская культура целиком укладывается в эпоху поздней бронзы и синхронизируется М.А. Итиной с ивановской (хвалынской) (Итина, 1977. С. 165, 166) и в целом с культурами валиковой керамики (Итина, 1998. С. 87, 88).

В любом случае нельзя считать доказанным, что комплексы, содержащие керамику донгальского типа, лежат за пределами верхней хронологической границы алексеево-саргаринской культуры в целом. Эта граница вряд ли сильно отличается от финала белозерской культуры и синхронных ей культурных образований степной зоны Восточной Европы (Потемкина, 1985. С. 201). То же можно сказать и о памятниках Восточного Казахстана, объединенных С.С. Черниковым в трушниковский тип (Черников, 1960. С. 103), содержащих керамику, сходную с донгальской[1].

Нельзя не упомянуть и еще об одном аргументе в пользу предложенной Н.К. Качаловой датировки нурских памятников. А. Н. Дьяченко, основываясь на находке на поселении Ерзовка I, откуда происходит небольшая коллекция нурских черепков, бронзовой конусовидной трубки (Дьяченко, 1992. С. 121–125. Рис. 4, *4–15*), имеющей аналогии в раннеананьинских памятниках (Халиков, 1977. С. 57, 58. Рис. 23, *Г, 5, 6*; 24, *А, 5*), отнес керамику этого типа к периоду не ранее IX в. до н. э. (Дьяченко, 1992. С. 123–125). Однако поселение существовало достаточно длительное время, и его материал представляет различные хронологические пласты. Насколько можно судить по публикации, планиграфическая и стратиграфическая связь бронзовой

[1] Возможно, в степной зоне Казахстана хронологическую нишу начала раннего железа занимает поселение Кеноткель Х. М.К. Хабдулина объединяет его вместе с поселением Донгал в донгальско-кеноткельскую культуру (Хабдулина, 1994. С. 76), однако вместе с тем отмечает, что донгальская керамика обнаруживает большее сходство с посудой эпохи бронзы, нежели кеноткельская (Хабдулина, 1994. С. 67).

находки и нурских черепков отсутствует. Поэтому в данной ситуации присутствие в открытом комплексе, каковым является поселение Ерзовка I, нурской керамики и раннеананьинского украшения не может свидетельствовать об их синхронности.

Таким образом, предложенная аргументация в пользу сравнительно поздней датировки нурских памятников, верхняя граница которых, согласно принятой для Юга Восточной Европы хронологии, определяется VIII в. до н.э. (Качалова, 1989. С. 43, 44; 1996. С. 56; Дьяченко, 1992. С. 125), далеко не бесспорна. Вместе с тем можно привести доводы и в пользу удревнения стоянок нурского типа.

В первую очередь об этом, на наш взгляд, свидетельствуют находки на одних и тех же памятниках нурской и хвалынской керамики, зафиксированные как на нурских стоянках (Качалова, 1989. С. 44; 1996. С. 53–54), так и на хвалынских поселениях (Дьяченко, 1992. С. 119–125; Изотова, 1994. С. 69). Оснований выводить хвалынские памятники за пределы верхнего рубежа эпохи поздней бронзы европейской степи, определяемого верхней датой белозерской культуры – X в. до н.э., нет. Следовательно, и нурская керамика, найденная совместно с хвалынской, не может быть датирована более поздним периодом.

Нельзя обойти вниманием и находку верхней части оселка с желобком для подвешивания, происходящего с поселения Белозерка (Агапов, Васильев, 1976. С. 122. Рис. 18, *4*). Судя по публикации, это поселение содержало лишь нурскую посуду, поэтому достаточно высока вероятность того, что и оселок, и керамика связаны с одним культурным комплексом. Оселки с желобком в верхней части относительно редки, но встречаются на достаточно широкой территории и всегда связаны с одним хронологическим пластом – финалом поздней бронзы[2]. Ближайшая такая находка происходит из хвалынского погребения из кургана 15, могильника Быково I (Смирнов, 1960. С. 211. Рис. 15, *11*; Отрощенко, Шевченко, 1987. С. 141). Достаточно близкие оселку из Белозерки изделия происходят из курганного Брилевского могильника белозерской культуры (Евдокимов, 1999. С. 99. Рис. 2, *12*), поселения Безыменное II в Приазовье (горизонт V-б) (Горбов, 1995. С. 62. Рис. 1, *4*), поселения алексеево-саргаринской культуры Язево I (Потемкина, 1985. С. 70. Рис. 18, *6*). Желобком для подвешивания были снабжены и несколько отличные морфологически оселки из алексеево-саргаринских поселений Петровка II (Зданович, Коробкова, 1988. С. 66, 67. Рис. 3, *3*) и Усть-Нарым (Черников, 1960. С. 37. Табл. XXVII, *1*), а также поселений Дальверзин в Фергане (Заднепровский, 1962. С. 33. Табл. XXIX, *2*; XXX, *6*) и 9 в Кайрак-Кумах (Литвинский и др., 1962. С. 283. Табл. 116, *2*), и некоторые находки, происходящие с памятников кобяковской культуры (Шарафутдинова, 1980. С. 57. Табл. XXXII, *17–19*).

И, наконец, ареалы позднехвалынских и нурских поселений почти не совпадают (рис. 2), что делает малоубедительным тезис об их хронологической последовательности. Вполне вероятно, что эти культурные образования могли сосуществовать, занимая районы с отличными природно-географическими условиями. Этим были обусловлены различные схемы хозяйствования и, возможно, различия в материальной культуре. Так, хвалынское общество, очевидно, практиковало придомное или отгонное скотоводство на пойменных и прибрежных пастбищах. Это предполагало достаточно прочную оседлость населения, что подтверждается наличием ряда долговременных хвалынских поселений. С другой стороны, сам характер нурских памятников – кратковременных стоянок – указывает на значительную степень подвижности оставившего их населения. Находки хвалынской и нурской керамики на одних памятниках свидетельствуют о контактах этих двух групп населения. С одной стороны, эти группы наверняка осуществляли регулярный обмен, при котором глиняные сосуды поступали в нурскую среду либо как самостоятельный товар, либо в качестве тары. С другой стороны, попадание нурской посуды на хвалынские поселения можно объяснить тем, что кочевники или полукочевники аридной зоны в определенное время года могли, как это зафиксировано для некоторых общностей номадов от древности до нового времени (Таиров, 1989. С. 28, 29; Ларенок, 2000. С. 182–185; Першиц, 1961. С. 31, 32), подкочевывать к поселкам оседлого населения.

Предлагая датировать нурские памятники финалом поздней бронзы, нельзя не обратить внимание на следующее обстоятельство. Некоторые исследователи, так же как и автор, включают их в число памятников конца эпохи бронзы (Васильев, Матвеева, 1986. С. 101–103; История..., 2000. С. 259, 260; Мамонтов, 2000. С. 83). Однако при этом они рассматриваются как более поздние по сравнению с хвалынскими и одновременные так называемым "переходным" предсавроматским памятникам Волго-Донских степей, выделенным К.Ф. Смирновым (1964. С. 26–33). Последние, независимо от того, как интерпретировать их культурную принадлежность, уверенно синхронизируются с предскифскими погребениями Северного Причерноморья, относящимися уже к раннему железному веку. Очевидно, что завершающий этап финальной бронзы представлен свитой культур, таких как белозерская, кобяковская, позднехвалынская, алексеево-саргаринская, амирабадская, бегазы-дандыбаевская и другие. Очевидно так же,

[2] Еще один оселок – с просверленным отверстием для подвешивания – происходит из поселения Нур (рис. 1, I, *16*) (Агапов, Васильев, 1976. С. 122. Рис. 18, *5*). Изделия такого типа известны как в комплексах белозерского времени, так и в более поздних.

что эти культуры прекращают свое существование практически одновременно и их верхний хронологический рубеж, маркируемый финальной датой яркой, хорошо датированной белозерской культуры, совпадает с началом новой эпохи – эпохи раннего железного века. Исходя из всего изложенного выше, нурские памятники наряду с донгальскими должны быть синхронизированы с завершающими этапами хвалынской и алексеевосаргаринской культур и включены в упомянутый блок финальнобронзовых культур.

Завершая настоящую работу, необходимо отметить, что предложенные читателю идеи носят во многом гипотетический характер. Придерживаясь изложенных взглядов, автор отдает себе отчет, что они основываются на тех же малоинформативных в хронологическом отношении материалах, которые использовала и Н.К. Качалова. Поэтому целью настоящей работы является, во-первых, обнародование альтернативной гипотезы о хронологической позиции памятников нурского типа, а во-вторых, привлечение внимания к этой проблеме, де-факто считавшейся уже решенной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов С.А., Васильев И.Б. Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Куйбышев, 1976.

Агульников С.М., Чеботаренко Г.Ф. Поселение белозерской культуры Чобручи // Археологические исследования в Молдавии в 1985 году. Кишинев, 1990.

Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993.

Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986.

Горбов В.Н. К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II. СПб., 1995.

Дубовская О.Р. Локальные зоны черногоровской культуры (по материалам скорченных погребений) // РА. 1994. № 2.

Дьяченко А.Н. Поселение Ерзовка I и некоторые проблемы финальной бронзы Нижнего Поволжья // Археология восточно-европейской степи. Вып. 3. Саратов, 1992.

Евдокимов Г.Л. Некоторые итоги изучения материалов Брилевского могильника // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999.

Заднепровский Ю.А, Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. 1962. № 118.

Зданович С.Я., Коробкова Г.Ф. Новые данные о хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы (по данным трассологического изучения пос. Петровка II) // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988.

Изотова М.А. Поселение Ивановка и его место в системе памятников эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1994.

Изотова М.А. Особенности финала эпохи поздней бронзы степной и юга лесостепной зон Поволжья // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тысячеления до н.э.). М., 1977.

Итина М.А. К истории изучения бронзового века Южного Приаралья // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.

Качалова Н.К. О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья (к постановке проблемы) // СА. 1989. № 1.

Качалова Н.К. Нурские памятники в системе древностей степей Евразии конца бронзового – начала раннежелезного века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Матер. конф. Волгоград, 1996.

Ларенок П.А. Кочевники и торгово-экономические центры дельты р. Дон и Северо-Восточного Приазовья в эпоху железа и средние века // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Матер. конф. Саратов, 2000.

Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962.

Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987.

Мамонтов В.И. Древнее население левобережья Дона (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград, 2000.

Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979.

Отрощенко В.В., Шевченко Н.П. О восточной границе и восточных связях племен белозерской культуры // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987.

Першиц А.И. Хозяйственный и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX – первой трети XX века (историко-этнографические очерки). М. 1961.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.

Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. № 78.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Таиров А.И. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников Урало-Казахстанских степей в начале I тысячелетия до новой эры // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная струк-

тура и общественные отношения). Тез. докл. Ч. II. Кемерово, 1989.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VII вв. до н. э.). М., 1977.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88.

Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) // САИ. 1980. Вып. В1–11.

On The Relative Chronology of the Nur Type Sites

V. V. Potapov

Summary

The work is devoted to the chronological position of the sites of the Nur type. The sites were united into an independent group by N.K. Kachalova. The scholar included some burials into the group, established their connection with the arid zone of the Volga steppe, and their synchronism with the Chernogorovka associations in the North Pontic area dated to the 9th–8th cc. BC, and the complexes containing pottery of so-called Dongal type in East Kazakhstan. The chronology of Nur sites suggested by N.K. Kachalova may be questioned. It is not confirmed by the finds yielded by the camp sites, and it seems incorrect to unite the latter in the same group with the burials with well-established chronology. The pottery from the burials cannot be attributed to the Nur type vessels, the territories occupied by the dwelling sites and the burials do not overlap while mapped. The grounds to date the associations with the Dongal type pottery to this period are also insufficient. The author supposes that the Nur type sites are coeval with those of late Khvalynsk type dated back to the final Late Bronze Age. This is evidenced by the finds of pottery of the Nur type associated with the sherds of Khvalynsk vessels, as well as sharpening stone with a groove for suspension discovered at one of the Nur type camp sites and dated from that time. The lack of coincidence of the areas occupied by the Nur and Khvalynsk sites is an indirect proof of their synchronicity. Apparently, the Nur type camps should be attributed to the nomad or semi-nomad groups of population that had setted the arid zone, characteristic features of their life and economy determined cultural specifics of the discussed monuments.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 124–133

ПУБЛИКАЦИИ

ЗОЛОТЫЕ БЛЯШКИ ИЗ КУРГАНА ОГУЗ

© 2003 г. Е. Е. Фиалко

Институт археологии НАНУ, Киев

В материальной культуре скифов золотые нашивные бляшки являются наиболее представительной категорией украшений как по численности, так и по разнообразию типов, и представляют собой высокохудожественные образцы греко-варварской торевтики. Наборы этих украшений из разных могил отличаются не только количеством сюжетов и образов, манерой и мастерством их исполнения, но и сочетаемостью определенных групп пластинок. Сопоставление наборов аппликаций позволяет уточнить и хронологическую позицию памятников, в которых они найдены.

Настоящая статья посвящена введению в научный оборот комплекса золотых аппликативных украшений (рис. 1–3) из кургана Огуз – усыпальницы скифского царя, раскопанного близ гг. Нижние Серогозы Нижнесерогозского р-на Херсонской области (Болтрик, Фиалко, 1991; Фиалко, 1994). Золотые пластинки происходят из Северной могилы и Центрального погребального сооружения (ЦПС).

В рассматривании всего комплекса золотых бляшек возможен двоякий подход: 1) соотнесение различных типов аппликаций с определенными деталями костюма; 2) деление на группы по сюжетному признаку. Для полноты анализа, учитывая значительную разрушенность памятника и потому определенную долю условности реконструкции деталей комплекса, в данном случае целесообразно использовать оба подхода.

Золотые пластины–аппликации придавали парадному костюму особый колорит. Ими декорировали все его основные элементы – от головного убора до обуви. Скифология располагает серией работ, посвященных костюму и его реконструкциям, в которых в той или иной степени рассматривались составляющие золотого декора (Степанов, 1915. С. 15; Ростовцев, 1917. С. 69; Боровка, 1921. С. 169; Іллінська, 1971. С. 73; Манцевич, 1975. С. 1; Мирошина, 1980. С. 30; 1981. С. 46; Клочко, 1982а. С. 118; 1984. С. 57; 1992а. С. 26; 1992б). Следует отметить, что при украшении различных частей костюма существовали определенные закономерности размещения некоего набора сюжетных мотивов, практически не повторяющихся дважды.

Анализ употребления различных изобразительных элементов для декорирования определенных деталей костюма, а также использование реконструкций в качестве эталонов позволяет достаточно приблизительно, учитывая степень разрушенности огузских комплексов, очертить элементы костюма или зоны, с которыми можно было бы соотносить те или иные золотые аппликации.

Набор бляшек из Северной могилы позволяет предположить, что в состав костюма погребений входил головной убор (возможно, не один). Пластинки в виде пляшущих менад составляют две пары. Фигурки переданы в фас – поворот головы, складки одежды, положение корпуса и рук подчеркивают их легкость и движение. Первая пара фигурок, сохранившихся полностью, отличается меньшими размерами (3.3–3.6 см), некоторой небрежностью – детали переданы обобщенно, без проработки (каталог 14-б). К ним же, очевидно, относятся вырезанные по контуру тирсовые ветви, одна из них целая с шишкой наверху и две фрагментированы (кат. 14-в). Одна из фигурок второй пары сохранилась в двух фрагментах, от другой осталась лишь голова (кат. 14-а). Эти фигурки значительно больше предыдущих по размеру (5 см), совершенно иного – греческого – облика, выполнены с проработкой мельчайших деталей (на ногах даже переданы плетеные сандалии).

Вырезанные по контуру фигурки менад найдены в Деевом кургане (Спицын, 1906. С. 168), Большой Близнице (ОАК, 1866. С. 66), Гайдамановой (Бидзиля, 1971. С. 48) и Денисовой (Рябова, 1979. С. 49) Могилах, к. 8 у с. Песчаное на Харьковщине (Бессонова, 1993. С. 5). Кроме того, в боковом склепе Рыжановского кургана найдена золотая лента с изображением пар пляшущих менад (Бобринский, 1894. С. 138), оттиснутым тем же штампом, что и фигурки Деева кургана (Ростовцев, 1917. С. 69), а в Куль-Обе – пять прямоугольных бляшек с подобным изображением (Артамонов, 1966. Табл. 234). На основании пластин из Деева и Рыжановского курганов М.И. Ростовцев и П.К. Степанов предложили реконструкцию парадного женского головного убора. Образы менад и сатиров (кат. 13) – персонажей дионисийского круга получают широкое распространение в скифских памятниках IV в. до н.э. Изображения их известны не только в торевтике, но и в живописи, рельефах, мозаиках, терракотах, на геммах, что свидетельствует о популярности персонажей дионисийского-элевсинского круга на территории Северного Причерноморья.

Комплексы с менадами, как правило, довольно однотипны, в них входят бляшки в виде розеток, пальметок, масок, треугольников, пуговки и каплевидные подвески, иногда ленты. М.И. Рос-

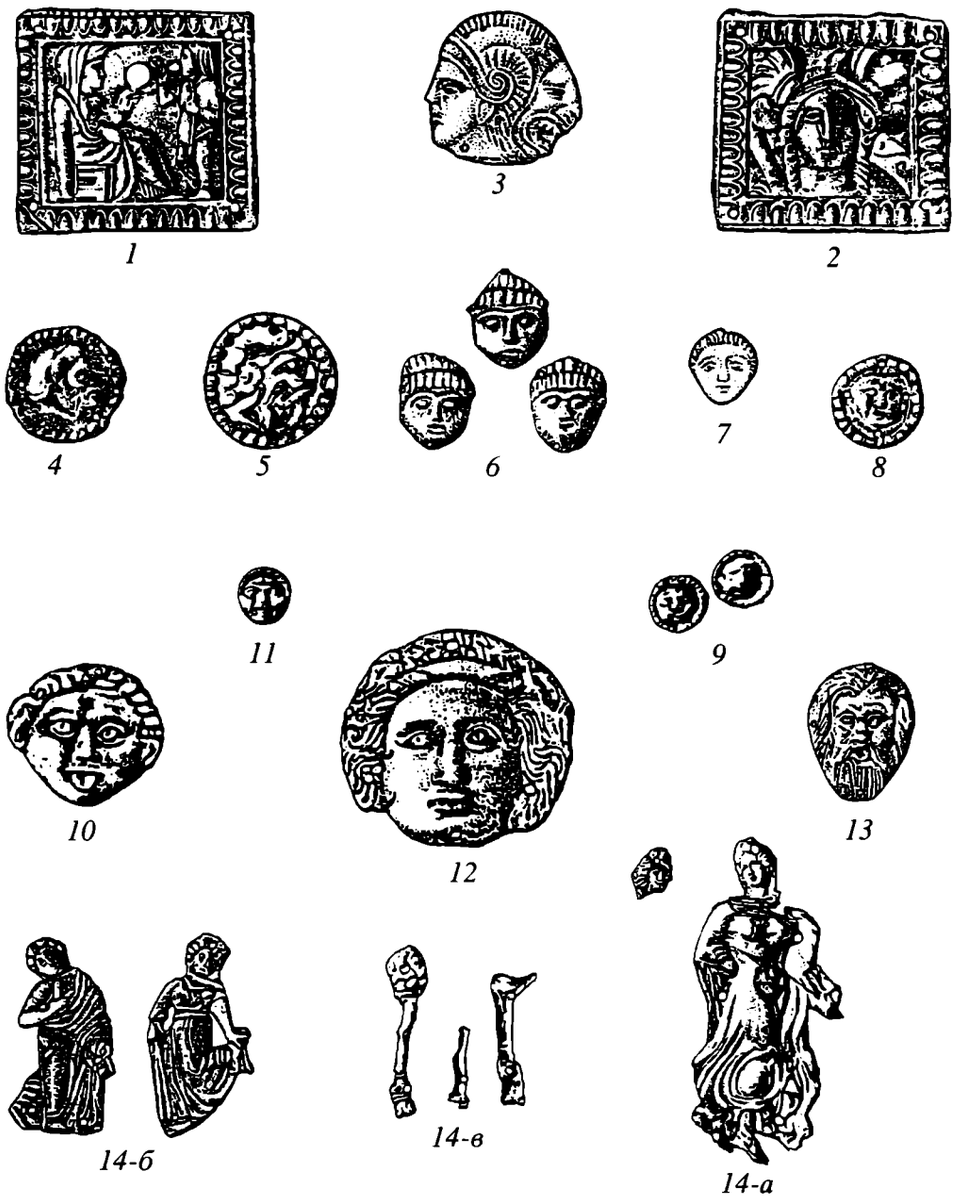

Рис. 1. Золотые бляшки с антропоморфными изображениями.

товцев, предположил, что маски, ленты и каплевидные подвески украшали калаф, а остальные бляшки могли служить украшением покрывала (Ростовцев, 1917. С. 79). Из перечисленных сопутствующих менадам украшений в Северной могиле обнаружены каплевидная подвеска, обрывок узкой золотой ленты с изображением шестилепестковой розетки, очень близкой изображению на метопиде из к. 21 у с. Каменка (Клочко, Гребенников, 1982. Рис. 8), большое количество треугольников и пуговок. Возможно, часть этих бляшек действительно украшала калаф или дополнявшее его покрывало.

Из Северной могилы происходят и две парные бляшки в виде вырезанных по контуру фигур грифонов, обращенных друг к другу (кат. 22). Ближайшей аналогией им являются бляшки из Гайматовой Могилы, отличные лишь в мелких деталях и степени их проработанности (огузский штамп более четкий). Изображения грифонов очень часто встречаются на рельефных лентах – они есть на уборах из Куль-Обы, Толстой Могилы, п. 1 к. 22 Красного Перекопа (Лэсков, 1974), Чертомлыка, к. 21 у с. Каменка, причем в двух последних случаях пластины ажурные; присутствуют они и на пластинах из Большой Близницы и Карагодеуашха. Образы грифонов наряду с пальметками являются излюбленными элементами украшений скифских уборов, они связаны с культом плодородия и отражают солярную символику (Клочко, 1982б. С. 45).

Три сложных ажурных розетки с четырьмя цветками лотоса (кат. 38) из этого же погребения находят аналогии в Александрополе, Рыжановке к. 1/4, где они украшали пояс (Петренко, 1967. С. 29. Табл. 19, *57*), Елизаветовском кургане (Шилов, 1962. С. 62. Рис. 8, *1*), Кальковой и Гайматовой Могилах. В последнем случае бляшки украшали среднюю часть калафа, чуть расширяющегося

Рис. 2. Золотые бляшки с зооморфными изображениями.

кверху, еще четыре горизонтальных ряда составляли чередующиеся цветы аканфа и пальметки (Клочко, 1982а. Рис. 2). Все составляющие этого убора присутствуют и в Северной могиле.

В связи с наборами бляшек из Северной могилы следует упомянуть еще два калафа – из п. 5 к 5. у с. Златополь (Бидзиля, 1973. С. 119), украшенный крупными розетками и пуговками, и п. 2 Казенной Могилы (Бидзиля, 1973). В состав украшений последнего входят прямоугольные бляшки с изображением зайца, морды кошачьего хищника и ряд других изображений, которых среди огузских бляшек нет. Интересно, что и эти, как и все украшающие калафы бляшки, сюжетно связаны с культом плодородия.

Кроме того, рельефные бляшки в виде личин, подобные огузским, украшали калаф из Татьяниной Могилы (Клочко и др., 1991. Рис. 3) и конусовидный убор из к. 3 у с. Богдановка (Клочко, 1986. Рис. 4). Следует упомянуть, что в ряде случаев вместо метопиды нижнюю часть головных уборов украшали орнаментальные полосы, набранные из обращенных друг к другу вершинами треугольников (как в третьем Богдановском и Бердянском курганах).

Все упомянутые в качестве аналогий уборы склоняют к мысли, что сюжетный набор бляшек из Северной могилы позволяет говорить о наличии здесь по меньшей мере двух головных уборов. Подтверждением этого является и то, что в набор декоративных элементов входит от одной до пяти разновидностей бляшек, и то, что в богатых скифских погребениях (Чертомлык, Толстая Могила, Бердянский курган, Гайманова Могила и др.) известны находки двух и более головных уборов.

Основные орнаментальные мотивы, составляющие декоративные композиции на головных уборах, делятся на три группы – зооморфные, антропоморфные и растительные. Все они подчинены единому содержанию – идее плодородия и защите от злых сил, т.е. являлись своего рода апотропеями. Практически все группы бляшек представлены в Северной Могиле.

Еще два вида бляшек с изображением паука (кат. 18) и пчелы (кат. 19) происходят из Северной и Центральной могил. Такая же круглая бляшка с пауком, возможно одного штампа, найдена в Александрополе, а бляшка с пчелой (мухой) – в Гаймановой Могиле. Наиболее интересны в этой связи ажурные ленты с изображением пар противостоящих паука и мухи, украшавшие головной убор из Мелитопольского кургана. Этот сюжет несколько необычен, но по сути является вариантом сцен противоборства животных, столь характерных для скифского звериного стиля.

Определенно к головному убору следует отнести обрывок ленты с характерным изображением закрученных спиралью побегов аканфа и рельефную головку оленя с одним рогом из Центрального погребения. Последнюю Н.А. Онайко определила как украшение головного убора, но ошибочно опубликовала как находку из малого Огуза (Онайко, 1970. С. 104). Аналогичная голова двурогого оленя с круглой подвеской найдена в Александрополе. Два подобных украшения, но с одним обломанным рогом, происходят из гробницы, раскопанной в 1849 г. в Аджи-Мушкае (Древности..., 1854. Рис. XXXII, *11*), одно хранится в Университетском музее в Пенсильвании (Филадельфия) (Фаркаш, 1992. С. 199). Еще одна такая же голова оленя венчала золотую булавку, присланную в 1851 г. в Эрмитаж графом Перовским (Древности..., 1854. Рис. XXIV, *7*). Стилистически близкое украшение золотой диадемы из Келермеса в форме протомы грифона подтверждает наше предположение относительно его принадлежности. Изображения оленей на золотых украшениях широко распространены в искусстве Северного Причерноморья. Мотив оленя – древнее воплощение солнечного божества и идеи плодородия, т.е. и этот образ семантичен однороден с остальными орнаментальными сюжетами украшений головных уборов из обеих могил.

Ряд бляшек, по аналогии с находками из других памятников, соотнести с украшениями накидок от головных уборов или больших покрывал-пологов – как в Бердянском кургане, где пурпурное покрывало (сохранившаяся часть его размерами 2 × 1.8 м) расшито крупными прямоуголь-

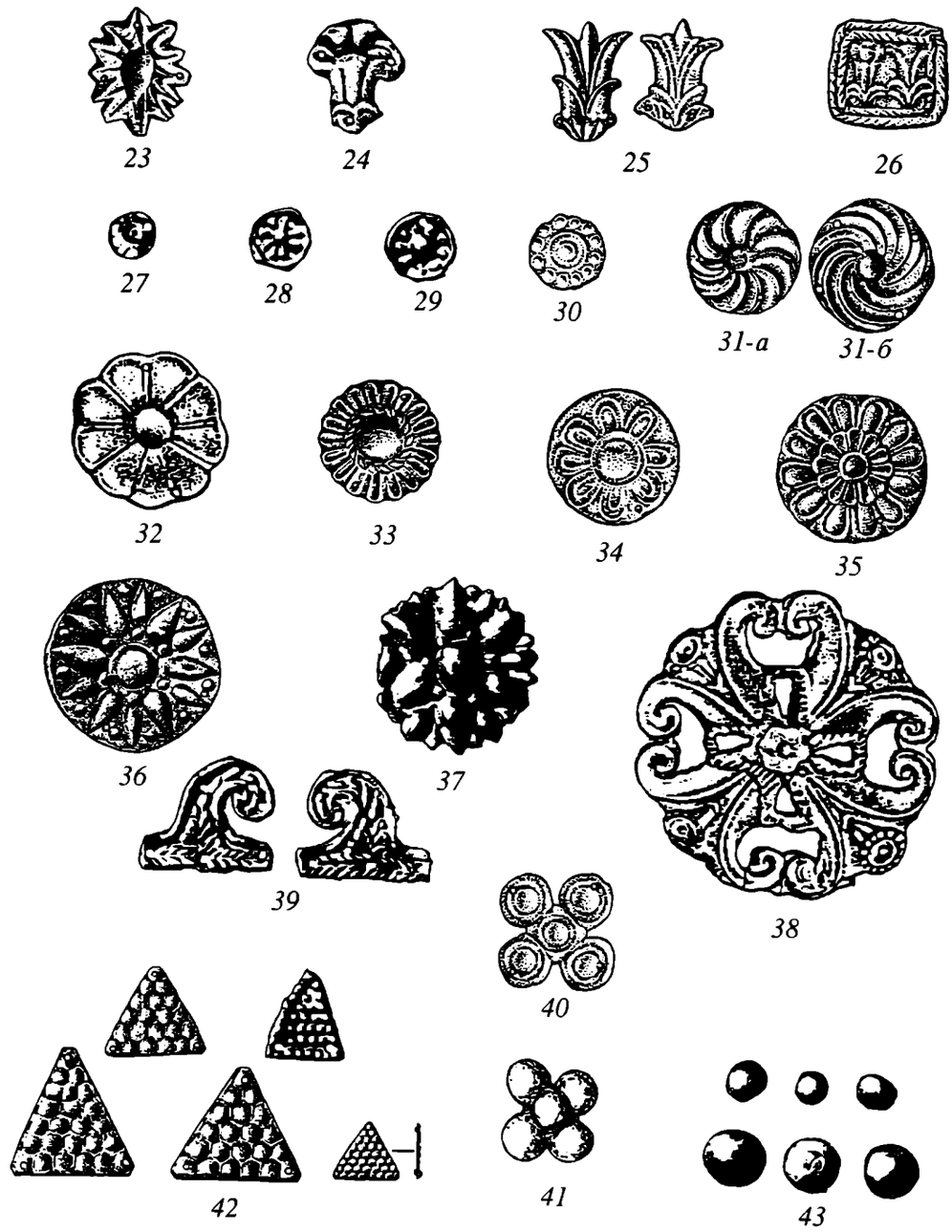

Рис. 3. Золотые бляшки с растительными изображениями (*23–39*) и геометрическими мотивами (*40–43*).

ными бляшками с изображениями крылатого грифона или льва. Это прежде всего бляшки с изображением Афины (кат. 2) и Великой Богини с предстоящим скифом (кат. 1). Прямых соответствий бляшкам с изображением Афины нет. В качестве сюжетных аналогий следует упомянуть круглые бляшки с изображением головы Афины в фас в гребенчатом шлеме из Афины в фас в гребенчатом шлеме из Александрополя, Первого Мордвиновского кургана, Большой Близницы; один из фаларов от конской узды из Александрополя; серию терракотовых с позолотой имитаций монет (Бессонова, 1975. С. 29, 30); широко известные золотые серьги из Куль-Обы, на которых голова Афины, повернутая в три четверти, украшена роскошным шлемом и окружена изображениями атрибутов богини – совы, змей и копья.

Определенную сюжетную связь с предыдущим типом имеют и две бляшки из Центральной могилы в виде профильного изображения Афины в львиноголовом шлеме (кат. 3). Аналогичные бляшки, составляющие большую серию, известны в Куль-Обе, Чертомлыке, Мелитопольском, Краснокутском, Красноперекопском курганах, Чмыревой Могиле, Козле, Верхнем Рогачике. Близкие образцы более раннего времени найдены во втором Семибратнем и Семнадцатом Нимфейском курганах.

Письменных данных о почитании Афины скифами нет. Но широкое распространение этого культа в античном мире, в том числе в Северном

Причерноморье, позволяет предполагать, что одно из женских божеств скифского пантеона под влиянием античной культуры ассоциировалось с образом Афины. Религиозным представлениям скифов соответствовали такие древние черты образа Афины, как воинственность и покровительство коневодству (Бессонова, 1975. С. 38). В качестве иллюстрации последнего предположения могут служить великолепные украшения конской узды из Александрополя и Бабиной Могилы с изображениями Афины.

Четырехугольные бляшки с изображением Богини с зеркалом и юноши с ритоном (кат. 1) принадлежат к той же серии, что и бляшки из Куль-Обы, Чертомлыка, Мелитопольского, Четвертого Носавского, Первого Мордвиновского курганов, Верхнего Рогачика, Тащенака. Сцена эта трактуется различным образом: как акт вручения божеством власти скифскому царю (Ростовцев, 1913. С. 6), обряд приобщения к божеству (Артамонов, 1961. С. 62; Бессонова, 1983. С. 107), символическое бракосочетание первого скифского царя с богиней (Раевский, 1977. С. 98). Кстати, близкие по сюжету, но отличные композиционно бляшки из Чертомлыка украшали покрывало головного убора.

Здесь, на наш взгляд, уместно упоминание уникального, более чем трехметровой длины покрывала из VI Семибратнего кургана (Герцигер, 1972. С. 98). Украшали его не золотые аппликации, а трехцветная роспись в подражание краснофигурным вазам. Рисунок располагался чередующимися полосами мифологических сцен, композициями с изображениями животных и птиц и растительных сюжетов, разграниченными узкими растительными фризами. Д.С. Герцигер предполагает, что наличие орнаментальных соответствий на предметах торевтики из северо-причерноморских мастерских позволяет говорить о местном происхождении этого интереснейшего памятника и датировать его началом IV в. до н.э. (Герцигер, 1972. С. 108). Возможно, его следует рассматривать как один из вариантов золотого декора покрывала. Не исключено, что покрывала из более поздних по времени скифских курганов расшивались несколькими типами золотых аппликаций, в том числе и с растительными сюжетами.

Определенных комбинаций сюжетов при орнаментации плечевой одежды проследить пока не удается. Хотя, по нашим наблюдениям, наиболее часто украшениями ее служат треугольные, крестовидные, бляшки-пуговки и различного рода небольшие розетки. Сюда же следует отнести и бляшки в виде волют (кат. 39) из Центральной могилы, по аналогии с такими же по форме нашивными украшениями из более позднего по времени комплекса каменной гробницы мавзолея Неаполя Скифского, где они крепились к поле кафтана.

Реконструкция кожаной обуви из погребения девочки в Вишневой Могиле (Прилипко, Болтрик, 1991. С. 18) позволила восстановить облик башмачков, декорированных золотыми аппликациями, из Мелитопольского кургана, Гайматовой и Толстой Могил (Клочко, 1992а. С. 30). При единообразии формы обуви декоративные элементы во всех трех случаях различны – они представлены соответственно бляшками в виде цветка арацеи, треугольника и креста из пяти окружностей; различно и их расположение на башмачке. Носки сапог погребенного из восьмого Пятибратнего кургана украшали золотые бляшки-пуговки (Шилов, 1961. С. 162). Четыре бляшки в виде цветка арацеи (кат. 23), подобные мелитопольским, найдены в Северной могиле Огуза, больше аналогов им нет. Возможно, этот тип бляшек и здесь связан с декором обуви. Крестообразные бляшки двух модификаций (кат. 40, 41) найдены в Центральной могиле, треугольные различные штампов (кат. 42) – в обеих могилах Огуза. Эти бляшки, по всей видимости были универсальными украшениями, так как зафиксированы среди декора головных уборов, кафтанов и обуви.

Если не принимать во внимание взаимовстречаемость бляшек с определенными деталями одежды, по принципу различия сюжетных изображений огузские экземпляры делятся на 43 типа, некоторые из которых представлены несколькими вариантами. Общее количество бляшек – 6086 целых экземпляров и фрагменты. Из ЦПС происходит 25 типов бляшек (455 экз.), из Северной могилы – 26 типов (5631 экз.). При этом в обоих погребальных комплексах совпадает восемь типов бляшек (кат. 12, 13, 18, 20, 25, 32, 42, 43). Тематически весь набор аппликаций условно делится на четыре группы: 1) антропоморфные изображения (кат. 1–14); 2) зооморфные (кат. 15–22); 3) растительные (кат. 23–39); 4) "геометрические" мотивы (кат. 40–43).

Соотношение групп бляшек по типам и количеству экземпляров следующее: с антропоморфными изображениями 14 типов – 119 экз., с зооморфными 8 типов – 155 экз., с растительными 17 – 166 экз. (из них розеток 12 типов – 142 экз.), с геометрическими – 4 типа – 5646 экз. Количественно преобладают бляшки четвертой группы, причем 4493 экз. составляют бляшки-пуговки.

Бляшки с геометрическими мотивами универсальны, они встречаются практически во всех памятниках, где есть золотые украшения, хронологический диапазон их достаточно широк. В первую очередь это касается треугольников, украшенных псевдозернью, характерных для всей скифской эпохи; подобно наконечникам стрел они являются как бы ее признаком. По количеству типов преобладают сюжетные изображения, но велико и число растительных орнаментов и различного рода розеток. Последние в большей степени характерны для погребений последних десятилетий IV в. до н.э. (Алексеев, 1986. С. 72). К наиболее позднему хронологическому пласту (последняя четверть IV в.

до н.э.) золотых аппликаций следует относить также вырезанные по контуру ажурные украшения типа кат. 37, 38, 23–25. Что касается ранних типов аппликаций – прямоугольной формы, заполненных орнаментом в зверином стиле, в Огузе их практически нет.

В целом хронологический диапазон комплекса нашивных украшений Огуза ограничен 340–300 гг. до н.э. К наиболее ранним экземплярам относятся бляшки монетного типа (кат. 4, 5), личины (кат. 6), небольшие маски Горгоны (кат. 10), прямоугольные с цветами аканфа и лотоса (кат. 26). Наиболее поздними в наборах являются несколько видов розеток (кат. 37, 30, 36), личины (кат. 7) и пауки (кат. 18). Такая широкая дата набора аппликаций объясняется долговременностью выпуска серий определенных типов украшений, может быть, как дань моде или какой-то традиции.

По технике исполнения украшения очень неоднородны. Некоторые из них выполнены достаточно небрежно, изображения их схематичны, без проработки деталей. Другие же, напротив, отличаются большой технологической сложностью и тщательностью проработки всех деталей. К ним относятся изображения танцующих менад (кат. 14-а), букрания (кат. 16), прямоугольная бляшка с изображением головы Афины (кат. 2). Последняя, кстати, не имеет полных соответствий, но по манере исполнения очень близка бляшками с изображениями Коры и Диметры из Большей Близницы (Ростовцев, 1913). Каждая из этих бляшек – оригинальный образец древнегреческой торевтики. Несомненно, одни украшения изготовлены греческими торевтами, другие – местными мастерами, но уверенно выделить собственно скифские изделия не всегда возможно. При этом, судя по оформлению некоторых деталей, создается впечатление, что бляшки различных типов сделаны если не одним мастером, то во всяком случае в одной мастерской. Так, например, к работе "одного мастера" можно отнести крайне близкие по оформлению бортика прямоугольные бляшки с изображением Богини и предстоящего скифа (кат. 1), головы Афины (кат. 2) и фигурки зайца (кат. 17). Еще одну серию составляют, вероятно, прямоугольные бляшки с изображением мухи (кат. 19), лотоса и пальметки (кат. 26) и бляшки в виде волют (кат. 39). Из наблюдений над чертомлыцкими материалами как будто следует, что скифские бляшки чаще штамповались из низкопробного (292°) золота, тогда как греческие экземпляры – из высокопробного (958°) (Алексеев, 1986. С. 72). На Огузе это наблюдение не срабатывает – основная масса изделий изготовлена из металла высокой пробы, но нередко явно вышедшие из одной мастерской вещи значительно разнятся по его качеству (кат. 20 – 375°, 500°; кат. 4 – 583°, 750°). К такому же выводу мы пришли и при рассмотрении набора золотых аппликаций из Бердянского кургана.

Анализ семантики изображений на бляшках из кургана Огуз показывает, что набор сюжетов в них не был случайным. Напротив, они теснейшим образом связаны либо с мифологией и верованиями скифов, либо с традициями греческого искусства, адаптированными к вкусам заказчиков.

Наблюдения над материалами из различных скифских курганов свидетельствуют, что чем выше статус погребенного, тем разнообразнее ассортимент бляшек. Разрушенность большинства комплексов не позволяет уловить определенные закономерности их комбинаций, но можно отметить следующее: мелкие бляшки с изображением человеческого лица в фас и профиль (возможно, это варианты изображений соответственно Медузы и Геракла) присутствуют в курганах знати всех уровней. Но есть категории бляшек, которые присутствуют лишь в могилах царей или их ближайших родственников. Так, например, бляшки с изображением лица юного Диониса в фас в плющевом венке (кат. 53, 232) присутствуют лишь в Чертомлыке, Александрополе, Куль-Обе. Это обстоятельство указывает на достаточно строгую регламентацию в использовании определенных типов. В то же время бляшки с изображением Великой Богини с зеркалом и предстоящим скифом (кат. 224) "опускаются" с уровня царских курганов до уровня курганов типа Носаки и Тащенак.

Наличие в Центральной и Северной могилах бляшек, выполненных по одному штампу и с близкими сюжетными изображениями, свидетельствуют о значительном сходстве наборов и их одновременности.

Наиболее близки огузскому набору аппликаций комплексы таких погребений, как Александропольский и Мелитопольский курганы, Чертомлык, Куль-Оба, Татьянина и Гайманова Могилы.

КАТАЛОГ[1]

I. АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ
(Рис. 1)

1. *Бляшки прямоугольные с изображением Великой богини и предстоящим юношей с ритоном* (3 экз.) Золото, 583°, 750°. Размеры – 3.7–3.9 × × 3.4–3.5 см. Северная могила, № З–368–370. По краю бляшки сложный рельефный бортик, с отверстиями по углам. Выделяется два штампа: а) с четкой проработкой деталей; размеры 3.7 × 3.5 см; б) более сглаженные детали слабо проработаны, центральная часть более углубленная; размеры 3.8 × 3.5 и 3.9 × 3.4 см. Аналогии: Куль-Оба; Чертомлык; Мелитопольский курган; Носаки, к. 4; Верхний Рогачик, I Мордвиновский курган; Тащенак.

[1] Номер каталога соответствует номеру на рисунках.

2. *Бляшка прямоугольная с изображением головы Афины* (1 экз.) Золото, 583°. Размеры 3.7 × × 3.4 см, высота 0.5 см. Северная могила, № 3–362. По краю бляшки сложный рельефный бортик, с отверстиями по углам.

3. Бляшки в виде головы Афины (2 экз.) Золото. Диаметр 2.4 см. ЦПС, № Дн 1894 1/5. Профильное изображение головы Афины, повернутой влево, в львиноголовом шлеме; по краю четыре-пять отверстий. Аналогии: Куль-Оба; Чертомлык; Мелитопольский курган; Краснoперекопский курган, Верхний Рогачик.

4. *Бляшка круглая с изображением мужской головы вправо* (24 экз.) Золото, 583°, 750°. Диаметр 1.7 см. Северная могила, № 3–375–395. По краю рельефный бортик с псевдозернью и тремя отверстиями. Выделяется восемь штампов: а) пожилой мужчина с острым длинным носом, борода клином; рисунок не очень четкий – 5 экз. (типа кат. 5); б) лицо молодое с более четкими чертами, волосы короче и более волнистые – 2 экз; в) очень четкий штамп – лицо с кудрявой бородой и волосами, шея ограничена прямоугольником – 1 экз; г) остальные пять штампов – по 3 бляшки с некоторыми оригинальными мелкими деталями – 15 экз. 1 фрагментированная бляшка – штамп не определяется. Аналогии: Чертомлык; Александрополь; Толстая Могила; Деев курган; I Мордвиновский курган; Н. Николаевка, к. 11; Каменская Близница.

5. *Бляшка круглая с изображением мужской головы вправо* (1 экз.) Золото. Диаметр 1.7 см. ЦПС, № Дн 1902 1/148. По краю рельефный бортик с насечками и три отверстия. Аналогии: Чертомлык; Мелитопольский курган; Деев курган; I Мордвиновский курган; Тащенак; Татьянина Могила.

6. *Бляшки-маски в форме человеческого лица* (26 экз.) Золото, 500°, 583°. Размеры 1.1–1.3 × × 0.8–1.1 см. Северная могила, № 3–1067–1092. Обрезаны по контуру, с четырьмя отверстиями. Выделяется три штампа: а) форма эллиповидная, штамп очень четкий, отличны по цвету металла (более темные), размеры 1.2–1.3 × 1 см – 10 экз; б) округлые, штамп нечеткий – черты лица смазаны, рот едва отличен, размеры 1.1–1.2 × 1.1–1 см – 7 экз; в) несколько вытянуты, чуть отличны от предыдущих, но с более четкими чертами лица, размеры 1.1 × 0.8–0.9 см – 9 экз. Аналогии: Татьянина Могила.

7. *Бляшки круглые с изображением человеческого лица в фас* (2 экз.) Золото. Длина 1.1 см, ширина 1 см. ЦПС, № Дн 1894 1/7. По краю два отверстия. Аналогии: Каменская Близница; Бабина Могила.

8. *Бляшки круглые с изображением головы Медузы Горгоны* (29 экз.) Золото, 958°. Диаметр 1.2 см. Северная могила, № 3–433–461. По краю рельефный бортик псевдозерни и 4 отверстия. Большая часть бляшек расплющена и помята. Аналогии: Чертомлык; Александрополь.

9. *Маски Медузы Горгоны* (3 экз.) Золото. Диаметр 1 см. ЦПС, № Дн 1902 1/169. Круглые, по краю бортик с насечками и два отверстия. Мелитопольский курган; Деев курган; I Мордвиновский курган; Н. Николаевка, к. 11; Краснoперекопский курган; Татьянина Могила; Бабина Могила.

10. *Бляшки в виде головы Медузы Горгоны* (4 экз.) Золото, 900°. Размеры 2.3 × 2.6 см. Северная могила, № 3–425–428. Вырезаны по контуру. Аналогии: Куль-Оба; Мелитопольский курган.

11. *Маска Медузы Горгоны*. Золото. Размеры 0.9 × 0.8 см. ЦПС, № Дн 1902 1/168. С обратной стороны припаяна гладкая пластина с двумя петельками. Аналогии: Чертомлык; Александрополь.

12. *Бляшки в виде головы Диониса* (?) (3 экз.) Золото, 583°, 750°. Размеры 3.6 × 3.8–3.9 см. Северная могила, № 3–429–430 – 2 экз. Вырезаны по контуру, по краю четыре отверстия. Сделаны по одной матрице с фаларами. Диаметр 3.8 см. ЦПС, № Дн 1902 1/147 – 1 экз. Аналогии: Куль-Оба; Чертомлык; Александрополь.

13. *Бляшки в виде головы Сатира* (16 экз.) Золото, 750°, 900°. Размеры 1.6–1.8 × 1.3–1.35 см, высота 0.5 см. Северная могила, № 3–1037–1049 – 13 экз. Размеры 1.7–1.8 × 1.3–1.4 см. ЦПС, № Дн 1894 1/6 – 3 экз. По краю четыре отверстия. Шесть бляшек в хорошем состоянии, остальные в различной степени помяты. Аналогии: Куль-Оба.

14. *Бляшки в виде фигуры Менады* (3 экз. и 4 фрагмента). Золото, 750°. Северная могила № 3–365–367.

а – 1 целая и фрагмент: 1) размеры – 5 × 2.2 см. Вырезана по контуру в виде большой фигурки танцующей Менады. Проработаны мельчайшие детали. По краю четыре отверстия. Сохранилась в двух фрагментах; 2) от второй бляшки сохранилась лишь голова, размеры 0.9 × 0.7 см; вверху отверстие для нашивания.

б – 2 экз. Вырезана по контуру, детали не проработаны. По краю четыре отверстия. 1) размеры 3.6 × 1.9 см. В виде фигурки танцующей Менады; 2) размеры 3.3 × 1.6 см. В виде стоящей Менады.

в – 3 экз. Длина 2.4 см. Вырезаны по контуру в виде тирсовой ветви с двумя отверстиями для нашивания. Одна целая, две фрагментированы. Служили дополнением к бляшкам-фигуркам Менад. Аналогии: Деев курган, Большая Близница Гайманова Могила, Денисова Могила, к. 8 у с. Песчаное, Куль-Оба; Рыжановский курган.

II. ЗООМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ (рис. 2)

15. *Бляшки круглые с маской льва* (17 экз.) Золото, 750°. Диаметр 1.8 см. Северная могила, № 3–1020–1036. Выполнена в высоком рельефе.

По краю двойной бортик из крупных выпуклых точек и четыре отверстия для нашивания. Выделяется два штампа – 7 экз. расплющены.

16. *Бляшки в виде головы букрания* (2 экз.) Золото, 958°. Размеры 3 × 2 см. Северная могила, № З–431–432. Вырезана по контуру, выполнена в невысоком рельефе; с четырьмя отверстиями для нашивания. 1 экз. – целый, второй – в шести фрагментах.

17. *Бляшки прямоугольные с изображением зайца* (17 экз. и 7 фрагментов). Золото, 583°, 750°. Размеры 2.3 × 1.8 см. Северная могила, № З–408–424. По краю рельефный бортик с двойными насечками, у четырех бляшек отверстия по углам центральной утопленной части, у остальных – по углам бляшки. Аналогии: Куль-Оба; Чертомлык; Гайманова Могила; Гюновка; Шульговка; Носаки, к. 4.

18. *Бляшки круглые с изображением паука* (9 экз.) Золото, 500°. Диаметр 1.8–1.9 см. Северная могила, № З–400–407 – 8 экз. По краю рельефный бортик псевдозерни и 4 отверстия нашивания, у одной – два отверстия. Одна бляшка в двух фрагментах. ЦПС, № Дн 1902 1/149 – 1 экз. Диаметр 1.9 см. По краю рельефный бортик с насечками, на обратной стороне припаяно четыре петельки. Аналогии: Александрополь; Мелитопольский курган.

19. *Бляшка прямоугольная с изображением мухи*. Золото. Размеры 2 × 2.3 см. ЦПС, № Дн 1894 1/34. По краю рельефный бортик с насечками. На обороте припаяно шесть золотых петелек. Повреждена. Аналогии: Мелитопольский курган; Гайманова Могила.

20 *Бляшки прямоугольные с изображением грифонов* (107 экз. и 4 фрагмента). Золото, 375°, 500°, 583°. По краю рифленый бортик и четыре отверстия для нашивания Северная могила, № З–466–571 – 106 экз. и четыре фрагмента. Размеры 1.15–1.2 × 0.85–0.9 см. Двух видов: а) орлиноголовый грифон вправо – сидит на задних лапах, крыло раскрыто, хвост поднят. Три штампа – 58 экз. и четыре фрагмента; одна бляшка сохранилась в двух фрагментах; б) львиноголовый грифон влево – сидит на лапах, с раскрытым поднятым крылом и поднятым хвостом с кисточкой. Не менее трех штампов – 48 экз. ЦПС, № Дн 1902 1/167 – 1 экз. Размеры 1.3 × 1 см. С изображением грифона влево. Аналогии: Александрополь; Чертомлык; Курджип.

21. *Бляшка в виде птицы*. Золото. Размеры 2.1 × 2.2 см. ЦПС, № Дн 1902 1/151. Вырезана по контуру. Аналогии: Александрополь; Желтокаменка; Бабина Могила; Носаки.

22. *Бляшки в виде фигуры грифона* (2 экз. и 2 фрагмента). Золото, 500°. Длина 4.6–4.7 см. Северная могила, № З–363–364. Вырезаны по контуру. По краям дырочки для нашивания. Обе бляшки фрагментированы. Два штампа: а) грифон, идущий вправо – с головой минотавра и телом льва. Размеры 4.7 × 3 см. Сохранилась в трех фрагментах, б) грифон, идущий влево – с головой кошачьего хищника и телом льва. Размеры 4.6 × 3 см. Сохранилась в четырех фрагментах. Аналогии: Александрополь; Гайманова Могила.

III РАСТИТЕЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ (рис. 3)

23. *Бляшки в виде цветка арацеи* (4 экз.) Золото, 375°, 500°. Размеры 1.9–2.1 × 1.6–1.8 см. Северная могила, № З–396–399. Грубо вырезанные по контуру. По краю четыре отверстия для нашивания. Аналогии: Мелитопольский курган.

24. *Бляшки в виде цветка лотоса* (2 экз.) Золото, 500°. Размеры 1.9 × 1.2 см. Северная могила, № З–371–372. Вырезаны по контуру. По краю три отверстия для нашивания Аналогии: Александрополь; Гайманова Могила; Татьянина Могила.

25. *Бляшки в виде пальметки* (14 экз.) Золото, 750°, 900°. Вырезаны по контуру. Два штампа а) северная могила, № З–1050–1062 – 13 экз. Размеры 1.9–2 × 1.3–1.4 см. По краю четыре отверстия; б) ЦПС, № 1894 1/22 – 1 экз. Размеры 1.7 × 1.3 см. По краю пять отверстий. Аналогии: Чертомлык; Александрополь; Татьянина Могила; Гайманова Могила; Тащенак; Шульговка; Бабина Могила.

26. *Бляшки прямоугольные с цветками арацеи и пальметкой* (2 экз.) Золото. Размеры 1.9 × 1.6 см. ЦПС, № Дн 1894 1/32. По краю двойной рельефный бортик с косыми несечками и четыре отверстия. Аналогии: Чертомлык; Мелитопольский курган; Толстая Могила; Вишневая Могила.

27. *Розетки* (5 экз.) Золото. Диаметр 0.8 см. ЦПС, № 1902 1/170. Круглая, шестилепестковая, с выпуклой серединой, по краю три отверстия. Аналогии: Чертомлык; Мелитопольский курган.

28. *Розетка*. Золото. Диаметр 1 см. ЦПС, № Дн 1902 1/171. Круглая, восьмилепестковая с рельефным бортиком и тремя отверстиями по краю. Аналогии: Чертомлык; Деев курган; Толстая Могила; Каменская Близница.

29. *Розетка*. Золото. Диаметр 1.1 см. ЦПС, № Дн 1902 1/172. Круглая, с гладкой выпуклой серединой и девятью рельефными точками вокруг нее, по краю бортик и два отверстия. Аналогии: Чертомлык; Кара-Тюбе.

30. *Розетка* (1 экз.) Золото. Диаметр 1.3 см. ЦПС, № Дн 1894 1/27. Круглая, по краю два отверстия. Аналогии: Рыжановка; Тащенак.

31. *Розетки спиралевидные* (12 экз.) Золото, 500°, 520, 540, 600. Северная могила, № АЗС–3468–3469. Два штампа: а) 8 экз. – диаметр 1.8 см. В центре выпуклый уплощенный выступ (диаметр 0.25–0.3 см), от которого по спирали вправо закручены 11 "лучей", утолщенных в средней части. По краю три отверстия; б) 4 экз. – диаметр 2.1 см. В центре полусферический выступ (диаметр 0.4 см),

от которого по спирали влево отходит 11 рельефных "лучей". По краю четыре отверстия. Аналогии: I Мордвиновский курган; Курждип; Носаки; Кара-Тюбе.

32. *Розетки девятилепестковые* (98 экз. и 13 фрагментов) Золото, 600°, 750°. Диаметр 2.8–2.9 см. Вырезаны по контуру лепестков, по краю 4–5 дырочек для нашивания. Сделаны по одной матрице с бляхами от конской узды. Северная могила, № АЗС–3470–97 экз. и 13 фрагментов. 15 бляшек повреждены, одна в двух фрагментах, у трех обломаны края. ЦПС, № Дн 1902 1/185 – 1 экз. Фрагментирован. Аналогии: Куль-Оба, Чертомлык, Александрополь; Большая Близница; Гайманова Могила; Татьянина Могила; Гюновка; Чмырева Могила; Соболева могила.

33. *Розетки восемнадцатилепестковые* (5 экз.) Золото, 560°. Диаметр 2 см. Северная могила, № АЗС–3467. Округлая бляшка с четырьмя отверстиями для нашивания.

34. *Бляшки круглые* (8 экз. и обломки). Золото. Диаметр 0.8–2.1 см. ЦПС, № Дн 1894 1/28–31. В виде розеток: а) восьмилепестковая, диаметр 2.1 см – 1 экз; б) шестилепестковые, диаметр 0.8 см – 5 экз.; в) лепестки в виде псевдозерни, диаметр 1.2 см – 2 экз; по краю два-три отверстия. Аналогии: Александрополь; Мелитопольский курган; I Мордвиновский курган; Каменская Близница.

35. *Розетки двенадцатилепестковые* (3 экз.) Золото, 750°. Диаметр 2.5 см. Северная могила, № АЗС–3466. В виде двойной розетки, по краю – четыре (у одной три) отверстия. Одна бляшка деформирована. Аналогии: Мелитопольский курган.

36. *Розетки двенадцатилепестковые* (3 экз.) Золото, 600°. Диаметр 2.8–2.9 см. Северная могила, № АЗС–3465. Круглые бляшки с каплевидными лепестками. По краю четыре отверстия. Два штампа. Одна бляшка повреждена. Аналогии: Александрополь; Татьянина могила; Бабина Могила.

37. *Розетки* (2 экз.) Золото. Диаметр 2.8 см. ЦПС, № Дн. 1902 1/150. С зубчатым краем, шестилепестковая. У одной четыре отверстия, у другой – шесть отверстий по краю. Аналогии: Александрополь.

38. *Розетки ажурные* (3 экз.) Золото, 583°. Диаметр 5.4–5.6 см. Северная могила, № З–463–465. Вырезаны по контуру. Рисунок образован четырьмя цветками лотоса, расположенными крестообразно, и маленькой шестилепестковой пальметкой в центре. Одна бляшка повреждена. Аналогии: Александрополь; Рыжановка; Гайманова Могила; Большая Близница; Елизаветовский курган.

39. *Бляшки в виде волюты* (2 экз.) Золото. Размеры 1.9 × 2.2 см, 1.8 × 2.1 см. ЦПС, № Дн 1902 1/155–156. Два симметричных звена бегущей волны (одно вправо, второе влево) с рельефным орнаментом в виде пальмет, с рельефным бортиком по краю и пятью отверстиями. Аналогии: Вишневая Могила.

IV. ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ МОТИВЫ (Рис. 3)

40. *Бляшки крестовидные* (3 экз.) Золото. ЦПС. В виде крестообразно соединенных кружков с рельефным бортиком по краю и полусферическим выступом в центре каждого кружка, с четырьмя отверстиями: а) № Дн 1902 1/153 – 1 экз. Размеры 1.8 × × 1.8 см; б) № Дн 1894 1/23 – 2 экз. (по Н.И. Веселовскому – 3 экз.) Размеры 1.3 × 1.3; 1.9 × 1.9 см. Аналогии: Чертомлык, Александрополь; Деев курган; Толстая Могила; Солоха; I Мордвиновский курган; Башмачка; Красноперекопский курган; Желтокаменка; Татьянина Могила; Бабина Могила.

41. *Бляшки крестовидные* (2 экз.) Золото. Насыпь – 1 экз.Размеры 2.5 × 2.5 см. С четырьмя отверстиями для нашивания. ЦПС, № Дн 1902 1/154 – 1 экз. (по В.Н. Роту найдено две бляшки). Размеры 1.8 × 1.8 см. На обратной стороне припаяно четыре проволочных петельки.

42. *Бляшки треугольные* (1282 экз.) Золото, 375°, 500°, 583°, 750°, 900°, 958°. Вырезаны по контуру, украшены орнаментом из псевдозерни. ЦПС, № Дн 1894 1/20–21 – 9 экз. В углах отверстия. Два варианта. Размеры 2.9 × 1.3 см; 1.4 × 1.3 см.; № Дн 1902 1/159–166 – 16 экз. Несколько вариантов: а) размеры 2–2.1 × 2.2–2 см, по углам отверстия, на обороте припаяно по три проволочных петли – 4 экз.; б) аналогичная, размеры 1.8 × 1.9 см – 1 экз.; в) аналогичные с тремя отверстиями, размеры 1.3 × 1.2–1.1 см. – 4 экз.; г) размеры 1.3 × × 1.2–1.1 см – 4 экз.; г) размеры 1.5 × 1.6 см, с отверстиями – 1 экз; д) размеры 1.3 × 1.5 см, с отверстиями – 5 экз.; е) размеры 0.8 × 0.9 см, с петельками – 1 экз. Северная могила, № АЗС – 3453, 3454; 3456–3464, 3541–3542, 3544; 4535–1257 экз. Несколько вариантов: а) равнобедренные, с тремя отверстиями; 2 штампа, размеры 2 × 2.2–2.4 см – 425 экз.; б) равнобедренные, грубо обрезанные по краю, размеры 1.5 × 1.7 см, 1.9 × 2 см, 2 × 2.1 см – 74 экз.; в) равнобедренные, размеры 1.8 × 2; 1.9 × × 2.1 см – 27 экз.; г) равносторонние, размеры 1.6 × 1.6 см – 56 экз. и 1 фрагмент; д) равнобедренные, размеры 1.3–1.4 × 1.5–1.6 см – 141 экз.; е) равнобедренные, 2 штампа; размеры 1.1–1.2 × × 1.3 см – 78 экз.; ж) равносторонние, размеры 1.2 × 1.2 см. – 15 экз.; з) равносторонние, размеры 1.1–1.2 × 1.1–1.2 см – 47 экз.; и) мелкие, равносторонние, с обратной стороны припаяно по три петельки для нашивания; у 41 экз. еще по одной петельке с наружной стороны, возможно, к ним крепились подвески, размеры 1.05 × 1.05 см – 394 экз. Аналогии: Куль-Оба; Чертомлык, Александрополь; Мелитопольский курган; Верхний Рогачик; I Мордовиновский курган; Красноперекопский курган; Бабина Могила и др.

43. *Бляшки-пуговки* (4358 экз.) Золото, 375°, 500°, 583°, 750°, 958°. Диаметр 0.1–1.1 см. Гладкие, полусферической формы, с проволочной петелькой на обороте. Насыпь – 5 экз. Диаметр 0.4–0.9 см.

ЦПС, № Дн 1894 1/35 – 1 экз. Диаметр 0.1 см.; № Дн 1894 1/13–16.26 – 72 экз. Диаметр 0.4–0.9 см.; № Дн 1902 1/176 – 15 экз. (по В.Н. Роту 12 экз.). Диаметр 0.25–0.4 см.; № Дн 1902 1/157, 177–180 – 290 экз. и три обломка. По размерам несколько вариантов: а) диаметр 1–1.1 см – 21 экз.; б) 0.9 см – 78 экз.; в) 0.7 см – 85 экз. и три обломка, г) 0.4–0.6 см – 106 экз. Северная могила, № АЗС–3474–3475 – 3975 экз. Несколько вариантов: а) грубо обрезаны, диаметр 0.8–0.9 см – 179 экз.; б) 0.75–0.8 см – 18 экз.; в) 0.7 см – 106 экз.; г) 0.5–0.65 см – 18 экз.; д) 0.3–0.4 – 3654 экз. Аналогии: Чертомлык, Александрополь; Деев курган; Мелитопольский курган; Толстая Могила; Каменская Близница; Татьянина Могила; Бабина Могила.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. Нашивные бляшки из Чертомлыкского кургана // Античная торевтика. Л., 1986.

Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. Вып. 2.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л., 1966.

Бессонова С.С. Зображення Афіни за матеріалами Північного Причорномор'я // Археологія. 1975. № 17.

Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.

Бессонова С.С. Що до одного скіфо-еллінського культу IV ст. до н.е. // Дослідження старожитностей України. Тези оповідей наукової конференції МІКУ. Київ, 1993.

Бидзиля В.І. Дослідження Гайманової Могили // Археологія. 1971. № 1.

Бидзиля В.И. Отчет Запорожской экспедиции за 1973 г. // НА ИА АНУ. № 1973/7.

Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела. Т. 2. СПб., 1894.

Болтрик Ю., Фиалко Е. Огуз – курган скіфського царя кінца IV ст. до н.е. // Золото Степу. Археологія України. Київ, 1991.

Боровка Г.К. Женские головные уборы Чертомлыкского кургана // ИРАИМК. 1921. Т. 1.

Герцигер Д.С. Покрывало из VI Семибратнего кургана // ТГЭ. 1972. Вып. XIII.

Іллінська В.А. Золоті прикраси скіфського архаічного убору // Археологія. 1971. № 4.

Клочко Л.С. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности Степной Скифии. Киев, 1982а.

Клочко Л.С. Скифские налобные украшения VI–III вв. до н.э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Київ, 1982б.

Клочко Л.С. Верхній плечовий одяг скіфів // Археологія. 1984. № 47.

Клочко Л.С. Реконструкція конусоподібних головних уборів скіф'янок // Археологія. 1986. № 56.

Клочко Л.С. Скифская обувь // СА. 1992а. № 1.

Клочко Л.С. Скіфський жіночий костюм. Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1992б.

Клочко Л.С., Гребенников Ю.С. Скифский калаф IV в. до н.э. // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.

Клочко Л.С., Мурзін В.Ю., Ролле Р. Головний убір з кургану Тетянина Могила // Археологія. 1991. № 3.

Лэсков О.М. Скарби курганів Херсонщини. Київ, 1974.

Манцевич А.П. Изображения скифов в ювелирном искусстве античной эпохи // КСИА. 1975. Вып. 26.

Мирошина Т.В. Скифские калафы // СА. 1980. № 1.

Мирошина Т.В. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV–III вв. до н.э. // СА. 1981. № 4.

ОАК за 1865 год. СПб., 1866.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–III вв. до н.э. // САИ. 1970. Вып. Д1–27.

Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. 1967. Вып. Д1–4.

Прилипко Я.П., Болтрик Ю.В. Опыт реконструкции скифского костюма на материалах погребения скифянки из Вишнёвой Могилы // Курганы Степной Скифии. Киев, 1991.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сарматских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. I. Пг., 1913.

Ростовцев М.И. Эллино-скифский головной убор // ИАК. 1917. Вып. 63.

Рябова В.А. Женские погребения из кургана Денисова Могила // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979.

Спицын А.А. Серогозские курганы // ИАК. 1906. № 19.

Степанов П.К. История русской одежды. Вып. I. Пг., 1915.

Фаркаш Э. Искусство кочевников в музеях США // ВДИ. 1992. № 4.

Фиалко Е.Е. Погребальный комплекс кургана Огуз // Древности скифов. Киев, 1994.

Шилов В.П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. 1961. № 1.

Шилов В.П. Золотой клад Скифского кургана // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962.

Golden Plates from Oghuz Burial Mound

E. E. Fialko

Summary

The paper discusses an association od golden cloth ornaments from Oghuz burial mound – a Scythian king's grave dated to late 4th c. BC. The set of applique plates is considered in two aspects: first, as the tackles of certain garments'; details, and, second, it is divided into types according to the subjects depicted. Having analysed the association of decorations, the author succeeded in tracing correlation between separate types of the plates and different social ranks of the buried.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 134–144

ПУБЛИКАЦИИ

РЕСТАВРАЦИОННАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ГЛИНЯНОЙ СТАТУИ БУДДЫ В НИРВАНЕ ИЗ АДЖИНА-ТЕПА (ТАДЖИКИСТАН)

© 2003 г. **В. А. Фоминых**

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Небольшой продолговатый холм, возвышающийся среди хлопковых полей Вахшской долины (Южный Таджикистан), в 12 км к востоку от г. Курган-тюбе, местное население называет Аджина-тепа – "холм нечистой силы". Этот холм расположен на окраине центральной усадьбы совхоза, с трех сторон он окружен сбросовыми арыками и, как писали Б.А. Литвинский и Т.И. Зеймаль, руководившие в 60–70-х годах прошлого века раскопками памятника, "выглядит с дороги местом мало привлекательным – бесформенные бугры, какие-то ямы, густо заросшие колючками ... только поднявшись на поверхность холма можно понять, что Аджина-тепе – это остатки сложного комплекса построек. То, что с дороги выглядит как бесформенное нагромождение земли, при взгляде сверху приобретает довольно правильные очертания прямоугольника (50 ×100 м), состоящего из двух равных по величине квадратов, разделенных перемычкой-валом" (Литвинский, Зеймаль, 1971. С. 14).

Впервые памятник был осмотрен археологами в 1959 г., в следующем году были заложены два пробных шурфа, а с 1961 г. Южно-таджикистанский отряд Таджикской археологической экспедиции (начальник Б.А. Литвинский, заместитель начальника Т.И. Зеймаль) начал раскопки. Архитектура и планировка вскрытого здания, а также находки фрагментов настенной живописи и глиняной скульптуры позволили установить, что Аджина-тепе представляет собой комплекс жилых и культовых помещений буддийского монастыря (рис. 1). Монеты, найденные в ходе раскопок, позволяют достаточно уверенно относить функционирование монастыря к периоду от середины VII до середины VIII в. (Litvinsky, 1968. P. 57–63; Литвинский, Зеймаль, 1971. С. 15).

В процессе раскопок было обнаружено и извлечено свыше 500 памятников буддийского искусства, в том числе шедевры глиняной скульптуры – изображения будд, бодхисаттв, девat, демонов, монахов, светских персонажей и др. Выделяется огромная скульптура Будды в нирване. Отметим, что нирвана (санскритское nīrvāṇa, буквально – "недуновение", "прекращение") – очень сложный элемент буддийской религиозной философии. В конце своего жизненного пути Будда Шакьямуни достиг состояния нирваны, абсолютного покоя (Андросов, 2000. С. 54, 55, 151).

В 1966 г. в помещении 23 – обходном коридоре вокруг центральной ступы – была открыта глиняная статуя Будды в нирване (в инвентаре находок статуя обозначена как "фрагмент XXIII/с 1"). Сохранившиеся ее части (рис. 2; рис. 3, *а*) составляли в длину 10.43 м при максимальной высоте (от поверхности постамента до верхней точки левой руки) 1.82 м. Статуя, лежащая на постаменте, располагалась вдоль наружной стены коридора, лицо Будды обращено на юго-запад. Сохранилась почти полностью нижняя половина фигуры – от пояса до подошвы ног (в этой части утраты незначительны), левая рука от середины предплечья до кончиков пальцев, частично сохранились правый бок и локтевая часть правого предплечья. В завале возле изголовья постамента были найдены куски головы и части ладоней правой руки (Литвинский, Зеймаль, 1971. С. 181). (Приводимые ниже описание и размеры ее отдельных частей также заимствованы из этой монографии.)

Постамент, оставшийся в 1966 г. еще не до конца обнаженным, имел наибольшую ширину (около 2 м) возле ступней, далее его вертикальная поверхность делала плавный прогиб и постамент сужался до 1.65 м.

Сохранившаяся часть изголовья состоит из 5 валиков (подушек), различных по толщине (от 9 до 13 см), их торцевая сторона утрачена.

Фигура лежала на правом боку в вытянутом положении – традиционная поза, известная и по каменным статуям Будды в нирване. Правая рука согнута в локте, она опирается на валики изголовья, ладонь ее должна была лежать под щекой. Левая рука вытянута вдоль тела, ладонь покоится на бедре. Судя по сохранившимся фрагментам, первоначальная длина фигуры должна была достигать 12 м. Размеры отдельных ее частей: высота фигуры возле голени – 130 см, в бедренной части – 142 см, диаметр предплечья правой руки – 55 см, левой – 43 см, диаметр запястья – 41 см, максимальная длина ладони – 132 см, диаметр пальцев рук – 12–14 см,

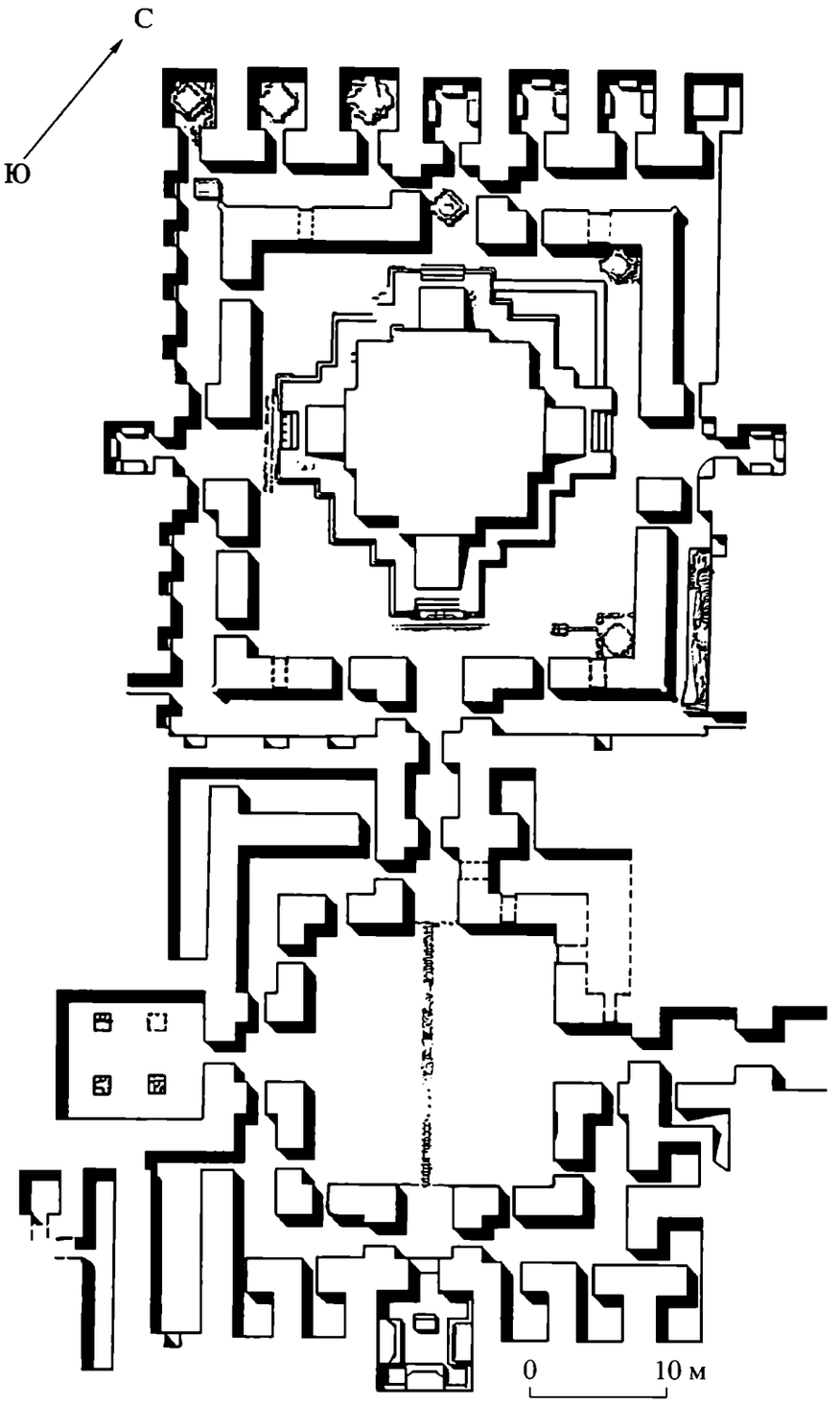

Рис. 1. План буддийского монастыря Аджина-тепа (обмеры археологов Б.А. Литвинского и Т.И. Зеймаль).

длина ступни – 165–190 см, ширина ступни – 60–75 см, длина пальцев ноги – 37–47 см, диаметр пальцев ноги – 11–15 см. Тело Будды покрыто складками, обнажены лишь кисть руки и ступни. Скульптор искусно передал одежду, складки ее на рукавах, петлю веревки, которой был подпоясан Будда (она изображена под ладонью на левом бедре фигуры), легкие сандалии на его ногах (Литвинский, Зеймаль, 1971. С. 81). Голова скульптуры была найдена раскопщиками позже. Она была еще в древности отбита и откатилась (или была брошена) на пол помещения.

Б.А. Литвинский и Т.И. Зеймаль отметили, что фигура и постамент сохранили два слоя окраски. Плащ Будды – красный (традиционный цвет его изображений) и пальцы ног белые. Работы, проведенные для первичной консервации статуи, прояснили технику ее изготовления. Основа статуи сделана из горизонтальных рядов сырцовых кирпичей. "Грубая поверхность выполнялась толстым

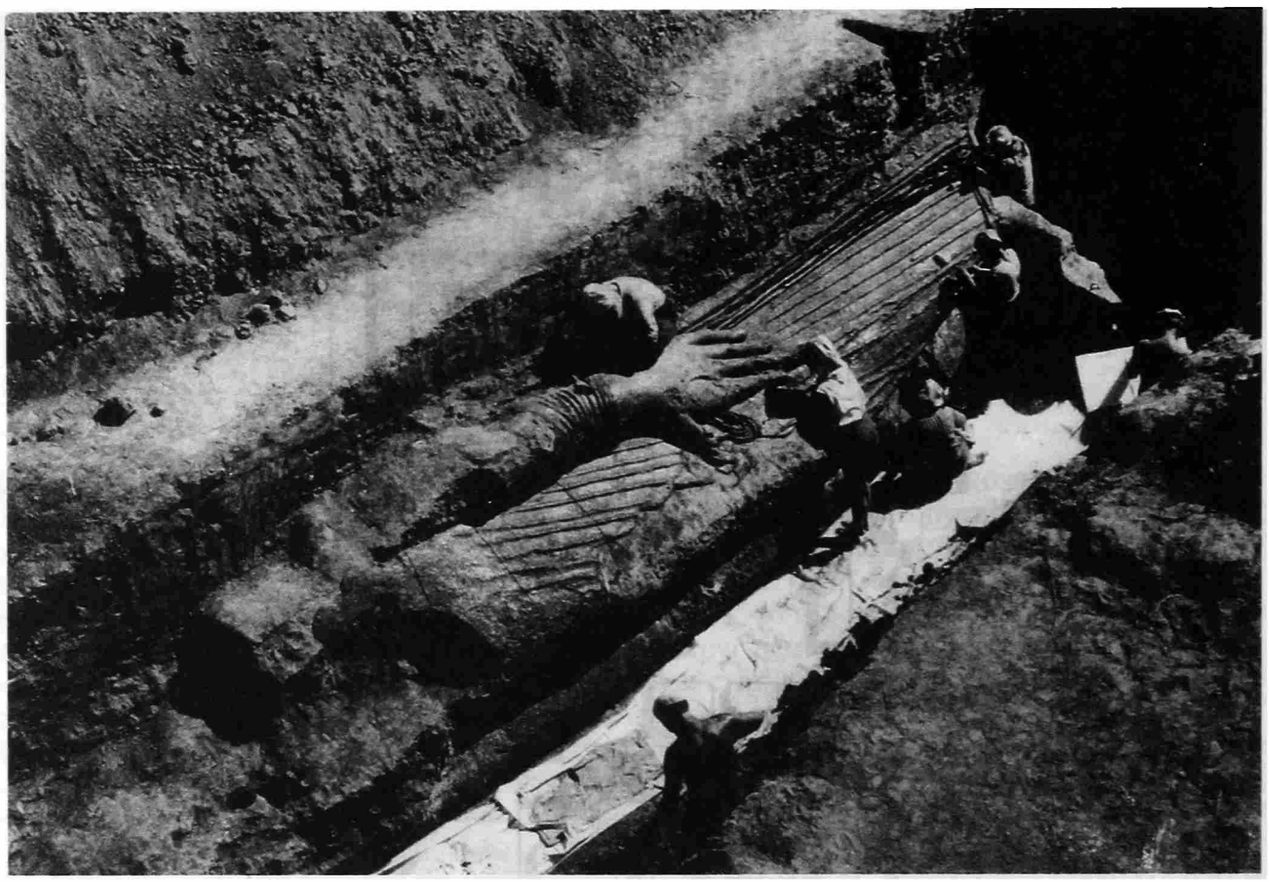

Рис. 2. Статуя Будды в нирване. Процесс полевой консервации группой П.И. Кострова.

слоем саманной штукатурки, которую накладывали многократно по мере высыхания очередной обмазки. По самой верхней прослойке лепились складки одежды, причем их накладывали по заранее намеченным линиям ... сверху фигура была обмазана слоем скульптурной глины, толщиной в 4–5 мм и раскрашена" (Литвинский, Зеймаль, 1971. С. 82, 83). Таких слоев, очевидно, было несколько, поскольку при первичной консервации П.И. Костров снял оболочку скульптуры толщиной от 1 до 6 см.

В том же 1966 г. статуя была извлечена из раскопа и перевезена в реставрационно-технологическую лабораторию Института истории Академии наук Таджикской ССР. Выемку скульптуры из раскопа и ее первичную консервацию осуществили реставраторы мастерской реставрации монументальной живописи Государственного Эрмитажа М.П. Винокурова, Р.М. Беляева, Г.И. Тер-Оганьян, В.М. Соколовский и реставраторы-практиканты Института истории АН Таджикской ССР Л.П. Новикова и М.П. Страдомская. Работами руководил ведущий реставратор Государственного Эрмитажа, заслуженный деятель искусств П.И. Костров (1905–1983 гг.).

Первичное закрепление фрагментов заняло много времени, учитывая, что при выемке статуя – фигура, голова и постамент – была разделена на 72 фрагмента, из которых 30 – крупных (130 ×120 × × 40 см, 145 × 50 × 55 см и т.п.), со сложной конфигурацией (рис. 3, *б*). Консервация фрагментов велась по методике, разрабатывавшейся с 1949 г. П.И. Костровым и его помощниками применительно к стенным росписям и глиняной скульптуре, открытым на городище древнего Пенджикента (Костров, 1954. С. 191–197; 1959. С. 139–183; Шейнина, 1953. С. 146–157; 1960. С. 62–74). Основной элемент этой методики–использование для консервации и реставрации стенных росписей и глиняной скульптуры полибутилметакрилата (ПБМА), превосходящего по своим характеристикам клеи, применявшиеся ранее для этих же целей. Приступая в 1949 г. к консервации пенджикентских росписей (в самом начале работы опыты велись на нескольких небольших фрагментах штукатурки, доставленных в Гос. Эрмитаж в 1948 г.), П.И. Костров учел уроки закрепления нескольких подобных памятников, работы С.М. Дудина по снятию и консервации буддийских храмовых росписей из Китайского Туркестана, привезенных экспедициями С.Ф. Ольденбурга 1909–1914 гг. и находящихся в Государственном Эрмитаже, и аналогичные работы, проведенные А. Грюнведелем с буддийскими и манихейскими храмовыми росписями, доставленными в Берлин также из Китайского Туркестана (главным образом из Турфанского оазиса – мате-

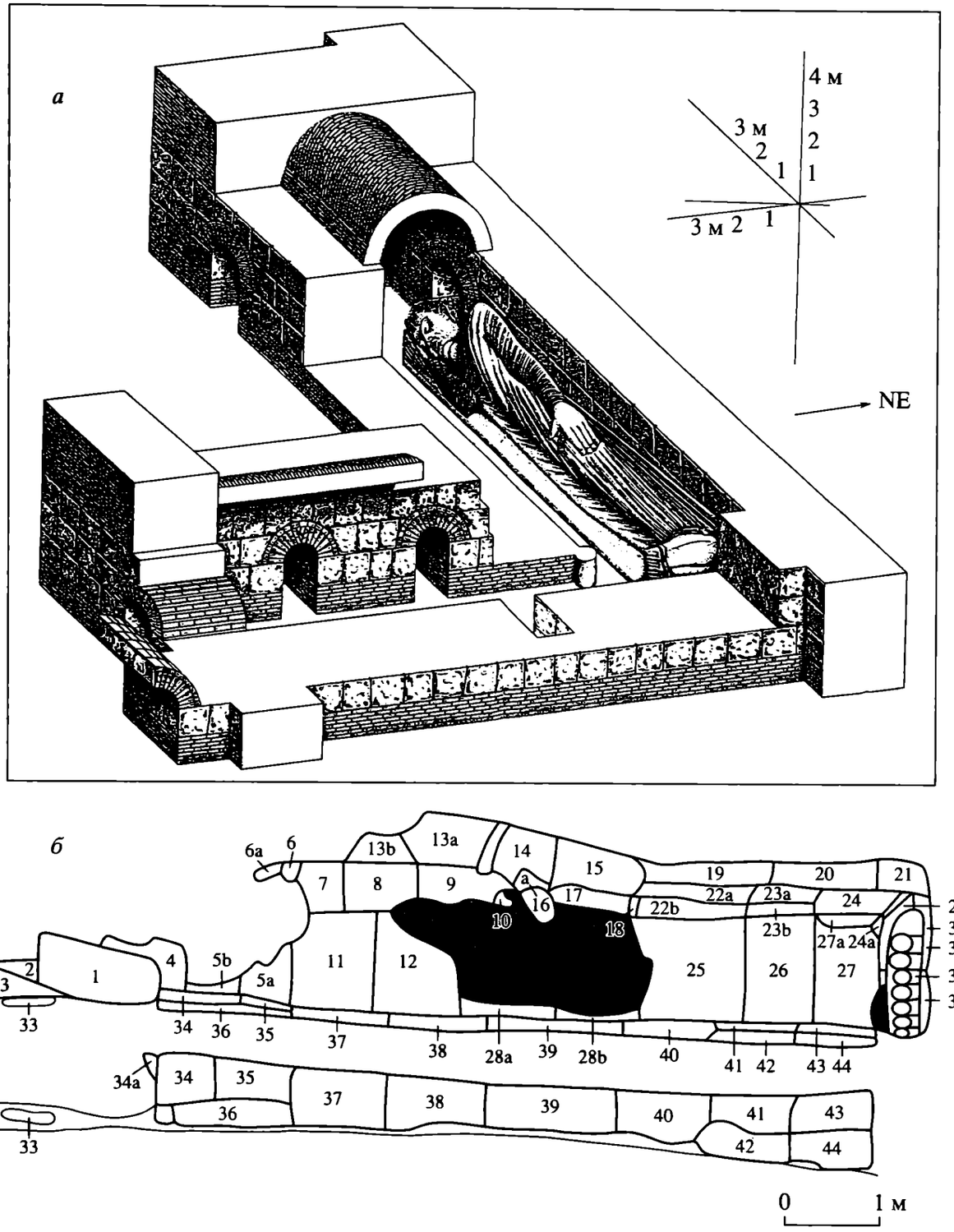

Рис. 3. Вверху – графическая реконструкция блока помещений с Буддой в нирване (архитектор С. Б. Неумывакин); внизу – схема вынутых частей скульптуры, план и фасад (реставратор П.И. Костров).

риалы раскопок, проведенных четырьмя немецкими экспедициями 1902–1914 гг.) (о работах этих экспедиций и перечень их публикаций – см.: Литвинский, Терентьев-Катанский, 1988. С. 38–42, 48–59). С. М. Дудин применял слабое поверхностное проклеивание живописи растительными водными клеями ("губным клеем", вишневым, гуммиарабиком, декстрином), некоторые фрагменты с обратной стороны пропитывались спиртовым лаком, после чего росписи были загипсованы. Сходные операции проводил и А. Грюнведель, отличия их от методики Дудина сводились лишь к покрытию живописи (перед снятием ее) спиртовым лаком, затем фрагменты загипсовывались и помещались в герметические металлические коробки со стеклом. Главные недостатки этой методики заключались в том, что применение спиртовых лаков вскоре вызывало сильное потемнение живописи вследствие

чрезвычайной гигроскопичности клеевой живописи, лесса и гипса, активно впитывающих влагу (особенно в сыром воздухе севера); лессовая глина, приклеенная к волокну, и гипс вспухали и рассыпались, на поверхности живописи выступали кристаллы соли, содержащиеся в лессе (Дудин, б/г; 1928. С. 21, 22; Костров, 1954. С. 191, 192).

"Практика реставрации в Эрмитаже восточнотуркестанских росписей, а также лёссовой скульптуры показала полную непригодность водных растительных и животных клеев для закрепления подобного материала и привела нас к пробам применения синтетических смол и клеев на неводных растворителях, не размывающих лёсс и клеевую живопись" (Костров, 1954. С. 192).

П.И. Костров провел серию проб, подыскивая наиболее эффективные синтетические закрепители. Он вел работы с поливинилацетатом (ПВА), затем заменил его поливинилбутиралем (ПВБ) и после длительных испытаний остановился на полибутилметакрилате (ПБМА) – чрезвычайно прочной синтетической смоле, раствор которой на ксилоле оказался эффективным закрепителем. Он обладает наибольшей растяжимостью и эластичностью пленки, глубоко проникает в закрепляемый материал и легко растворяется после затвердения. Из многих растворителей ПБМА Костров остановился на ксилоле, обеспечивающим максимальное проникновение смолы в толщу плотного лесса. Однажды затвердевший ПБМА может быть вновь растворен тем же или другим растворителем (Костров, 1954. С. 193). Раствор ПБМА на ксилоле многократно наносится кистью на поверхность как лицевой, так и тыльной стороны обрабатываемого фрагмента и по мере испарения растворителя закрепляет его. После лабораторной обработки росписям и глиняной скульптуре возвращается прежняя фактура. Цветовая гамма при этой методике в первоначальном виде не может быть восстановлена – яркий, брызжущий из земли цвет, ошеломляющий каждого, кто присутствовал при открытии стенных росписей древнего Пенджикента или Аджина-тепа, уже через секунду-другую тускнеет под воздействием кислорода. Следует вместе с тем отметить, что в Государственном Эрмитаже, вплоть до настоящего времени, ведутся интенсивные работы по дальнейшему совершенствованию метода П.И. Кострова. Особенно велики заслуги Е.Г. Шейниной (детальный анализ – Винокурова, 2001).

Другой способ закрепления археологических предметов из необожженной глины и пористых материалов предложил сотрудник лаборатории научно-художественной реставрации Института искусствознания Министерства культуры Узбекской ССР, химик Е.Ф. Федорович. Он заключается в использовании концентрированного раствора одного из мономеров в органических растворителях с воздействием катализатора и последующей полимеризацией мономера в археологическом предмете (в сушильном шкафу при t от + 70–80 до 100–120° С) (Федорович и др., 1966. С. 113–116. Ср.: Новикова, 1978. С. 222).

Для реставрации глиняной скульптуры, в частности фигуры Будды в нирване, а также пастозной живописи в Институте истории им. А. Донина АН Таджикской ССР была организована реставрационная лаборатория. Вначале руководители лаборатории решили использовать методику Е.Ф. Федорович и ее коллег, т.е. работать с помощью мономера, с последующей полимеризацией его в сушильном шкафу (так обрабатывался, в частности, большой фрагмент пальцев руки, 19 × 105 × 62 см, толщина фрагмента 1.5 × 2.5 см). Однако от этой методики пришлось отказаться, поскольку испытуемый фрагмент потрескался, произошли внутренние разрывы на всю глубину и во всех направлениях. "Больше всего пострадали пальцы: они вспухли, увеличились в объеме почти в 2 раза. Произошло расслоение, растрескивание красочного слоя (ганча) и полное отслоение его от поверхности скульптуры" (Новикова, 1978. С. 222, 223). Проводились и другие эксперименты. Скульптуре был нанесен серьезный урон.

Следует учитывать, что при извлечении скульптуры П.И. Костров снял лишь ее оболочку, так как вынимать ядро скульптуры, состоявшее из сырцовых кирпичей, не имело никакого смысла и было технически невозможно. П.И. Кострову пришлось снимать оболочку по самому нижнему слою. Пустотелые криволинейные части оболочки в полевых условиях помещались в ящике с плотно утрамбованными опилками. Между выемкой скульптуры и началом ее консервации в лаборатории Института истории АН Таджикской ССР прошло более трех лет. За это время произошло высыхание фрагментов статуи, что повлекло за собой их деформацию. Затем руководителем лаборатории и главным реставратором статуи стала Л.П. Новикова, ученица П.И. Кострова. В 70–80-е годы XX в. она и сотрудники лаборатории осуществили, следуя методике П.И. Кострова, большой объем работы по реставрации и консервации фрагментов и их описанию, причем работа велась в неимоверно тяжелых условиях отсутствия оборудования, помещений, химикатов. К началу 90-х годов XX в. коллектив душанбинской лаборатории под руководством прекрасного реставратора и подлинного энтузиаста Л.П. Новиковой практически завершил реставрацию фрагментов статуи (оставалось обработать 4–5 фрагментов из 72). Однако в Таджикистане началась гражданская война, Л.П. Новикова и другие русские сотрудники лаборатории вынуждены были покинуть республику. Монтаж фрагментов и реконструкция статуи не состоялись. Возможности для этого появились много позже, уже в наши дни.

Во время экспедиции фрагменты статуи обрабатывались в упаковочных ящиках, где каркасом для них служили плотно утрамбованные опилки. После снятия днища ящика, в котором находился фрагмент, извлекались опилки, затем ацетоновыми компрессами с поверхности тыльной стороны фрагмента снималась марля и в парах ксилола пленка ПБМА внедрялась внутрь фрагмента. Операции эти осложнялись тем, что с лицевой стороны многих фрагментов марля отделялась с большим трудом, особенно с наиболее засоленных частей статуи – со складок рукава, кисти левой руки, ступни левой ноги, с верхних складок плаща. После снятия марли с поверхности фрагментов удалялись остатки поливинилацетата и начиналось закрепление раствором ПБМА на ксилоле. Пропитку лицевой стороны фрагментов "вели до полного насыщения толщи скульптуры. Иногда разрыхленные расслоившиеся фрагменты покрывались раствором 30–35 раз". После закрепления проводились обессоливание посредством пульпирования и расчистка фрагментов. Длительный и трудоемкий процесс обработки приводил в большинстве случаев к восстановлению первоначальной фактуры фрагментов (Новикова, 1978. С. 222–232).

Подготовка к монтажу фрагментов осложнялась тем, что лаборатория Института истории не располагала необходимыми условиями для стыковки обрабатываемых фрагментов. "Поиски монтировочных материалов, пригодных для скульптуры больших размеров, были долгими. Сотрудниками нашей лаборатории предприняты попытки использовать для временных каркасов такие материалы, как гипс, этакрил, папье-маше, однако это не дало положительных результатов". В конце концов выбор пал на каркас из деревянной конструкции на воско-канифольной мастике, выдержавшей испытание при монтаже скульптурного глиняного фриза из Пенджикента. Монтировке статуи Будды в нирване предшествовала еще одна процедура-напенивание фрагментов пенополиуретаном (Костров, 1959. С. 176).

В 2000 г. по просьбе дирекции Института истории Академии наук Республики Таджикистан, в рамках творческого сотрудничества Государственного Эрмитажа и этого Института, в Душанбе был командирован автор данной статьи для подготовки скульптуры к музейному экспонированию. Несмотря на трудности экономики Таджикистана, сложную внутриполитическую обстановку и постоянное напряжение, связанное с многолетней гражданской войной в соседнем Афганистане, правительство Республики с помощью международных гуманитарных фондов сумело изыскать средства для строительства национального музея древностей Таджикистана. В этом музее должна была экспонироваться скульптура Будды в нирване.

Готовясь к этой работе, я обратилась за советом и указаниями к Б.А. Литвинскому (Институт востоковедения РАН) и Т.И. Зеймаль (Гос. Эрмитаж). Т.И. Зеймаль ознакомила меня с экспедиционными фотографиями статуи и процесса ее выемки; Б.А. Литвинский указал на близкие по времени статуи Будды в нирване на соседних территориях. Особенно близкие параллели выявляются при сопоставлении с гигантской скульптурой Будды в нирване из Тапа-Сардар (Газни, Афганистан) (Taddei, 1974. P. 111–115). Все это очень помогло в деле реконструкции аджинатепинской статуи.

Мне предстояло вновь обработать имеющиеся фрагменты, реконструировать утраченные части и смонтировать статую. Прежде всего пришлось удалить густой слой пыли, накопившийся на всех фрагментах за без малого четверть века, прошедших со времени первичной консервации. Фрагменты были расположены по схеме, составленной в 1966 г., при извлечении скульптуры из раскопа с каждого фрагмента необходимо было убрать фольгу, припаявшуюся при напенивании к пенополиуретану и удалить с лицевой поверхности некоторых фрагментов натеки пенополиуретана. Необходимо было также спилить излишки пенопласта в ряде фрагментов и, напротив, добавить там, где его не доставало. Четыре фрагмента, прошедшие ранее лабораторную обработку, не были напенены, их пришлось полностью монтировать на пенополиуретан (фрагменты № 7, 8, 17, 17а от складок плаща). После этого резы каждого фрагмента предстояло замастиковать для будущей стыковки.

Следовало учитывать, что фрагменты, обработанные в разное время, значительно различались между собой по тону. Одни были очень темные, перенасыщенные акрилатом (верхние складки плаща, № 19–24), другие слишком светлые (№ 12, 17, 26 и др.), они отличались от фрагментов, сохранивших свой подлинный вид. Поэтому темные фрагменты пришлось высветлять, светлые делать темнее с помощью растворителей.

Параллельно велась подготовка к монтажу скульптуры. Значительный вес фрагментов, а также почти постоянная напряженная сейсмическая ситуация в Душанбе диктовали монтаж блоками по вертикальным полевым резам.

Большие трудности возникли при монтировке пяти фрагментов (№ 29, 30, 31, 31а, 32 – первый блок), образующих ступни. На некоторых участках края этих фрагментов были деформированы, что осложняло их стыковку. Приходилось выправлять деформации, чтобы край одного фрагмента совпадал по рельефу с краем другого и чтобы эти соединения были незаметными. Затем зазоры между фрагментами заполнялись пенополиуретаном, закреплялись раствором ПБМА-НВ в ацетоне и замастиковывались. Трудности обработки и монтажа были сопряжены не в последнюю очередь с большим весом и величиной фрагментов. После подгонки по резам фрагменты скреплялись между со-

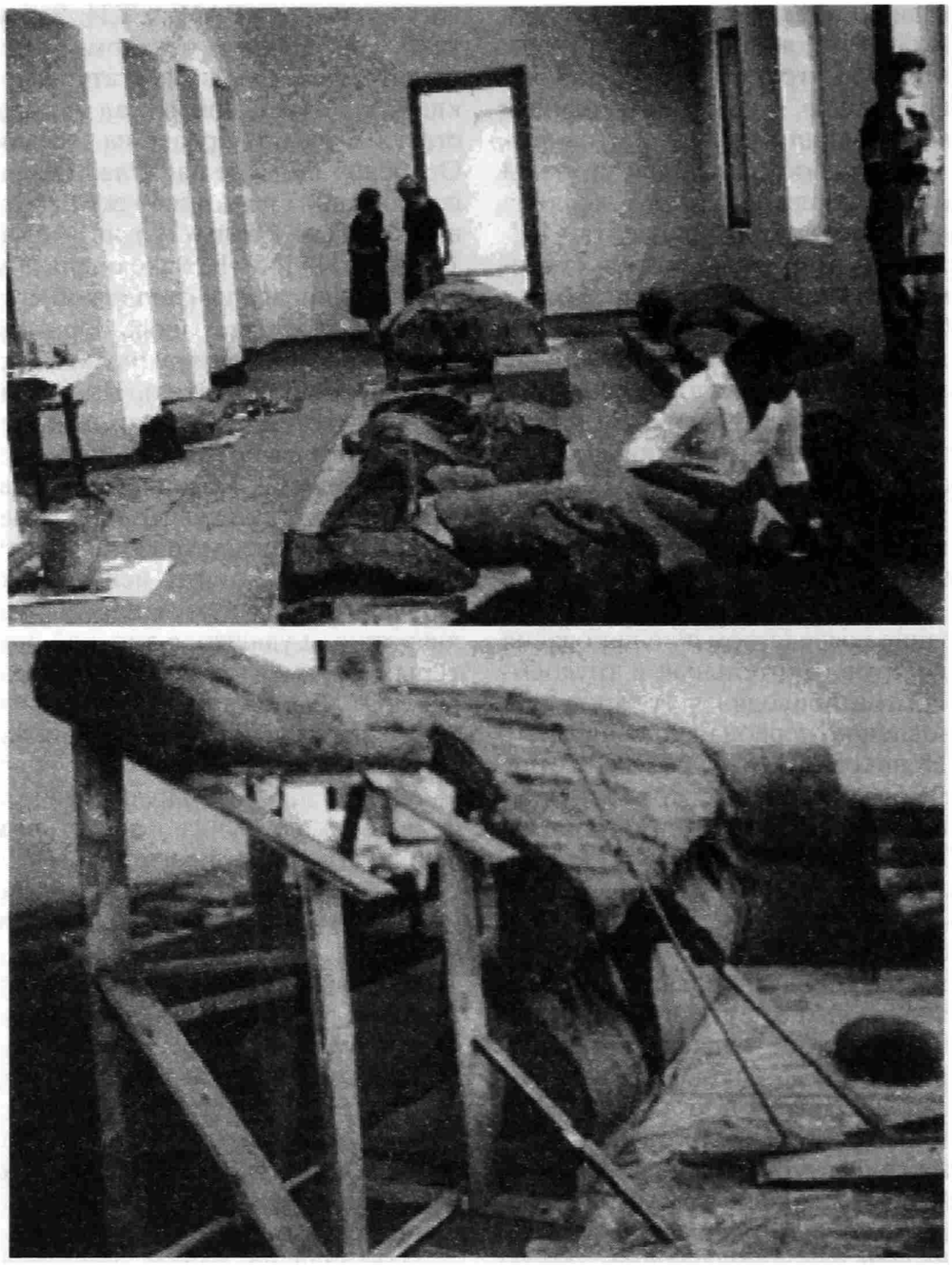

Рис. 4. Процесс реставрационной реконструкции скульптуры Будды в нирване в Национальном музее древностей Таджикистана в Душанбе. Вверху – реставрация отдельных частей, внизу – монтировка на каркасе.

бой рейками по вертикали, противоположные части фрагментов стягивались с помощью шурупов рейками по горизонтали (рис. 4).

После этого монтировались три блока – ноги Будды, состоящие из 10 фрагментов (№ 27, 27а, 24, 24а – второй блок, № 26, 236, 23а – третий блок, № 25, 226, 22а – четвертый блок). К нижним устойчивым большим фрагментам (№ 25–27) с помощью кронштейнов крепились верхние горизонтальные, соединенные попарно: № 22а, 226, № 23а, 236 и № 24, 27а. На соединениях швы, как и на ступнях, обрабатывались и замастиковывались.

Для дальнейшего монтажа скульптуры – сохранившихся частей левой руки (№ 136, 13а, 14, 15, 16, 16а) и прилежащих к ней фрагментов (№ 6а, 6–10, 17) были сделаны мощные деревянные конструкции с наклонным верхом, на которые эти фрагменты были установлены и закреплены. Реконструировать предстояло также еще одну большую утраченную часть скульптуры – под рукой Будды. Для этого на деревянный каркас, изготовленный из реек по форме скульптуры, крепился пенополиуретан, пропитанный раствором ПБМА-НВ в ацетоне. Посредством мастиковки

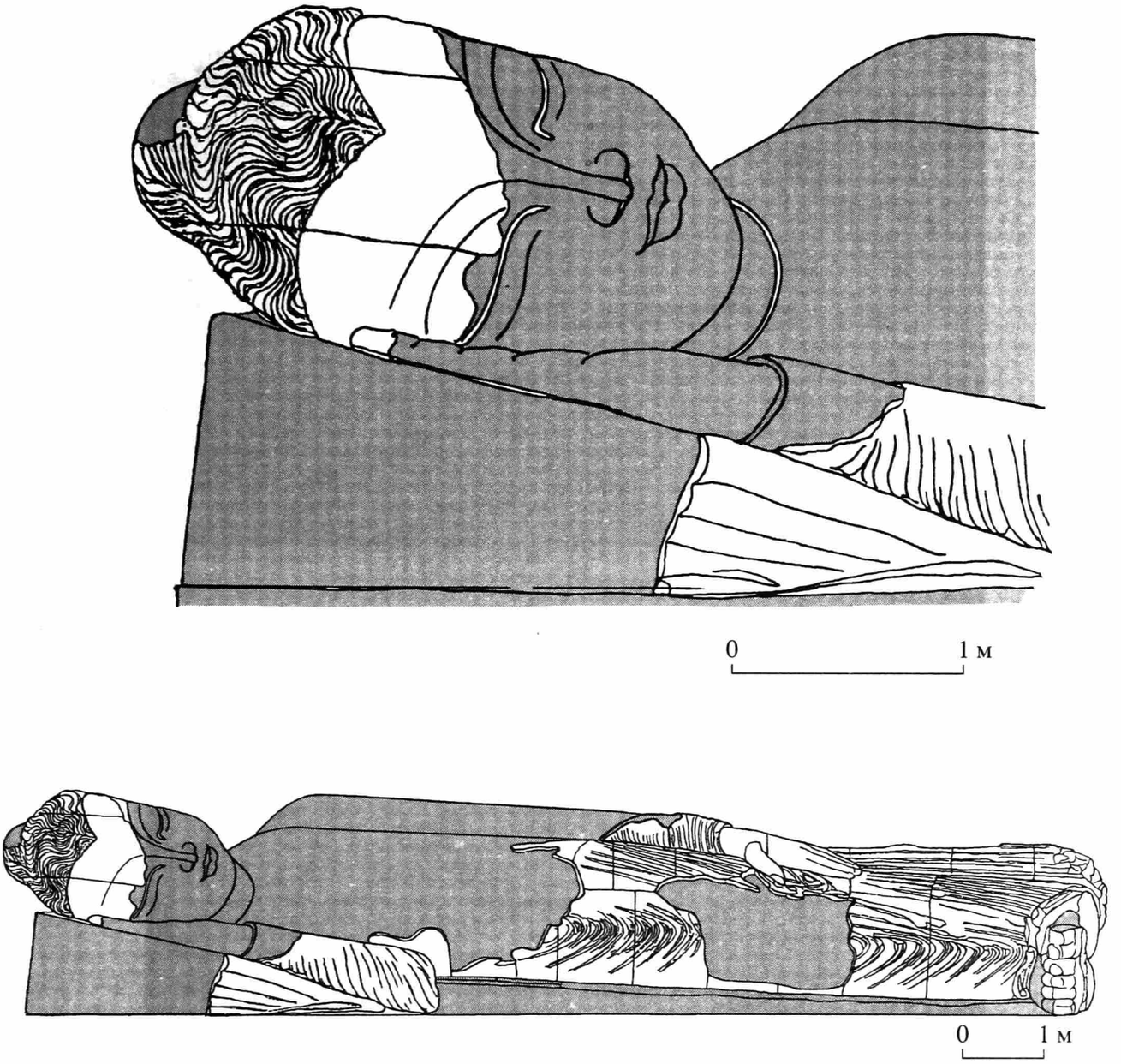

Рис. 5. Схема проведенных реконструктивно-реставрационных работ. Вверху – верхняя часть скульптуры; внизу – скульптура целиком. Зачернены части, подвергшиеся реставрации (реставратор В.А. Фоминых).

лессом была восстановлена поверхность, имитирующая форму утраченной части ног.

Верхняя часть скульптуры была сильно разрушена, сохранились лишь разрозненные фрагменты: нижняя часть груди (№ 56, 5а, 4), предплечье (№ 1, 2), часть валиков-подушек (№ 3), верхняя часть головы (часть прически и лоб), фрагмент щеки. Важную роль в соединении этих кусков играл небольшой фрагмент треугольной формы (без номера, на схеме снятия скульптуры он не представлен), соединяющий грудь (№ 4) с предплечьем (№ 1). После установки этих фрагментов выяснилось место валиков-подушек. Для определения положения головы необходимо было прежде всего осуществить реконструкцию недостающей части валиков-подушек, от которых сохранился лишь один фрагмент (№ 3) под предплечьем.

По размеру сохранившейся передней части прически и фрагмента щеки были реконструированы голова и ушниша[1], фрагменты головы были скреплены деревянной конструкцией, на нее крепились пенополиуретановые бруски, при обработке которых создавалась форма лица Будды. После пропитки ПБМА-НВ в ацетоне реконструированная часть головы была замастикована лессом в тон подлинных сохранившихся фрагментов. Голова была установлена и закреплена на реконструированной части подушек. От прически был отделен

[1] Ушниша – шиньон на голове Будды, один из его непременных атрибутов.

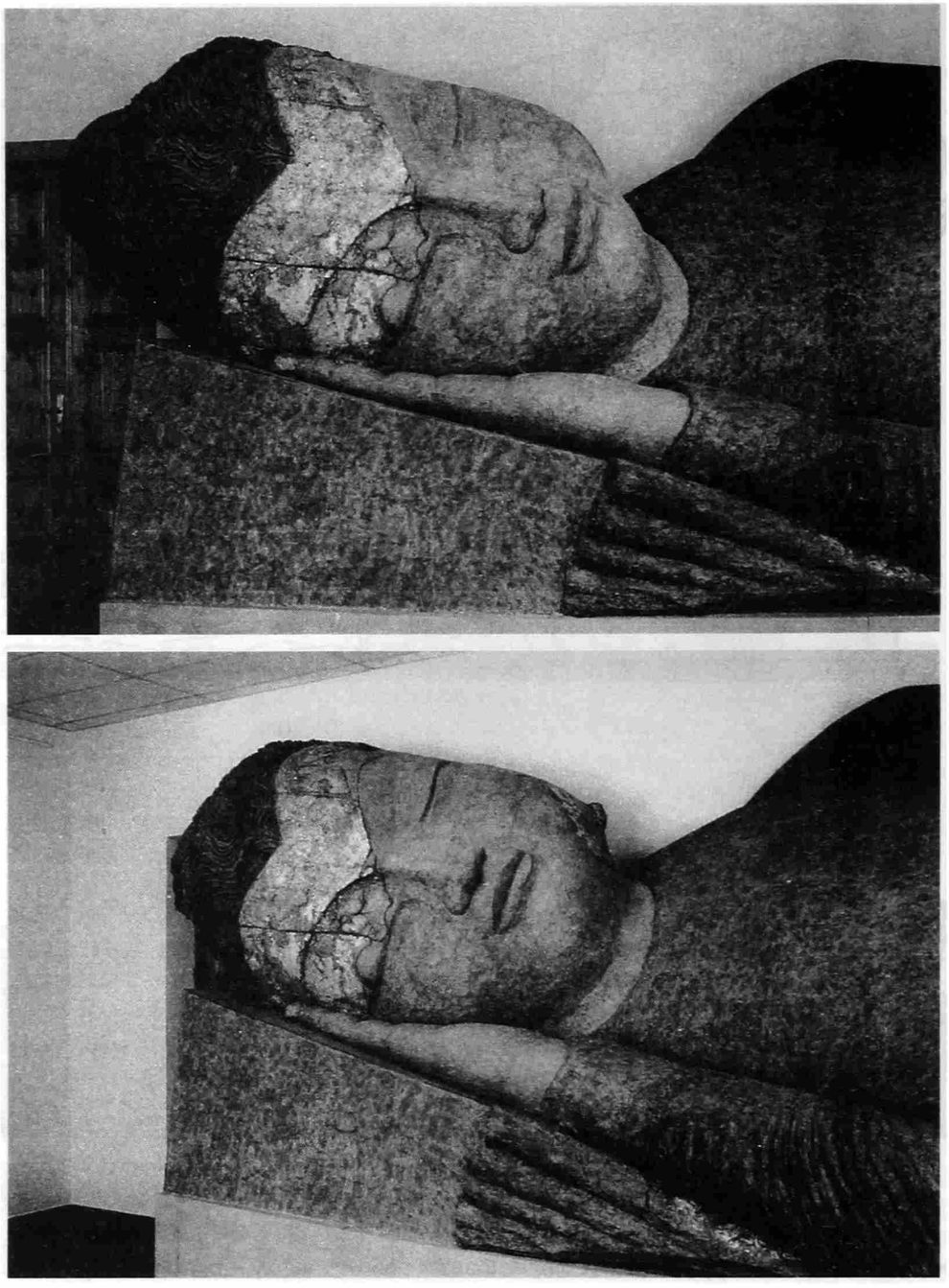

Рис. 6. Будда в нирване после реставрационно-реконструктивных работ. Голова.

фрагмент ушниши (30 × 40 см), который при первичной реставрации был неправильно смонтирован. Была изготовлена форма ушниши (диаметром 64 см, высотой 25 см), установлена и закреплена в надлежащем месте.

Самые крупные утраты частей скульптуры связаны с верхней частью туловища – плечо и предплечье левой руки, грудь, кисть правой руки. На месте этих утраченных частей была изготовлена деревянная основа, оббитая асбестовыми плитами, пропитанная ПБМА-НВ в ацетоне и замастикованная лессом (рис. 5).

Таким образом была завершена реставрационная реконструкция глиняной скульптуры Будда в нирване (рис. 6; 7) – одного из наиболее замечательных памятников Южного Таджикистана (края, в котором буддизм господствовал на протяжении многих столетий), занимающего почетное место в истории буддийского искусства. Скульптура была установлена для экспонирования в Национальном музее древностей в дни, когда Республика Таджикистан отмечала десятилетие независимости и за несколько месяцев до тех печальных дней, когда афганские талибы взорвали знаменитые статуи Будд в Бамиане[2].

[2] В реконструкции скульптуры принимали участие сотрудники Национального музея древностей, прежде всего я должна поблагодарить С.Г. Габель и Р. Абдуразыкову.

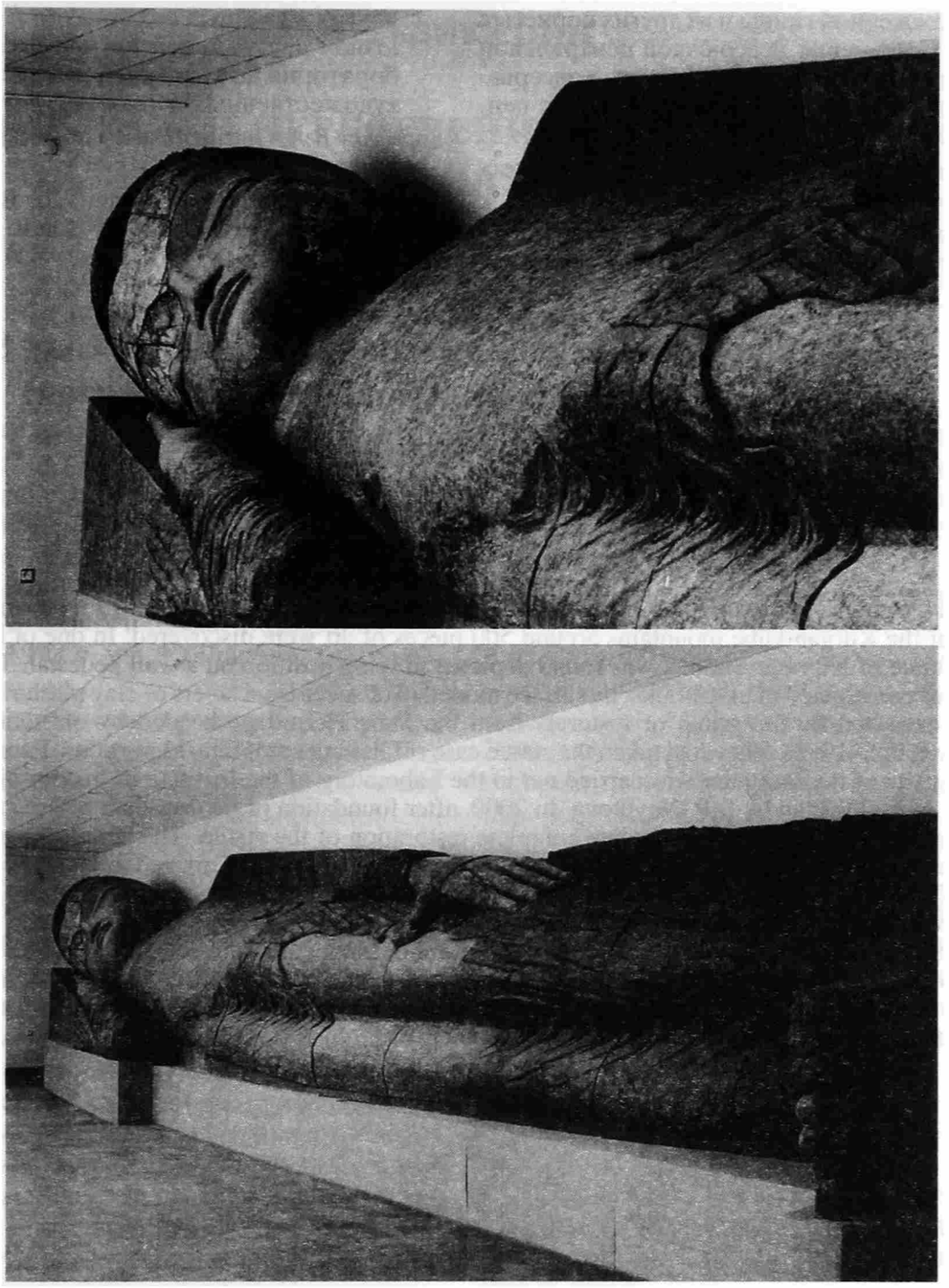

Рис. 7. Будда в нирване после реставрационно-реконструктивных работ. Вверху – верхняя часть, внизу – скульптура целиком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андросов В.П. Словарь индо-тибетского и российского буддизма. М., 2000.

Винокурова М. Применение полибутилметакрилата при реставрации памятников живописи и скульптуры // СГЭ. 2001. Вып. LIX.

Дудин С.М. Рукопись // Архив Гос. Эрмитажа. Материалы экспедиции С.Ф. Ольденбурга. Фонд № 31. Б/г.

Дудин С.М. Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. 5. Вып. 1. Л., 1928.

Костров П. И. Техника и консервация росписей древнего Пянджикента // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954.

Костров П.И. Исследование, опыт реконструкции и консервации живописи и скульптуры древнего Пянджикента // Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959.

Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971.

Литвинский Б.А., Терентьев-Катанский А.П. История изучения. Путешествия. Экспедиция. Археологические раскопки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. [Вып. 1]. Очерки истории. М., 1988.

Новикова Л.П. Проблемы реставрации Будды в нирване // Материальная культура Таджикистана. Вып. 3. Душанбе, 1978.

Федорович Е.Ф., Хуснитдинходжаев Х., Рузыбаев Д. Новый способ закрепления археологических пред-

метов из необожженной глины и из других пористых материалов // Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории консервации и реставрации музейных художественных ценностей. Вып. 17/18. М., 1966.

Шейнина Е.Г. Консервация и реставрация стенных росписей древнего Пянджикента // МИА. 1953. № 37.

Шейнина Е.Г. Применение синтетических смол и реставрация монументальной живописи и некоторых других музейных экспонатов // Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей. Вып. 1. М., 1960.

Litvinsky B.A. Outline History of Buddhism in Central Asia. Moscow, 1968.

Taddei M. A Note on the Parinirvāṇa Buddha at Tapa Sardār (Ghazni, Afghanistan) // South Asian Archaeology, 1973. Leiden, 1974.

The Restoration Reconstruction of the Monumental Clay Statue of Nirvāṇa-Buddha from Ajina-Tepa (Tadjikistan)

V. A. Fominykh

Summary

In 1960-s in the course of excavations of the buddhistic monastery Ajina-tepa (the mid 7th – the mid 8th cc. AD) situated near the Kurgantyube mountains around 500 pieces of art were discovered. In one of the corridors a huge clay statue of Nirvāṇa-Buddha was found depicted in lying position on a wall pedestal. The core of the sculpture was constructed of clay bricks, its surface modelled of successive layers of clay plaster. Twelve-meter statue was extracted by the group of restorers from the State Hermitage headed by outstanding specialist P.I. Kostrov (1905–1983). They had taken the statue case off having cut it into 72 portions. Further restoration of separate parts of the sculpture was carried out in the Laboratory of the Institute of history of the Academy of Sciences of Tadjikistan by L.P. Novikova. In 2000, after foundation of the Museum of National antiquities in Dushanbe it became possible to execute complete restoration of the statue. The agreement was concluded between the State Hermitage and the Institute of history. In 2000 the author arrived in Dushanbe to undertake this work. The difficulty consisted in deformation of the statue's fragments preserved in containers for 34 years, and, moreover, the deformations affected different fragments in various degree. The author had not only to assemble the sculpture, but also reconstruct its destroyed and missing parts. The iconography of Buddha images, mostly coeval ones, originating from the adjacent territories was taken into account. It is worth mentioning that the reconstruction of Nirvāṇa-Buddha from Tadjikistan chronologically coincided with the destruction of the colossal statues of Buddha in Afghanistan by the Taliban.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 145–152

ПУБЛИКАЦИИ

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ У с. КОШАРЕВО (ОБЛАСТЬ ПЕРНИК), ЗАПАДНАЯ БОЛГАРИЯ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

© 2003 г. М. Даскалов*, К. Трендафилова**

* Археологический Институт и Музей – БАН, София, Болгария
**Софийский Университет "Св. Климент Охридский"

Современное село Кошарево находится в западной части административной области Перник, расположенной западнее столицы Софии (рис. 1). В его окрестностях археологические памятники известны давно, но ни на одном из них не проводились систематические раскопки (Митова-Джонова, 1983. С. 101). Археологическая экспедиция, работавшая весной 1998 г. у с. Кошарево, пыталась уточнить информацию об известных археологических объектах, выявить новые памятники и провести шурфовку крепости в урочище Тепето (ок. 850 м над уровнем моря). Эта местность является самой высокой северо-западной точкой возвышенности Болчар (общая длина – около 4.5 км).

В конце полевого сезона к юго-востоку от крепости, на расстоянии около 1500 м, в уроч. "Извор" был выявлен некрополь, который долгие годы подвергался разрушению природными и атмосферными водами. Наименование местности связано с несколькими водными источниками, глубоко врезавшимися в современную поверхность. Могильник располагается на пологом террасовидном юго-восточном склоне возвышенности приблизительно в ее середине, над речкой Светлей (правый приток р. Струмы). Ко времени осмотра памятника весенние воды разрушили очередное захоронение и кости скелета лежали почти in situ (погребение обозначено на рис. 2 буквой "А"). Первое профессионально исследованное захоронение было расположено рядом с пунктом "А". Его богатый и необычный для древностей, изученных на территории современной Болгарии, инвентарь и особенности погребального обряда побудили к продолжению раскопок в 1998 г. и их возобновлению в 1999 г.[1] В результате работ, длившихся два полевых сезона, были исследованы еще 28 захоронений разной степени сохранности. Могилы изученного сектора располагаются в трех сравнительно правильных рядах, направленных с северо-востока на юго-запад (рис. 2). Место захоронения "А" намечает четвертый ряд, а расположение могилы № 28 на мысу между двумя рукавами промоины показывает, что эрозия на этом участке, вероятно, уничтожила по меньшей мере еще два ряда могил.

Все могилы ориентированы по линии северо-запад – юго-восток (в диапазоне 280–325 град). Это одиночные захоронения. Все костяки лежали головой на северо-запад и их ориентировка в общих чертах совпадает с ориентировкой могильных ям. Можно с уверенностью говорить, что размеры ям определены индивидуальным ростом покойных. Несмотря на то, что эрозия разрушила в разной степени форму части могил, в ходе раскопок зарегистрировано несколько вариантов могильных ям (рис. 3):

1. Обычная простая яма с нечеткими контурами – 7 погребений (№ 1, 4, 7, 8, 9, 15, 28) – рис. 3, № 9, 28.

2. Борт могилы маркирован единичным камнем – 3 погребения (№ 5, 10, 12) – рис. 3, № 10, 12.

3. Обложенные камнями и каменными плитами короткие борта (северо-западный и юго-восточный могильной ямы – 3 погребения (№ 3, 6, 16) – рис. 3, № 16.

4. Обложенные камнями и каменными плитами длинные борта (один или оба) могильной ямы – 3 погребения (№ 13, 23, 26) – рис. 3, № 23, 26.

5. Обложенные камнями, каменными плитами и кирпичами все борта могильной ямы – 4 погребения (№ 2, 17, 24, 25) – рис. 3, № 24, 25.

6. Могильные ямы, ограниченные большими плитами или каменной кладкой без применения раствора в два или три ряда с двух или трех сторон – 6 погребений (№ 14, 18, 19, 20, 21, 27) – рис. 3, № 14, 18, 19, 20.

7. Могильная яма с крышей из кирпичей и черепиц – 1 погребение (№ 22).

Необходимо отметить, что сооружения варианта 6 имеют самые массивные каменные конструкции, как правило – на северо-западных и юго-западных бортах могилы. Во всех случаях в этих погребениях не найдены костные останки. Такие

[1] Оба археологических сезона были финансово обеспечены Историческим музеем г. Перника. В разведочных работах участвовали студенты Нового Болгарского университета. Авторы этой работы приносят свои благодарности Директору и коллективу Музея и студентам О. Рачеву, Н. Козареву, И. Киркову за их помощь и сотрудничество. В 1999 г. часть финансирования экспедиции была осуществлена за счет спонсорской помощи руководства Банка ДСК в г. Софии. Авторы благодарят также и ст.н.с. д-ра И. Штереву (АИМ-БАН, Софи) за помощь при переводе на русский язык и редакции окончательного варианта этого текста.

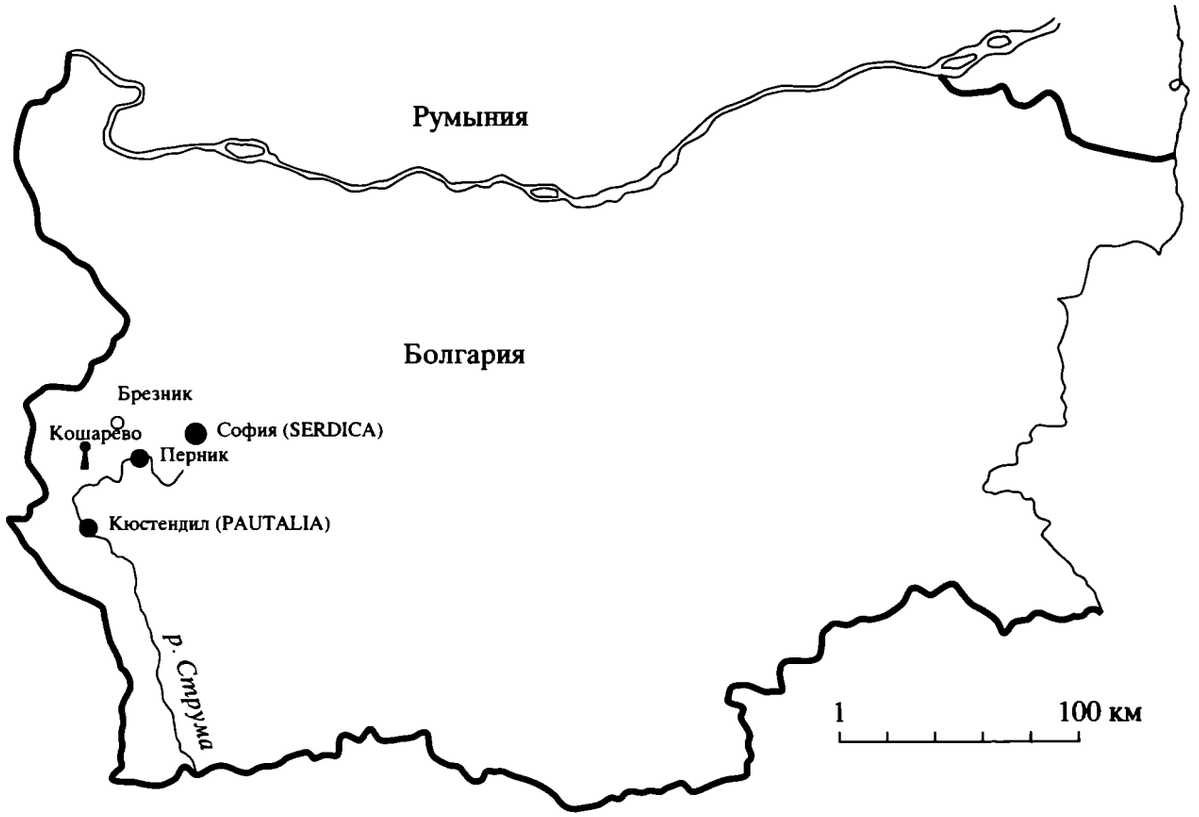

Рис. 1. Карта расположения современного с. Кошарево в Западной Болгарии.

могилы группируются в северо-восточной части раскопанного сектора могильника.

Глубина могильных ям устанавливается с трудом, так как современная поверхность подверглась многолетним эрозионным процессам. В отсчете глубины от современной поверхности нет особого смысла из-за того, что уровень последней почти ежегодно менялся. В результате чего в определенные моменты некоторые из погребений, вероятно, оказывались почти на поверхности, другие – нарушались вымоинами. Абсолютно непотревоженными остались лишь могилы № 1, 10, 15, 17. В этих случаях установлена древняя дневная поверхность, с которой выбиралась могильная яма. Древний уровень отмечен тонким культурным слоем, в котором содержатся обломки строительной и бытовой керамики, монеты, другие находки и мелкие камни. Днища ям фиксируются на глубинах от 0.45 до 0.60 м от уровня древней дневной поверхности.

При анализе положения костяков тоже устанавливается закономерность – они, как правило, лежат головой на северо-запад, на спине, с вытянутыми конечностями. Хотя часть скелетов нарушена (в 8 погребениях – № 3, 5, 7, 11, 12, 16, 17, 24), все-таки можно выделить несколько вариантов погребального обряда в зависимости от положения конечностей:

– на спине с вытянутыми вдоль тела руками и вытянутыми ногами – 6 погребений (№ 4, 6, 13, 23, 25, 28) – рис. 3, № 23, 25, 28;

– на спине с вытянутой вдоль тела одной рукой, другая – поверх таза – 3 погребения (№ 8, 9, 26) – рис. 3, № 9, 26;

– на спине, с кистями рук поверх тазовых костей и вытянутыми ногами – 4 погребения (№ 1, 2, 10, 15) – рис 3, № 10; рис. 4.

Целые и фрагментированные скелеты найдены в 24 могилах. Из них только 11 костяков были изучены антропологом С. Чолаковым. Установлено наличие шести детских костяков различного возраста, четырех мужских и одного женского костяков. Большой интерес не только с антропологической, но и с культурно-исторической точки зрения представляет присутствие индивида (молодая женщина около 25 лет) с искусственной деформацией черепа в могиле № 15[2].

Одной из самых устойчивых особенностей погребального обряда изученного могильника является присутствие следов огня в могильной яме. Эти следы прослеживаются в виде угольков (от самых мелких до 2–3 см в диаметре), отдельных головней и досок (?) разной длины, в виде обугленных плах перекрытия могильной ямы (№ 9). Угольки найдены в заполнениях могил № 8, 13, 15, 28, 29, на дне

[2] Антропологическая экспертиза части скелетов проделана покойным д-ром Слави Чолаковым. Преждевременная кончина помешала ему закончить работу. По его мнению, появление взрослого индивида с искусственной деформацией черепа свидетельствует бесспорно о наличии "инородного" элемента, а отсутствие этой практики на детях – о том, что эта традиция уже прервалась.

погребений, возле и под скелетом (№ 1, 7, 10, 16, 17, 23, 25, 26) и поверх скелетов (№ 2–6, 12). Остатки обугленных головней зафиксированы в разных местах – вдоль скелета, поверх него и поверх черепа. Головни имели различные размеры – длиной от 20 до 68 см и шириной от 2 до 10 см. В размещении горелых головней в могилах не выявлено строгой закономерности. Вероятно, было важно прежде всего присутствие их в погребении в связи с ритуалом. В погребениях № 2, 4 и 5 головни найдены поверх лицевой и теменной части черепа. В третьем случае они были обнаружены поверх грудной клетки, с правой стороны таза и над правой щиколоткой. В могиле № 7 головни уложены как на костях левой руки скелета, так и вдоль нее. В детском захоронении № 12 две головни лежали по диагонали непосредственно на теле (рис. 3, № 12). На дне могил, вдоль костей головни зафиксированы в трех случаях (№ 16, 17, 26). В одном они расположены по обе стороны костяка (рис. 3, № 26), в другом – в могиле № 16 (рис. 3, № 16) – только слева, в могиле № 17 – только справа.

Обобщая результаты этого анализа, можно утверждать, что следы "огненного ритуала" выявлены в 20 случаях из 29 исследованных захоронений, причем в только 23 могилах сохранились костные останки. Необходимо упомянуть о том, что отдельные угольки найдены и в двух сооружениях без сохранившихся скелетов.

Таким образом, можно с большой уверенностью утверждать, что "огненное воздействие" (очищение или обезвреживание) является устойчивой нормой и массовой практикой в погребальной обрядности населения, оставившего этот могильник. Выявленные особенности уникальны, так подобный обряд не встречается ни в одном из исследованных археологами могильников IV–VII вв. на территории Болгарии[3]. Одиночные захоронения со следами огненных ритуалов (в большинстве случаев – отдельные древесные угли) зарегистрированы на некоторых некрополях черняховской культуры. Эта особенность известна для погребений могильников Балцаты-II (Рикман, 1968. С. 133–141), Оселивка (Никитина, 1988. 5–97), Романковцы, Ода и Горошевцы (Никитина, 1996. Табл. 7, 21, 50) и других памятников. Но для них не характерна массовая практика укладывания в могилы и поверх трупа тлеющих или горящих кусков дерева вплоть до головней.

Выявляются и другие отклонения от христианских норм захоронения, которые в этот период в большой степени можно считать устоявшимися в балканских провинциях Византийской империи в пределах нынешней территории Болгарии. Речь

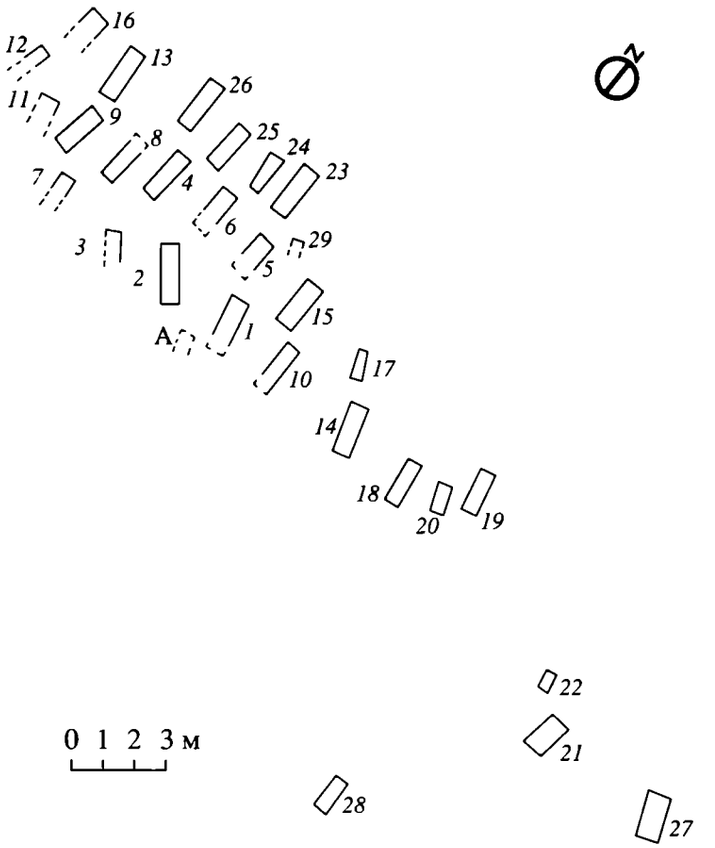

Рис. 2. План могильника у с. Кошарево.

идет о вытянутых вдоль туловища на костях верхних конечностей и об устойчивой северо-западной ориентировке всех погребений. Отклонением от христианской норы следует считать и присутствие в погребениях костей животных. Очевидно, это "пища в дорогу" или свидетельство символического участия покойного в поминальной трапезе. Кости животных обнаружены в захоронениях № 19 и 21 (соответственно – бедренная кость и часть позвоночника мелких травоядных животных)[4]. Необходимо уточнить, что в обоих комплексах человеческие кости не обнаружены.

Перечисленные отклонения от норм христианской обрядности позволяют предположить, что население, оставившее могильник, является замкнутой этнической группой аллохтонов. Именно они практиковали такой специфический консервативный погребальный обряд. Возможно, это население обитало в сравнительно изолированном районе Верхней Струмы в то время, когда здесь еще не были восприняты нормы христианского обряда.

Вещевые находки обнаружены в девяти погребениях. Это предметы, связанные прежде всего с одеждой и украшениями. В двух случаях без сомнения, они являются дарами покойникам: в погребении № 23 в заполнении могильной ямы найдена часть бронзового ременного наконечника (рис. 5, *1*),

[3] В своем докладе о церкви и могильнике периода VI–VII вв. возле г. Габрово на конференции в г. В. Тырново (2000 г.) г-жа Кина Койчева сообщила о том, что в заполнении были могильных ям были обнаружены угли. К сожалению, ее работа еще не опубликована.

[4] Остеологическая экспертиза проведена д-ром Л. Ниновым – Археологический институт – София.

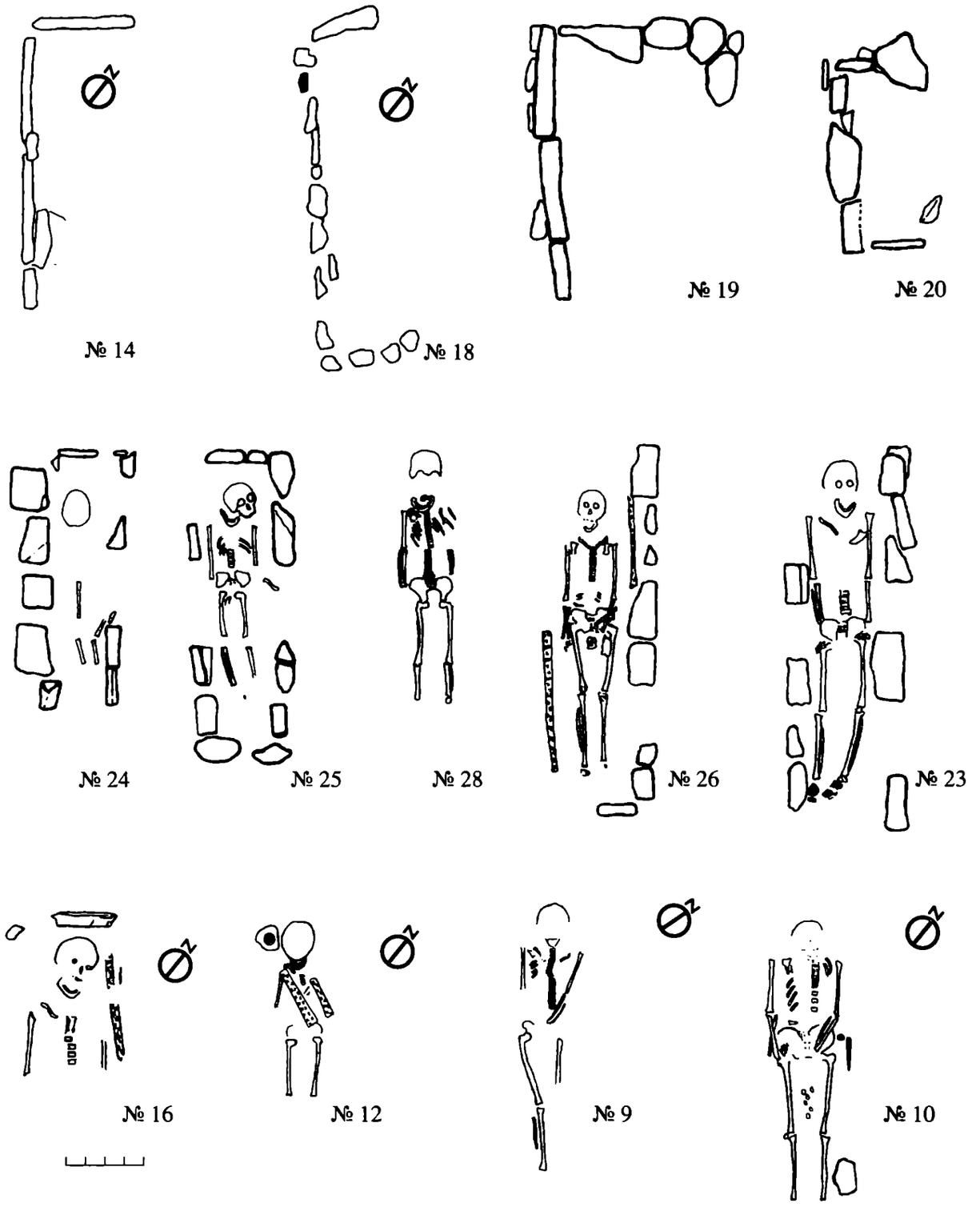

Рис. 3. Варианты оформления могильных ям.

на глубине около 30 см над тазом, в погребении № 25 – медная серьга с полиэдрическим окончанием (рис. 5, *4*), лежавшая слева в области таза девочки. К категории даров надо причислить и медные монеты из могил № 4 и 29 (обе относятся к концу IV в. н.э.) и таллуса (без следов обработки), найденного на дне ямы возле скелета в погребении № 13. Монеты из заполнений ям № 14 и 18 можно считать случайно попавшими в комплексы, поскольку на этой территории могильника обнаружен участок с культурным слоем IV–V вв. н.э.[5]

[5] В ходе раскопок в пространстве между могилами были найдены монеты, металлические предметы, мелкие обломки керамики. Все монеты обработаны и они принадлежат второй половине IV – первой четверти V вв. Самая поздняя – минима императора Гонория, чеканена в 408–423 гг. Определение монет – д-ра Д. Аладжовой (Археологический Институт – София), за что авторы ее благодарят.

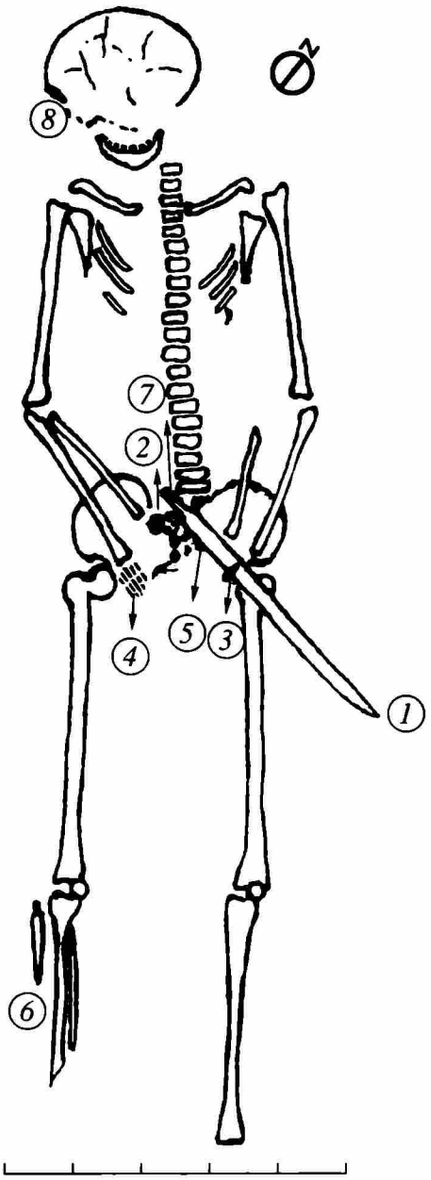

Рис. 4. Погребение № 1 могильника у с. Кошарево с местоположением вещей: *1* – однолезвийный короткий меч; *2* – серебряная пряжка; *3* – аппликация к ножнам; *4* – серебряный перстень; *5* – железная пряжка; *6* – железный ножик; *7* – апотропей – магическая бусина; *8* – бронзовая серьга.

В других случаях найденные вещи бесспорно можно определить как личные вещи и части костюма покойников[6].

Богатством инвентаря выделяется захоронение № 1 (рис. 4). Оно было опубликовано в 1998 г., сразу после окончания раскопок (Daskalov, 1998. S. 77–87). Для полноты обзора и ясности выводов коротко упомянем находки из этого комплекса (рис. 6). С правой стороны черепа была найдена бронзовая серьга с утолщением в нижней части и заостренными, чуть заходящими друг на друга концами (рис. 4, *8*; рис. 6, *8*). Поперек левой половины таза лежал короткий однолезвийный клинок в деревянных ножнах длиною 45.5 см (рис. 4, *1*; рис. 6, *1*).

[6] Все находки из могильника находятся в Историческом музее г. Перник.

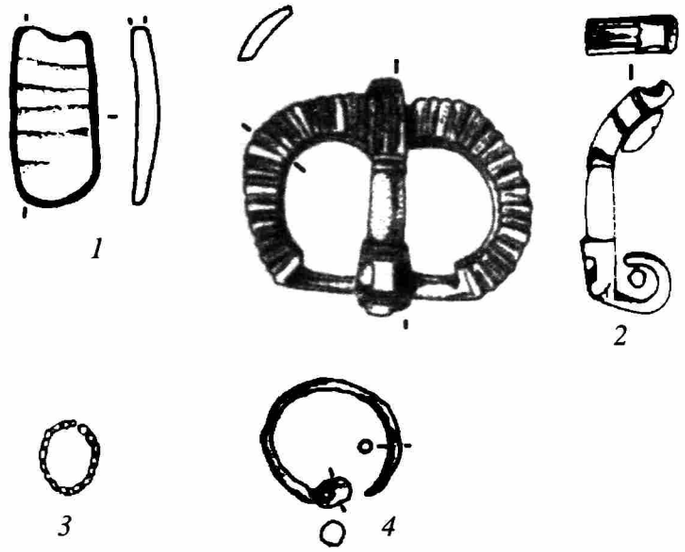

Рис. 5. Вещи из захоронений в могильнике у с. Кошарево: *1* – бронзовый наконечник из могилы № 23; *2* – бронзовая пряжка из могилы № 10; *3* – серебряная сережка из могилы № 4; *4* – медная сережка из могилы № 25.

В 2.5–3 см над ним и в 28 см от острия находилась составная аппликация с подогнутыми концами (рис. 4, *3*; рис. 6, *6*). К тонкой медной пластинке штифтами были присоединены разные по диаметру медные кружочки, на которых в гнездах из напаянной плоской (с внутренней) и круглой (с внешней стороны) проволоки были прикреплены три граната (полусферический в середине и два в форме косточки дыни по обеим его сторонам). Под шипом рукоятки клинка лежал фрагментированный апотропей – магическая бусина (рис. 4, *7*)[7]. Она составлена из овальной бронзовой пластинки и П-образного проволочного ушка, скрепленного с ней штифтами. На поверхности пластинки, в креплении (кабошон) из плоской и круглой проволоки был вложен совершенный по качеству и степени обработки овально-конический агат (рис. 6, *5*). По середине таза лежала трехчастная массивная серебряная пряжка (рис. 4, *2*). Она состоит из овальной плотной рамки, круглой в поперечном сечении, овальной по форме и согнутой из двойной пластины обоймицы с штифтами с полусферическими головками и сильно изогнутого массивного язычка с полукруглым сечением. В его основании оформлена кассета, инкрустированная стеклом красного цвета. Все три части пряжки связаны шарниром (рис. 6, *4*). Другая пряжка находилась на левой стороне таза, в 1.5 см ниже клинка (рис. 4, *5*). Она была изготовлена из железа, рака этой пряжки имеет слабо выраженную В-образную форму (рис. 6, *3*). На безымянном пальце правой руки костяка находился серебряный перстень с овальным щитком, на

[7] При определении функции вещи имелось в виду местонахождение и использован термин Й. Вернера: "Magischeschwertperle" (Werner, 1956. S. 26–37).

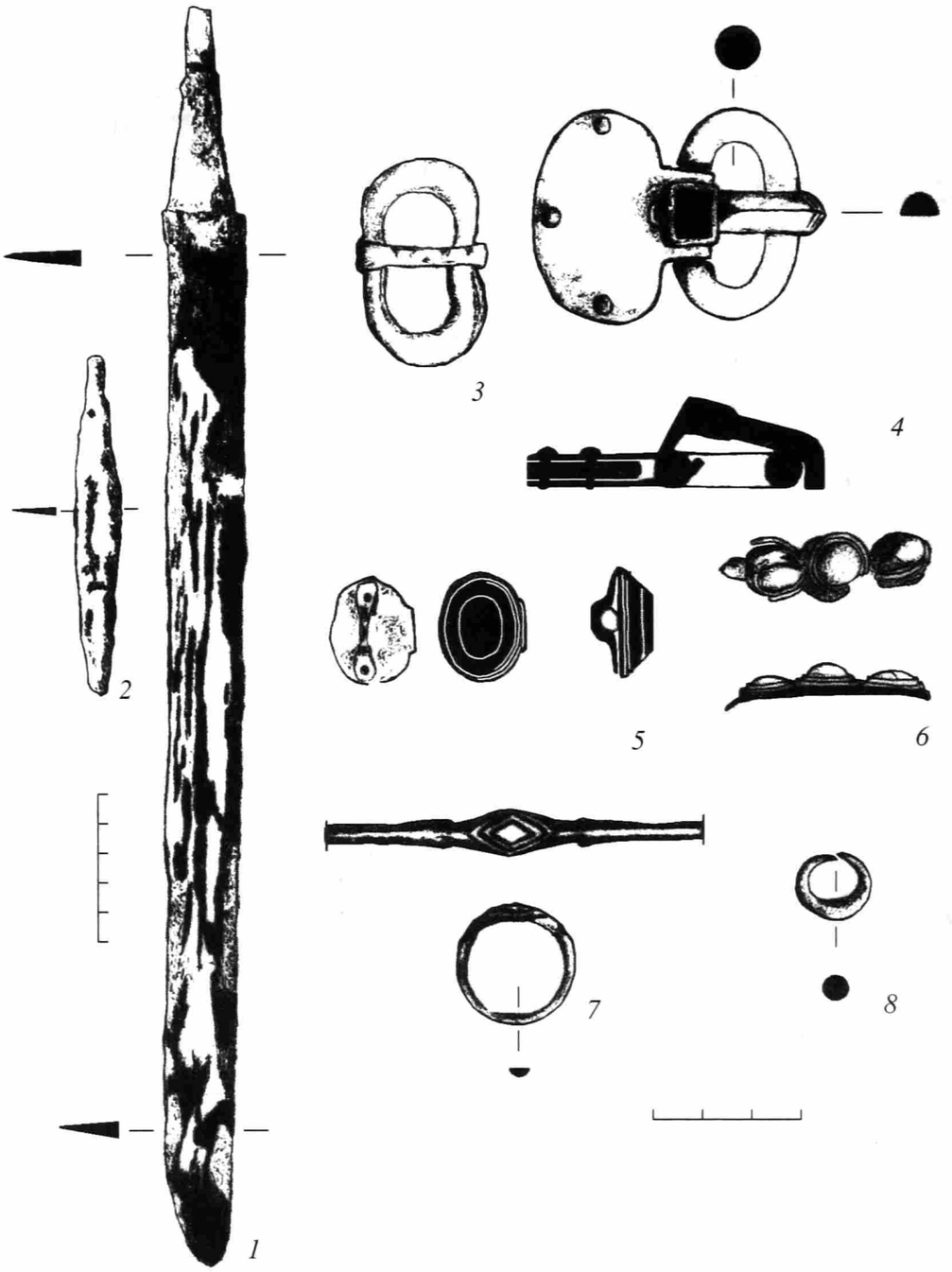

Рис. 6. Инвентарь погребения № 1.

котором врезаны два концентрически расположенных ромба (рис. 4, *4*; рис. 6, *7*). С правой стороны правой голени костяка лежал железный нож, направленный острием вниз (рис. 4, *6*; рис. 6, *2*). После лабораторной работы над расчисткой и консервацией клинка стало ясно, что его острие имеет несколько повреждений. Анализ их под микроскопом, определенно установил, что повреждения – результат практического использования клинка. Этот факт подтверждает выдвинутое раньше предположение о долговременном употреблении клинка, на что указывают и следы ремонта аппликации ножен и апотропея (Daskalov, 1998. S. 82).

Рядом с погребением № 1 с северо-востока исследовано захоронение № 10. Это погребение взрослого мужчины. Слева от таза находилась массивная литая бронзовая пряжка с рамкой В-образной формы. Ее поверхность покрыта глубоким рифлением (рис. 5, *2*). Рядом располагались пять медных кнопок с полусферическими полыми головками[8]. Они сконцентрированы около темно-коричневого пятна длиной в 10 см и шириной в 2–2.5 см. Место кнопок относительно пряжки и пятна дает основание предположить, что ими к концу кожаного ремня был присоединен деревянный (?) наконечник. Пряжка покрыта благородной патиной и сохранилась целиком (рис. 5, *2*). После ее

[8] В момент вскрытия могилы они находились в очень плохом состоянии и распались.

расчистки был установлен ряд мелких особенностей: язычок отлит в форме головы и тела стилизованного морского конька; в глубоких местах рифления чеканом нанесен орнамент типа "рыбья кость". Исходя из степени сохранности пряжки, можно заключить, что она использовалась короткое время. Идентичные пряжки известны из многих объектов ранневизантийского времени на территории Болгарии. Географически самые близкие аналогии происходят из ранневизантийского слоя крепости на холме "Кракра" возле г. Перника (Любенова, 1981. Обр. 119, *1*). Другие находки известны из слоя "юстинианового времени" кастеллумов Ятрус у современного села Кривины, возле г. Русе (Gomolka-Fuchs, 1991. S. 171. Taf. 58, *777*) и "Големаново кале" в центре Северной Болгарии (Uenze, 1992. S. 176–180. Abb.11, 12). Пряжка этого типа находилась среди инвентаря разрушенного погребения в районе одного из Старопланинских перевалов (Велков, 1938. С. 419, 420. Обр. 203), где в контексте комплекса она датирована около 500 г. В последние годы увеличилось число таких пряжек в качестве "случайных находок" (Haralambieva, 1997. Abb. 6). Следует указать, что распространение В-образных пряжек с рифлением некоторые исследователи связывают с расселением групп германцев в эпоху переселения народов (Бажан, Каргопольцев, 1989. С. 28 и сл.; Gomolka-Fuchs, 1991. S. 171).

В захоронениях женщин найдено совсем мало вещей. Это две сережки: одна из могилы № 4, она находилась слева под черепом (рис. 5, *3*) и из могилы № 25, где сережка лежала в области тазовых костей (рис. 5, *4*). Серьга из могилы № 4 имеет неправильную овальную форму и сделана из тонкой серебряной проволоки. На лицевой стороне сережки оформлены псевдогранулы. Аналоги этой находке пока неизвестны. Материал и простота ее изготовления позволяют допустить, что это – обычное дешевое изделие, которое использовалось, вероятно, не дольше, чем в рамках одного поколения. Сережка из могилы № 25 (рис. 5, *4*) имеет множество аналогий в материалах из более близких и отдаленных территориально памятников. Подобные артефакты найдены в крепости на холме "Кракра" возле г. Перника (Любенова, 1981. Обр. 121). Они датируются с учетом аналогий, известных с территории бывшей Югославии – прежде всего на могильниках городов и крепостей провинции Moesia Prima (Любенова, 1981. С. 178, 179). В последнее время утвердилось мнение о том, что серьги с полиэдрическим окончанием имеют провинциально-римское происхождение и распространялись в среде "варварских" народов, где использовались в течение двух столетий (Gomolka-Fuchs, 1991. S. 172).

Таким образом, датировка могильника не вызывает затруднений благодаря найденным на могильнике у с. Кошарево изделиям. При сравнительном анализе выясняется, что имеются почти идентичные экземпляры пряжек в Valea lui Mihai (Ermihalyfalva) (Csallany, 1961. S. 220, Taf. CCXXXIX), Oros (Tejral, 2001. S. 67) и однолезвийных мечей в Puan (Tejral, 2001. S. 68, 69). Все артефакты попадают в рамки фазы D3 (Harhoiu, 1998, Taf. CXXXVII; Kazanski, Koch, 2001. S. 84–85). Тем не менее следует учесть несколько важных моментов при датировании памятника:

1. Под могильник использован участок с культурными отложениями второй пол. IV – первой трети V в., т.е. эта дата является категорическим terminus post quem для возникновения могильника.

2. Основной датирующий материал происходит из могилы № 1, где похоронен взрослый индивид (ок. 50 лет). Следы повреждений и ремонта его аксессуаров свидетельствуют об их долговременном бытовании и использовании не одним поколением.

3. Использование В-образных пряжек с рифлением на территории балканских провинций Византии на сегодняшний день определенно датируется V–VI и первой пол. VI в.

Таким образом, можно утверждать, что имеются все основания определить время функционирования могильника в пределах последних двух-трех десятилетий V – первой трети (или половины) VI в. н.э.

Появление группы населения со специфическим погребальным обрядом, резко отличающимся на фоне прочего населения, в относительно изолированном районе верхнего течения р. Струмы ставит вопрос о происхождении и этнической принадлежности пришельцев. Сравнительно небольшое количество исследованных могил ограничивает возможность ответа на эти вопросы. Затруднения вызывает и то, что в районе не проводилось более масштабных и систематических археологические раскопок. Тем не менее особенности погребального обряда и найденный на могильнике инвентарь позволяет сделать ряд определенных выводов.

Расположение могил рядами в пределах могильника и их устойчивая ориентировка головой на северо-запад связывают рассматриваемый памятник с некрополями типа Reihengräber, которые оставлены некоторыми германскими группами. Однако на сегодняшний день среди этих памятников не известно столь широкого применения огня в обряде. Уже во второй пол. V в., как и позднее, такие группы населения засвидетельствованы исторически и археологически во всей Средней и Юго-Восточной Европе (области Нижнего и Среднего Дуная) в близи границ Византийской империи и вообще всего бывшего Римского лимеса (Tejral, 2001. S. 68, 70). Они присутствуют в этих районах еще во времена так называемой "Державы Аттилы", роль таких этнических групп особенно повысилась в годы распада этого квазигосударственного образования, породившего новые большие этнические передвижения. Они оставили свои следы в многих районах европейского континента.

Оружие и украшения, найденные в могильнике у с. Кошарево, имеют почти полные аналогии в так называемых "воинских захоронениях с оружием", распространенных в восточно-германской среде после распада "Державы Аттилы" (Tejral, 2001. S. 67. Kat. 4, 7; S. 74. Kat. 4, 6). Однако сложившаяся в годы гуннского влияния интернациональная воинская мода распространилась среди множества народов и племен, что не позволяет отбрасывать и другие возможности этнической интерпретации погребений у с. Кошарево.

Появление памятника с перечисленными особенностями позволяет прийти к выводу о проникновении ограниченных групп населения со среднедунайскими ("восточногерманскими" ?) традициями на территорию Византии во второй пол. V в. н.э.[9] О том, какой статус (мигранты или федераты ?) имели и какую роль исполняли эти воины в жизни провинции и Империи, пока нет возможности судить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. 1989. Вып. 189.

Велков И. Могилна гробна находка от Троянъ // Известии на български археологически институт. 1938. Вып. XII.

Любенова В. Селището от римската и ранно-византийската епоха // Перник. Т. I. Софи, 1981.

Митова-Джонова Д. Археологически паметници в Пернишки окръг. София, 1983.

Никитина Г.Ф. Могильник у с. Оселивка Кельменецкого района Черновицкой области // Могильники черняховской культуры. М., 1988.

Никитина Г.Ф. Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии. М., 1996.

Рикман Э.А. Раскопки могильника черняховского типа Балцаты-II в 1963–64 гг. // Могильники черняховской культуры. М., 1968.

Csallany D. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454–568) // Archaeologica Hungarica. 1961. B. XXXVIII.

Gomolka-Fuchs G. Die Kleinfunde vom 4. bis 6. Jh. // Iatrus – Krivina. 1991. B. IV.

Daskalov M. Ein Grab der Völkerwanderungszeit aus Südwestbulgarien (2. Hälfte des 5. Jhs. – Anfang des 6. Jhs.) // Archaeologia Bulgarica. 1998. B. II.

Haralambieva A. Goten, Hunnen und Awaren in Nordostbulgarien (Suddobrudza und Ludogorie) // Miscellanea Bulgarica. 1997. № 11.

Harhoiu R. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumaenien. Archaeologia Romanica. 1998. B. I.

Kazanski M., Koch U. Die Chronologie im Barbaricum zur Zeit der grossen Voelkerwanderung // Das Gold der Barbarenfürsten. Schätze aus Prunkgräbern des 5. Jht. n. Chr. zwischen Kaukasus und Gallien. Stuttgart, 2001.

Tejral J. Waffengräber im donauländisch-ostgermanischen Kulturkreis // Das Gold der Barbarenfürsten. Schätze aus Prunkgräbern des 5. Jht. n. Chr. zwischen Kaukasus und Gallien. Stuttgart, 2001.

Uenze S. Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien) // Münchener Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. B. 43. München, 1992.

Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.

[9] Об этом свидетельствует индивид с искусственной деформацией черепа, хотя эта практика присуща многим народам времени переселения народов.

The Cemetery Dated to the Great Migration of the Peoples Near the Village Kosharevo (Pernik Region, West Bulgaria)

M. Daskalov, K. Trendafilova

Summary

In the paper the results of the excavations of the cemetery near the village Kosharevo carried out in 1998–1999 are presented. The site is situated in Pernik region, West Bulgaria. 29 burials dated from the period of the Great Migration of the Peoples were investigated, some of them did not contain human remains. Some features of the burial rite were recorded: the graves were arranged in rows, the dead were oriented to the north-west with their hands stretched, the traces of fire were recorded in the burial pits. The dead were supplied with food offerings. These characteristics are not typical of the Christian ritual which was widely spread in the Balkan provinces of Byzantium in the Great Migration period. The sites with the described indications are unknown in Bulgaria and adjacent lands so far. Of special interest is the find of the skeleton with artificial deformation of skull. This feature is characteristic of many barbarian peoples in the Hunnic epoch. Burial 1 that evidently belongs to a warrior is distinguished by its rich grave goods. The analogies of the finds can be pointed out in the Middle Danubian cemeteries and those in the Carpathian depression with east German ethnic markers present. Still, another ethnic attribution of the group that had left the cemetery Kosharevo cannot be excluded. The analysis of archaeological situation and comparative studies of the artefacts permit to suggest the chronology of the site from the last third of the 5th – the first third (half) of the 6th cc. AD. It coincides with the chronology of the finds indicating the population alien to the traditions of Byzantine empire. Similar material is known from the hillfort Krakra disposed near Pernik, 40 km from the village Kosharevo. The occurrence of the population with the Middle Danubian features in the province of Dacia Mediterranea after the disintegration of Attila's power is an indisputable fact. Relatively small number of investigated burials and the lack of large-scale survey of the area in question limit extensive conclusions on the history of the group of newcomers in the relatively isolated region of the upper Struma river.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 153–163

ЗАМЕТКИ

БРОНЗОВАЯ ПЕЧАТЬ С ГОРОДИЩА ЧИЛЬБУРДЖ

© 2003 г. А. Г. Губаев*, С. В. Новиков**

*Туркменский государственный университет, Ашхабад

**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Одним из наиболее широко известных древних памятников в Туркестане является городище Чильбурдж, расположенное на северо-западной окраине Мервского оазиса. До недавнего времени оно определялось как типичная крепость парфянского времени (Пугаченкова, 1958. С. 51, 52). Однако проведенные на нем раскопки показали, что история памятника более сложна. Он возникает в парфянское время, тогда же обносится стенами. Период наивысшего расцвета его приходится на сасанидское время (III–VII вв. н.э.). К этому периоду относят и его знаменитые укрепления. В это время вокруг городских стен возникает и пригород. После арабского завоевания город продолжает существовать, но жизнь на нем постепенно замирает: пригород оставляется жителями, укрепления не ремонтируются. Последняя страница в истории этого населенного пункта – монгольское завоевание (Caibov et al., 1990. P. 21–36).

В ходе исследований на городище Чильбурдж была сделана интересная случайная находка – бронзовая печать (рисунок). По своей форме она представляет собой несколько вытянутую в верхней части полусферу с горизонтальным круглым сквозным отверстием диаметром 3 мм, расположенным по вертикальной оси изображения на печати. Ее высота составляет 10.5 мм. Форма щитка печати – почти круглая, длина его большей оси – 12.9 мм, меньшей – 12.3 мм. Зооморфный сюжет на щитке – анэпиграфичен. Он представляет собой выполненное в объемно-выемчатой и частично штриховой манере изображение коня вправо. Крупная голова животного несколько опущена вниз и показана не в профиль, как все изображение, а в три четверти. Двумя перекрашивающимися под углом глубокими штрихами намечена морда лошади (вертикальный длинный штрих) и глаз (горизонтальный короткий штрих). Грива коня моделирована мягко изогнутыми веерообразными штрихами, что неплохо подчеркивает изгиб и объем шеи. Сбруя передана на шее более глубокой выемкой, а три короткие насечки на спине показывают седло, выполненное в такой манере, что он подчеркивает объем и округлость спины и живота коня. Длинный хвост, переданный гравером глубокой вертикальной выемкой, опущен вдоль крупа.

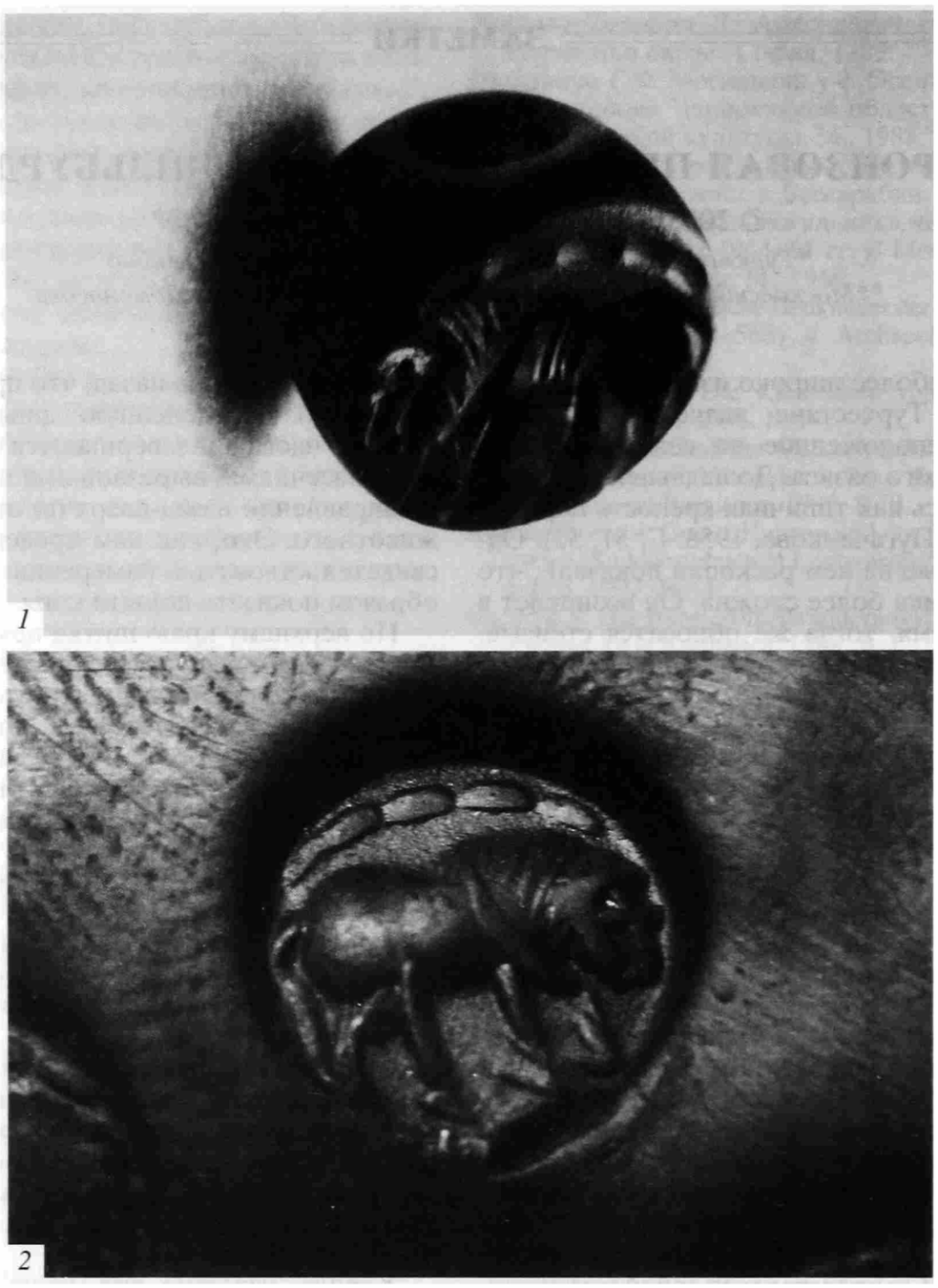
Положение передних и левой задней ноги животного – параллельно. Задняя правая нога несколько отставлена назад, что придает всему изображению определенную динамику движения. Нижние части ног завершаются короткими штрихами-насечками, вырезанными под острым углом в направлении назад-вверх по отношению к телу животного. Это, как нам представляется, может свидетельствовать о намерении художника таким образом показать копыта коня.

По верхнему краю щитка печати располагается орнамент в виде пяти одинаковых, похожих по форме на зерна злаков, эллиптических углублений. Нам представляется, что этот дополнительный элемент изображения не является ободком, охватывающим по окружности щиток печати (как это часто имеет место на многих сериях античных и средневековых монет). Скорее всего это этот орнамент здесь имел чисто декоративное назначение, в то время как на монетах данный элемент изображения нес охранные функции, не позволяя "портить" монету путем обрезки ее краев. Для печати такая возможность, естественно, отсутствует.

Отметим неплохие профессиональные навыки мастера-гравера, изготовившего эту печать. При всей незначительности репертуара инструментария для резки по бронзе и ограниченности выразительных средств ему удалось выполнить миниатюрное, достаточно изящное и псевдообъемное изображение животного.

Хорошо известно, что мотив коня в иконографии изображений на печатях у иранских народов восходит к весьма древним образцам и понятиям ранней мифологии. Достаточно сказать, что конь помимо его астральной символики мог символизировать и божество победы Веретрагну и божество удачи Хварно (Борисов, Луконин, 1963. С. 34). Данная печать относится ко времени, когда авестийский канон уже, по всей видимости, строго не соблюдался. Однако укоренившаяся в сознании людей традиция сохраняла его, в частности, среди образов и мотивов изображений на геммах и печатях.

Поскольку данная печать вне культурного слоя, то датирована она может быть только исходя из сюжета, техники и иконографии. Прежде всего необходимо указать, что сюжет и иконография, бесспорно, указывают на ее сасанидское происхождение. Она органично входит в круг пока

Бронзовая печать (*1*) и ее оттиск (*2*) с городища Чильбурдж.

еще не очень многочисленных печатей сасанидского времени из Мервского оазиса (Пугаченкова, 1957; 1963. С. 201–212; Ершов, 1959. Табл. 23, 23а). Стилистические и технические детали (штриховая техника, дополненная легким общим углублением поверхности изображения) позволяют отнести данную печать к периоду V–VII вв., что не расходится с датировками подобного стиля исполнения изображений на геммах, предложенных ранее (Борисов, Луконин, 1963. С. 28).

Вместе с тем необходимо указать на некоторые своеобразие данной печати. Прежде всего отметим, что изображение коня (обычного, не крылатого) на печатях сасанидского времени встречается достаточно редко. Во всяком случае среди нескольких сот печатей и оттисков (булл) из Каср-и Абу Наср встречена только одна аналогичная чильбурджской – с изображением коня вправо (Нагрег, 1973. P. 72. № D 300) и с надписью (надпись, правда, не читается) (Frye, 1973. P. 64). Тот же самый результат дают и различные коллекции. Так среди нескольких сот печатей, опубликованных в каталоге Ф. Жинью и Р. Жислэн, только три имеют изображение коня. При этом точное иконографическое соответствие дает только одна печать, поскольку две другие представляют либо скачущего, либо идущего коня (Gignoux, Gyselen, 1982. P. 92,

93. № 30, *26*; 30, *27*. Pl. XIV), а стоящего – только одна (Gignoux, Gyselen, 1982. P. 93. № 30, *28*).

Вторая особенность – материал. Обычно сасанидские печати изготовлялись из драгоценных и полудрагоценных камней. Таковыми являются и все до сего времени известные сасанидские печати из Мервского оазиса. Печать из металла – очень большая редкость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л., 1963.

Ершов С.А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али // Тр. Института истории, археологии и этнографии АН Турк. ССР. Т. V. Ашхабад, 1959.

Пугаченкова Г.А. Геммы из Мерва // Изв. АН Турк. ССР. 1957. № 3.

Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958.

Пугаченкова Г.А. Мервские геммы-инталии // Тр. ЮТАКЭ. 1963. Т. XII.

Frye R.N. Inscriptions and Monograms on the Sealing // Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr. Seal, Sealings and Coins / Ed. Frye R.N. Cambridge (Mass.), 1973.

Caibov V., Koshelenko G., Novikov S. Chilburj // Bulletin of the Asia Institute. 1990. New Series. V. 4 (In Honor of Richard Nelson Frye).

Gignoux Ph., Gyselen R. Sceaux sasanides de diverses collections privées. Leuven, 1982.

Harper P.O. Representational Motifs on the Sealing // Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr. Seal, Sealings and Coins / Ed. Frye R.N. Cambridge (Mass.), 1973.

РАННИЕ МОНЕТЫ ТИРЫ

© 2003 г. Н. А. Фролова

Государственный исторический музей, Москва

История города Тиры скудно освещена сведениями античной литературной традиции.

В основном они сводятся к беглым упоминаниям города в периплах и географических описаниях. Геродот, зная Ольвию, не упоминает о городе Тире, но говорит лишь о тиритах, живущих близ устья Тираса (Herodot, IV, *51*). Эпиграфические памятники относятся чаще всего к истории города в римское время. Раскопками Э. Штерна в 1990 и 1912 гг., обнаружившими остатки архитектурных сооружений и монеты, был решен вопрос о местоположении Тиры на правом берегу Днестровского лимана. Город Тира был основан выходцами из Милета в устье большой реки Тираса, современного Днестра, во второй пол. или конце VI в. до н.э. (Карышковский, Клейман, 1985. С. 42).

Еще А.Н. Зограф считал, что возникновение монетной чеканки города Тиры отстает от времени основания города почти на столетие (Зограф, 1951. С. 111). Но монеты, наравне с эпиграфическими данными, остаются достоверными источниками государственного существования Тиры в ранний период (Зограф, 1951. С. 112). А.Н. Зограф полагал, что для античной Тиры следует считать установившейся форму наименования города – Тира (Τύρα). На монетах Тиры римского периода надпись – ΤΥΡΑ – представляет собой сокращение этникона "Τυρανῶν" (Зограф, 1957. С. 9. Прим. 1, 4). Изучение монетного дела Тиры была начато в середине прошлого века составлением каталога собрания монет Тиры из нумизматического отдела Эрмитажа. Статью А. Гримма о монетах Тиры (Grimm, 1868. S. 27f.) А.Н. Зограф считал блестящим опытом составления каталога, так как А. Гримм исчерпывающе использовал как предшествующую литературу, так и тогдашний состав коллекции Эрмитажа (Зограф, 1925. Т. IV. С. 147). В 1889 г. В.Н. Юргевичем было составлено описание монет, хранящихся в Собрании Одесского музея (Юргевич, 1889. С. 1–12). Критический обзор этих статей был дан А.Н. Зографом (1925. С. 148–156). В 1926 г. А.Н. Зографом была начала работа по сбору материала для составления корпуса монет Тиры (Зограф, 1940. С. 64). Она была закончена в 1927 г. В 1930–1931 гг. он расширил вступительную часть и добавил главу о монетных находках. Ввиду фрагментарности метрологических данных А.Н. Зограф отказался от выделения в особую главу вопросов метрологии монет Тиры. Монографии А.Н. Зографа предшествовала статья, посвященная истории города Тиры (Зограф, 1940. С. 64). Посмертно опубликованная монография является первой попыткой создать корпус монет одного из городов Северного Причерноморья, вводя в научный оборот не только массовый материал, но и ранее неизданные монеты, разбросанные по различным зарубежным коллекциям, хранившимся в маленьких музеях Юга России, по редким изданиям, публикациям, аукционным каталогам. Отдельная глава в его труде "Античные монеты" (М.; Л., 1951) была посвящена монетному делу Тиры (глава VIII). Но, как считал П.О. Карышковский, публикация книги А.Н. Зографа "Монеты Тиры" (М.; Л., 1957) не исчерпывает всех вопросов, порождаемых монетной чеканкой Тиры (Карышковский, 1960. С. 193), а появление новых монет, полученных в резуль-

тате археологического исследования Тиры, дает возможность по-новому интерпретировать отдельные периоды истории города Тиры. В своей рецензии П.О. Карышковский предлагал передатировать редкие медные монеты Тиры типа голова юного Геракла вправо – бык на черте, идущий вправо, вверху надпись TYPA (Зограф, 1957. С. 76. Тип 40. Табл. III, *16*). Монета была известна только в одном экземпляре и происходила из коллекции Британского музея (SNG. BM. Part. IX. № 348). В 1958 г. во рву Белгород-Днестровской крепости (Тиры) был найден второй экземпляр, изданный П.О. Карышковским (1960. С. 133. Рис. 1, *1*). Он чеканен одной парой штемпелей с британским экземпляром. П.О. Карышковский предположил датировать этот тип меди концом IV в. до н.э., а не более поздним временем, как считал А.Н. Зограф. П.О. Карышковский отметил то обстоятельство, что только А.Н. Зографу удалось полностью осветить всю историю чеканки Тиры и, в частности, установить начало выпуска первых монет Тиры, отчеканенных из серебра. Но П.О. Карышковский не был согласен с мнением А.Н. Зографа, касающимся его убежденности в том, что стилистические различия в изображениях на драхмах не имеют или не могут иметь датирующего значения (Карышковский, 1960. С. 134). П.О. Карышковским были выдвинуты аргументы для выделения группы драхм по стилистическим признакам. С выводами П.О. Карышковского не согласен В.А. Анохин (1989. С. 87, 88), который представил свой обзор чеканки Тиры, снабдив его семью таблицами. Но каталог монет Тиры, составленный автором, является только перечнем типов монет Тиры. Прежде всего необходимо уточнять, что все датировки, данные В.А. Анохиным монетным сериям и группам, произвольны. О методе хронологической классификации монет, принадлежащих всем городам Северного Причерноморья: Боспора, Ольвии, Херсонеса, Керкинитиды, Тиры, используемом В.А. Анохиным, было сказано ранее (Фролова, 1992. С. 197).

Свои первые монеты, как и большинство греческих городов, Тира чеканит из серебра.

Хронологическую классификацию монет Тиры дал А.Н. Зограф (1951. С. 112–114; 1957. С. 19–43). Он считал, что ранние серебряные монеты Тиры образуют особую, замкнутую, самостоятельную группу в монетном деле Тиры. Чеканка серебряных монет Тиры кратковременна, так как приходится только на вторую пол. IV в. до н.э., а в начале III в. или на рубеже III в. до н.э. она заканчивается. В этом отношении с выводами А.Н. Зографа согласны другие ученые, занимавшиеся исследованием монет Тиры. П.О. Карышковский специально обратил внимание на тот факт, что редкость серебряных монет Тиры всегда затрудняла изучение их эмиссий. Однако установленное сходство изображений женской головы на тирасских драхмах с типами кизикинов (Зограф, 1957. С. 20, 21; Булатович, 1981. С. 116; Карышковский, Клейман, 1985. С. 59)[1], а также близость фигуры быка на них с подобными изображениями на монетах Гераклеи (Зограф, 1957. С. 21. Прим. 12) позволяют датировать первые эмиссии серебра в Тире началом второй пол. IV в. до н.э. (Карышковский, 1987. С. 10). (Рисунок 1, *1–2*). Лишь только драхмы с изображением головы богини, повернутой вправо, все же считаются более поздними (Рисунок 1, *3*). П.О. Карышковский отметил, что вклад из с. Дороцкое на Днестре, включавший 128 тирасских драхм вместе с более чем полутора сотнями серебряных монет Истрии (Загинайло, Нудельман, 1971. С. 122–137), а также новые находки драхм Тиры в с. Шабо, Казацкое, Костешны и на Роксоланском городище, свидетельствуют о реальном обращении серебряных монет Тиры в Нижнем Поднестровье (Карышковский, 1987. С. 11). Исследование драхм Тиры по штемпелям (158 экз.) дало возможность П.О. Карышковскому выделить раннюю группу драхм Тиры и эмиссии драхм, имеющих дифференты А, В, Г и монограммы ΦΙ и ΝΕ. Эта ранняя группа, по мнению Карышковского, отличается стилистически и метрологически, имея более высокий вес (около 5.75 г), в то время как поздняя группа драхм уступает ей не только огрублением стиля в изображении образа Деметры, но и значительным снижением веса; эта вторая группа датируется П.О. Карышковским рубежом IV–III вв. до н.э. (Карышковский, 1987. С. 11). Безусловно, что А.Н. Зограф в своих выводах о начале чеканки серебряных драхм в Тире не располагал таким количеством весовых данных, но, исходя из анализа стилистических особенностей изображений Деметры, полагал, что временем появления первых драхм нужно считать первые десятилетия второй половины IV в. до н.э. (Зограф, 1957. С. 23).

Не будет излишним привести и мнение исследователя, посвятившего изучению монет Тиры два последних десятилетия. Так, С.А. Булатович констатирует, что при определении автономных эмиссий, как серебряных, так и медных, главная трудность заключается в интерпретации их хронологии. Она считает, что и сейчас остается в силе отмеченное еще А.Н. Зографом отсутствие "каких-либо опорных пунктов для классификации этих монет". С.А. Булатович полагает, что попытки, предпринятые после выхода в свет книги А.Н. Зографа "Монеты Тиры" в 1957 г., уточнить датировку автономных монет, нельзя признать бесспорными в силу субъективности применяемого при этом методе стилистического анализа (Булатович, 1997. С. 223). Автор имеет в виду исследования П.О. Карышковского в этой области (1958.

[1] А.Н. Зограф отмечал, что кизикины, чья типология изображения Деметры аналогична ее изображению на драхмах Тиры, датируются временем 365–330 г. до н.э.

С. 111–126; 1987. С. 10, 11) и В.А. Анохина (1989. С. 127). Публикуя регулярно монеты Тиры и из раскопок, С.А. Булатович отмечает, что до сих пор не известны находки тирасских монет в узкодатируемых археологических комплексах (Булатович, 1997. С. 223). Тем не менее суммарная датировка, предложенная А.Н. Зографом для ранних серий, утверждает А.С. Булатович, подтверждается археологическим материалом в том случае, когда монеты найдены в ненарушенном слое (Булатович, 1997. С. 223).

Серебряные монеты Тиры чеканятся по эгинской весомой системе, которая была принята в других городах Причерноморья – Синопе, Пантикапее, Ольвии. А.Н. Зограф отмечал, что если бы Тира начала свою чеканку позже, то она вряд ли избрала бы эту традиционную денежную систему Черноморского побережья, так как уже в конце IV в. до н.э. и, во всяком случае, в III в. до н.э. многие из этих городов перешли к аттической монетной системе (Зограф, 1957. С. 20. Прим. 7). Среди исследователей монетного дела Тиры не вызывает возражения тот факт, что серебряные драхмы Тиры, как и истрийское серебро, выступают в роли торговой монеты и получают широкое распространение в Северо-Западном Причерноморье (Карышковский, Клейман, 1985. С. 59). П.О. Карышковскому была известна находка в 1972 г. тирасской драхмы на одном из гетских поселений в долине р. Ботна (с. Костешны). Приведенный исследователями перечень находок античных монет на территории городищ и поселений Западного Причерноморья включает в себя находки серебряных монет Истрии, тетрадрахм Филиппа Македонского (Карышковский, Клейман, 1985. С. 58–60. Рис. 20, *6*), золотых статеров Александра Македонского (Карышковский, Клейман, 1985. С. 58–60. Рис. 20, *8*), золото статера Ольвии (Карышковский, Клейман, 1985. С. 58–60. Рис. 20, *3*), статера Лизимаха из Арцизского района (Карышковский, Клейман, 1985. С. 58–60. Рис. 20, *9*) и медных монет других античных центров.

С.А. Булатович также пришла к выводу, что тирасские драхмы свидетельствуют о высоком экономическом потенциале города Тиры и его широких торговых контактах. Тиру считают поставщиком греческих товаров гетам Поднестровья, а также скифам междуречья Дуная–Днестра (Булатович, 1997. С. 226; Самойлова, 1988. С. 94).

Прекращение эмиссий серебряных монет Тирой относят к рубежу IV–III вв. до н.э. и связывают с распространением в Балкано-Дунайском регионе серебра и золота македонских царей, что сделало невыгодной чеканку собственного серебра в небольшом и лишенном собственных источников сырья городе (Карышковский, 1987. С. 11). Таким образом, распространяясь едва ли более чем на полстолетие, серебряные драхмы Тиры представляют единственный выпуск серебра Тиры, впоследствии уже не возобновившийся.

Автономные медные монеты Тиры А.Н. Зограф распределил на две группы. Более ранние относил к середине IV в. до н.э., которые чеканились до конца III в. до н.э. (Зограф, 1957. С. 23). Более поздние датировал II в. до н.э.–первой пол. I в. до н.э.

Самыми ранними являются тяжелые медные монеты с изображением головы речного божества Тираса, надписью TYPA и головой коня на обороте (Рисунок, *5–6*). Несколько позже, они послужили материалом для чеканки монет другого типа с изображением головы Деметры на лицевой стороне и передней части скачущего коня на оборотной. Надпись на монетах – TYPANΩN (Зограф, 1957. Тип 15, 16) (Рисунок, *7–8*). По форме легенды – TYPANΩN – прослеживается и устанавливается связь этой крупной, хотя и перечеканенной из более ранних монет, меди с монетами из серебра 2-й группы. Поэтому А.Н. Зограф датировал медные монеты второй группы концом III в. до н.э. В 1982 г. была издана медная монета из частного собрания такого же типа – голова Деметры в венке из колосьев – передняя часть скачущего коня, надпись TYPANΩN, но за обрезом протомы коня помещен тунец, хвостом вверх, к спине лошади (Коциевский, 1982. С. 117–120; Алексеев, 1990. С. 64, 65; 1997. С. 5). К тому же времени относятся и медные монеты, но пониженного веса, с изображениями головы Тираса на лицевой стороне и головы коня на оборотной (Зограф, 1957. С. 67. Тип. 12. Табл. I, *9*, *12*). А.Н. Зограф считал, что тождество типов с тяжелой серией меди и одинаковое расположение надписей (Зограф, 1957. Тип. 11) дает возможность видеть в медных монетах уменьшенного веса тот же номинал, но с течением времени чеканившийся по уменьшенной стопе. Это явление отметил еще К. Реглинг для монет Том, и оно зафиксировано для монет Ольвии III в. до н.э. в сериях с головой Борисфена (Зограф, 1957. С. 25. Прим. 24).

Ко второй пол. III в. до н.э. относятся медные монеты с изображением в фас головы Деметры на лицевой стороне и цилиндрической кисты с крышкой на обороте, внизу монограмма ⋈, а буквы имени города расположены по обеим сторонам монетного изображения, как на монетах Тиры подобное расположение букв появляется впервые (Рисунок, *9*) на этом типе, а позже станет обычным и сохранится в императорское время.

Аналогии изображению фасовой головы Деметры А.Н. Зограф нашел в беотийских серебряных и медных монетах второй пол. III в. до н.э. (Зограф, 1957. С. 26. Прим. 25 = СВМ. Табл. VI, *6–8*).

К этому же периоду относятся монеты, где оборотную сторону занимают изображение колоса и надписи TY–PA (Рисунок, *10*). Известно только два экземпляра: один хранится в ГИМе (из

1–3, *5–13* – Ранние монеты Тиры; *4*, *4а* – статеры г. Кизик. *1–3* – Серебро, *4*, *4а* – электр, *5–13* – медь.

собрания Д.С. Коциевского), другой был опубликован В.П. Алексеевым (1997. С. 8. № 3). Известен еще один редкий тип меди, где на лицевой стороне изображена голова Деметры в покрывале вправо, а на реверсе – венок из двух связанных колосьев, внутри которого буквы TYPA (Зограф, 1957. Тип. 20. Табл. II, *6*). В настоящее время монет этого типа зафиксировано только два экземпляра. Один из них хранится в ГЭ (ГЭ 13/24908) (Рисунок, *11*). Ранее были известны еще 3 монеты (Зограф, 1957. С. 70. № 2. Прим. 9) и указано, что одна была найдена на о. Фидониси и опубликована Миннзом (Minns, 1913. Pl. 1, *4*), а две другие хранились в Одесском археологическом музее. А.Н. Зограф отметил, что монета весом в 4.80 г была издана В. Юргевичем (1889. Табл. 1, *17*). На этой монете имеется надчеканка – голова Афины вправо. Этот же экземпляр опубликован в книге В.А. Ано-

хина (1989. С. 93, 116. № 443. Табл. XXVI, *443*) с указанием на то, что монета происходит уже из частной коллекции (Анохин, 1989. С. 116. № 443). В.А. Анохин датирует медные монеты с изображением головы Деметры в покрывале, а надписи TYPA в венке – 190–280 гг. до н.э., объединяя этот тип меди с другим типом медных монет, на лицевой стороне которых изображение Деметры не в покрывале, а в венке из колосьев, влево. На оборотной стороне монет этого типа – надпись TYPA в одну строку, заключенная в венок из колосьев. (Зограф, 1957. С. 76. Тип. 39) (Рисунок, *12*) А.Н. Зограф относит этот последний тип с Деметрой в венке из колосьев ко времени между II–I вв. до н.э. Таким образом, ясно видно, что хронология выпусков двух типов медных монет с Деметрой определяется по-разному. Разрыв в датировке насчитывает более целого века. Исходя из анализа эволюции стиля изображений образа Деметры на обоих типах, правильной следует датировку А.Н. Зографа, предложенную для типа с изображением головы Деметры в покрывале (Зограф, 1957. С. 20), и отнести этот тип к концу III в. до н.э., а тип с изображением головы Деметры в венке из колосьев (Рисунок, *14*) – ко II–I в. до н.э., как его и датирует А.Н. Зограф, а не к 300–290 гг. до н.э., как предлагает датировать В.А. Анохин (1989. С. 93). Аргументами, которыми оперирует В.А. Анохин для отнесения этого типа к III в. до н.э., являются: "широкий, немного вогнутый кружок, поворот лица влево ... свободная трактовка изображения".

Последнее обстоятельство, а именно свободная манера изображения черт лица Деметры, отмеченная А.Н. Зографом как "несколько утонченный стиль, присущий также херсонесским и ольвийским монетам II в. до н.э.", дало А.Н. Зографу возможность относить тип меди – голова Деметры в венке из колосьев, влево на л.с. – надпись TYPA в одну строку, обрамленная венком на о.с. (Рисунок, *12*), ко времени II–I вв. до н.э. Итак, напомним, А.Н. Зограф считал, что медные монеты II в. до н.э. не так легко отличить от таких же монет более раннего времени (Зограф, 1957. С. 29). Но монеты II в. до н.э. многообразны по типам. Наряду с головой Деметры на медных монетах Тиры помещаются изображения головы Афины, Аполлона, Диониса, Асклепия, Гермеса, Геракла и божества, олицетворяющего Понт, – Тираса.

К концу III в. до н.э. принадлежат монеты с изображениями головы Афины на лицевой стороне и бодающего быка на оборотной (Рисунок, *13*). Датировка этого типа монет В.А. Анохиным – 280–270 гг. до н.э. (Анохин, 1989. С. 93) не может считаться бесспорной, так как его метод датирования выпусков монет по произвольно взятым десятилетиям не подкреплен научно аргументированными доказательствами.

Следующая серия меди относится уже к концу III или началу II в. до н.э. и не входит в рамки данной работы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 01-06-80027).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П. О семантике реверсных изображений. Исследования по истории на монетах Тиры IV в. до н.э. // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990.

Алексеев В.П. Редкие и неизданные монеты античных городов Северного Причерноморья. Одесса, 1997.

Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.

Булатович С.А. Влияние типологии кизикинов на монетное дело городов Причерноморья // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Вып. 7. Киев, 1981.

Булатович С.А. Тира и Нижнее Поднестровье в IV–III вв. до н.э. по данным монетных находок // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997.

Загинайло А.Р., Нудельман А.А. Дороцкий клад древнегреческих серебряных монет IV в. до н.э. // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 7. Одесса, 1971.

Зограф А.Н. Поправки к нумизматике Тиры // Изв. ИРАИМК. 1925. Т. IV.

Зограф А.Н. Древний город Тира – Белгород – Аккерман // КСИИМК. 1940. Вып. VIII.

Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 191.

Зограф А.Н. Монеты Тиры. М.; Л., 1957.

Карышковский П.О. Рец.: Зограф А.Н. Монеты Тиры // ВДИ. 1958. № 3.

Карышковский П.О. Заметки по нумизматике античного Причерноморья // ВДИ. 1960. № 3.

Карышковский П.О. Тирасские драхмы Эрмитажа и серебряные эмиссии Тиры // Краткие тез. докл. и сообщ. науч. конф. «Новое в современной нумизматике и нумизматическом музееведении» (К 200-летию ГЭ). Л., 1987.

Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985.

Коциевский А.С. Несколько неизданных монет Тиры из частных собраний // Нумизматика Северного Причерноморья. Киев, 1982.

Самойлова Т.Л. Тира в VI–I вв. до н.э. Киев, 1988.

Юргевич В.Н. Монеты города Тиры, хранящиеся в музее императорского Одесского Общества истории и древностей // ЗООИД. 1889. Т. XV.

Фролова Н.А. Монетное дело Боспора VI в. до н.э.– середины IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.

Grimm A. Die Münzen von Tyras // BBMSW. 1868. VI.

Minns E.H. Scythians and Greecs. Oxford, 1913.

SNG: Sylloge Numorum Graecorum. IX. The British Museum. Pt. I: The Black Sea. London, 1993.

ТРЕТЬЕ ЗАХОРОНЕНИЕ ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ НА БЕЛЯУСЕ

© 2003 г. О. Д. Дашевская

Летом 1999 г. Донузлавская экспедиция Института археологии РАН, продолжая раскопки греко-скифского городища Беляус в Черноморском районе Крыма, доследовала на прибрежной греческой усадьбе подошву ее внешней западной стены 200 и выявляла подстилающую ее стену 400. При этом на расстоянии 1.40–1.50 м к западу от линии стен и в 6.50 м к северу от башни 1 было случайно обнаружено захоронение (рис. 1).

Могильная яма уперлась в проходящую здесь поперечную стену 401 нижнего яруса, и для достижения необходимой глубины (0.8 м от современной поверхности раскопа) были разобраны два верхних ряда стены. Могила была завалена тяжелым глинистым грунтом и камнями. Границы ямы, ориентированной С–Ю, определялись с трудом. Размеры ее в плане 1.40 × 0.70 м.

В могиле были похоронены два подростка. Они покоились рядом, вплотную друг к другу, головами на север, в вытянутом положении на спине, руки – вдоль туловища, ноги вытянуты. Сохранность костей плохая. По определению Т.С. Кондукторовой (Институт антропологии МГУ), имела место слабая лобно-затылочная деформация обоих черепов. Монголоидности не наблюдалось.

Скелет I (западный) принадлежал девочке 9–10 лет. Череп раздавлен и немного отклонен влево, на грудь. В изголовье стояли два лепных сосуда: ближе к черепу – яйцевидный горшок (рис. 1, *2*), за ним – кувшин (раздавлен) с профилированной ручкой (рис. 1, *1*), без венчика. У висков покойной была пара бронзовых литых серег с многогранником на одном конце (рис. 2, *2*, *3*), на шее – бронзовая витая из трех проволок гривна с обмоткой на концах у застежки (рис. 2, *1*), бронзовая подвеска в виде лопаточки (рис. 2, *11*), бусы из синего стекла (рис. 2, *5*, *6*). Такие же бусины, многие из которых рассыпались, были у правого и левого запястий, а также на уровне пояса (рис. 2, *7*, *8*).

Скелет II принадлежал мальчику 6–7 лет. За его головой и под грудью слева лежали камни. Череп раздавлен. В изголовье слева, у плеча, находился раздавленный лепной горшок (рис. 1, *3*). Под черепом лежал бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник стрелы с шипом (рис. 2, *9*). В левом ухе была золотая литая серьга-калачик (рис. 2, *4*). На правом краю таза находилась железная пряжка с овальной уплощенной рамкой (рис. 2, *10*), под левым бедром – бронзовый полусферический колокольчик, очень тонкостенный, с массивным железным язычком и проволочным обмотанным ушком (рис. 2, *12*), и железный нож с остатками деревянной рукояти (рис. 2, *13*).

Перед нами – уже третье захоронение гуннского времени на Беляусе. Первое, сопровождавшееся шкурой коня, было совершено на Беляусском некрополе в античном каменном склепе конца IV в. до н.э., вторично использованном поздними скифами в I в. н.э., а затем опустошенном гуннами. Оно также принадлежало подростку – мальчику лет 14 (Дашевская, 1969а. С. 67; 1969б; Засецкая, 1994. Табл. 26, *6–16*; 27). Второе погребение, сопровождавшееся хвостом коня, находилось на северо-западном краю городища, будучи впущено в большую зерновую яму II в. до н.э., в свое время обвалившуюся и послужившую для свалки мусора. Здесь также был похоронен подросток – мальчик 8–9 лет (Дашевская, 1995).

Интересно, что все три комплекса относятся к концу IV – первой пол. V в. н.э. и принадлежат детям от 7 до 14 лет, погребенным с северной ориентировкой. В первых двух случаях отмечены черты монголоидности, в третьем – деформация черепов. Они различаются между собою по составу инвентаря. В двух ранее раскопанных нами комплексах, из которых первый был более богатым (золотая обкладка фигурки осла, золотая серьга с цветными вставками и зернью, крупная серебряная пряжка с золотой инкрустацией "центральноевропейского" типа, "часовидные" серебряные уздечные бляхи), совпадающими оказались только мелкие серебряные пряжки, широко распространенные в эпоху Великого переселения народов. Присутствовавшие в обоих случаях удила относятся к различным типам: в первом – железные составные с Г-образными двудырчатыми псалиями, на концах которых – шишечки, обтянутые бронзой; во втором – биметаллические с кольчатыми псалиями.

Второй комплекс отличают характерная стеклянная чаша с синими каплями (Сорокина, 1971. С. 85 сл. Тип IГ) и костяная пряжка, очень редкая для Крыма и указывающая на связи с тюркскими племенами Алтая и Казахстана.

Общими для второго и третьего, новооткрытого, комплексов являются непарные золотые серьги в виде калачика, небольшие железные ножи и лепные кувшины. Горшок скелета I из публикуемого погребения, яйцевидный (рис. 1, *2*), аналогичен по форме сосуду из кургана у г. Покровска (Засецкая, 1994. Табл. 29, *21*). Вообще же обилие сосудов в могилах считается нехарактерным для гуннского обряда.

Впервые встречен предмет, являвшийся для гуннского времени "антикварным" – скифская стрела VI в. до н.э. (рис. 2, *9*). Вероятно, она служила амулетом-оберегом, как это отмечено в могильниках поздних скифов (Сымонович, 1983.

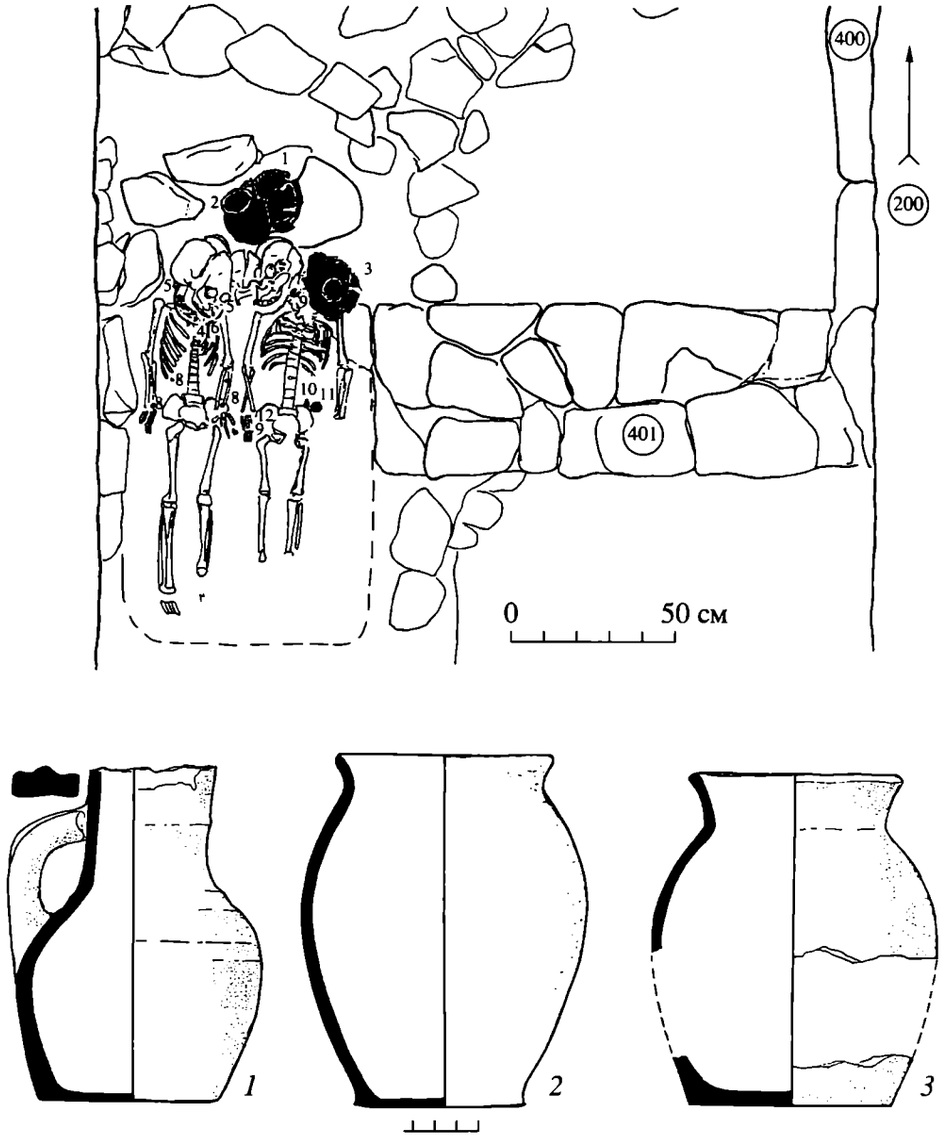

Рис. 1. Беляус. Парное погребение на юго-западном краю городища. *1–3* – лепные сосуды; *4–6* – бронзовые гривна, серьги, подвеска; *7* – бронзовый наконечник стрелы; *8* – бусы; *9* – золотая серьга; *10* – железный нож; *11* – бронзовый колокольчик с железным язычком; *12* – железная пряжка.

С. 85. Табл. XVI, *1*, *2*; Дашевская, 1991. С. 34. Табл. 60, *1–4*).

Наибольшее внимание в публикуемом захоронении привлекает пара литых бронзовых серег с многогранником на конце (рис. 2, *2*, *3*). Такие серьги (в редких случаях – золотые или серебряные) были многократно встречены в отдельных погребениях и могильниках IV–V вв. Херсонеса, Боспора, южного берега Крыма (Каменецкий, Кропоткин, 1962. С. 238. Рис. 2, *1*; Корпусова, 1973. С. 42. Рис. 4, *18*; Засецкая, 1979. Рис. 2, *22*, *39*; Айбабин, 1984. С. 112, 113. Рис. 4, *10*, *19*; 1990. С. 58. Рис. 2, *60*; Айбабин и др., 1997. С. 14. Рис. 9, *1*; Масленников, 1997. С. 36. Рис. 8, *7*; 53, *17*), Северного Кавказа (Атаев, 1963; Абрамова, 1972. С. 43. Рис. 10, *42*; 1997. С. 131. Рис. 6, 12, 46–48, 52, 54, 55, 60–62, 75). Большая концентрация их в Дагестане дала в свое время повод считать его областью их возникновения (Атаев, 1963. С. 235).

Аналогичные украшения найдены и в могильнике на р. Дюрсо близ Новороссийска, причем там же встречена витая гривна, а также полностью совпадающий с нашим экземпляром вариант золотой калачевидной серьги – с поперечным ребром (Дмитриев, 1979. Рис. 1, *3*, *10*, *15*, *19*). Такие небольшие серьги-калачики были широко распространены с конца IV в. вплоть до VII в. н.э. Они типичны для могильников Северного Кавказа IV–V вв. н.э. (Абрамова, 1997. С. 131. Рис. 75, *1–4*), встречаются в позднеантичных памятниках Северного Причерноморья и у кочевников (Засецкая, 1978. С. 70. Рис. 1, *34*; 1994. С. 76. Табл. 28, *5*), в комплексах гуннского времени Центральной и Западной Европы (Werner, 1956. Taf. 10, *7*; 49, *1*, *3*). Близкие аналогии беляусской витой гривне имеются в погре-

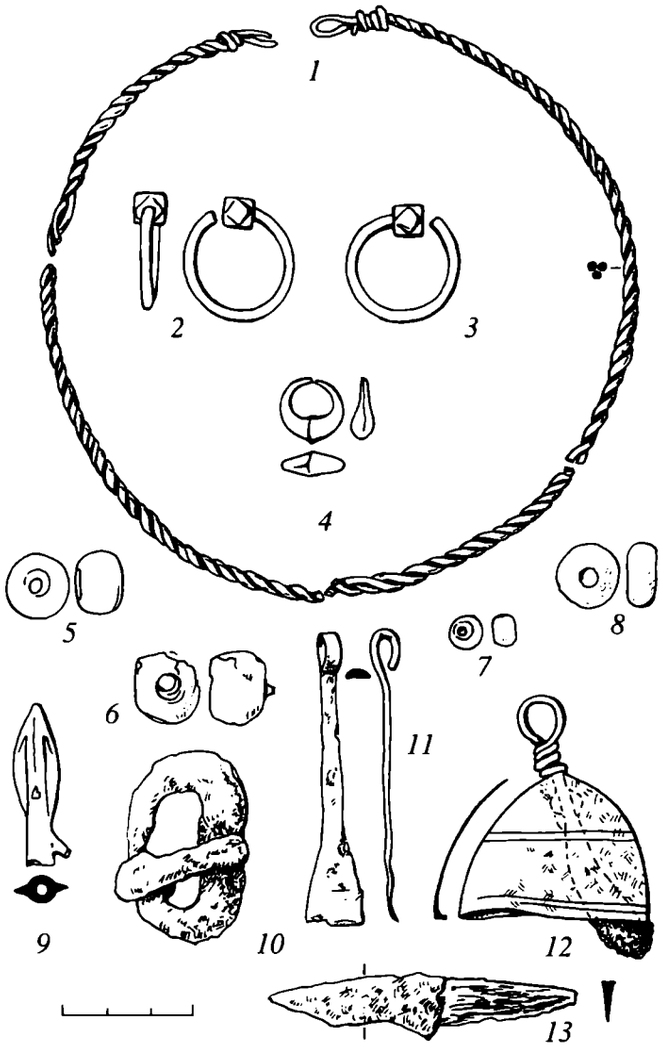

Рис. 2. Беляус. Инвентарь погребения. *1–3, 9, 11* – бронза; *4* – золото; *5–8* – синее стекло; *10, 13* – железо; *12* – бронза с железом.

бениях у с. Кончешты (из золота) и ст. Шипово (Засецкая, 1994. С. 76, 77. Табл. 20, *3*; 42, *5*), а также в могильнике Чми-I (Северная Осетия) и в керченских склепах 1904 г., где в обоих случаях представлены и интересующие нас золотые серьги с многогранником (Абрамова, 1997. Рис. 61, *8*, *10*, *12*; Засецкая, 1979. Рис. 2, *34*, *39*).

Последние, называемые еще "полиэдрическими", многие исследователи связывают с аланами. Подобным же образом, как признак алано-сарматской группы, трактуется экземпляр из поселения Копыловки (Нижнее Приднепровье), попавший туда наряду с предметами северокавказского происхождения (Рутківська, 1970; Казанский, Мастыкова, 1999. С. 126–128. Рис. 6, *3*). При этом многочисленные находки подобных серег на территории Венгрии (Kovrig, 1959. P. 260. Tabl. I, *11*; III, *1*, *2*) и других стран Центральной и Западной Европы дают основание специалистам считать их происходящими из римских дунайских провинций и оттуда получившими распространение у варваров (Амброз, 1971. С. 102, 103), так же, как и различные пряжки (Засецкая, 1994. С. 90). Вопрос о происхождении древностей гуннской эпохи, например предметов полихромного стиля, чрезвычайно сложен и остается дискуссионным (Засецкая, 1994. С. 66–79). Все же важнейшим фактором представляется общее направление движения гуннов – с востока на запад. Задача же данной публикации – обосновать раннюю дату беляусского комплекса.

Хотя бытование "полиэдрических" серег, как и калачевидных, прослеживается до VII в. (Амброз, 1971. Табл. II, *9*, *24*; Айбабин, 1990. С. 58; Засецкая, 1994. С. 76; Родинкова, 1995. С. 76. Рис. 2, *1*; Богачев, 1995; Гавритухин, Малашев, 1998. С. 62, 66), это не может поколебать принятую мною для публикуемого захоронения дату.

Датировка первого беляусского погребения концом IV – первой половиной V в. не вызывает сомнений у дискутирующих авторов (Амброз, 1985. С. 210; Засецкая, 1994. С. 112 сл.). Для ясности замечу, что И.П. Засецкая многократно именует его "погребением на городище Беляус" (Засецкая, 1994. С. 18, 42, 83, 89, 93, 112, 118), но в описании таблиц правильно указывает на могильник при городище Беляус.

Второе погребение, раскопанное нами именно на городище (Дашевская, 1995), не комментировалось гунноведами. Но найденный в нем стеклянный кубок с синими каплями абсолютно идентичен кубку из кургана у дер. Марфовки, дата которого, совпадающая с датой первого беляусского погребения, признана бесспорной (Амброз, 1985. С. 200, 201; Засецкая, 1994. С. 100, 101. Табл. 2, *10*). Упомянутая выше костяная пряжка из второго погребения датирована концом IV – первой половиной V в. по комплексу и синхронным аналогиям на Алтае (Дашевская, 1995. С. 57. Рис. 3, *8*). Подобные пряжки бытуют в тюркских древностях и позже, что дало повод некоторым исследователям завышать дату их появления до VII в. н.э. (Амброз, 1981. С. 22, 23; Баранов, 1990. С. 19. Рис. 6, *12*, *14*). Интересно, что точно такая пряжка оказалась в позднеантичном склепе № 4 Херсонеса (Зубарь и др., 1988. С. 160–163. Рис. 9, *6*) со смещенными при повторных захоронениях и ограблении скелетами. Среди перемешанного инвентаря там преобладает материал, надежно датированный IV–V вв. н.э. (монеты, керамика, фибулы), и лишь две бронзовые пряжки характерны для VI–VII вв. С учетом нашей находки есть все основания связать костяную пряжку из херсонесского склепа не с последними погребениями в нем, а с периодом его наиболее интенсивного использования (IV–V вв.), что, в свою очередь, подкрепляет датировку беляусских могил.

Логично относить и третье беляусское захоронение (в котором, как мы видели, присутствуют украшения с широкой датой) к тому же периоду,

что и первые два. Все эти могилы расположены недалеко одна от другой. Греко-скифский Беляусский некрополь, раскопанный нами, примыкает к городищу с севера. Склеп № 1, в пол которого было впущено первое "гуннское" погребение, отстоит на 120 м к СВ от зерновой ямы на городище, где обнаружено второе "гуннское" погребение. Третья же могила находилась в 21 м к ЮЮЗ от данной ямы.

Сравнительный анализ инвентарей трех беляусских погребений конца IV – первой половины V в. н.э., как и антропологические данные, указывает на неоднородный состав орды, появившейся на этом поселении уже после прекращения жизни на нем, когда источником добычи для пришельцев оставался только некрополь. Здесь на примере одного археологического памятника наглядно отражается полиэтничность гуннского племенного союза, установленная исследователями и по письменным источникам, и по разнообразию обряда в разбросанных одиночных погребениях (Засецкая, 1994. С. 158, 159). Открытие уже третьего, парного, погребения на Беляусе говорит в пользу вывода (Дашевская, 1995. С. 57, 58) о заметной остановке кочевников на северо-западном побережье Крымского полуострова в эпоху Великого переселения народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972.

Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М., 1997.

Айбабин А.И. Проблемы хронологии Крыма позднеримского периода // СА. 1984. № 1.

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.

Айбабин А.И., Мульд С.А., Хайрединова Э.А. Исследование раннесредневекового могильника у с. Лучистое // АИК–1994. 1997.

Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2.

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Амброз А.К. К итогам дискуссии по археологии гуннской эпохи в степях Восточной Европы (1971–1984 гг.) // СА. 1985. № 3.

Атаев Д.М. Височные привески с четырнадцатигранником // СА. 1963. № 3.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.

Богачев А.В. К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго-Камье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1995.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Вопросы хронологии. Самара, 1998.

Дашевская О.Д. Два склепа Беляусского могильника // КСИА. 1969а. Вып. 119.

Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени в Черноморском районе Крыма // МИА. 1969б. № 169.

Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. 1991. Вып. Д1–7.

Дашевская О.Д. Погребение гуннского времени на городище Беляус // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995.

Дмитриев А.В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. 1979. Вып. 158.

Засецкая И.П. О хронологии и культурной принадлежности памятников южнорусских степей и Казахстана гуннской эпохи // СА. 1978. № 1.

Засецкая И.П. Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. 1979. Вып. 158.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V в.). СПб., 1994.

Зубарь В.М., Рыжов С.Г., Шевченко А.В. Новый погребальный комплекс западного некрополя Херсонеса // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов: свидетельство Маркиана и архивные данные // РА. 1999. № 4.

Каменецкий И.С., Кропоткин В.В. Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. 1962. № 3.

Корпусова В.М. Сільске поселення пізньоантичного Боспору // Археологія. 1973. № 8.

Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997.

Родинкова В.Е. К вопросу о хронологии нижнего горизонта могильника Суук-Су // Харьковский историко-археологический ежегодник "Древности"–1995. Харьков, 1995.

Рутківська Л.М. Поселення IV–V ст. н.є. в с. Капулівка на Нижньому Дніпрі // Археологія. 1970. № 24.

Сорокина Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 1971. № 4.

Сымонович Э.А Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983.

Kovrig I. Nouvelles trouvailles du V-e siècle découvertes en Hongrie // AAH. 1959. T. X.

Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 164–180

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ФЕНОМЕН АЛТАЙСКИХ МУМИЙ. КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ. Новосибирск, 2000. ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН.

Рассматриваемая книга (40.5 п.л.) представляет собой большой труд громадного коллектива (67 авторов). Эта книга посвящена всестороннему рассмотрению могильников пазырыкского типа на самом юге Горного Алтая, на стыке Алтая (Россия), Казахстана, Китая и Монголии, на высокогорном плато Укок – а именно "замерзших" курганов Пазырыкского типа Ак-Алаха 1 и 3 и Верх-Кальджин I и II.

Впервые памятники на плоскогорье Укок были открыты в 70-х годах В.Д. Кубаревым (С. 9 рецензируемой книги) и опубликованы в виде краткой заметки "Археологические памятники Кош-Агачского района" в сборнике "Археологический поиск: Северная Азия" (Новосибирск, 1980).

Основные же полевые работы на упомянутых памятниках плоскогорья Укок произведены с 1990 по 1996 г. двумя отрядами Северо-Азиатской комплексной экспедиции под руководством В.И. Молодина и Н.В. Полосьмак. Особый интерес в этих раскопках представляет, во-первых, то, что в отличие от ранее раскопанных М.П. Грязновым и С.И. Руденко Пазырыкских и Башадарских курганов курганы Ак-Алаха и Верх-Кальджин не ограблены и в них сохранилось непотревоженным все то, что было помещено туда при свершении обряда погребения, во-вторых, в отличие от курганов Пазырыка и Башадара в курганах Ак-Алаха и Верх-Кальджин были похоронены представители не высшей знати, а ее среднего слоя, и рядовые кочевники, что позволяет теперь значительно лучше представить себе социальный состав общества пазырыкской культуры и узнать, что их также мумифицировали. Поэтому, хотя в могильниках Ак-Алаха и Верх-Кальджин нет таких дорогих вещей, как в Пазырыкских и Башадарских курганах, они представляют не меньший, если не больший интерес по сравнению с курганами пазырыкской знати.

В ходе раскопок курганов на плато Укок и в ходе обработки материала этих курганов авторами раскопок был создан большой коллектив и привлечены ученые самых различных дисциплин для всестороннего изучения материала. Предварительные сообщения об этих работах систематически опубликовывались авторами раскопок в самых разных изданиях, как российских, так и зарубежных, на русском и иностранных языках, а Н.В. Полосьмак кроме того опубликовала еще и две монографии (1994; 2001).

В начале монографии "Всадники Укока" Н.В. Полосьмак благодарит всех участников экспедиций на Укоке и специалистов, привлекавшихся для изучения материалов. Естественно, что в этой ее книге, и так большой по объему, не могли подробно описываться работы этих специалистов, а даны лишь результаты этих работ, поэтому еще в 2000 г. была издана рецензируемая книга "Феномен алтайских мумий", также очень большая по объему и роскошно изданная, где подробно изложены результаты работ как археологов, так и множества других специалистов. Хотя рецензируемая книга издана достаточно большим для археологических изданий тиражом – 1500 экз., нет уверенности, что ее сможет приобрести любой желающий (поскольку часть тиража, вероятно, уйдет в зарубежные страны), поэтому будет явно не лишним вкратце остановится на ее содержании.

Работа состоит из 7 глав с разделами, предисловия, заключения и примечаний. В предисловии, написанном А.П. Деревянко и В.И. Молодиным, дана история изучения пазырыкской культуры и краткого описания плоскогорья Укок, где производились раскопки курганов пазырыкской культуры Ак-Алаха и Верх-Кальджин. Помимо сведений об истории археологического, антропологического и палеозоологического изучения пазырыкской культуры Алтая, читатель узнает и о древних путях, связывающих территорию плоскогорья Укок с Монголией, Казахстаном и Центральным Алтаем, а также о климатических особенностях плоскогорья Укок, а именно, о сильных ветрах, сдувающих снежный покров и делающим плоскогорье прекрасным зимним пастбищем, и о диких зверях, и сейчас населяющих это плоскогорье и позволяющих здесь заниматься и охотой.

Подробно о природных условиях Укока, его орографии, геоморфологии, гидрографии, климате, растительности читатель может узнать из раздела 1.1., написанного Н.Н. Михайловым и А.Г. Редькиным (г. Барнаул, Алтайский гос. университет).

Основные разделы книги написаны археологами В.И. Молодиным и Н.В. Полосьмак и антропологом Т.А. Чикишевой. Они сосредоточены в главах 1 и 2, причем в главе 1.2. Н.В. Полосьмак даны общие обзоры могил пазырыкской культуры и мумий, найденных за весь период исследования пазырыкской культуры Алтая, и некоторые сведения о том, как производилась их мумификация (удаление мозга, жировых тканей, консервирование оставшихся мышц с помощью соли, как предполагал еще С.И. Руденко, и замещением части их растительными волокнами).

Вторая статья, написанная Т.А. Чикишевой (глава 1.3), содержит обзор данных по пазырыкскому палеонтропологическому материалу Алтая в целом и сопровождается таблицами, где размеры черепов пазырыкской культуры в целом сравниваются с данными по черепам из разных районов горного Алтая. Автор приходит к выводу, что серия мужских черепов пазырыкской культуры неоднородна в антропологическом отношении, но эта неоднородность не относится к признакам высокого таксономического уровня, преобладает компонент промежуточный между европеоидной и монголоидной расами. Единственным монголоидным черепом попрежнему является череп из кургана Шибе, описанный еще Г.Ф. Дебецом. Женская группа черепов из Горного Алтая имеет более сложный состав: выделяются европеоидные черепа и черепа с большой долей монголоидной примеси. Автор приходит к выводу, что пазырыкцы в целом ближе всего серии саков VII–V вв. до н.э. могильника Тагискен в Приаралье, но также к сакам и ранним усуням Тянь-Шаня и Алтая и Восточного и Северного Казахстана и серии из могильника Улангом V–III вв. до н.э. в Северо-Западной Монголии. Пазырыкский антропологический тип обнаруживает и переднеазиатское влияние, объясняемое Т.А. Чикишевой не только прямыми связями в скифскую эпоху, но и проникновением на Алтай населения древних скотоводов еще эпохи бронзы.

Глава 2 рецензируемой книги посвящена археологическим исследованиям погребений с мумиями исключительно на плоскогорье Укок. Это – две статьи В.И. Молодина "Методика археологических исследований памятников с мерзлотой" (глава 2.1) и "Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II" (глава 2.3) и статьи Н.В. Полосьмак: "Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3" (глава 2.2) и "Мумифицирование и бальзамирование у пазырыкцев" (глава 2.4).

В первой из статей В.И. Молодина обобщен весьма ценный опыт "размораживания" и сохранения замерзших конструкций погребальной камеры и содержащихся в ней самых разных предметов – от деревянных вещей до внутренностей лошадей. Автор описывает новые приемы работы в замерзших камерах – создание "парникового эффекта" с помощью полиэтиленовых пленок, порядок размораживания вещей в кургане, создание на месте раскопок естественного (а при дальнейшем хранении – искусственного) холодильника. Эта работа очень важна как пособие для археологов, которым придется в дальнейшем иметь дело с "замерзшими" курганами.

В статье Н.В. Полосьмак "Бальзамирование у пазырыкцев" рассмотрен процесс бальзамирования покойников на плоскогорье Укок, порядок бальзамирования: избавление тела от внутренностей, затем покрытие всей поверхности (или частей) тела ртутным соединением и пчелиным воском (С. 124), с привлечением данных, полученных в Институте судебной медицины патологоанатомами Р. Хаури и У. Блаттером и в НИИ УМЦБГ ВИЛАР в России доктором медицинских наук В.Л. Козельцевым.

Н.В. Полосьмак рассматривает данные о бальзамировании тел умерших, привлекая данные археологических и письменных источников от Синьцзяна до Египта, Перу и Чили, и приходит к выводу, что бальзамирование имело целью сохранить труп на довольно длительный срок – до дня похорон, и что мумифицированное тело покойника участвовало в обрядовой практике семьи или даже племени (С. 122, 123).

В разделах 2.2 и 2.3 главы 2 приводится подробное описание погребальных комплексов кургана Ак-Алаха-3 (Н.В. Полосьмак) и погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин (В.И. Молодин), снабженное прекрасными рисунками и цветными иллюстрациями. Причем, если женщина из кургана Ак-Алаха-3 была похоронена по типично пазырыкскому обряду и все сопровождавшие ее вещи типичны для пазырыкской культуры, то погребение мужчины из кургана № 3 могильника Верх-Кальджин содержало, по мнению В.И. Молодина, ряд гуннских черт как в обряде погребения, так и в его инвентаре. Автор считает, что этот памятник относится ко времени не позже III в. до н.э. (С. 118, 119). К хронологии памятников Укока придется вернуться в конце рецензии.

Глава 3 (3.1–3.7) состоит из работ специалистов самых разных специальностей, обрабатывающих археологический материал пазырыкских памятников Укока. Большая статья В.П. Мыльникова посвящена технологии изготовления погребальных сооружений из дерева (гл. 3.1). Здесь дана классификация сооружений, указаны время года, когда рубились деревья для сруба, способ и время сушки бревен до постройки сруба по данным этнографии, типы угловых сопряжений, которых насчитывается целых 5, процессы обработки бревен с помощью кельта и тесла, выдалбливание гроба-колоды, даны типы гробов-колод для разных слоев пазырыкского общества, различающиеся величиной, наличием или отсутствием проушин или украшений из бересты и кожи, а также погребальные ложа из могильника Верх-Кальджин. Указано, что материалом для всех погребальных сооружений служила лиственница. Статья снабжена большим количеством рисунков и фотографий.

В статье В.И. Молодина и В.В. Ламиной (ИАЭ СО РАН) рассматривается состав формовочной массы и технология изготовления сосудов из могильников Ак-Алаха-3, курган № 1, и Верх-Кальджин II. Установлено, что в формовочной массе присутствует цемент и песок из дробленых обломков гранитов, микрокварцитов, роговиков и других минералов, представленных иногда крупными зернами. Сосуды изготовлены ленточным способом, методом кольцевого налепа, поэтапно с подсушиванием каждой части, что характерно для сосудов крупных размеров. Форма сосудов во всех случаях кувшинообразная, дно плоское. Сосуды из могильника Ак-Алаха-3, курган № 1, украшены по венчику и плечам кольцевидными валиками, украшенными уголковым штампом. Поверхность сосуда затем выравнивалась ангобом, того же цвета, как и формовочная масса, после чего сосуд заглаживался. Один из сосудов могильника Ак-Алах-3 украшен по верхней части тулова еще вертикальными змейкоподобными линиями, нанесенными красителем и обклеенными кожаной аппликацией.

В разделе 3.3, написанным А.П. Бородовским, "Технология изготовления предметов из полого рога", рассматриваются 2 роговые застежки, 2 односторонних гребня и 3 роговых сосуда. Технология изготовления этих предметов – отделение полорогого чехла от костных стержней и последующий раскрой на пластины–заготовки. Использование полого рога в качестве сосудов-ритонов на Алтае пока не установлено. При раскрое чехла полого рога получались подквадратные и подпрямоугольные пластины. Материалом служили рога яка. Рог вываривали в горячей воде на костре, после чего раскраивали на пластины, и распрямляли, кладя под холодный пресс (сведения заимствованы А.П. Бородовским из современной практики обработки рога). Затем срезали или стесывали внутреннюю часть пластин для того, чтобы они были одинаковые по толщине. Из пластин изготовляли на деревянном шаблоне горловину сосуда. Днища сосудов из кургана Ак-Алаха были изготовлены из кусков роговых чехлов барана и горного козла. Горловина и днища роговых сосудов пазырыкской культуры имеют швы и этим напоминают сосуды кожаные. В статье подробно описано, как готовились роговые же нити для сшивания. Затем поверхность сосуда из рога скоблилась ножом и шлифовалась. Автор справедливо считает, что сосуды из рога подражают кожаным и глиняным, и что это объясняется тем, что кочевники стремились использовать любое органическое сырье.

В разделе 3.4 "Традиция изготовления пазырыкских тканей" (автор Т.Н. Глушкова, г. Сургут) рассматриваются материалы одежды и мешочка из курганов Ак-Алаха-3 и Верх-Кальджин. В основном одежду изготовляли из шерстяной ткани. В могильнике Ак-Алаха-3, курганы № 1 и 5, найдены юбки из шерстяных тканей, сшитых каждая из трех поперечных полос шерстяной ткани. В могильнике Ак-Алаха-3, курган 1, юбка сохранилась полностью. Верхняя и нижняя ее полосы окрашены в красный цвет растительным красителем – мареной, средняя полоса – неокрашенная. В могильнике Ак-Алаха-5 юбка сохранилась не полностью, фрагментарно; она сшита из 4 полос ткани, общая длина юбки – 115 см. Третье сверху полотнище красного цвета, остальные грязно-коричневые. Автору этого раздела удалось выяснить, что плотность ткани по утку – 26 нитей на 1 см, по основе – 16 нитей на 1 см, ткань тонкая, с диагональным плетением. Это саржа. Ткали, видимо, на вертикальном ткацком станке или на примитивном горизонтальном. В кургане № 3 могильника Верх-Кальджин II найдены мужские штаны, также шерстяные, сшитые из четырех полотнищ. Это плотная ткань, также саржа. Часть головного убора из Ак-Алаха-3 – также из

шерстяной ткани, полотняного переплетения. Цвет ткани – темно-коричневый, видимо, естественный.

Наконец в могильнике Ак-Алах-3 была найдены женская шелковая рубаха, изготовленная из очень тонкой ткани полотняного переплетения, золотистого цвета, неокрашенная. Т.Н. Глушкова считает, что шелк – китайского происхождения (С. 159), но в вышедшей годом позже книге Н.В. Полосьмак "Всадники Укока". (2001. С. 110–112) приведены доказательства (со ссылками на Лубо-Лесниченко, 1994), что ширина древнейших китайских шелковых тканей не превышала 48–50 см, что объяснялось устройством ткацкого станка), а ширина ткани шелковой рубахи из кургана № 1 Ак-Алаха-3 – не менее 130 см. При изучении под микроскопом разреза волокон этого шелка независимо в Японии и Швейцарии были получены данные, что они были получены не из коконов одомашненного шелкопряда, а дикого, вероятно, индийского происхождения. Интересно, что вся одежда, найденная на погребенных в Ак-Алахе и Верх-Кальджине – сильно изношенная, даже с заплатами. Это свидетельствует о том, что одежда эта не была сшита специально для погребения, а ее предварительно долго носили.

Раздел 3.6 "Особенности бронзолитейного дела и сырьевые ресурсы металлургии скифской эпохи Горного Алтая" написан доктором геолого-минералогических наук Объединенного института геологии, геофизики и минералогии СО РАН Ю.Г. Щербаковым и Н.В. Росляковой, кандидатом наук того же института и технологом Института археологии и этнографии СО РАН Л.П. Кундо. Ими было исследовано 12 бронзовых предметов из курганов Ак-Алаха, Кутургантас и Верх-Кальджин. Выяснилось, что количество олова ничтожно мало в таких предметах, как наконечник стрелы, гвоздь, удила, и в двух зеркалах – одно из Верх-Кальджин II, курган № 3, другое из Ак-Алаха-5, курган № 4. Зато в этих предметах велика примесь свинца от 1 до 4.2% (С. 177. Табл. 13). Зато очень много олова в четырех зеркалах из могильника Ак-Алаха (от 1 до 22.2%) и подвеске из того же могильника (14.9%). Понятно, что олово добавляли к зеркалам для придания им блеска, оловянно-свинцовым сплавом покрыта лицевая, полированная поверхность зеркала и с той же целью в этот сплав была добавлена ртуть. Интересно, что даже деревянное зеркало из Верх-Кальджина II было покрыто оловянной фольгой. Поскольку получение олова из касситерита требует температуры 1000–1400°С и большая часть олова при этом остается в шлаке, древние металлурги плавили касситерит вместе с медной рудой (о чем писал еще Черников, 1960), на что и ссылаются авторы раздела. Они приходят к выводу, что древнее население Алтая пользовалось рудами этого района.

Раздел 3.7 "Состав золотых и бронзовых изделий, источники металла и способы их обработки" написан, как и предыдущий раздел, Ю.Г. Щербаковым и Н.В. Росляковой. Были исследованы 26 золотых изделий: 2 кольца из проволоки, 2 пластины от конских нахвостников, остальное – фольга, покрывающая самые разные изделия из курганов Ак-Алаха, Кутургантас, Верх-Кальджин и Ак-Коль, курган № 1.

Спектральный анализ этого золота показал, что оно происходит из одного из многочисленных месторождений Юго-Западного Алтая. Все эти изделия – из золота от 52 до 96 пробы. В статье рассматриваются способы получения золотой фольги и золотой проволоки.

Большая 4-я глава книги посвящена антропологическому, медико-биологическому и генетическому исследованию мумий Укока.

В разделе 4.1 "Антропологическая характеристика мумий", написанном Т.А. Чикишевой, всего, кроме двух мумий, исследовано 13 мужских, 9 женских и 5 детских черепов (дети – 2 подростка и 3 ребенка 1.5–4–5 лет); следовательно, замечает Т.А. Чикишева, плато Укок заселялось семьями, а не отдельными представителями пазырыкской культуры. Возраст женщин – не старше 35–40 лет (средний возраст 29.6 лет), а в мужской группе более трети мужчин старше 40 лет, а трое мужчин – 50–60 лет (средний возраст – 38.5 лет), что обычно для населения Европы в раннем железном веке.

Как и в предыдущей статье Т.А. Чикишевой, в этой книге, где рассматривается весь пазырыкский антропологический материал, автор приходит к выводу о "существовании общих моментов в расогенетической истории пазырыкских и сакских племен" (С. 189).

Рассматривая подробно череп мумии из кургана № 1 Ак-Алаха, Т.А. Чикишева приходит к выводу, что это женщина 28–30 лет, с очень крупными чертами лица, очень высокого и широкого; то же и у мумии мужчины из Верх-Кальджина II; автор раздела считает, что антропологические варианты с высоким и широким лицом генетически могут быть связаны как с европеоидным расовым пластом юго-западного евразийского ареала, так и субстратом палеосибирской расы, доминирующим у кочевников Восточной Сибири. Обе мумии являются, по мнению исследователя, представителями пазырыкского населения, автохтонного для территории Горного Алтая.

Раздел 4.2 "Химическое и биохимическое исследование тканей мумий", написан 11 авторами, сотрудниками научно-исследовательского и учебно-методологического центра биомедицинских технологий ВИЛАР. К сожалению, статья будет более понятна медикам и биохимикам, нежели археологам, за исключением тех, кому приходилось иметь дело с мумиями. Все же можно понять, что кости мумий – прекрасной сохранности, да и кожа – в хорошем состоянии, а также, что до и после мумификации в структуре мумии произошли значительные изменения (С. 206, 207). Не менее интересен факт того, что волосы обеих мумий хорошо сохранились, и волосы с головы мумии из Верх-Кальджина оказались темного цвета (С. 206).

В разделе 4.7 "Расово-этноспецифические особенности лент ДНК представителей пазырыкской культуры Горного Алтая", написанном М.И. Воеводиной, В.В. Ситниковой, А.Г. Ромащенко (Институт цитологии и генетики СО РАН) рассматривается ДНК, выделенная из мышечной ткани из кургана Ак-Алаха-5 и смешанной жировой и мозговой тканей – погребенных в курганах № 1 и 3 могильника Верх-Кальджин II, и сравнивается с антропологической характеристикой пазырыкского населения. Обнаружен абсолютный параллелизм между антропологическими и молекулярно-генетическими показателями. Исследователи считают, что можно сделать вывод о некоторых генетических связях пазырыкцев с современным населением Горного Алтая.

Раздел 4.8 "Патологоанатомические исследования женской мумии из памятника Ак-Алаха-3" написан Р. Хаури и У. Блаттнером (Институт судебной медицины Цюрих-Ирхельского университета г. Цюрих, Швейцария). Ими установлено, что мумифицированная женщина была молодой, 20–30 лет, предположительно 25 лет. Труп после смерти просушивали, хранили в сухом прохладном месте. Между наступлением смерти и погребением прошло 2–3 месяца. Тело постоянно хранилось в замороженном состоянии.

В разделе 4.9 "Определение рациона питания пазырыкцев", написанном также Р. Хаури и У. Блаттером, представлен изотопный анализ волос из Верх-Кальджин, курган № 2, показавший, что люди пазырыкской культуры питались мясом или молоком лошадей или овец, и кроме того, пресноводной рыбой, что для кочевников – редкость.

В разделах 5.1 и 5.2 суммируются результаты изучения лошадей из пазырыкских курганов.

Раздел 5.1 "Лошади из погребений скифского времени Горного Алтая", написанный С.К. Васильевым (Институт археологии и этнографии СО РАН), – результат исследований новых черепов и метоподий коней пазырыкской культуры из Горного Алтая. Автор приходит к выводу, что они принадлежали жеребцам: их рост в холке от 130 до 150 см, это высокопородистые лошади, видимо, западного происхождения (ср.: Витт, 1952), и имеют мало общего с монгольскими лошадьми.

Раздел 5.2 "Особенности палеопатологии лошадей эпохи раннего железа" написан М. Левиным (Мак-Дональдский институт археологических исследований университета Кэмбридж, Англия). Автор приходит к выводу, что аномалии на костях грудного отдела позвоночника свидетельствуют о том, что пазырыкские лошади долго и быстро бегали под мягким седлом.

В разделе 5.3 "Первые результаты палеоботанических исследований", написанном В. Шохом (лаборатория дерева четвертичного периода г. Адлисвиль, Швейцария), определены породы дерева для погребальных сооружений на плато Укок и растительный мир данной местности. Установлено, что для деревянных сооружений кургана Ак-Алаха-3 были использованы лиственница сибирская и ель. Из лиственницы был изготовлен также саркофаг. Украшения конской сбруи изготовлены из кедра. Установлено, что деревья были срублены между осенью и началом весны. Содержимое жертвенника из Ак-Алаха – семена кориандра, растущего в Передней Азии. На Алтай кориандр попал, видимо, из Персии (С. 250). Анализ содержимого желудка подтверждает степной характер региона, пыльца деревьев составляет лишь 6%. Установлено, что лошади, сопровождавшие захоронение, были убиты в конце мая – начале июня.

В разделе 5.4 "Курильский чай из археологических комплексов Пазырыкской культуры", написанном В.П. Седельниковым и Е.П. Храмовой (Центральный Сибирский ботанический сад СО РАН, Новосибирск), подробно перечисляются целебные и декоративные свойства кустарника курильского чая. Он был использован как подстилка в погребении лошадей в захоронении в кургане № 1 могильника Верх-Кальджин II. Авторы раздела делают вывод о том, что древнее население Алтая использовало это растение в культовых целях.

Глава 6 "Проблемы хронологии памятников Ак-Алаха-3 и Верх-Кальджин II" – одна из наиболее важных в книге.

Раздел 6.1 "Дендрохронологический анализ пазырыкских памятников", написан М. Зайфертом (Дендролаборатория Археологического бюро г. Цюрих, Швейцария) и И.Ю. Слюсаренко (Институт археологии и этнографии СО РАН). Ими был взят 51 образец из разных деревянных предметов из лиственницы – бревен срубов, погребальных гробов-колод, перекрытий из курганов на плато Укок (Кутургантас, Ак-Алаха 1 и 3, Верх-Кальджин I и II), а также из курганов в ЮВ части горного Алтая из раскопок В.Д. Кубарева – Барбургазы, Ташанта, Уландрык, Юстыд и получена плавающая шкала, где хронологическая разница между курганами составляет всего 39 лет. Самый ранний – Кутургантас. Ими составлена и относительная хронология этих курганов (Рис. 281), по которой видно, что все перечисленные образцы взяты из деревьев (лиственницы), возраст которых – от 376 до 415 лет. Авторы пришли к выводу, что наиболее уверенно время создания кургана определяется по стволу, из которого изготовлен гроб-колода, особенно если сохранилось последнее годичное кольцо. Остальные деревья (для сруба) могли рубить заранее, чтобы иметь запас дерева.

В разделе 6.2 "Радиоуглеродное датирование лошадиных костей", написанном Е. фон Герсдорфом и Г. Парцингером, на основании данных радиоуглеродной лаборатории Германского археологического института (Берлин, Германия) получены даты для курганов Ак-Алаха-1 и Кутургантас – 398 г. до н.э. и Ак-Алаха-3 – около 363 г. до н.э. (С. 265). Это хорошо соответствует датам относительной хронологии, показывающим, что курганы Ак-Алаха-1 и Кутургантас были сооружены практически одновременно (см. раздел 6.1 рецензируемой книги. С. 262. Рис. 281).

Почему-то Е. фон Герсдорф и Г. Парцингер считают, что пазырыкские курганы относятся к скифской культуре (С. 265), тогда как в действительности это пазырыкская культура, расположенная в Горном Алтае, что лишний раз доказано последними исследованиями В.Д. Кубарева, В.И. Молодина и Н.В. Полосьмак, которая лишь входит в обширный ареал культур скифо-сибирского типа, каждая из которых отличается значительным своеобразием, несмотря на существовавшие между этими культурами (и культурами других территорий) связи.

Другой тезис авторов раздела 6.2: "Археологическим путем не удается точно датировать отдельные периоды развития скифской культуры, потому что мы не имеем в своем распоряжении абсолютно точно датированных "импортных" изделий и по цепочке дат не можем попасть в культурное пространство, которое располагало бы надежной системой с абсолютной хронологией" (С. 265), – легко опровергается всей археологической наукой, в частности археологией скифской эпохи. В основном датирование памятников этой эпохи производится археологическими методами, и здесь достигнуты прекрасные результаты. Применительно же к пазырыкской культуре Горного Алтая просто необходимо вспомнить сборник Source, где шестью авторами – J. Lerner, T.S. Kawami, E. Bunker, A.L. Juliano, H. Böhmer и J. Thompson убедительно доказано, что импортные вещи пазырыкской культуры, как западные, так и восточные, а также и собственно пазырыкские вещи, испытавшие их влияние, относятся к IV и даже III вв. до н.э. (Sourse, 1991. P. 4, 10, 12, 16, 23 и др.).

Для рассмотрения последней главы 7 – "Проблемы реставрации и консервации археологических реалий, полученных в погребальных комплексах пазырыкской культуры на плоскогорье Укок", интересной, в первую очередь, реставраторам (хотя и археологам также), в данной и без того длинной рецензии просто нет места.

В заключение авторы заверяют читателей, что работы над полученным материалом с плоскогорья Укок будут продолжены и нас ждут еще новые монографии и сборники.

В целом, как видно из изложения многочисленных глав этой книги, она представляет собой уникальное исследование полученных при раскопках материалов: междисциплинарные исследования, произведенные множеством ученых самых различных специальностей, осуществленные специалистами из многих стран и научных учреждений, скрупулезно изучивших практически весь полученный материал. Эта книга представляет собой образец исследования нового, XXI в. О такой обработке материала сегодняшние археологи могут только мечтать. Она показывает путь, по которому должна пойти наша наука. К сказанному необходимо добавить, что книга великолепно издана – на мелованной бумаге, с прекрасными иллюстрациями и цветными фотографиями, в твердом переплете, с суперобложкой. Очень важно то, что книга издана в России, в Новосибирске, и большинство ее авторов – сотрудники СО РАН. Она показывает пример того, какие прекрасные результаты могут получить ученые нашей страны даже в нынешних, тяжелых для науки условиях,

и даже не в столицах, а в Сибири, и является своего рода образцом, к которому должны стремиться археологи нашей страны, в том числе Москвы и Санкт-Петербурга. Остается пожелать всем авторам этого солидного труда новых работ на столь же высоком уровне.

Институт археологии РАН, Москва

Н.Л. Членова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Витт В.О. Лошади пазырыкских курганов // СА. 1952. № XVI.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на шелковом пути. М., 1994.

Полосьмак Н.В. Стерегущие золото грифы. Новосибирск, 1994.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88.

Sourse. Notes in the History of Art. A Special Issue on the Dating. 1991. V. X. № 4.

German A. FEDOROV-DAVYDOV. THE CITIES OF THE GOLDEN HORDE ON THE SILK ROOD. BERKELEY, CA: Zinat Press, 2001

В 1995 году был заключен договор с Зинат Пресс, частным американским издательством, принадлежащим доктору наук Джаннин Дэвис-Кимбэлл, на публикацию серии научно-популярных книг-альбомов под общим названием "Культура и искусство номадов Евразии". Основная идея серии – ознакомить англоязычного читателя с наиболее значительными открытиями второй пол. XX в. в степной археологии. Текст каждого тома объемом в 5 печатных листов должен был поведать или об отдельных ключевых памятниках, или дать общее представление о важнейших аспектах культурной истории отдельно взятого периода и региона. Иллюстративный материал в тексте – 30 черно-белых полевых фото, а также реконструкции, карты и схемы. К конце каждой книги – каталог наиболее интересных вещей с сотней цветных иллюстраций. Участвовать в серии согласились многие ведущие археологи Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и других городов России и Украины.

Естественно, что в списке возможных авторов книг будущей серии покойный Герман Алексеевич Федоров-Давыдов занял одно из первых мест, не только потому что он был ведущим специалистом по истории, археологии, искусству и нумизматике Золотой Орды, но и потому, что он был прекрасным популяризатором. Г.А. Федоров-Давыдов немедленно откликнулся на предложение и в марте 1997 г. передал А.М. Лескову рукопись. Столь же быстро он внес в текст небольшие структурные изменения, предложенные А.М. Лесковым, и в июне 1997 г. книга пошла в работу. Фотограф Е.И. Желтов снял 109 высококачественных цветных слайдов и более 30 черно-белых негативов вещей, хранящихся в музеях Волгограда, Астрахани и Москвы. Затем А.И. Наймарк перевел текст на английский язык и в мае 1998 г. книга была передано в Зинат Пресс. В конце 1998 г. А.М. Лесков, получив верстку книги, провел необходимую работу по унификации принципов описания вещей в каталоге, тексте и подписях под иллюстрациями, внес исправления в глоссарий, а также детально разобрал неудовлетворительный уровень географических карт, которые Дж. Дэвис-Кимбэлл подготовила взамен русскоязычных карт Федорова-Давыдова.

Больше о ходе работы над изданием книги ни русский редактор, ни переводчик ничего не знали. Прошло еще три года и книга дополненная – увы! – некрологом Г.А. Федорова-Давыдова, двумя картами, генеалогической таблицей монгольских ханов, глоссарием, индексом и краткой аннотацией содержания книги на задней суперобложке, вышла из печати.

Со свойственной ему широтой интересов, Г.А. Федоров-Давыдов затронул в этом научно-популярном издании обширный круг проблем. Основное внимание первой главы, написанной в соавторстве с В.В. Дворниченко, уделено одному из наиболее впечатляющих открытий Поволжской экспедиции, богатейшему погребению сарматского времени у Косики. Вторая глава дает наиболее яркие примеры западно-восточных контактов в степной зоне за последующее тысячелетие. Большая же часть книги посвящена монгольской эпохе, в частности международным путешествиям в степях Евразии в эпоху, следующую за формированием великой империи, но главное – разным аспектам золотоордынской культуры: городской жизни, архитектуре, ремеслу, деньгам, религиозным делам и придворным ритуалам. Фрагменты текстов и цитаты из китайских, монгольских, арабских, персидских, греческих, латинских, древнерусских и средневековых итальянских источников вводят в текст повествовательный элемент. Обилие точных деталей, свежих наблюдений и непосредственных описаний раскопок делают книгу живой и увлекательной. Это первое посмертное издание книги Г.А. Федорова-Давыдова еще раз подтверждает его репутацию замечательного археологического писателя, и нет сомнения, что английский читатель получает в ней первый доступный и интересный рассказ об археологии и культуре Золотой Орды.

Необходимо отметить высокое качество печати и бумаги. Впечатление было бы еще более ярким, если бы великолепные слайды, снятые Е.И. Желтковым, были воспроизведены в цвете, как это и было предусмотрено в договоре об этом издании.

В то же время мы надеемся, что читатели полностью абстрагируются от грубых ошибок в материалах, добавленных в последний момент Дж. Дэвис-Кимбэлл, и не припишут их ни автору Г.А. Федорову-Давыдову, ни редактору А.М. Лескову, ни переводчику А.И. Наймарку. Самые досадные ошибки – в имени автора книги: в заголовке некролога покойный автор назван Германом Александровичем; на задней стороне суперобложки искажена и сама фамилия автора – Davydov-Ferorov. Одна из серьезных фактических ошибок в некрологе, где сказано, что Герман Алексеевич в течение 35 лет заведовал кафедрой археологии Московского университета (С. VII).

Абсолютно необъяснимо, почему в книге не указано имя фотографа Е.И. Желтова. Это очевидное грубое нарушение авторских прав. Только так следует квалифицировать в малопонятное определение роли Лескова в издании книги как "Russian acquisition" (на титульном листе) вместо "Series Russian Compiler and Editor" (так было в верстке).

Остается впечатление, что Дж. Дэвис-Кимбэл вообще не понимает, что такое авторское право. Например, работая над переводом, Наймарк счел недостаточным просто перевести с русского на английский цитаты из греческих, латинских, арабских, монгольских, китайских и других иноязычных авторов, которыми изобилует текст Г.А. Федорова-Давыдова, и разыскал наиболее авторитетные английские переводы этих текстов. Дж. Дэвис-Кимбэлл получила список всех этих цитат с указанием изданий и страниц и с письменным пояснением, что как издатель она должна получить необходимые разрешения на публикацию этих отрывков-цитат у авторов переводов, а также одним из стандартных способов указать в тексте книги, откуда взята цитата. В опубликованном тексте книги нет никаких следов столь необходимых ссылок. Что же касается предоставленного А.И. Наймарком списка, то он включен в книгу под заголовком "Дополнительные Библиографические Источники" (С. 182), причем Дж. Дэвис-Кимбэлл не позаботилась убрать номера страниц и даже сохранила отсылку к изданию стихов Р. Киплинга. В то же время Дж. Дэвис-Кимбэлл добавила в этот список новые работы по монголистике (Аллсена, Груссе и Святославского) и написанное Фраем общее введение в раннюю историю Средней Азии, которые к тексту книги никакого отношения не имеют. Другими словами, Дж. Дэвис-Кимбэлл действительно попыталась сделать из этого списка нечто типа дополнительной библиографии, но как раз в этом-то качестве он не может быть использован из-за неправдоподобно большого количества ошибок: название книги Аллсена произвольно сокращено, а сам он поименован Алстоном; книга Фрая, опубликованная в 1996 г., отнесена к 1988 г.; новое издание "Исламских династий" Босворта датировано 1966 вместо 1996 г. То же обнаруживается и в другой "Избранной библиографии": недавняя статья Г.А. Федорова-Давыдова и В.В. Дворниченко в "Le dossiers d'archéologie" приписана давно покойному Баллоду, а книга Хейда омоложена без малого на 100 лет, и т.д., и т.д.

Точно такое же безалаберное отношение характеризует научный аппарат книги. К первоначальному русскому тексту книги прилагались: "Список терминов и редких слов" и отдельный "Список племен". Поскольку книга предназначалась для широкой англоязычной аудитории, эти списки представлялись недостаточными и переводчик объединил их и расширил до частично аннотированного "Индекса имен собственных, географических, племенных и этнических названий, титулов, специальных терминов и редких слов". То, что было в конечном итоге опубликовано, никакого отношения к нормам, принятым в научных изданиях, не имеет и выглядит по крайней мере странно. К тексту приложены "Глоссарий" (С. 175–180) и детальный "Индекс" (С. 183–189). Имена собственные и географические названия оказалась в обоих, причем принцип разделения совершенно непонятен. Те имена, которые оказались в глоссарии, не повторяются в индексе и, соответственно, не снабжены отсылками к страницам текста, на которых они встречаются. Те же, которые оказались в индексе, не сопровождаются аннотациями.

Последнее, однако, может быть и к лучшему, поскольку некоторые из пояснений, добавленные самой Дж. Дэвис-Кимбэлл к первоначальным аннотациям Г.А. Федорова-Давыдова и А.И. Наймарка, несколько нетрадиционны. Мы, например, узнаем, что казахи–это "кочевники, жившие в степенях Северного Кавказа, а также в Поволжье и Подонье в течение второй пол. первого тыс. н.э." (С. 177). Трудно поверить, что эта аннотация принадлежит главе бывшего Американо-Казахского проекта и нынешнему главе Центра по изучению евразийских номадов. Не менее интересны пояснения к некоторым "специальным терминам". Так например, переводя описание двуручного серебряного сосуда из Косики, А.И. Наймарк назвал "drinking vessel". Английскому редактору это показалось недостаточным и она вставила в скобках "a kubok" (С. 14, также С. 114, табл. 22), а в глоссарии пояснила, что "кубок – сосуд, найденный в погребении, который, несомненно, использовался в культовых целях" (С. 177). Что же касается ошибок в правописании, а также странных и противоречивых транскрипций различных названий одних и тех же вещей и памятников, то их перечисление заняло бы добрых пару страниц.

Столь же тяжкое впечатление производят географические открытия издателя и английского редактора Дж. Дэвис-Кимбэлл. Из глоссария, например, следует, что станица Белореченская расположена не на реке Белой, а на Кубани (С. 175). Город Килия Дж. Дэвис-Кимбэлл располагает не на реальном месте – на Дунае, а на Днепре (С. 177). Но более всего не повезло реке Волге. В глоссарии читаем: "Итиль – смотри Волга" (С. 176). Но дальше Волги нет. Зато на карте, где размещены объекты, исследованные Поволжской экспедицией (С. 4), Волга обозначена, но впадает она в... Черное море (как здесь назван водный простор, имеющий очертания Каспийского моря).

Учитывая, что книга посвящена Золотой Орде и Великому Шелковому пути, неудивительно, что основному тексту предпослана карта под названием "Евразия" (С. V). Но именно в этой карте наиболее ярко отразились непрофессиональность и безалаберность издателя. Прежде всего содержание карты не соответствует названию: здесь даны лишь части Европы и Азии. Среди тех стран, которые оказались на изображаемой территории, не повезло Китаю, государствам Средней Азии и Закавказья – они не названы, их территория не очерчена. А вот Монголия и Казахстан обозначены самым крупным шрифтом. В то же время пятидесятимиллионная Украина не отмечена вообще. Хорошо, что хоть Россия оказалась в почете: прописана дважды, правда более мелко, чем Казахстан. Ее составная часть – Сибирь – дана точно так же, как и сама Россия. В этом контексте не ясно, что обозначает данное тем же шрифтом Kazan. Это явно не город, поскольку все остальные города здесь написаны по-другому и имеют конкретную точку. Тилля-тепе, Ноин-ула, Улан-баатор, Волгоград и Киев обозначены совершенно одинаково. Столь же любопытно представлены реки: верховья Днепра оказались значительно севернее Москвы, а Сыр-Дарья превращена в ручей, текущий из центрального Казахстана. Не менее интересен на этой карте и Ближний Восток: Багдад перемещен в горы Ирана за пределы Двуречья; в одном ряду с Ираном, Ираком, Сирией можно было бы ожидать Турцию, но вместо нее появляется Анатолия; помимо упомянутого уже Багдада отмечены только новый город Тегеран и древняя Гераклея, уже не существовавшая в средневековье, но нет ни Константинополя (Стамбула), ни других важнейших городов Шелкового пути. В Европе мы обнаруживаем страны: Bugaria (вместо Болгарии) и Cz. Rep. (вместо Чехии/Богемии).

Впрочем, хватит о географии. Посмотрим на карту с точки зрения истории. Есть античная Бактрия, но нет ни Согдианы, ни Хорезма. Почему? Как получилось, что на карте, прилагаемой к книге, посвященной главным образом средневековью, присутствуют Гальштат, Укок и Пазырык, а также Санкт-Петербург, Хельсинки и Магадан, но нет упоминаемых в тексте средневековых Ургенча и Булгара. Другая за-

тронутая книгой тема тоже представлена на этой карте странно: среди сарматских памятников на карте выделены только Филипповка и рядовой грабленный могильник у с. Покровка (неужели потому, что в этих раскопках участвовала Дж. Дэвис-Кимбэлл?), но нет богатейших широкоизвестных сарматских памятников Поволжья, Подонья, Кубани, Украины.

В заключение остается добавить, что издательство Зинат Пресс не впервые портит работу российских коллег. Недавний том по истории евразийских кочевников, написанный коллективом ведущих российских археологов и опубликованный Дж. Дэвис-Кимбэлл, обнаруживает то же самое безобразное отношение к издательской работе. Это важное издание настолько пострадало, что вызвало справедливую резко негативную рецензию А. Иванчика, опубликованную, к сожалению, только на одном немецком языке в 1998 г. в 4-ом выпуске Eurasia Antiqua (p. 492–495). Необходимо сделать только одно уточнение: А. Иванчик считал, что Зинат Пресс и Центр по изучению евразийских номадов, руководимый Дж. Дэвис-Кимбэлл, имеют прямое отношение к Калифорнийскому университету в Беркли; на самом же деле между ними нет ничего общего за исключением того, что центр и издательство расположены в том же городе, что и университет.

К сожалению, опыт совместной работы над книгой Г.А. Федорова-Давыдова показал обоим авторам настоящей рецензии, что публикация дальнейших выпусков серии, как и любой другой серьезной книги, в Зинат Пресс невозможна.

Университет Пенсильвании, Филадельфия
Университет Хофстра, Нью Йорк

А.М. Лесков,
А.И. Наймарк

A. Rona-tas. HUNGARIANS AND EUROPE IN THE EARLY MIDDLE AGES: AN INTRODACTION TO EARLY HUNGARIAN HISTORY. Budapest, Central European Univ. Press, 1990. 566 p., ill.

Монография "Венгры и Европа в эпоху раннего средневековья: Введение в раннюю историю венгров" вышла в свет в 1996 г. на венгерском языке, и стала доступной для широкого круга читателей после издания на английском языке в 1999 г. Автор книги – известный венгерский специалист по истории венгров, алтайским языкам и этнографии Андраш Рона-Таш. Из-под его пера вышло уже более 300 статей и около 20 книг.

Заглавие книги не отражает той полноты охвата источников, которая стала возможна благодаря необычайной эрудиции исследователя. Она позволила автору подойти к изучению вопроса происхождения венгерского народа, используя метод синтеза данных разных отраслей знаний. Это не только свидетельства письменных источников, материалы антропологии, лингвистики, этнологии, нумизматики, но также результаты палеоботаники, биогеографии, методов точного датирования.

Основная задача книги – ознакомить всех интересующихся с новейшими материалами и разработками по ранней истории мадьяр и с той средой, в которой проходило сложение этого народа. Структура книги соответствует поставленной цели. Она состоит из четырех частей: "Введение в методологию и источники", "Родственники и соседи", "От Урала к Карпатскому бассейну", "Новые исследования и разработки".

В первой части отражена система подхода автора монографии к решению проблем древней истории мадьяр. Основой его является синтез всех доступных в современное время источников, которые могут дать материал по исследуемому вопросу. Вторая часть по широте охвата материала соответствует поставленной цели: вписать историю ранних венгров в контекст современной им всеобщей истории. В ней собраны сведения о финно-угорских народах и сделаны краткие исторические экскурсы в историю государств и племен, существовавших на обширных просторах Евразии в эпоху раннего средневековья. Третья часть – ключевая: она посвящена собственно истории венгров от их появления на исторической арене и до интеграции в европейскую культуру после миграции в Карпатский бассейн. В последней части содержится историографический обзор некоторых наиболее актуальных и спорных аспектов ранней истории венгров, что позволило избежать перегрузки основного текста полемикой, мало интересной для широкого круга читателей. Хотелось бы отметить необыкновенно легкий и живой стиль, которым А. Рона-Таш излагает суть достаточно сложных проблем, не пытаясь их упростить или обойти. "Открытые и нерешенные вопросы должны помогать, а не препятствовать развитию знаний" – это один из принципов, которым руководствуется ученый. Можно только позавидовать студентам университета в Сегеде, которым А. Рона-Таш читал курс лекций, отчасти легший в основу его монографии. Получив представление о методе синтеза данных разных отраслей знаний, от естественных наук до этнографии, читатель в последующих разделах может проследить практическое его применение при решении конкретных задач. Так, для исследования исходного пункта миграций привлекаются данные археологии, антропологии, геоботаники в сочетании с картографированием (P. 154–158).

Картографирование используется очень широко. В монографии 49 карт, большинство из которых составлено самим автором. Они максимально облегчают восприятие текста. Обзор письменных источников, арабских, армянских, еврейских, китайских и других, сопровождается картами государств, где жили их авторы. Помимо карт, показывающих пути миграций, локализацию племенных и государственных образований VII–IX вв. и археологических памятников, в книге можно найти целый ряд карт, иллюстрирующих работу с различными источниками. Например карту версий локализации древних индоевропейцев различными учеными за последние тридцать лет, карту типов растительности Карпатского бассейна, карту этнографических наблюдений о составе стада в Монголии и др. Только перечень карт помогает составить представление о многообразии тем, затронутых в монографии. Конечно, ни объем рецензии, ни сугубо археологическая подготовка ее автора не позволяют дать адекват-

ную оценку книге во всем ее объеме. Поэтому я остановлюсь только на тех положениях, которые относятся к археологическим источникам VII–X вв.

Прежде всего – несколько слов об отношении А. Рона-Таша к самим археологическим источникам как составляющей процесса реконструкции древней истории венгров. После ознакомления с вводной частью, в которой рассмотрены термины и методы, складывается впечатление, что автор к этим источникам относится крайне скептически. Соотношение определенного народа с археологической культурой признается весьма проблематичным (P. 14), а в решении хронологических задач археологии отводится место в числе "других вспомогательных дисциплин" после нумизматики. Но даже если археологическими методами удается датировать находки, то идентификация с теми или иными историческими реалиями все равно, по мнению А. Рона-Таша, сомнительна из-за сложности локализации племен по письменным источникам (P. 30–32). Археология, по заключению автора, не является источником информации об этнической истории. В лучшем случае, она может свидетельствовать об экономике, достижениях технологии, социальных изменениях в том или ином регионе (P. 140). Не слишком высокая ступень археологии в примененной автором системе обусловлена его подходом к феномену этноса. Этнос, по определению А. Рона-Таша, – это исторически сформировавшаяся совокупность людей, имеющих общую семиотическую систему, важнейшим компонентом которой является язык (P. 6–12). Религиозные обряды и мифология, погребальные обычаи, костюм, общность территории и политической системы, также определяющие в той или иной степени самоидентификацию этноса, могут быть хотя бы частично отражены археологическими источниками. Но по значимости они уступают не только языку, но и самоназванию этноса и способам общения, при изучении которых приоритет переходит к письменным источникам, лингвистике, топонимике и этнографии. Сильной методологической стороной исследования является подход к этнической истории, отдающий предпочтение не происхождению этноса, а компонентам и процессам, способствовавшим его формированию (P. 12). При таком подходе особое значение приобретает история языка, материальной и духовной культуры соседних народов. Этот метод А. Рона-Таш унаследовал от своего учителя Дьюлы Немета и творчески его развил.

Поскольку концепция, предложенная в монографии, во многом основана на лингвистических источниках, мне придется все же кратко на них остановиться. Они рассмотрены не только с точки зрения происхождения и исторических стадий развития венгерского языка, но и в плане решения вопроса, с какими народами могли контактировать древние венгры на пути их продвижения в Карпатский бассейн. С этой целью проведен анализ заимствований из среднеиранского, тюркского и славянских языков. Особенно ценны в этом отношении, по мнению автора, те немногие тюркские заимствования в венгерском языке, которые имеют начальное *h-* вместо *k-*. Считается, что эти слова проникли в венгерский в очень раннее время, за которым последовал другой период языковых контактов: без изменения начального *k-*. А. Рона-Таш придерживается мнения, что эти слова вошли в венгерский во время контактов с населением Хазарского каганата. В каганате превалировал один из тюркских языков, в котором замена *k-* на *h-* уже произошла. Об этом свидетельствуют такие факты, как название реки Хара сив (Кара су) или титул "хакан" вместо "каган". Судя по сведениям, которые можно извлечь из рукописи Ибн-Фадлана, прекращение процесса перехода *k-* в *h-* не могло произойти ранее конца VIII – начала IX в. (P. 39).

Всего в венгерском языке насчитывается около 450 заимствований до оттоманского периода, но сложность заключается в том, что нет критерия разделения заимствований, вошедших в венгерский до периода обретения родины и после, в результате миграций в Карпатский бассейн печенегов, гузов и куманов (P. 105–112). Наиболее ранние заимствованные слова можно отличить, проследив фонетические изменения, аналогичные происшедшим в чувашском языке, относящемся, как считают, к группе *r*-тюркских языков. Основываясь на свидетельствах лингвистических источников, А. Рона-Таш заключает, что венгерский народ жил вместе с народом или народами, которые говорили на языке типа чувашского. Среди этих тюркских заимствований много терминов, относящихся к животноводству, политической и религиозной жизни, а также виноградарству и садоводству.

С какими же тюркоязычными народами могли иметь контакты венгры до "обретения Родины"? Автор рассматривает в качестве таковых сабир, тюрок, оногуро-болгар и хазар. Из них отбрасываются тюрки, как говорившие на общетюркском (*z*-тюркском) языке, и савиры, как рано сошедшие с политической арены. Кроме того, неизвестно, каким был их язык. Наиболее заслуживающими рассмотрения оказываются оногуро-болгары и хазары. По мнению А. Рона-Таша, сомнительно, что гунны являлись носителями тюркского языка. Этот вопрос остается открытым. Тюркский язык *r*-группы принесли в Восточную Европу огурские племена во второй половине V в. (P. 208, 209). К сожалению, о языке хазар, дунайских и волжских болгар слишком мало данных, чтобы можно было заключить, к какой группе тюркских языков они относились (P. 112–114). Автор допускает также, что правящий слой авар мог говорить на языке чувашского типа, и его нельзя исключить из рассмотрения (P. 114–116).

А. Рона-Таш, действительно, как и постулировал в предисловии к книге, не пытается обойти острые углы. Он отмечает не только недостаточность сведений письменных источников относительно языка болгар и хазар, но и нерешенный вопрос о хронологическом соотношении *z-* и *r*-тюркских языков, который дискутируется более ста лет (P. 101–103), а также безуспешность или неудовлетворительность попыток дешифровки надписей, выполненных восточно-европейским руническим письмом, которых известно уже около ста (P. 131, 132). Ретроспективные построения лингвистики, объединяющие древние болгарский и хазарский языки в одну группу с современным чувашским языком, затрагивают целый ряд проблем. А. Рона-Таш вполне допускает, что чуваши могут являться потомками реликтового хазарского населения, бежавшего на север (P. 114). Но с этим предположением находятся в противоречии последние данные антропологии, на основании не только краниометрических, но и более тонких краниоскопических методов относящие чувашей к группе урало-язычных народов (Моисеев, 1999). Вопрос о том, что тюркская лексика также могла быть заимствована предками чувашей, как и венграми, чем и объясняется отмеченное сходство фонетических изменений, автором не поднимается. Кроме того, как предполагает В.А. Иванов, "хазаризацию" мадьярской культуры и языка могли вызвать не столько контакты с Хазарией на древней прародине, сколько участие каваров в переселении венгров на Дунай (Иванов, 1999. С. 106). В целом же роль каваров в сложении лексики и культуры венгров неясна.

В своей концепции автор большое внимание уделяет тому факту, что среди ранней группы тюркских заимствований выделяется пласт терминов, связанных с виноградарством и садоводством. Это такие термины, как "вино", "виноградная лоза", "плохое вино" и т.д., которые не могли войти в венгер-

ский язык во время пребывания венгров на Средней Волге и Каме, поскольку там не было виноградарства. Они могли быть заимствованы, по мнению А. Рона-Таша, "только" (! – *В.Ф.*) в Прикубанье или Северном Причерноморье (P. 111).

Обращено также внимание на присутствие тюркских заимствований, связанных с политической жизнью, государственным и религиозным устройством, которое может свидетельствовать о вхождении венгров в какую-то тюркскую политическую систему: племенную конфедерацию или империю (P. 111, 112). Данные наблюдения лингвистики во многом, как мне представляется, определили путь поисков решения проблемы локализации Ателькузу и Леведии.

Первоначально неудачи при попытке проследить археологические следы мадьяр до периода "обретения Родины" объясняли недоступностью археологических источников с территории России. Но после приоткрытия границ стало ясно, что надо искать более объективную причину. А. Рона-Таш называет несколько причин. Во-первых, это сложности исторической интерпретации. Так, к востоку от Карпат известно несколько памятников, которые принадлежат мадьярам. Но при этом они вряд ли могут быть отнесены к эпохе продвижения мадьяр на запад, а скорее являются погребениями людей из сторожевых гарнизонов нового государства или тех, кто возвращался из походов (P. 118). Кроме того, хотя погребальные обычаи и верования в загробную жизнь очень устойчивы, они могут претерпевать быстрые трансформации, которые подчас не зависят от этнических изменений. А. Рона-Таш приводит в качестве не очень удачного примера случай из современной истории Венгрии, когда после ввода советских войск во время Второй мировой войны произошло массовое распространение кремации (P. 118, 134).

Другое направление поиска – изучение аналогий вещевого комплекса, техники изготовления и стилей орнаментации. Несмотря на вполне определенно сформированный венгерский стиль орнаментации, находки вещей с подобным оформлением известны от Кавказа до Скандинавии. Как считает автор, они иллюстрируют не историю народа, а историю перемещения вещей и мастеров в результате торговых контактов и военных операций. В IX–X вв. особенно усиливается унификация степной культуры (P. 119, 135).

Не меньшие сложности отмечены и в том направлении, которое занято исследованием памятников бассейна Камы, сходных по типу с венгерскими захоронениями эпохи "обретения Родины". Прежде всего – это материалы могильника Большие Тиганы и предшествовавшие ему памятники кушнаренковской культуры VI–IX вв. Автор ставит вопрос, являлись ли эти памятники свидетельством существования прародины венгров в Прикамье или же они появились в результате миграции венгерских групп с юга или юго-запада? Последний вариант ответа признается автором более предпочтительным. Занятая кушнаренковской культурой территория, по его мнению, принадлежала древним башкирам. Большие Тиганы явились местом остановки мадьяр, которые мигрировали вместе с волжскими болгарами в Закамье в VIII в. В это же время в Приуралье появляются погребальные маски, которые нельзя считать, как это принято, специфическим "древним" финно-угорским атрибутом. Они были широко распространены у многих народов. Таким образом, археологические источники не подтверждают, заключает автор, теорию о выходе мадьяр с этой территории (P. 120–123). А. Рона-Таш отмечает интенсивность археологических исследований на территории современных финно-угров, но к результатам исследований проявляет крайнее недоверие: "...археологи в этом регионе не совсем свободны от некоторой предвзятости, что в некоторой степени осложняет оценку местных данных. Идентификация той или иной археологической культуры с "уграми" или "пермяками" обычно базируется на лингвистических аргументах или местных автохтонистских теориях, но последние имеют мало реальных археологических оснований" (P. 139). Автор смешивает в этом пассаже роль археологии как науки с недостатками теорий конкретных исследователей.

Несомненным достоинством подхода автора к источникам, в том числе и археологическим, является широта охвата материала, казалось бы, не имеющего прямого отношения к ретроспекции истории венгров. Автор следует методике, избранной им при разработке вопроса этногенеза. Один из существенных факторов, который может не только консолидировать этнос, но и способствовать его исчезновению – это вхождение в определенную политическую систему. Как отмечает А. Рона-Таш, в этом отношении особенно интересно положение мадьяр в составе Хазарской империи. Несмотря на тот факт, что мадьяры поддерживали с ней многочисленные связи, они, в конце концов, сохранили свою этническую идентичность (P. 10). Самобытность венгерской культуры вполне определилась ко времени отделения мадьярских групп, еще до прихода в Паннонию, что нашло отражение в специфике погребального обряда могильника Большие Тиганы. И вполне оправданно недоумение автора, высказанное по поводу отсутствия археологических следов пребывания венгров в районах их промежуточного обитания в Ателькузу или Леведии, районах, близких к Хазарии, где мог идти процесс интеграции двух культур (P. 123). Число хазарских заимствований предполагает, по мнению автора, длительность этого процесса.

В связи с этим А. Рона-Таш отмечает важное место салтово-маяцкой культуры для реконструкции истории оногуро-болгар и хазар. Экономическая система носителей этой культуры сочетала полукочевое хозяйство, в степях с интенсивным занятием земледелием в долинах рек, особенно в лесостепи. Именно такая система отражена в тюркских заимствованиях венгерского языка.

Те источники по салтово-маяцкой культуре, которыми пользуется А. Рона-Таш, к сожалению, не соответствуют современному состоянию археологической науки. В книге приведена карта вариантов культуры, составленная Ч. Балинтом (Balint, 1989) и уже подвергшаяся справедливой критике Г.Е. Афанасьева (1999. С. 87, 88). Ареал культуры сильно смещен на запад, включая балкано-дунайскую область, ныне не рассматриваемую в качестве варианта салтово-маяцкой культуры. В то же время восточные земли Хазарии оставлены белым пятном, за исключением оазиса, обозначающего дагестанский вариант, с чем также можно спорить (Флёрова, Флёров, 2000). При этом автор в тексте не следует целиком за Ч. Балинтом и выделет не семь, а только три варианта салтово-маяцкой культуры. Первый – северный, аланский. Второй – южный, принадлежащий оногурам, и третий – восточный, хазарский (P. 139). Между тем, в свете последних исследований подкурганных захоронений хазарского времени в междуречье Волги и Дона искусственная граница культуры, проведенная по водоразделу этих рек, выглядит источниковедческим анахронизмом. Тиражирования ошибок карты, включая локализацию дагестанского варианта на р. Кума (вероятно, по С.А. Плетневой) или помещение Керчи на восточном берегу пролива при отождествлении ее с Таматархой, можно было бы избежать при более внимательном отношении автора к археологическим источником. В целом автор оценивает археологические памятники соседей по прародине VI–IX вв. как важный элемент при попытках реконструкции истории археологически неуловимых мадьяр (P. 139).

Поскольку текст книги не ориентирован на доказательства тех или иных положений, то я кратко изложу содержание предложенной А. Рона-Ташем интерпретации истории восточноевропейской степи и лесостепи указанного периода. Начальный период совпадает с эпохой образования Тюркского каганата. Но еще до этого, в начале V в., огуры, говорившие на языке чувашского типа, занимают степи Казахстана и Волго-Донской регион, включая Предкавказье. В это время мадьяры еще не присоединились к их конфедерации, иначе им не удалось бы сохранить финно-угорский язык в "полностью тюркизированной степи" (P. 319). Но они ушли где-то в VIII–V вв. до н.э. со своей прародины, располагавшейся между Уралом и Камой, в степи Южного Приуралья, обосновавшись вдоль р. Урал. Здесь они начали контактировать сначала с иранскими, а затем с тюркскими племенами, постепенно переходя к номадизму. Вслед за огурами последовала миграция сабиров, которые, очевидно, расселились в низовьях Волги (P. 208–212). Огурские племена консолидировались под их властью, а затем западных тюрков. Во время власти западных тюрков этнической состав Восточной Европы существенно не изменился. По мнению исследователя, связывать изменения в археологических культурах Волго-Камья и факт притока сюда серебра из Ирана, Византии и Хорезма с экспансией Тюркской империи и миграциями кыпчакоязычных племен неправомерно (P. 215).

После падения Западно-Тюркского каганата одна группа огур, возглавлявшаяся болгарами (самоназвание оногуры), перекочевала из Прикубанья в междуречье Днестра и Донца-Дона. Древние болгарские земли были оккупированы мадьярами, переселившимися на них из Приуралья в конце VI в. В Кубано-Азовском регионе венгры оставались до конца VII в. Этот период оценивается как важное звено в истории формирования мадьярского этноса. В Предкавказье мадьяры перешли к более интенсивным формам сельского хозяйства и животноводства, чем объясняются заимствования ряда терминов из тюркского языка чувашского типа. В VII в. мадьяры входят в Хазарскую империю (P. 387).

А. Рона-Таш не согласен с локализацией Болгарии Кубрата (630–670-е годы) на Кубани. Она располагалась между Доном и Бугом (Куфис), а ее центр – в районе погребения Кубрата (Малая Перещепина) в Поднепровье. На севере болгарских земель, возле Донецкого кряжа, находилась Черная Болгария, откуда бежал на Дунай Аспарух после нападения хазар. После бегства Аспаруха мадьяры занимают земли к западу от Днепра, где и находилась Ателькузу. Автором снова выдвигается не имеющее поддержки в научных кругах заключение о том, что Леведия составляла одну из областей Ателькузу. В этом районе происходит дальнейшее развитие болгаро-мадьярских связей. Сюда же, под защиту уже ставших независимыми от хазар мадьяр, бежали восставшие против иудаизации кавары (P. 215–220, 319–329). Последнее событие могло, как полагает автор книги, послужить поводом к постройке Саркела в 30-х гг. IX в. (P. 328).

В междуречье Днепра и Дуная венгры находились вплоть до конца IX в., когда они потерпели поражение от печенегов и откочевали в Паннонию (P. 330–332). Столь длительное пребывание в Ателькузу–Леведии, длившееся более трех веков, определило своеобразие облика венгерской культуры, впитавшей элементы языка, государственного устройства, религии, образа жизни хазар, болгар и алан. Особенно ощутимо это влияние проявлялось в области Леведия, племенной территории князя Леведия, расположенной на востоке Ателькузу и граничившей с Хазарией. Западная часть Ателькузу принадлежала клану Алмоша–Арпада, который в конце концов одержал победу над кланом Леведия (P. 329, 387). Таким образом, А. Рона-Таш определяет максимально длительное, по сравнению с предыдущими теориями, время пребывания мадьяр в Ателькузу и Леведии.

Первоначальное место обитания болгар, переселившихся на Волгу, точно неизвестно. А. Рона-Таш склонен помещать болгар хана Баяна, котрагов, на востоке империи (термин А. Рона-Таша) Кубрата, между Днепром и Доном. После подчинения их хазарами у этих болгар не было ни причин, ни возможности для миграции. Миграция на Волгу началась только через 60 лет, после похода Мервана 737 г. Стремление освободиться от хазарского ига на этот раз совпало с возможностью переселиться на опустевшие вследствие этого арабского похода земли западного побережья Волги. К болгарам присоединилась часть венгров, к этому времени заключившая с ними союз (P. 327). К середине VIII в. переселенцы достигли Самарской Луки, ставшей оплотом волжских болгар. Автор связывает с этим периодом не памятники новинковского и уреньского типов (Багаутдинов и др., 1998; Матвеева, 1997), во время написания книги еще мало известные, а более поздний Муромский Городок (середина X–начало XIII в.). Вторая пол. VIII в. ознаменовалась дальнейшим расселением болгар на север вплоть до Камы. В конце VIII в. возникает могильник Большие Тарханы, затем Танкеевка (P. 220–222). Ни эти памятники, ни могильник Большие Тиганы не имеют отношения к исходному пункту миграции мадьяр на их теперешнюю родину. Я думаю, перечисленные реконструкции событий и маршрутов могут вызвать многочисленные комментарии российских и украинских археологов.

Основанием для отвержения А. Рона-Ташем теории об исходном пункте миграции мадьяр из района современного Башкортостана, которой придерживается хорошо знакомый с российскими археологическими материалами Иштван Фодор, служат следующие соображения. По И. Фодору, мадьяры переселились из Западной Сибири на Каму в V в. и ушли оттуда в начале VIII в., оставив небольшую группу соплеменников. Таким образом, параллели в Больших Тиганах и Танкеевском могильнике хронологически более поздние, чем время пребывания основного контингента венгров в Прикамье. Болгары же достигли данного региона только в конце VIII в. Из реконструкции И. Фодора следует, что контакты мадьяр с тюрко-болгарами были слишком кратковременны и факт болгаро-венгерских языковых и культурных соответствий остается необъясненным и только частично восполняется заключением о дислокации какого-то числа мадьяр, сателлитов Волжской Болгарии, на северной окраине государства. По мнению А. Рона-Таша, И. Фодору стоило бы рассмотреть возможность совместного продвижения мадьяр, союзных болгарам, с юга, что избавило бы от необходимости приписывать близкие венгерским памятники Волго-Камья остаткам откочевавшего населения (P. 400).

Что касается поволжских археологических материалов, то следует заметить, что не все аргументы учтены и, соответственно, отвергнуты автором. Так, говоря о кушнаренковской культуре, он не упоминает кара-якуповскую, которая в результате последних исследований предложена отечественной археологической наукой в качестве если не возможной предшественницы венгерской, то, по крайней мере, основополагающей компоненты последней. Именно памятники кара-якуповского типа составляют один культурный комплекс с Больше-Тиганским могильником, чья древневенгерская атрибуция предложена Е.А. Халиковой и принята на сегодня многими исследователями. Памятники кара-якуповского типа по археологическим критериям можно рассматривать как самостоятельную культуру. Они занимают иной, чем кушнаренковские памятники, ареал (преимущественно сосредоточены в Южном Приуралье), имеют специфический набор признаков погребального обряда, свои особенности

керамического комплекса и другие хронологические границы. Кара-якуповская культура датируется серединой–второй пол. VIII – серединой IX в. (Иванов, 1999). Ее датировка не соответствует тому постулату А. Рона-Таша, что в Поволжье хронологически предшествующие Большим Тиганам памятники неизвестны (P. 121). Предложенная в монографии нижняя дата могильника, середина IX в., являющаяся одним из аргументов для заключения, что памятник возник в результате миграции мадьярских племен с юга или юго-запада (P. 123), несколько завышена. По общепринятым отечественным датировкам время бытования могильника Большие Тиганы – конец VIII–середина IX в. Концепция Е.А. Халиковой–В.А. Иванова представляется мне на сегодняшний день наиболее археологически аргументированной, хотя и она далека от неуязвимости (Фодор, 1980. С. 228–232).

Письменные источники не содержат каких-либо сведений о массовом продвижении венгров на запад от Волги ранее второй пол. IX в. Упоминаемое известие Георгия Монаха о появлении венгров на Дунае в 30-е годы IX в., так же как и пребывание венгерских отрядов в Крыму четверть века спустя, могут быть связаны не с массовым переселением, а с военными походами. Предполагается, что миграция из Приуралья началась в середине IX в., что соответствует концу кара-якуповской культуры. С учетом наиболее ранней даты прихода болгар (или каких-то иных родственных им по культуре степных племен) в Среднее Поволжье в конце VII–начале VIII в. (Матвеева, 1997; Багаутдинов и др., 1998) болгаро-мадьярские контакты продолжались в течение двух веков, до переселения к Карпатскую котловину. За это время вполне можно было воспринять некоторые черты степной культуры, не меняя при этом характерного для лесостепной зоны полуоседлого образа жизни. Сам автор отмечает, что поселения венгров эпохи "обретения Родины", которые ранее даже не пытались искать, сейчас известны в достаточном количестве (P. 363). Поселения характерны и для кара-якуповской культуры. Локализация Леведии в пограничье степной и лесостепной зон района Днепра–Северского Донца со второй половины IX в. имеет хотя и недостаточно вескую, но все же хоть сколько-нибудь приемлемую, в связи с кратковременностью этого образования, археологическую аргументацию (Иванов, 1999. С. 97–104).

Какие же археологические памятники могут соответствовать пребыванию мадьяр в междуречье Дона, Кубани и Волги (Fig. 55), длившемуся с конца VI по 70-е годы VII в.? Памятников этого времени в указанном регионе очень мало. Из уже опубликованных погребений с венграми можно было бы гипотетически связать подкурганные захоронения в Северном Прикубанье (Атавин, 1996; Семенов, 1982), самые ранние комплексы авиловского типа (Круглов, 1990), разрушенное погребение у станицы Красюковская (Безуглов, 1985). Относительно принадлежности перечисленных в указанных публикациях и близких им степных комплексов VII в. уже разрабатываются как раннехазарская, так и болгарская версии (Рашев, 2000). Особых оснований связывать перечисленные комплексы с венграми нет, так как по обряду они существенно отличаются от ранневенгерских. К вопросу пребывания венгров на Северном Кавказе специально обращался С.Н. Савенко, но никаких позитивных фактов в археологических материалах не привел (Савенко, 1994). Археологические материалы этого периода с отмеченной территории настолько малочисленны, что не дают возможности локализовать на составленной А. Рона-Ташем карте сколько-нибудь значительное и этнически однородное образование, существовавшее в азово-каспийских степях около века. Кроме того, если обратиться к теоретическим аспектам удивительного факта сохранения мадьярским этносом угорского языка, то надо отметить, что, живя в сотрясаемом миграциями степном коридоре VI–IX вв., трудно было не потерять своего этнического лица. И. Фодор связывает данный феномен именно с тем, что мадьярские племена обитали в раннесредневековый период в более спокойной лесостепной зоне (Fodor, 1996. P. 15). В связи с этим стоит вспомнить известное Воробьевское погребение под Воронежем, которому в предложенной реконструкции не было отведено места. Впрочем, как и всякая гипотеза, предположение о кубано-волго-донской прародине венгров заслуживает внимания российских археологов, тем более что некоторые угорские параллели в археологическом материале VII–VIII вв. все же прослеживаются (Белик, 2001; Круглов, 1990. С. 46–50).

Не меньшие сложности ожидают нас и при попытке вовлечь в "синтез" археологические источники, соответствующие локализации Ателькузу, включавшей, по автору, в себя Леведию, где мадьяры обитали с последней четверти VII по конец IX в. (Fig. 67). Нам следует отыскать однородный пласт археологических памятников в степях междуречья Днепра и Дуная, который не менее ощутим, чем представляющий дохристианский период X–XI вв. эпохи "обретения Родины" в Карпатской котловине, поскольку он, как следует из гипотезы автора, должен отражать двухвековую культуру единого этноса. Эти памятники следует искать южнее синхронных памятников типа Луки-Райковецкой в междуречье Днепра и Дуная. На карте, которая использована в качестве иллюстрации археологической ситуации VII–начала X в., здесь помещены "неизученный степной" и "дунайско-балканский" (по С.А. Плетневой) варианты салтово-маяцкой культуры (Fig. 26). Археологическая культура, которую можно было бы связать с мадьярским этносом, на данной территории не выявлена. Несколько погребений к востоку от Карпат (Пржемысль, Крылос и др.) сам автор склонен связывать с венгерскими гарнизонами, дислоцированными там уже после переселения в Карпатский бассейн. Не решают проблемы, по его мнению, и погребения в Молдове (Фрумучица) и на Ингуле (Субботица) (Fig. 16. P. 118, 119). Погребения в Крылосе и Субботице датируются X в., что снижает их ценность для проблемы локализации Ателькузу (Бокий, Плетнева, 1988. С. 114). В.А. Иванов связывает с Леведией несколько погребений с территории Днепровского Левобережья: Твердохлебы, Заплавка, Манвеловка, Ново-Николаевка, и допускает датировку Субботицких погребений концом IX в. (Иванов, 1999. С. 199, 100). Но даже при максимально широком охвате материала, допускающем включение разрушенных и плохо датированных комплексов, их число (12 погребений) совершенно неадекватно предложенной двухвековой локализации. Отмечу, что как перечисленные приднепровские, так и более западные местонахождения располагаются только по северной кромке области, обозначенной на карте как Ателькузу (Fig. 67), или даже севернее (Крылос, Пржемысль, Судова Вишня). Предполагается, что в период пребывания в Ателькузу мадьяры развивали навыки земледелия, садоводства и виноградарства, которые они получили еще в Прикубанье, и переходили к полуоседлому образу жизни. В этом случае следовало бы ожидать открытий поселений и укрепленных городищ, близких по типу поселениям салтово-маяцкой культуры. Но пока таких памятников нет. До рубежа IX–X вв. на Нижнем Дунае и Нижнем Днестре существует "разветвленная система поселений" балкано-дунайской культуры и памятники типа Луки-Райковецкой. Прекращение жизни на этих поселениях как раз связывают с венгерским нашествием (Козлов, 1991. С. 27).

Таким образом, предложенная преимущественно на основании кратких сведений письменных источников и лингвистических выкладок самого автора картина жизни венгров в

восточноевропейских степях ставит перед археологами ряд вопросов. Возможно, наряду с уже существующими версиями, проблема поисков истоков болгаро-хазаро-венгерских соответствий может иметь и нетрадиционные решения. Так, в недавно вышедшей монографии Б.И. Вайнберг собрала некоторые факты, которые свидетельствуют о том, что контакты угорских племен с хазарами начались еще на Средней Сырдарье в V–начале VI в. (Вайнберг, 1999. С. 290).

Небезынтересно для российских археологов будет мнение А. Рона-Таша о причинах постройки Саркела и каваро-венгерских взаимоотношениях. Исследователь считает, что для предположения о постройке Саркела в связи с венгерской угрозой мало оснований. Оно сделано в результате ошибочного толкования одного отрывка из Ибн Русте (P. 406). Возможным поводом к постройке Саркела послужило присоединение к венграм восставших в связи с иудаизацией Хазарии племен, получивших уже после присоединения имя "кавары". В результате союза этих племен с мадьярами, которые к началу IX в. стали независимы от хазар, к венгерскому племенному объединению были присоединены западные земли Хазарии между Доном и Днепром, что вынудило Хазарию укреплять новые западные рубежи (P. 328). Положение кавар в союзе было не совсем равноправным. Так известно, что их посылали на передовую во время военных операций. Неясный пассаж из греческого текста о двуязычии мадьяр или кавар А. Рона-Таш решает в пользу двуязычия последних (P. 348–350). По мнению автора, нет оснований для того, чтобы связывать с остатками тюрко-язычного населения в Венгрии этническую группу секеев, которые вплоть до нового времени сохраняли руническую письменность, так как их язык не тюркского корня, как предполагалось, а древневенгерский (P. 437–443).

Одна из глав книги посвящена этническим именам мадьяр, как самоназваниям, так и иноназваниям (P. 271–310). К VIII–IX вв. сложилось несколько этнонимов, которыми в источниках обозначались мадьяры. Их различия ставятся в зависимости от того, какой из соседних народов и на каких основаниях употреблял то или иное этническое имя. Так, известен по разным источникам этноним "тюрки", которым в византийских, арабских, армянских и грузинских источниках обозначали разноплеменные народы западной части Тюркского каганата. В IX в. им называли также хазар, поэтому, пишет А. Рона-Таш, "нет ничего невозможного в том, что мадьяр, отколовшихся от Хазарской империи, обозначали этим именем" (P. 282). Поскольку эти источники отразили преобладание геополитических, а не этнографических интересов соседних народов, то появляются также обозначения венгров как "скифы", "гунны", "авары", "сарматы", "языги", "даки" и другие народы, жившие на той же территории или имевшие сходную военную организацию. Имя "унгры", "угры", "венгры" – славянского происхождения. В основу этнонима легло имя оногуро-болгар, живших рядом со славянским населением на территориях, позже завоеванных венграми. Этноним "башкиры" появился в источниках как экстраполяция поволжской этнической ситуации на Карпатский бассейн. Хазарским обозначением венгров, очевидно, было "маджары". А. Рона-Тша не находит фактов, подтверждающих заявление Константина Багрянородного, что древнее имя венгров – "саварти асфали". Прослежена эволюция самоназвания венгров "мадьяры", которая реконструируется как mancha > maj + er > Majer > Magyer > Magyar (P. 307). Это этническое имя сложилось в финно-угорской среде урало-камской прародины. В отличие от И. Фодора, А. Рона-Таш помещает прародину венгров не в Западной Сибири, а в европейской части континента.

Последние главы посвящены истории мадьяр в Карпатском бассейне: процессу завоевания, племенной, политической и социальной структурам, экономике, религии, культуре венгров эпохи "обретения Родины". Автором живо и оригинально освещены многие вопросы теоретического уровня, возникающие в ходе изложения материала, например такие, как типы миграций, способы образования этнонимов, типы этнических перемен в средние века. Одним из таких пассажей явилась и тема интеграции мадьяр в европейскую культуру (P. 380–382). Это была уже третья интеграция мадьяр после перехода их к кочевническому образу жизни в Южном Приуралье (первая интеграция) и интеграции в культурную и политическую систему Хазарии. Называется ряд причин, благодаря которым мадьяры сумели сохранить свою нацию и образовать государство. 1. Быстрый распад племенной конфедерации и переход от тюркской племенной системы к финно-угорской, основанной на кланах. 2. Исключение местного, славянизированного аварского и славянского населения из активной военной политики. 3. Подавляющее венгроязычие завоевателей. 4. Основное – отсутствие единой политической организации в Карпатском бассейне. 5. Симпатии авар, надеявшихся на восстановление своей "империи", и тюркских вождей-жупанов болгар, уповавших на поддержку венгров в конфронтации с местным славянским населением.

Книга А. Рона-Таша, несомненно, интересна не только историкам и лингвистам, но и археологам, не в последнюю очередь российским. Она расширяет кругозор и заставляет еще раз задуматься над многими нерешенными проблемами истории народов нашей страны в сложную эпоху раннего средневековья.

Книга снабжена указателями: династии; хронология; древние личные имена; этнические и племенные имена; карты и рисунки; издания, из которых взяты неавторские карты и рисунки.

С удовольствием отмечу прекрасное полиграфическое исполнение книги.

Институт археологии РАН, Москва

В.Е. Флёрова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Атавин А.Г. Погребения VII–начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия нашей эры. Самара, 1996.

Афанасьев Г.Е. Салтовская культура в хазарских проблемах // Археология черноземного центра России: история исследований, историография. Воронеж, 1999.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998.

Безуглов С.И. Погребение кочевника VII в. н.э. на Нижнем Дону // СА. 1985. № 2.

Белик А.А. О салтово-венгерских контактах в VIII в. по материалам поясных наборов // Проблемы истории и археологии Украины. Матер. междунар. науч. конф., посвящ. 10-летию независимости Украины. Харьков, 2001.

Бокий Н.М., Плетнева С.А. Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула // СА. 1988. № 2.

Вайнберг Б.И. Этнография Турана в древности: VIII в. до н.э.–VIII в. н.э. М., 1999.

Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999.

Козлов В.И. Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII–начала XI века н.э. (балкано-дунайская культура). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1991.

Круглов Е.В. Памятники авиловского типа и проблема их этнокультурной атрибуции // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза, 1990.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара, 1997.

Моисеев В.Г. Происхождение урало-язычных народов по данным краниологии. СПб., 1999.

Рашев Р. Прабългарите през V–VII век. Велико Търново, 2000.

Савенко С.Н. К проблеме участия угро-финнов в этнокультурных взаимоотношениях населения Предкавказья в эпоху раннего средневековья // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Кисловодск, 1994.

Семенов А.И. Раннесредневековая серебряная пряжка из Чебургольского кургана на Кубани // СГЭ. 1982. Вып. 47.

Флёрова (Нахапетян) В.Е., Флёров В.С. Дагестанский вариант салтово-маяцкой культуры: правомерность выделения // XXI "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 2000.

Фодор И. К вопросу об этнической интерпретации Большетиганского могильника // Congressus quartus internationalis fenno-ugristarum. Budapestini habitus 9.–15. Septembris 1975. P. II. Budapest, 1980.

Balint Cs. Die Archäologie der Steppe. Wien; Koln, 1989.

Fodor I. The Hungarian Conquest // The Ancient Hungarians. Budapest, 1996.

ПОЗДНИЕ СКИФЫ КРЫМА. ТРУДЫ ГИМ. М., 2001. Вып. 118. 282 с., ил.

Рецензируемый сборник включает 22 публикации по истории, культуре и быту полиэтничного населения, обитавшего в Северо-Западном, Центральном и Юго-Западном Крыму с III в. до н.э. по III в. н.э.

Авторы заметок и статей сборника – ученые из России и Украины, посвящают его светлой памяти Н.А. Богдановой – известного исследователя позднескифской археологической культуры Крыма, много лет отдавшей изучению некрополей Юго-Западной Таврики.

Структурно сборник состоит из четырех разделов: Memoria, Статьи, Публикации, Музейные собрания. Имеются резюме на английском языке, а также список литературы и список сокращений.

Раздел "Memoria" открывают биографический очерк, посвященный Н.А. Богдановой и список основных трудов исследовательницы, составленный И.И. Гущиной и К.Б. Фирсовым. Воспоминаниями о Наталье Алексеевне делится в своей заметке И.В. Белоцерковская.

Две небольшие статьи касаются материалов Заветнинского могильника, исследовавшегося Н.А. Богдановой. К.И. Зайцева публикует комплекс предметов II в. н.э. из могилы № 294. Особый интерес среди них вызывает "лепная конусовидная чашечка с рельефным ободком на высокой ножке с подставкой". Как верно отмечает автор, подобные чаши с ободками на ножках довольно редки. Наиболее характерны они для гончарного производства Ольвии и некоторых других античных городов Северного Причерноморья эллинистического времени. Валик-ободок на такого рода изделиях символизировал, по мнению К.И. Зайцевой, свет и солнце, поэтому большинство таких чаш предназначалось для использования в культовой сфере. В связи с этим нужно заметить, что конкретное функциональное назначение рассматриваемых предметов установить достаточно трудно (Марченко, 1988. С. 98). Несомненно, что какая-то их часть использовалась при совершении культовых действий и являлась алтарями, жертвенниками-эсхарами и т.д., но эти же изделия могли применяться и в повседневной, бытовой сфере, выполняя функцию светильников. Что касается публикуемой лепной чаши из Заветного, то она, помимо всего прочего, несет еще и этнокультурную нагрузку, поскольку традиция оформлять ритуально-культовые чаши одним или несколькими горизонтальными валиками-ребрами была специфична для сарматов с III в. до н.э. по III в. н.э. (библиографию вопроса см.: Власов, 1997. С. 277–279).

В статье Н.П. Сорокиной "Два стеклянных сосуда из Заветнинского могильника" рассматриваются амфориск и кувшин. Стеклянная посуда на позднескифских памятниках встречается очень редко. Как считается, она изготовлялась в античных центрах Северного Причерноморья, откуда и попадала к обитателям Таврики. Подавляющее большинство столовой и парфюмерной посуды из стекла изготовлено в технике свободного дутья, но Н.П. Сорокина обратила внимание на единичные изделия, выполненные в другой технике – выдутые в двухстворчатых формах. Традиционно считается, что такая продукция имеет ближневосточное (сиро-палестинское) происхождение, однако исследовательница весьма убедительно показывает, что центры производства таких сосудиков могли находиться и в Закавказье (Иберия, Армения). Оттуда, в связи с войнами Рима в Армении, они попадали на Боспор – к союзнику Римской империи, обеспечивавшему ее легионы провиантом, а уже с территории Боспорского царства столь редкие предметы проникали к поздним скифам.

Раздел "Статьи" включает четыре работы. Исследованию погребений в мавзолее Неаполя скифского посвящена большая статья Ю.П. Зайцева. Сравнение архивной документации с опубликованными данными привело автора к выводу о несоответствии сложившихся у исследователей на основании публикаций представлений об этом выдающемся комплексе и реальной картины погребений. Подробный анализ сохранившихся полевых материалов позволил Ю.П. Зайцеву уточнить план богатейшего погребения в каменной гробнице, а также предложить свою реконструкцию погребального обряда и связанной с ним последовательности ритуальных действий. Непосредственное изучение находок из комплекса дало основания автору по-новому восстановить некоторые широко известные из прежних публикаций предметы (иную форму в реконструкции Ю.П. Зайцева приобрел шлем, из двух предполагавшихся ранее коротких мечей собран длинный латенский меч и т.д.).

Новую интерпретацию получило и известное резное расписное деревянное сооружение, графически реконструированное О.И. Домбровским и рассматриваемое в первых публикациях в качестве остатков саркофага, в котором помещалось богатое женское погребение, ограбленное в древности. По мнению Ю.П. Зайцева, конструкция является тронным парадным ложем, на котором покойник был внесен в мавзолей и помещен до захоронения в каменной гробнице. Публикуемые в статье графические изображения гипсовых отливок деревянных деталей конструкции в виде чудовищных персонажей значительно отличаются от реконструируемых О.И. Домбровским. Отметим, что осмотр гипсовых отливок, хранящихся в фондах Крымского республиканского краеведческого музея, позволяет отказаться от реконструкций О.И. Домбровского.

Сопоставление всех имеющихся в распоряжении автора данных о погребении, стратиграфических и архитектурных особенностях мавзолея и прилегающих строительных комплексов с хронологией исторических событий позволило Ю.П. Зайцеву присоединиться к мнению исследователей, считающих, что погребение в каменной гробнице принадлежит Скилуру. Необходимо отметить, что в связи с неясностью того, как происходил процесс фиксации в момент расчистки погребения, публикация Ю.П. Зайцевым не подлинных чертежей, а реконструкций, выполненных на основании изучения полевых материалов, требует от читателя значительной доли доверия. В этом смысле несомненным достоинством работы являются ссылки на использованные сохранившиеся архивные материалы с указанием номеров хранения, которые, таким образом, могут быть подвергнуты ревизии. Это же касается и коллекций находок.

Можно по-разному относиться к реконструкциям, предложенным Ю.П. Зайцевым – один из них весьма правдоподобны, другие кажутся невероятными (например, процесс заталкивания тела Скилура в отверстие, образовавшееся после того, как рухнула одна из плит перекрытия каменной гробницы). Но его работа заставляет лишний раз задуматься о прописных для каждого археолога истинах – необходимости тщательных раскопок и зачисток, а также максимально полной и точной фиксации исследуемых объектов. В противном случае, как в ситуации с неапольским мавзолеем, исследователи следующих поколений оказываются перед лицом очень сложных проблем, многие из которых вряд ли могут быть разрешены в принципе.

Самостоятельный интерес представляют собой для приложения, помещенные в конце статьи Ю.П. Зайцева. В разделе 1 приложения 1 собраны сведения о погребении в каменной гробнице, включающие в себя описания погребального сооружения, обряда и каталог всех находок, снабженный иллюстрациями. В разделе 2 публикуются сведения о деревянной резной конструкции. Приложение 2 состоит из заметки Д.Ю. Пономарева об антропологической характеристике погребения в гробнице и костных останков, найденных среди деталей резной конструкции. Элемент сомнения в корректности выводов автора вносит тот факт, что исследование проводилось по полевым фотографиям, так как сами антропологические материалы не сохранились.

Обстоятельная публикация С.Г. Колтухова посвящена, казалось бы, давно и хорошо известной группе многократных скифских захоронений III в. до н.э. – I–II вв. н.э. в каменных склепах и каменных ящиках. Дополнив данную группу памятниками, открытыми в недавнее время, и проанализировав имеющиеся в них датирующие находки, автор пришел к выводу о том, что во многих из них присутствуют вещи более раннего времени. Таким образом, первые захоронения в этих погребальных сооружениях могли быть совершены еще в IV в. до н.э. Данный вывод заставляет еще раз обратить внимание на сложность, неоднозначность и невыясненность тех процессов, которые связаны с финальным этапом раннескифской культуры и периодом формирования культуры скифов поздней поры. Вызывает интерес и другое предположение – автора – об участии в сложении позднескифской культуры Крыма представителей сарматского племенного мира. Оно основано на находке так называемой "трехногой" глиняной чаши-курильницы из кургана Черкес № 2, которую исследователь датирует III–II вв. до н.э. Вопрос о столь раннем времени появления и проживании сарматов на Крымском полуострове несомненно важен и интересен, однако связь савроматосарматских каменных жертвенников на ножках с единственным крымским, к тому же керамическим изделием нуждается, на наш взгляд, в более обстоятельной аргументации.

А.А. Труфанов в статье "К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями" предложил типолого-хронологическую схему одного из распространенных видов украшений – браслетов с концами в виде змеиных головок. Несмотря на то, что в будущем данная схема может быть дополнена и скорректирована, она уже сейчас дает возможность использовать указанную категорию инвентаря в качестве индикатора, указывающего дату того или иного погребального комплекса.

П.Д. Диатроптов в своей статье исследует вопрос о распространении в искусстве античного Северного Причерноморья образа всадника. По мнению автора, традиция изображения богов, героев и героизированных умерших в виде всадника возникла в архаическое время в греческом искусстве и впоследствии через Малую Азию распространилась на сопредельные территории – во Фракию и Северное Причерноморье. Некоторые мотивы, не находящие аналогий в греческом искусстве, автор связывает с иранской традицией. Наибольшее распространение образ всадника получил в искусстве Боспора и поздних скифов, что, как очевидно справедливо полагает исследователь, имело социальные причины и было связано с большим значением военной всаднической аристократии.

Благодаря разделу "Публикации", достоянием читателей стали многочисленные и разнообразные комплексы находок.

В статье О.Д. Дашевской на традиционно высоком уровне публикуется и анализируется инвентарь большого земляного склепа Беляусского могильника, содержавшего семь погребений. По мнению исследовательницы, погребения совершены во второй половине или последней четверти II в. до н.э.

В статье С.Ю. Внукова и А.Б. Лагутина публикуются материалы трех склепов и одной подбойной могилы I в. до н.э. – I в. н.э. из некрополя Кара-Тобе. Публикация выполнена почти образцово. В ней подробно описаны погребальные сооружения, останки погребенных и сопровождающий их инвентарь. Тщательный анализ находок позволяет прийти к обоснованным выводам. Текст сопровождается иллюстрациями высокого качества. Тем не менее отметим некоторую неясность в употреблении авторами терминов, обозначающих различные типы погребальных сооружений: "катакомба", "склеп", "подбойная могила". Кроме того, на наш взгляд, вместо термина "погребение" (в том смысле, который вкладывают в него авторы) более уместно употреблять термин "могила" или "погребальное сооружение". Снижает публикационные достоинства работы отсутствие полноценного описания бус. Учитывая ограниченные объемы статьи, возможно, следовало бы построить описания со следующей схеме, не требующей значительных объемов: материал, номер типа по классификации Е.М. Алексеевой, количество экземпляров. Отметим также, что в публикации материалов позднескифского могильника у с. Кольчугино, вопреки утверждению С.Ю. Внукова и А.Б. Лагутина (С. 117), железные пряжки с восьмерковидными рамками интерпретируются и как поясные, и как обувные (Храпунов и др., 1997. С. 93). Введенные в научный оборот данные позволяют согласиться с выводом авторов о том, что, с одной стороны, могильник Кара-Тобе сходен с другими позднескифскими могильниками Крыма, а с другой – он обладает определенными самобытными чертами. Одной из них, в частности, является то, что в изданных комплексах I в. до н.э. – I в. н.э. совсем не прослеживается сарматское влияние. В статье А.Е. Пуздровского публикуются комплексы Битакского могильника, содержащие предметы вооружения и конскую сбрую. Погребение коня в специальной грунтовой яме совершенно не позднее III в. н.э. Остальные шесть публикуемых погребений находились в подбойных могилах. Пять из них относятся к началу, а одно – ко второй пол. II в. н.э., что,

по мнению автора, отражает две волны проникновения позднесарматского населения в предгорный Крым.

И.И. Неневоля и А.А. Волошинов опубликовали результаты раскопок склепа и грунтовой могилы IV в. н.э. из могильника Краснозорье. Склеп имеет особенности, отличающие его от синхронных и в целом однокультурных погребальных сооружений Центрального Крыма. У него необычно длинная входная яма с восемью ступеньками, погребенные положены не как обычно, ногами к входу, а перпендикулярно ему, к тому же их всего три, тогда как традиционно в таких склепах совершалось шесть-восемь захоронений. Бросается в глаза почти полное отсутствие лепной и краснолаковой керамики при наличии трех гончарных сосудов, близких черняховским образцам. Значительный интерес представляет единственный лепной сосуд. По форме и врезной орнаментации он аналогичен черняховским трехручным вазам, но ручки его украшены, как у сармат, зооморфными скулыптурками. Трудно представить себе более яркий пример синкретизма германских и сарматских традиций. Вывод авторов о непрерывном существовании Краснозоринского могильника с I по IV вв. н.э. до публикации полного плана памятника представляется преждевременным. Такая ситуация была бы для Крыма уникальной. Более вероятно, что неподалеку друг от друга находятся два разновременных некрополя.

Статья А.А. Волошинова знакомит читателя с новыми памятниками позднескифской скульптуры из Юго-Западного и Центрального Крыма. Отметим методически неверный прием, которым пользуется автор. Он датирует по погребальному инвентарю стелы, использованные в могилах вторично (в качестве закладных плит и т.п.).

В.Б. Уженцевым предпринят обзор материалов, полученных за 10-летний срок раскопок поселения Калос Лимен. Учет существенно возросшего массива данных позволил уточнить периодизацию Черноморского городища, были отмечены определенные особенности памятника, а некоторые выводы исторического характера получили новую интерпретацию. Так, например, следы внезапных внезапных разрушений рубежа первой – второй четверти I в. н.э., прослеженные и на других поселениях Северо-Западного Крыма, в отличие от них на Калос Лимене не сопровождаются пожарами. Причину этого автор пытался было объяснить следствием землетрясения, однако сам же отметил маловероятность данной версии, поскольку северо-западная часть полуострова находится в сейсмически стабильной зоне. Очевидно, ответ на этот вопрос еще предстоит найти.

В статье также высказано весьма оригинальное объяснение причины военного нападения на Калос Лимен, имевшего место в третьей четверти I в. н.э. Обычно, его связывают с походом в Таврику римских войск Тиберия Плавтия Сильвана для оказания помощи осажденному Херсонесу. В.Б. Уженцев не исключает того, что виновниками нападения могли быть скифы Центрального Крыма. В условиях децентрализации позднескифского государства они объединились с одним из сарматских племен и напали на своих соплеменников из Калос Лимена, которые тесно сотрудничали с Херсонесом. Военно-политические отношения между группировками поздних скифов разных регионов Крыма остаются пока еще практически неизученными, но, например, анализ лепной керамики позволяет говорить о том, что они носили мирный характер.

Могильник "Совхоз № 10", расположенный близ Севастополя, по количеству раскопанных погребальных сооружений, продолжительности использования, разнообразию типов могил, ярко выраженному биритуализму погребального обряда представляет собой уникальное явление среди крымских памятников римского времени. К сожалению, результаты исследований давно уже раскопанного некрополя не опубликованы. Заполнить этот пробел серией публикаций отдельных категорий погребального инвентаря старается Т.Н. Высотская. В рецензируемый сборник включена ее статья о лепной керамике. В научный оборот вводятся сосуды, служившие урнами для погребения кремированных останков. Мы не станем сейчас обсуждать методику классификации керамики, примененную исследовательницей, а также принципы подбора аналогий, что потребовало бы пространных комментариев. Укажем только на явные неточности. Так, тип I назван "горшки без ручек", но к вариантам 2 и 2а этого типа относятся как раз горшки с ручками. Кувшины варианты 1 иллюстрируются рис. 1, 9, но тот же рисунок уже фигурировал при описании горшков варианта 2а. Вероятно, читателя следовало отослать к рис. 1, 11, так как в тексте сосуд, изображенный на этом рисунке, не упоминается. Отсутствуют в классификации сосуды, представленные на рис. 2, 5 и 3, 7 (последний, скорее всего, относится к кувшинам варианта 4а).

Интересен публикуемый в статье И.Р. Ахмедова, И.И. Гущиной, Д.В. Журавлева комплекс богатого парного погребения II в. н.э. могильника Бельбек IV. Привлекают внимание редкие вещи из его состава – бронзовая фигурка Эрота, а также набор фибул, в числе которых две провинциальноримских эмалевых и одна причерноморская с необычной конструкцией пружины. Учитывая единичность находок оружия в погребениях Юго-Западного Крыма раннеримского времени, несомненный интерес представляют находки из погребения – кинжал, обрывки кольчуги, уздечный набор, чрезвычайно похожий на публикуемый в этом же сборнике А.Е. Пуздрловским из могильника Битак. Примечательно, что эти два очень близкие по характеру комплекса содержат разнотипные светлоглиняные амфоры и, возможно, фиксируют момент смены их типов. Отметим, кстати, что оснований для ограничения времени бытования амфор типа С лишь первой пол. II в. не достаточно. Самостоятельный интерес представляет реконструкция конского убора, выполненная И.Р. Ахмедовым.

При анализе погребального обряда авторы несколько противоречивы. Вначале особый акцент делается на его позднескифские элементы, но в заключительной части статьи формулируется однозначный вывод о сарматском характере погребения. На плане могилы мы довольно определенно видим некую заштрихованную область у ног погребенных, вероятно, остатки гроба. В тексте об этом ничего не сказано. Наличие гроба или колоды логично предположить хотя бы судя по размерам сооружения. Плиты перекрытия, изображенные на плане и разрезе, вряд ли были положены непосредственно на тела умерших, скорее всего они покрывали деревянную основу. Не совсем понятна ситуация с вертикально установленными плитами. Вероятно, это могли быть остатки плитовой конструкции, разрушенной при устройстве позднего погребения.

В статье Д.В. Журавлева представлена группа граффити, обнаруженных на 30 краснолаковых сосудах, входящих в состав сопровождающего инвентаря погребений могильника Бельбек IV. По словам автора, краснолаковая посуда – одна из массовых категорий находок некрополя. Описание граффити дано по алфавиту, в конце списка – граффити, изображающие двух птиц, стоящих одна против другой. Схема описания стандартна; тип сосуда и место, где нанесено граффито, его размеры, где обнаружено (номер погребения), расшифровка, аналогии и датировка. Статью сопровождают хорошего качества иллюстрации, с детальной прорисовкой граффити и сосудов. Вся посуда датируется в пределах второй пол. I – начала II в. н.э. Большинство граффити представляют собой буквы греческого алфавита и аббревиатуры имен. Поэтому автор предполагает, что часть жителей Бельбекской долины носила греческие имена. Граффити из крымских памятников

на керамике римского времени, в отличие от эллинистической, не часто становятся предметом исследования. За последние годы этот пробел в историографии отчасти заполнен публикацией А.Е. Пуздровского (1997) и рецензируемой статьей.

Анализу бус из погребений могильника Бельбек IV посвящена статья Е.К. Столяровой. Отметим, что бусы из позднескифских памятников не были включены в сводную работу Е.М. Алексеевой (за исключением наборов из двух могил Беляусского некрополя и могильника Совхоз 10, значительная часть погребений которого относится к позднеримскому времени). В то же время, трудно найти другую археологическую культуру позднеэллинистического и римского периодов, в инвентаре погребений которой присутствовало бы такое количество и разнообразие типов бус. Обилие материала затрудняет обработку этой категории находок. В монографиях, посвященных двум важнейшим позднескифским могильникам – Неапольскому и Усть-Альминскому (Сымонович, 1983; Высотская, 1994) полноценная публикация бус отсутствует. Кроме того, значительно усложняют работу с бусами из позднескифских памятников особенности погребального обряда – коллективные захоронения в склепах, часто совершенные в не сколько ярусов, когда невозможно разделить скопления бус по отдельным комплексам. Специфика могильника Бельбек IV – отсутствие склепов, преобладание индивидуальных погребений, большое количество импортных вещей в составе инвентаря, позволяющих узко датировать комплексах. Поэтому публикация бус из рассматриваемого могильника могла бы стать эталонной для причерноморских памятников римского времени.

Автором изучено 7169 бус из 96 погребений, что составляет около половины комплексов, в которых встречены бусы. Отметим, что эта выборка может не отражать всего хронологического диапазона времени существования могильника. В качестве примера укажем, что в могильнике позднеримского времени у с. Дружное лишь в одной наиболее ранней могиле № 67 содержались наборы бус, резко отличающиеся по составу от наборов из остальных погребений (Храпунов, Масякин, 1998).

Рассмотренные Е.К. Столяровой бусы изготовлены из 11 видов материалов. В табл. 1 приводится их процентное соотношение. Интересно было бы сравнить эти данные с данными других могильников. Такие сведения опубликованы для позднескифских могильников у городища Чайка (Столярова, 1993), Кольчугино (Храпунов и др., 1997), Левадки (Храпунов, и др., 2001) и могильника позднеримского времени Дружное (Хайрединова, 1995).

Анализ бус построен по методике, разработанной Ю.Л. Щаповой, отличающейся от принципов, предложенных Е.М. Алексеевой, и включает в себя морфологическую, технологическую и химическую характеристику бус. Представляют интерес выводы Е.К. Столяровой о происхождении стеклянных бус могильника. Большинство из них (73.3%) относится к продукции ближневосточной (сирийской) школы стеклоделия, на втором месте (26.46%) – бусы египетского происхождения, и незначительное число (1.16%) относится к продукции римской школы. В наборах представлены бусы одной формы и цвета, но относящиеся к продукции разных производственных центров.

Информативность выводов автора о расположении бус в погребениях, позволяющих судить о способах их использования, снижена отсутствием данных о процентном соотношении различных случае местоположения бус. Кроме того, не исследован вопрос о зависимости наличия или отсутствия бус в инвентаре и их расположения в могиле от половых хи возрастных особенностей погребенных.

В разделе о хронологии бус Е.К. Столярова опирается на даты, приведенные в своде Е.М. Алексеевой. При этом возникают трудности в поиске аналогий, так как принципы исследования, принятые в рецензируемой статье, отличаются от принципов, предложенных Е.М. Алексеевой. Типообразующие признаки в работе Е.К. Столяровой – технология изготовления и форма бус, а в классификации Е.М. Алексеевой – форма и цвет, технологические признаки не всегда учитываются. В хронологической таблице комплексов (Табл. 18) типы указаны по классификации Е.М. Алексеевой, и, таким образом, судить о распределении по комплексам и хронологическим периодам различных по технологии, химическому составу и происхождению бус невозможно. Выходом из создавшейся ситуации, на наш взгляд, являлось бы (отсутствующее в статье) описание типов всех бус могильника, выделенных по признакам, избранным автором (что и подразумевает публикация), и в тех случаях, где возможно, указание соответствий в типологии Е.М. Алексеевой.

Раздел "Музейные собрания" представлен тремя статьями, материалом для которых послужили археологические коллекции ГИМ. Публикации и подробному анализу предметов I–II вв. н.э., найденных И.И. Веселовским в 1891 г. при раскопках кургана у д. Саблы (совр. с. Партизанское), посвящена статья Д.В. Журавлева и К.Б. Фирсова. К статье также прилагается текст рукописного отчета Н.И. Веселовского. Отметим, что в оглавлении сборника статья ошибочно помещена в раздел "Публикации".

Обзору позднескифских коллекций ГИМ, основу которых составляют находки из Неаполя скифского и могильников Юго-Западного Крыма, посвящена статья И.И. Гущиной, Д.В. Журавлева и К.Б. Фирсова. Работа представляет собой образцово составленный каталог и дополняет сведения о собраниях позднескифских древностей, хранящихся к Симферополе (Троицкая, 1957; Храпунов и др., 1994) и Бахчисарае (Лазаренко, 1993; 1994; 1997). Сведения о местах хранения материалов из раскопок большинства памятников поздних скифов содержатся также в сводной работе О.Д. Дашевской (1991).

В статье И.Р. Ахмедова, формально выходящей за тематические рамки сборника, публикуется коллекция предметов конского убора из Керчи, купленная на торгу в 1897 г. и хранящаяся в ГИМ. Среди предметов наибольший интерес представляют полусферические железные фалары и бляхи, обтянутые позолоченной серебряной фольгой, и украшенные в той же технике бронзовые бляхи, находящие аналогии главным образом и в позднесарматских памятниках, а также железные удила с бронзовыми псалиями, завершающимися с верхней части изображениями звериных головок. Близкие аналогии псалиям, происходящие из могильника Ундрих в Рязанской области и из Керчи, датируются, по мнению И.Р. Ахмедова, второй пол. IV – началом V в. и наряду с публикуемыми являются ранним вариантом псалиев с полиэдрическим утолщением в верхней части, характерных для хронологического горизонта Унтерзибенбрунн (первая пол. V в.). На наш взгляд, оснований для подобных выводов не достаточно: часть инвентаря комплекса из Ундриха утеряна, а находки из Керчи, в одном случае, происходит из ограбленного склепа, в другом – также являются покупкой. Возможно, рассматриваемые псалии представляют собой локальный вариант и синхронны псалиям с полиэдрическим утолщением. Кроме этого, отметим в дополнение к приведенным автором стилистически близким изображениям звериных голов бронзовые головки, относятся к уздечному набору из склепа 17 могильника Нейзац (Храпунов, Мульд, 2000. Рис. 12, *6–12*; Khrapunov, 2001. Fig. 4, *6–12*) и из керченского "погребения с золотой маской" (Rostovzeff, 1923. Fig. 13).

Таким образом, И.Р. Ахмедов, считая, что в составе коллекции присутствуют разновременные группы вещей, сопоставляет их с находками из керченской гробницы 1896 г., опубликованной Э.Р. фон Штерном в 1898 г., и предполагает, что рассматриваемые предметы являются частью инвентаря этой гробницы. Основанием для такого вывода служат обстоятельства и почти одновременность появления комплексов в поле зрения археологов (оба куплены у торговцев), а также наличие в инвентаре гробницы 1896 г. большого числа предметов конской сбруи, относящихся к разным хронологическим периодам. Кроме того, по мнению автора, железные фалары, обтянутые позолоченной серебряной фольгой, аналогичны фаларам из гробницы 1896 г. Между тем, Э.Р. фон Штерн указывал, что фалары изготовлены из бронзы и покрыты золотым листом, не совпадают также и их размеры (Штерн, 1898). Поэтому, на наш взгляд, оснований для вывода о принадлежности публикуемых предметов к инвентарю гробницы 1896 г. не достаточно. Последний комплекс, неоднократно привлекавший внимание исследователей (М.И. Ростовцев, П.Н. Шульц, Т.Н. Высотская, В.М. Зубарь и А.В. Симоненко, О.В. Шаров, К. Раддатц) требует специального подробного изучения.

Несмотря на критические замечания, касающиеся отдельных работ в целом, рецензируемый сборник заслуживает самой высокой оценки. Его составители выбрали очень удачный формат. Он позволил не уменьшать авторские иллюстрации, поэтому все статьи сопровождаются хорошими рисунками. Традиционные для подобного рода изданий резюме, в данном случае на английском языке, от многих отечественных аналогов отличает в лучшую сторону качество перевода. Жаль только, что резюме невелики по объему и оставляют не владеющего русским языком читателя в неведении о многих важных положениях, которые содержатся в статьях. Нелишне было бы перевести на английский язык и подписи к иллюстрациям.

Отрадно отметить, что впервые за более чем 170-летнюю историю изучения поздних скифов из печати вышел сборник, целиком посвященный позднескифской археологии. Благодаря его появлению, специалисты получили возможность познакомиться с разнообразными материалами, полученными в ходе раскопок последних лет, а также с многочисленными аналитическими наблюдениями авторов статей. Они, несомненно, будут способствовать рождению новых идей и гипотез, позволяющих приблизиться к объективному воссозданию исторического прошлого Крымской Скифии и ее жителей – поздних скифов. Будем надеяться, что ГИМ еще не раз порадует нас столь же содержательными изданиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Власов В.П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.

Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. 1991. Вып. Д1–7.

Лазаренко Е.И. Лапидарная коллекция Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.

Лазаренко Е.И. Археологические коллекции из фондовых собраний Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.

Лазаренко Е.И. Новые поступления археологического материала в фонды Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Марченко К.К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I в. до н.э. (по материалам лепной керамики). Л., 1988.

Пуздровский А.Е. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993–1995 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Столярова Е.К. Стеклянные и каменные бусы из позднескифских погребений некрополя у городища "Чайка" // Памятники бронзового и железного веков в окрестностях Евпатории. М., 1993.

Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя скифского). Киев, 1983.

Троицкая Т.Н. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.

Хайрединова Э.А. Бусы из могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.

Храпунов И.Н., Масякин В.В. Могила с двумя подбоями III в. н.э. из некрополя Дружное в Крыму // РА. 1998. № 4.

Храпунов И.Н., Масякин В.В., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997.

Храпунов И.Н., Мульд С.А. Новые исследования могильников позднеримского времени в Крыму // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungzeit in Mittel und Osteuropa. Lódz, 2000.

Храпунов И.Н., Стоянова А.А., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Левадки // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. Симферополь, 2001.

Храпунгов И.Н., Храпунова Л.Н., Таратухина Е.Е. Археологические коллекции Крымского краеведческого музея // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.

Штерн Э.Р. Содержание гробницы, раскопанной в 1896 г. в Керчи // ЗООИД. 1898. Вып. 21.

Khrapunov I.N. On the contacts between the populations of the Crimea and the Carpathian Basin in the Late Roman Period // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A.D. Aszód; Nyiregyháza, 2001.

Rostozeff M. Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch au Louvre et au muse de Saint-Germain // Monuments et Mémoires Fondation Eugéne Piot. Paris, 1923.

Таврический национальный университет,
Крымское отделение Института
востоковедения НАН Украины, Крымский республиканский
краеведческий музей, Симферополь

И.Н. Храпунов, В.П. Власов,
В.В. Масякин, С.А. Мульд

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 181–189

ХРОНИКА

КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОГРАФОВ РОССИИ В НАЛЬЧИКЕ

20–23 сентября 2001 г. прошел IV Конгресс этнографов и антропологов России в Начальнике. Главными организаторами конгресса были Ассоциация этнографов и антропологов России, Институт этнологии и антропологии РАН, Институт гуманитарных исследований при правительстве Кабардино-Балкарской республики. Финансовая поддержка осуществлялась Правительством Кабардино-Балкарской республики, Министерства промышленности, науки и технологий РФ, Российским гуманитарным научным Фондом. Конгресс проводился под патронажем Президента Кабардино-Балкарской республики В.М. Кокова. Основной темой крупного научного форума была выбрана всесторонняя оценка категории "время" в контексте этнографии.

На конгресс было заявлено более 700 докладов, краткие тезисы которых опубликованы накануне, реально же в нем приняли участие около 400 человек (IV Конгресс..., 2001). В рамках конгресса работали 24 секции, 14 симпозиумов и 4 круглых стола; их тематика была распределена по 9 разделам[1].

Доклады по главной теме конгресса прозвучали на пленарных заседаниях и были объединены проблемой "Вызовы времени и миссия науки о народах". Своеобразным энергетическим зарядом для всех участников стал доклад *С.А. Арутюнова* "Этнография и время". Отражение этноса во времени и времени в культуре этноса – два важных и интересных ракурса исследования, по мнению автора, довольно редко становятся предметом изучения, в исторической этнографии преобладают этнографические описания и системные анализы, характеризующие определенный временной срез. Было обращено внимание на изучение восприятия, ощущения времени и представления о нем в традиционной культуре, как о генеалогическом, линейном, спиральном. Поставивший столь интересные проблемы доклад слушали с огромным вниманием.

Доклад *В.А. Тишкова* "Восприятие времени" также был посвящен характеристике этого аспекта исследования. Время как абсолютная сущность воспринимается и оценивается в зависимости от культурного контекста эпохи, а также – социальных и индивидуальных характеристик людей. В итоге, как предмет для анализа возникает "культурное время". Проблема феномена "культурного времени" нуждается в теоретической разработке. Традиционное время проявляется в осуществлении определенных общественных процедур со своим ритмом и повторяемостью.

Раздел "Общие проблемы развития российской этнологии" включал в себя работу секций по истории этнографической науки, разработке теоретических вопросов, в частности связанных с соотношением понятий этнология и этнография.

Раздел "Горизонты российской антропологии" объединил работу секций "Физическая антропология" и "Раса и этнос". На первой из них прозвучали доклады, связанные с происхождением человека, антропологическими характеристиками народов и групп населения. На второй были заслушаны как теоретические доклады, так и доклады, содержащие материал по конкретным расовым определениям. В докладе *С.В. Васильева* (Москва) было сообщено об антропологических определениях костного материала из египетской гробницы Хафраанха, жреца пирамиды Хафра в Гизе (V или VI династия Древнего Царства). Костяки определены как принадлежащие к индо-средиземноморскому варианту европеоидной расы.

Ряд теоретических докладов рассматривали проблему термина "раса", возникшую в середине XX в., когда, как подчеркнул А.А. Зубов (Москва), внутривидовые подразделения человечества были сочтены нереальными. В сущности, мысли ряда докладчиков совпали: они не согласны со смешением понятий "раса" и "расизм". По их мнению, использование термина "раса" не только не может быть сопоставимо с политикой расизма, и мешает научному исследованию. В докладах *Н.А. Дубовой* (Москва) и *Л.Т. Яблонского* (Москва), была высказана мысль, что термин "раса" требует более точного определения, в настоящее же время он употребляется с разными смысловыми значениями как представителями разных наук, так и антропологами. Наиболее заостренно и полно проблема была поставлена в докладе Л.Т. Яблонского: "Отрицание рас: против расизма или навстречу расизму". Основанием для отрицания рас может стать, например, размах внутригрупповой изменчивости индивидов, масштабы которого шире изменчивости этносов. Однако при этом не учитывается, что индивид не всегда адекватно отражает особенности расы. Несмотря на компрометацию термина в эпоху Третьего рейха, негативное отношение к нему и даже запрет – неправильны. Российская антропология, по мнению автора, продолжает развивать научное расоведение. Доклад вызвал большой интерес. Ряд докладов были посвящены конкретным проблемам расовой классификации и антропологической характеристики.

Понимание "антропологии" в культурологическом широком смысле, как изучения различных проявлений человеческой природы, позволило ученым выделять такой аспект исследования как "Политическая антропология". В этот раздел были включены секции: этнополитика, антропология насилия, национальные движения, российский федерализм, ряд симпозиумов и круглый стол, посвященный обсуждению вопроса "Права народов". Очевидно, что это научное направление непосредственно связано с политическими проблемами сегодняшнего дня. Российские этнологи ощущают свою возможность внести вклад в их разрешение, о чем свидетельствует настоящий всплеск интереса к научной разработке указанных тем. В докладе *А.М. Бойкова* и *И.В. Бойковой* (Махачкала) рассматривалось происхождение идеологии насилия у чеченцев, которое связывается авторами с культом крови и тотемом волка, с заимствованиями из исламского радикализма, немецкого национал-социализма и исторических мифов; прослеживаются также параллели с мифологией древних германцев.

[1] Поскольку рассмотреть тематику всех заслушанных докладов невозможно, в данной хронике обращено внимание на доклады, тематически более близкие к проблематике, разрабатываемой ИА РАН.

В целом, в привычном русле классической этнографии работали секции, объединенные в раздел "Проблемы традиционной культуры": традиционные культуры, традиционные ценности, народные знания. Целый ряд докладов были посвящены изучению народного костюма. В двух докладах *Г.Х. Казбулатовой* (Уфа) проанализирован подход к костюму как к источнику и демонстрировалась методика его изучения. Автор различает сходную у многих народов основу костюма (покрой) и разнообразные "художественные средства, связанные с душой и чувствами человека". На основе рассмотрения четырех составляющих: цвета, материала, формы и конструкции одежды составляется банк информации по традиционному костюму народов Башкортостана. В докладе *Л.С. Токсубаевой* (Казань) раскрыта роль русской народной художественной традиции в Казанском Поволжье, принесенной переселенцами из России, и усиление ее в период с XVI по начало XX в.

В работе секции "Этнопсихология времени" получила отражение основная тема конгресса и охарактеризована новизной постановки вопросов. Рассматривается феномен категорий времени и пространства в восприятии разных народов. Как источник для изучения этих вопросов рассматриваются танцы, сказки, поэзия, народная речь, символика времени в традиционной культуре.

Конкретностью и целостным рассмотрением отдельных культурных явлений отличалась тематика симпозиумов данного раздела. Симпозиум "Кочевничество в евразийском пространстве" объединил доклады, посвященные характеристике этого хозяйственного уклада у различных народов. *М.С. Уланов* (Элиста) в докладе "Буддизм и кочевая цивилизация" подчеркнул, что кочевой образ жизни предрасполагает к буддийскому мировосприятию, отличительными особенностями которого являются созерцательность, признание безграничности Вселенной и непостоянства бытия. Доклад *Ф.Х. Шакуровой* (Уфа) явился попыткой постановки вопроса о кочевом наследии в истории народов Европы. Автор призывает не противопоставлять оседлые и кочевые народы и не отрицать преемственной связи между ними. Тематика докладов симпозиума "Хлеб наш насущный... Этнография хлебопечения" касалась как характеристики хлеба в традиционной системе питания и способов его выпечки, так и религиозных, символических и суеверных представлений, с ним связанных. Необычайно разнообразны и интересны были доклады симпозиума "Колокола и звоны в народной культуре". *М.В. Есипова* (Москва) рассмотрела звон как акустический и культурный феномен, обратившись для этого к материалу различных эпох. *А.Ф. Бондаренко* (Москва) рассмотрела колокол как объект научного анализа в плане истории изучения и источниковедческой характеристики. *Л.Д. Благовещенская* (Новосибирск) выделила тему "О колокольной ономастике", собрав и проанализировав данные об именах, которые давались колоколам. Многие доклады содержали конкретный материал о музейных коллекциях и каталогах колоколов, колокольчиков, бубенцов, их роли в культуре народов, о колокольных звонах, звонарях, мастерах.

В рамках раздела VI "Этнология и смежные дисциплины" работали секции этносоциологии, этносоциолингвистики, этноархеологии, этноэкологии; симпозиумы вербальной этнографии и этномузееведения, а также – круглые столы. Освещению работы секции этноархеологии посвящена специальная краткая хроника. Хотелось бы несколько более подробно коснуться ряда докладов, опубликованных в отдельном сборнике (Интеграция..., 2001).

С точки зрения истории возникновения и периодизации исторических наук, очень важен доклад Н.А. Томилова (Омск). По мнению Н.А. Томилова и А.В. Жука, оформление археологии в российской науке можно относить к концу XVII в. или рубежу XVII–XVIII вв. Археолого-этнографическое направление в науке проходит через ряд периодов: 1) конец XVII – 20-е годы XIX в. – прямое сравнение археологических и этнографических вещевых материалов; 2) 30-е годы XIX – 20-е годы XX в. – систематические работы и комплексность подхода; 3) 30-е годы XX в. – по настоящее время – археолого-этнографические исследования комплексных экспедиций. Доклад *Д.В. Загоскина* (Томск) был нацелен на определение методики исследования вещественных источников для реконструкции общественного сознания. Возможности такой реконструкции связаны с тем, что вещественный источник содержит элементы, которые исследователь и человек, мировоззрение которого изучается, воспринимают сходно.

И.Д. Измайлов (Казань) в докладе "Средневековые Булгары: соотношение этноса и археологической культуры" затронул проблему методики изучения древних этносов на конкретном материале этнической истории населения Волжской Болгарии в X–XIII вв. Автор рассматривает складывание этнополитического самосознания средневековых булгар, важную роль в котором сыграло исламское государство. Это религиозно-политическое единство противостояло родоплеменным традициям. Автор полагает, что ряд объективных характеристик общности, которые запечатлелись археологически и исторически, этнической нагрузки не несли и не осознавались. Он выделяет черты археологической культуры населения Волжской Болгарии, находящие связь с этнологическими данными: возобладание исламской погребальной обрядности в течение X в., отсутствие костей свиньи в кухонных остатках, наличие исламских культовых предметов.

Доклад *Н.В. Жилиной* (Москва) был посвящен анализу категории славянских височных колец с привлечением данных археологии и этнографии. Основное назначение височных колец трактуется как украшение волос девичьего убора, в уборе замужней женщины это украшение переходит в состав имитирующих волосы конструкций: лент-кос и наушников.

VII раздел объединил секции по тематике "Этносоциальные процессы в современном мире". В рамках VIII раздела – "Этноконфессиональные исследования" – работали секции: этничность и религия, ислам, язычество. Доклады последней секции были направлены в основном на освещение пережитков язычества в традиционных культурах современных народов – неоязычеству. В докладе *М.Н. Сулеймановой* (Уфа) "Языческие верования, как отражение картины мира" было выделено три составляющих язычества: 1) осознание человеком себя; 2) представления о Природе; 3) отражение связи Человека и Природы.

В рамках раздела IX "Семья и гендерные исследования" рассматривались проблемы изучения семьи, брака, родства, соотношения роли мужчин и женщин в культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20–23 сентября 2001 года. Тез. докл. М., 2001.

Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск, 2001.

Институт археологии РАН, Москва

Н.В. Жилина

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР "ИНТЕГРАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ" (НАЛЬЧИК, 2001)

С 20 по 23 сентября 2001 г. в столице Кабардино-Балкарии г. Нальчик проходил IV Конгресс этнографов и антропологов России. В рамках этого представительного форума состоялся IX Международный научный семинар "Интеграция археологических и этнографических исследований", который проводила группа омских ученых под руководством д.и.н., профессора *Н.А. Томилова*.

Подобные мероприятия были ранее реализованы в таких городах, как Омск (1993–95), Новосибирск (1996), Уфа (1997), Санкт-Петербург (1998), Москва (1999), Владивосток (2000). Основными целями их проведения стали обозначение и решение проблем методологического характера при археолого-этнографических реконструкциях и сопоставлениях, а также при формировании этноархеологии как особого научного направления.

Работа очередного семинара, посвященного 150-летию со дня рождения М.М. Ковалевского, проходила в качестве отдельной секции конгресса. Важным моментом для успешного проведения семинара стал выпуск объемного сборника материалов, в котором опубликованы статьи исследователей, занимающихся обозначенной тематикой (Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов / Под ред. Селезнева А.Г., Тихонова С.С., Томилова Н.А. Нальчик; Омск, 2001. 254 с.).

Непосредственно в заседаниях секции приняли участие 37 ученых из Москвы, Санкт-Петербурга, Нальчика, Барнаула, Владикавказа, Самары, Казани, Омска, Майкопа, Уфы, Томска и других городов России. Было заслушано и обсуждено 24 доклада. С интересным сообщением о современном состоянии исследований по этногенезу венгров выступил зарубежный участник семинара – профессор Института истории Венгерской академии наук П. Вереш. Он также активно участвовал в обсуждении выступлений и в общей дискуссии.

Другие представленные доклады отражали несколько проблемных блоков и тем. Так, историографическим изысканиям были посвящены сообщения *К.Ф. Дзамихова* (Нальчик) "М.М. Ковалевский и некоторые проблемы общественного строя северокавказских народов", *Е.Г. Битовой* (Нальчик) "М.М. Ковалевский – в архивах и в историографии", *А.М. Решетова* (Санкт-Петербург) "Александр Александрович Миллер – выдающийся археолог, этнограф и музеевед (к 125-летию со дня рождения)", *А.А. Тишкина* и *О.Г. Шмидт (Лыжниковой)* (Барнаул) "Воспоминания С.И. Руденко о своем учителе – Федоре Кондратьевиче Волкове".

Проблемы оформления этноархеологии, как одного из научных направлений современности, рассматривались и анализировались в выступлениях *Н.А. Томилова* (Омск) "Археолого-этнографическое течение в российской науке", *М.А. Корусенко* и *Е.Ю. Смирновой* (Омск) "О соотношении "теория–конкретный метод–частная методика" в рамках методологии этнографо-археологических комплексов (ЭАК)", *Д.В. Загоскина* (Томск) "К вопросу об использовании вещественных источников в исследованиях общественного сознания" и в других.

Непосредственная демонстрация интеграционного использования методических приемов и подходов, а также материалов археологии, этнографии и других наук отразилась в серии сообщений, отличающихся разным уровнем подготовки и обобщения, о чем свидетельствуют сами названия тем таких докладов: *Н.В. Жилина* (Москва) "Реконструкция древнерусского металлического убора по данным археологии и этнографии (категория височных колец)", *М.Ю. Унарокова* (Майкоп) "К проблеме этноатрибуции археологической металлопластики", *В.М. Амельченко* (Ейск) "Комплексное использование научных дисциплин при исследовании проблем этнографии", *В.В. Гараничев* и *В.Б. Бесолов* (Алагаир) "Архитектурный морфотип древнейшего центрического жилища Большого Кавказа в многоаспектном контексте этногенетического процесса", *И.Л. Измайлов* (Казань) "Средневековые булгары: соотношение этноса и археологической культуры", *Н.А. Лифанов* (Самара) "Об этнокультурном составе раннесредневекового населения Самарской Луки", *С.С. Тур* и *А.А. Тишкин* (Барнаул). "К вопросу о происхождении северных алтайцев и шорцев" и другие.

Определенную группу ярких сообщений составили результаты деятельности омских исследователей по проблемам изучения традиционного мировоззрения (*А.Г. Селезнев*, *В.В. Мерзликин*, *И.А. Селезнева*, *А.А. Абрамова*), а также доклады, касающиеся сложностей изучения археолого-этнографических комплексов и интерпретации полученных данных (*С.С. Тихонов*, *С.Ф. Татауров*, *М.Л. Бережнова*, *С.Н. Корусенко*, *А.А. Новоселова*, *В.А. Ерохин*, *П.В. Орлова*, *Л.В. Татаурова* и др.).

Основной темой после бурных обсуждений прослушанных выступлений стала проблема теоретического обоснования археолого-этнографической интеграции, а также использования при этом понятия "этнос". Были высказаны суждения о том, что комплексный путь исследований имеет свои положительные тенденции, так как в конечном итоге он служит основой для реконструкции истории. Тем не менее в настоящее время еще идет процесс поиска универсальной модели, позволяющей эффективно интерпретировать археологические материалы с привлечением этнографических и других данных. Решение этой задачи позволило бы, в свою очередь, успешно заниматься ретроспекцией выявленных этнографами явлений, фактов, форм и т.п. Однако реализация многочисленных вопросов в настоящее время еще зависит от репрезентативности имеющихся материалов и установленных закономерных связей. Наиболее остро встал вопрос использования термина "этнос" в обозначенных исследованиях. Время показало, что данное понятие в современном научном наполнении не отвечает всем предъявляемым требованиям. Оно не отражает не только археолого-этнографические, но и ныне существующие жизненные реалии. Отсюда многочисленные национальные проблемы. Было высказано предложение вообще отказаться от использования указанного термина, заменив его на более понятные и конкретные определения. Однако вопрос остался открытым в связи с тем, что данная тема невероятно сложная и решение ее проблем требует целенаправленных системных исследований разного уровня.

В ходе дискуссии обсуждался уровень подготовки археологов и этнографов при реализации современных задач исследований и в рамках нового развивающегося направления. Результатом обсуждения этой проблемы стали рекомендации участников семинара о включении в образовательный процесс университетов по обозначенным специализациям не только

смежных гуманитарных, но и естественнонаучных дисциплин. В то же время особое внимание необходимо уделить знаниям по лингвистике и физической антропологии. По итогам обсуждений были сформулированы следующие решения:

1. Продолжать работу семинара, ставшего традиционным научным мероприятием, по уже выработанной схеме реализации.

2. Расширить в рамках семинара историографические и источниковедческие исследования по археологии и этнографии. Сделать это направление приоритетным.

3. Осуществлять теоретические и конкретно-исторические разработки по наиболее важным проблемам и понятиям (определение сущности этноса, развитие традиционной культуры, антропологический состав и соотношение его с археологическими и другими данными и т.д.).

4. Провести X Международный научный семинар "Интеграция археологических и этнографических исследований" осенью 2002 г. в г. Ханты-Мансийск в рамках работы Северного археологического конгресса.

5. Распространить научные материалы семинара.

В заключение следует указать, что в работе IV Конгресса этнографов и антропологов России активное участие приняли руководители Кабардино-Балкарии (президент *В.М. Коков*, заместитель председателя правительства профессор *Х.Х. Сохроков*). Проведение форума стало "визитной карточкой" очага мирного благополучия и здоровых сил на Северном Кавказе. Мероприятия были проведены на очень высоком организационном уровне. Жаль, что многие исследователи, приславшие заявки и материалы своих докладов, не приняли участие в работе конгресса по разным причинам субъективного и объективного характера.

Алтайский государственный университет,
Барнаул

А.А. Тишкин

XV УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ (ОРЕНБУРГ, 2001)

С 17 по 20 апреля 2001 г. в г. Оренбург на базе Оренбургского государственного педагогического университета и Института истории и археологии УрО РАН проходило XV Уральское археологическое совещание (УАС). В нем приняли участие 106 ученых из 28 городов России, Казахстана и Украины, в том числе Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Оренбурга, Алма-Аты, Киева, Челябинска, Перми, Уфы, Куйбышева и ряда других городов Урало-Поволжского региона, а также более 30 учителей истории и краеведов Оренбургской области (XV Уральское археологическое совещание..., 2001).

Работа совещания проходила по 5 секциям: 1 – археология каменного века и энеолита; 2 – археология бронзового века; 3 – эпоха раннего железа; 4 – эпоха средневековья и индустриальной археологии; 5 – археология, краеведение и образование. В данной публикации освещена работа только первых двух секций.

История Уральских археологических совещаний насчитывает более полувека. Первое прошло в 1947 г. в Молотове (Перми) на базе местного университета при активном участии в его организации О.Н. Бадера и ряда сотрудников Института истории материальной культуры АН СССР (А.В. Збруева, И.А. Талицкая, В.Н. Чернецов) и Уральского госуниверситета (Е.М. Берс, К.В. Сальников) (Первое Уральское археологическое совещание, 1948).

Оно было немногочисленным – 62 участника, но на нем был собран цвет не только урало-сибирской, но и советской археологической и антропологической науки (кроме перечисленных выше, в нем участвовали А.П. Окладников, Т.А. Трофимова и др.).

После продолжительного перерыва традиции проведения Уральских совещаний были возобновлены в 1961 г. на базе Уральского госуниверситета. В его работе тогда приняли участие 30 специалистов центральных и местных учреждений, ведущих систематические исследования на Урале (В.Ф. Генинг, В.А. Оборин, В.П. Денисов, Г.М. Буров, Н.А. Мажитов, Л.Я. Крижевская, Г.Н. Матюшин, В.М. Раушенбах, Э.А. Федорова-Давыдова и др.).

Последующие Уральские совещания проходили в разных научных центрах региона: Уфе – III (1962), Перми – IV (1964), Сыктывкаре – V (1967), Н. Тагиле – VI (1977), Ижевске – VII (1980), Свердловске (Екатеринбурге) – VIII (1983), Тобольске – IX (1985), Перми – X (1988 г.), Сыктывкаре – XI (1989), Екатеринбурге – XII (1993), Уфе – XIII (1996), Челябинске – XIV (1999).

Среди участников XV УАС уже в качестве известных ученых принимали участие четыре археолога, начавшие свой путь в науку еще со II совещания: д.и.н. Е.Е. Кузьмина (Российский Институт культурологии), канд. ист. наук Т.М. Потемкина (институт археологии РАН), канд. ист. наук В.Д. Викторова (Институт истории и археологии УрО РАН), к.и.н. Г.И. Матвеева (Самарский госуниверситет).

На секции каменного века и энеолита заслушано 20 докладов. Два доклада посвящены эпохе палеолита. В сообщении *С.Н. Коренюка* и *Э.В. Чурилова* (Пермь) была представлена информация о недавно открытых памятниках в Прикамье. Инвентарь, собранный из разрушенных слоев, относится к верхнему палеолиту.

Доклад *Л.В. Кузнецовой* (Самара) содержал обзор палеолитических материалов Среднего и Нижнего Поволжья от эпохи мустье до позднего палеолита. Верхнепалеолитический инвентарь находит аналогии в различных технокомплексах Восточной Европы конца палеолита – на стоянке Талицкого. Автор разделяет точку зрения М.В. Аниковича о европейских, а не сибирских корнях позднего палеолита Урала.

Более широко на секции представлена неолитическая тематика. В докладах Е.В. Козина и А.И. Юдина рассмотрены проблемы культурно-хронологической атрибуции материалов степного Поволжья и Волго-Уральского междуречья.

Е.В. Козин (Самара) предложил сохранить термин "сероглазовская культура" только за мезолитическими памятниками. Вслед за ними в раннем неолите на юге степного Поволжья появились памятники типа Кугат, на базе которых сформировалась каиршак-тентексорская культура развитого и позднего неолита. Таким образом, налицо культурно-хронологическая непрерывность, которая прослеживается по изменениям типологии каменного инвентаря и керамики. Памятники джангарского типа Северо-Западного Прикаспия представляют самостоятельную культуру, развивавшуюся в стабильных природных условиях и на базе собственных ресурсов.

А.И. Юдин (Саратов) поддержал точку зрения о культурной самобытности орловской культуры степного Заволжья, входившую в широкий круг степных культур и генетически с ними связанную. В своем докладе он привел доказательства ее влияния на неолитическую лесостепную волго-уральскую культуру, интерпретируя ее как результат миграции носителей орловской культуры на север под давлением населения Прикаспия (Каиршак). Лишь в энеолите, на позднем этапе орловской культуры, наблюдается обратное движение, принесшее в степи традицию гребенчатой орнаментации керамики.

Доклад *А В. Вискалина* (Ульяновск) посвящен проблеме происхождения памятников елшанского типа. На основе новых материалов бассейна р. Свияга исследователь фиксировал культурно-типологическую неоднородность елшанской керамики, выделяя в ней ранний и поздний пласты. Истоки первого следует искать к Юго-Западу от Волги, в области Северного Причерноморья, связанного с Северными Балканами (культуры Винча А, старшей линейно-ленточной керамики). Позднеелшанская керамика, залегающая совместно с ранней гребенчато-накольчатой посудой волго-уральской (средневолжской) культуры, связана с ней стадиально, но не генетически.

Несколько докладов посвящены проблемам лесного неолита. *А.Ф. Мельничук* (Пермь) доказывает происхождение раннего этапа камской (хуторской) культуры на основе местного позднего мезолита типа стоянки Голый Мыс, в кремневом инвентаре которого появляются черты, присущие камскому неолиту. Жилищный комплекс стоянки Усть-Букорок документирует ранний этап развития камского неолита с гребенчатой керамикой.

Поздний этап этой культуры освещен в докладе *Е.Л. Лычагиной* (Пермь). Позднехуторские комплексы характеризуются посудой левшинского типа и отщеповой кремневой индустрией. К этому же периоду в Прикамье относятся памятники с накольчатой керамикой, одновременной, по мнению исследователя, с боборыкинской культурой Зауралья. Их появление связывается с крупной миграцией первой пол. IV тыс. до н.э. Истоки памятников с накольчатой керамикой Прикамья следует искать в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье.

Обзорный доклад *В.В. Никитина* (Йошкар-Ола) раскрыл характер развития неолитических культур лесного Среднего Поволжья. В отличие от предыдущих докладчиков он допускает ранненеолитический возраст части накольчатых комплексов, имеющих аналогии в памятниках раннего этапа верхневолжской культуры. Формирование синкретического гребенчато-накольчатого орнаментального стиля происходит как в лесной зоне (второй этап верхневолжской культуры, комплексы Среднего Поволжья), так и в лесостепной (волго-уральская культура). Гребенчато-ямочная традиция балахнинского типа на Средней Волге появляется в конце раннего и в среднем неолите и сосуществует с накольчатой плоскодонной керамикой. Общие элементы культуры волго-уральского региона позволяют синхронизировать комплексы с накольчатой, накольчато-гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментальными традициями лесных и лесостепных районов.

Основная дискуссия развернулась по проблеме накольчатой керамики. Обсуждались время и пути ее проникновения в лесную зону. Особый интерес вызывала ситуация с отсутствием ранней накольчатой керамики в Прикамье, что отличает этот район от сопредельных лесных территорий. Было высказано мнение, что ранненеолитические накольчатые комплексы либо здесь еще не выявлены, либо, если они не будут обнаружены, следует искать причину изоляции Прикамья в раннем неолите. Апелляции исследователей поволжского неолита к керамике боборыкинского типа в качестве аналогий представляются слабо обоснованными, поскольку культуроопределяющие признаки и время бытования этой посуды на сегодня являются предметом дискуссии.

Доклад *С.А. Мызникова* (Екатеринбург) посвящен керамике сосновоостровского типа Зауралья. Заново проанализировав коллекцию эпонимного поселения Сосновый Остров, он выделил типологические признаки этой посуды и показал ее более поздний возраст по сравнению с евстюнихской и полуденковской керамикой на данном памятнике.

В докладе *И.В. Калининой* (С.-Петербург) рассмотрено происхождение некоторых приемов декорирования ранненеолитических сосудов урало-западносибирского региона как один из способов вторичной обработки поверхности, что в семантическом плане равносильно "одеванию" сосуда в "шкуру". Истоки этой традиции наблюдаются в приемах декорирования деревянных емкостей и других предметов из торфяников "расчесами" и "шагающей гребенкой".

В докладе *Л.Л. Косинской* (Екатеринбург) представлена реконструкция жилищ со сложным интерьером неолитического поселения Быстрый Кульёган 66 в Сургутском Приобье. Главная особенность комплекса – прерывистый ров вокруг жилищ – дает представление о зарождении данной традиции, получившей дальнейшее развитие в эпоху энеолита и бронзы. Основной функцией рва на данном поселении был дренаж жилой площади.

Второй доклад по домостроительству посвящен поселениям ботайской культуры. В докладе *А.М. Кисленко* и *Н.С. Татаринцевой* (Челябинск) изложены результаты экспериментов по воссозданию округлых полуземлянок с шатровым перекрытием и демографических реконструкций по материалам ботайских поселков.

Доклад *П.А. Косинцева* (Екатеринбург) о результатах анализа количественного и качественного состава костных остатков на ботайских поселениях вызвал бурную реакцию, поскольку исследователь пришел к выводу об отсутствии одомашненной лошади у носителей этой культуры. Основу хозяйства ботайцев, по его мнению, составляла специализированная охота на косяки диких лошадей.

В докладе *П.П. Барынкина* (Самара) была предложена интерпретация энеолитических комплексов с воротничковой керамикой Южного Предуралья как результат влияния культурно доминирующего хвалынского (в меньшей степени съезженского) комплекса на местную культуру. Таким образом, памятники Южного Предуралья предстают как периферия степного социального и культурного влияния.

В обзорном докладе *А.Ф. Шорина* (Екатеринбург) дана панорама энеолитических культур Урала и Западной Сибири, проанализирован ход основных культурных процессов эпохи.

Серия докладов была посвящена результатам исследований пещер и открытых жертвенных мест Урала. Результаты новых исследований пещеры Байсланташ (Акбутинская) изложены *В.Г. Котовым* (Уфа). Памятник уникален для Южного Урала, так как содержит стратифицированные культурные слои, охватывающие периоды раннего железа (культовое место), финальной бронзы, нео-энеолита, верхнего палеолита и, возможно, мустьерской эпохи.

В докладе *А.Ф. Мельничука* (Пермь) и *С.Е. Чаиркина* (Екатеринбург) изложены результаты обследования пещер, гротов, скал Урала, давшие целый ряд новых памятников различных эпох; продолжение этих работ представляется чрезвычайно перспективным. Новые интересные данные получены о святилище у Камня Писаного на Вишере (*А.Ф. Мельничук*,

Д.А. Изосимов, Э.В. Чурилов, Пермь). Основной комплекс, содержащий кострища, керамику, разнообразные предметы из камня, сложился в позднем неолите – энеолите; этим временем следует датировать и большинство наскальных изображений. В эпоху бронзы святилище было табуировано, для этого времени фиксируется только обряд посылания стрел. Поздний период использования святилища относится к эпохе средневековья (XII–XIV вв.) Культовый комплекс включает керамику, близкую родановской, наконечники стрел, металлические украшения и костные остатки.

На секции бронзового века заслушано 24 доклада, которые можно сгруппировать по шести основным проблемным направлениям.

Наиболее представительное число докладов было посвящено *культурно-исторической интерпретации археологических источников* в рамках как широкого территориального и хронологического охвата, так и отдельных локальных районов.

В докладе *Е.Н. Черных* (Москва) было рассмотрено одно из важнейших направлений в исследовании бронзового века – определение места Каргалинского комплекса в системе металлургических исследований самых разнообразных материалов, связанных с эксплуатацией и производством Каргалинского горно-металлургического центра в бронзовом веке (от второй пол. IV до конца II тыс. до н.э.). Исследователями был сделан ряд значимых выводов. В частности, о том, что Каргалы входили в системы двух важнейших металлургических провинций бронзового века – Циркумпонтийской (в периоды раннего и среднего бронзового века) и Евразийской (в поздний бронзовый век), и связаны с активностью горняков ямной общности.

Н.Л. Моргунова (Оренбург) посвятила свой доклад проблемам изучения ямной культуры Южного Приуралья. На материале более чем из 120 курганов ямной культуры, включая разнообразные комплексы металлических изделий, автор предложила развернутую относительную периодизацию с четкой характеристикой основных особенностей каждого из этапов. При этом приуральские памятники ямной культуры докладчик рассматривает как самостоятельную группу в рамках волго-уральского варианта ямной культурно-исторической общности.

М.А. Турецкий (Самара) затронул вопрос культурогенеза и датировки раннеямных памятников Среднего Заволжья. Наиболее ранние погребения древнеямной культуры на рассматриваемой территории докладчик считает возможным отнести к первой пол. III тыс. до н.э. – середине III тыс. до н.э. (по некалиброванным датам). Он связывает их появление с миграциями и диффузиями населения репинской культуры, отдельные памятники или элементы традиций которой появляются на широкой территории от Днепра до Волги.

В докладе *Е.Е. Кузьминой* (Москва) затронут широкий спектр проблем, связанных с местом андроновской общности в Евразии. Более развернуто прозвучали вопросы формирования, связей и миграций, индоиранской атрибуции андроновского населения.

В докладе, посвященном вопросам развития металлургии и металлообработки у племен срубной культурно-исторической общности (КИО), *В.С. Горбунов* (Уфа) отметил, что из более чем 300 стационарно исследованных поселений срубной КИО на территории от Днепра до Урала приблизительно на 40 поселениях имеются те или иные свидетельства металлургии и металлообработки. Однако в больших количествах литейные чаши и формы различных типов орудий обнаружены практически лишь на двух поселениях срубного ареала: в западной области на Мосоловском поселении на Среднем Дону и на поселении Горный Каргалинского горно-металлургического центра в Приуралье. Это предполагает синхронное существование на территории срубной КИО двух горно-металлургических центров: Доно-донецкого и Каргалинского.

Погребальным памятникам срубной культуры Приуралья в системе срубной общности был посвящен доклад *В.В. Отрощенко* (Киев). На основе сопоставления локальных групп погребений срубной общности по 25 районам автор приходит к выводу, что Север и Юг в ее ареале имеют бóльшие различия, чем Запад и Восток: меридиональное членение учитывает географическую зональность, а широтное фактически ее игнорирует. В восточной периферии срубного ареала автором обработано 828 срубных погребений из 1210 раскопанных (по В.С. Горбунову), которые он относит к покровской срубной культуре. Докладчик полагает, что покровская срубная культура проникла в Приуралье в уже сложившемся виде из Поволжья.

В докладе *А.В. Киняшко* (Волгоград) рассмотрен вопрос о критериях относительной хронологии памятников эпохи бронзы Нижнего Поволжья. Отмечая схематичность и скудность данных существующих периодизационных схем, докладчик объясняет это не только особенностями материальной культуры бронзового века данного региона (однообразие погребального обряда, малочисленность и элементарность стратиграфических наблюдений, относительная бедность инвентаря), но и периферийным положением Нижнего Поволжья в культурных процессах бронзового века. В связи с этим опорой для построения относительной хронологии бронзового века указанного региона могут послужить сходные в культурном отношении, но более многочисленные, богатые и лучше разработанные материалы памятников Предкавказья, Нижнего Дона и Волго-Уральской лесостепи.

Проблема места федоровских древностей в системе андроновской культурно-исторической общности является дискуссионной более полувека. Новый взгляд по этому вопросу был представлен в докладе *О.Н. Корочковой* и *В.И. Стефанова* (Екатеринбург). На основе тщательного анализа федоровских комплексов Зауралья в докладе был отмечен ряд их основных особенностей, позволивших авторам сделать вывод о пришлом характере федоровского компонента в лесостепном Зауралье. В качестве исходной территории рассматриваются казахстанские степи.

С андроновской проблематикой тесно связан доклад *А.Н. Марьяшева* (Алма-Аты). На основе обширных материалов, полученных в результате раскопок и разведок в различных районах Семиречья, включая высокогорные джайляу, автор рассматривает проблему заселения этого региона, его этапы и пути миграций. Заселение Семиречья, судя по имеющимся данным, началось с середины II тыс. до н.э. и шло с разных территорий: Центрального Казахстана, Алтая и др.

Методике археологических исследований на уровне междисциплинарных подходов было посвящено два доклада.

Т.М. Потемкина (Москва) рассмотрела основные методы археоастрономии в системе археологических исследований. Как было отмечено в докладе, археоастрономия присутствует практически на всех видах археологических памятников, поскольку планиграфия большинства из них находится в соответствии со специфическим пониманием древними обитателями конкретных регионов структуры мира и календарной системы.

Хотя методы археоастрономии находятся в начальной стадии разработки, очевидно, что в полевой археологии необходимо усилить способы фиксации артефактов с учетом точных

астрономических ориентиров, связанных с положением основных светил.

В докладе *И.В. Денисова* (Стерлитамак) "Новая методика классификации и типологизации каменных наконечников стрел эпохи бронзы Северной Евразии" были охарактеризованы методы использования компьютерных программ для анализа 710 экземпляров каменных черешковых и бесчерешковых стрел абашевской, балановской, раннесрубной, синташтинско-петровской, алакульской, самусьской, кротовской, ташковской и других археологических культур, в том числе раннеземледельческого комплекса Сапалли-Тепе.

В дискуссии по докладу О.Н. Корочковой и Т.М. Потемкиной было отмечено, что без четкой корреляции компьютерных программ с традиционными методами обработки археологического материала трудно получить результаты, близкие к реальности. Особенно это важно, когда компьютерный "банк данных" включает такой многоплановый в культурном, хронологическом и территориальном отношении материал.

Проблема этногенеза населения Уральского региона прозвучала только в одном докладе. *А.А. Хохлов* (Самара) затронул вопросы, связанные с итогами изучения генезиса населения неолита–бронзового века Волго-Уралья. Докладчик достаточно емко осветил основную линию развития антропологического типа населения данной территории.

Новые археологические памятники и их интерпретация были представлены в четырех докладах.

Большой интерес вызвал доклад *Г.Б. Здановича* и *Т.С. Малютиной* (Челябинск) о полевых исследованиях поселения Берсуат синташтинско-аркаимского типа в Брединском районе Челябинской области. При исследовании поселения были использованы данные дешифровки аэрофотоснимков, микромагнитной съемки и археологических раскопок.

В развернувшейся дискуссии Т.М. Потемкина, В.С. Горбунов и В.С. Отрощенко, отметив высокую значимость памятников подобных Берсуат, обратили внимание докладчиков на необходимость более четкого и обоснованного определения понятия "страна городов" и корректного его использования, особенно в популярных публикациях. Необходимо также более четко определить смысл и содержание таких терминов как памятники "синташтинского типа", "аркаимского типа" и "синташтинской культуры", поскольку ряд исследователей вкладывает в них разных смысл, что приводит к путанице в понимание культурной атрибутики памятников Волго-Уральского региона и затрудняет разработку связанных с ними проблем.

Т.С. Малютина в ответе на вопросы отметила, что по ее мнению, наиболее корректным является термин "памятники синташтинско-аркаимского типа", так как Синташтинский комплекс является первым и наиболее исследованным объектом, а городище Аркаим – единственным пока "чистым" однослойным памятником, сходным с синташтинскими в культурном отношении.

В докладе *С.В. Богданова* (Оренбург) приведены результаты исследования Першинского курганного могильника на территории Каргалинского горно-металлургического центра. Под наиболее древней насыпью самого крупного кургана, состоящего из трех строительных ярусов, обнаружено захоронение подростка древнеямской культуры с двустворчатой литейной формой проушного топора майкопско-новосвободненского типа (абсолютная дата погребения по C_{14} – 2920–2600 гг. до н.э.). Второй строительный ярус кургана связан с группой захоронений покровского периода срубной культуры; третий – с впускными раннепрохоровскими погребениями скифо-сарматской эпохи. Под насыпями двух других курганов и на межкурганном пространстве выявлены погребальные сооружения двух групп захоронений постпокровского этапа срубной культуры, которые первоначально составляли бескурганный могильник.

М.В. Халяпин (Оренбург) представил результаты раскопок одного из курганов (№ 6) Васильевского могильника III (Оренбургская обл.). Выявлено 11 погребений, расположенных по кругу относительно центрального погребения 1. Большинство захоронений по обряду трупоположения совершены до возведения общей курганной насыпи. Интерес представляет центральное погребение с бронзовым инвентарем и глубоким подбоем в длинной стенке, заложенным вертикально поставленными деревянными плахами. Погребенный (женщина?) был забутован слоем галечника, являвшимся фальшивым дном. Докладчик относит материалы кургана к раннему периоду алакульской культуры степного Приуралья.

В прениях по докладу Т.М. Потемкиной было отмечено, что по ряду признаков погребения кургана не являются типично алакульскими даже для западного варианта алакульской культуры. Особенно это касается устройства центральной могильной камеры, которая характеризуется явно катакомбными признаками.

В докладе *Я.В. Рафиковой* (Уфа) "К вопросу о погребальных памятниках поздней бронзы Магнитогорского района" были представлены новые материалы срубно-алакульских курганных могильников, которые были рассмотрены в рамках западного варианта алакульской культуры. Подробному анализу подвергнуты материалы раскопок Селивиновского кургана.

В дискуссии В.В. Отрощенко отметил, что эту группу памятников он рассматривает все-таки в рамках срубной общности, так как, по его мнению, ориентировка в погребальном обряде является культурно более значимой, чем наличие или преобладание алакульских черт в посуде. Я.В. Рафикова ответила, указав на высокий процент парных захоронений и преобладание положения погребенных лицом друг к другу, что это связано с доминированием алакульских культурных традиций.

Ряд докладов был посвящен изучению древних технологических традиций производства керамических и костяных изделий: *А.А. Каздыма* (Москва) "Исследование петрографических характеристик керамики Лисаковского поселения эпохи поздней бронзы". *Н.П. Салугиной* (Самара) "Технология керамики эпохи бронзы Среднего Поволжья", *Н.В. Ивановой* (Самара) "Технологические аспекты изучения маклашеевской керамики поселения Новый путь", *А.Н. Усачука* (Донецк) "О соотношении приемов изготовления и орнаментации щитковых и желобчатых псалиев".

В докладе А.А. Каздыма было отмечено, что петрографическое изучение керамики Лисаковского поселения позволило условно разделить керамику на "красную" (более плотную) и "черную" (более хрупкую и слоистую). По примесям к глиняному тесту выделяются две группы керамики: местная и привозная, характерная для Южного Урала (200–300 км к западу), что позволило докладчику сделать выводы о возможной миграции населения исследуемого района в сторону Южного Урала, вероятнее всего в результате сезонных перекочевок.

Доклад Н.П. Салугиной был посвящен рассмотрению технологии изготовления керамики, найденной в бассейне р. Сок, где раскопаны памятники обеих археологических культур, содержащие 11 сосудов (5 относятся к ямной культуре, 6 – к полтавкинской). Ею установлено, что для "ямников" было характерно использование в качестве исходного сырья преимущественно илов и применение при конструировании посуды форм-основ, а "полтавкинцы" для изготовления посуды

отбирали главным образом глины и наряду с формами-основами использовали формы-емкости. Несмотря на отмеченные культурные различия, для более широких выводов необходимо изучение керамики всех территориальных и хронологических групп этих культур.

В докладе Ивановой Н.В. была представлена технологическая информация об изготовлении сосудов у носителей маклашеевской культуры по материалам поселения Новый путь (38 экз.), расположенного на р. Сок, использованная автором для изучения некоторых вопросов истории местного населения.

А.Н. Усачук в своем докладе представил результаты трассологического изучения костяных щитковых (73 экз.) и желобчатых (12 экз.) псалиев из различных регионов Восточной Европы. Особое внимание докладчик обратил на соотношение приемов изготовления и орнаментации псалиев. Повсеместно отмечается крайне небрежное изготовление орнамента, что не совпадает с более высоким уровнем изготовления самих псалиев. Автор пришел к выводу, что украшение псалиев не следовало автоматически за их изготовлением, а было както обособленно: изготовляли псалии одни мастера, а украшали – другие.

В выступлении по докладу Т.М. Потемкина отметила, что различия в изготовлении одних и тех же псалиев может быть связано с тем, что псалии, как вещи утилитарного назначения, требующие точности форм, изготавливались ремесленниками-косторезами, а орнаменты, которые несли сакральную нагрузку и были связаны в каждом случае с конкретной символикой, в зависимости от назначения и обстоятельств, могли изготавливаться специальными людьми, причастными к культовой практике.

Большой интерес вызвала серия докладов, связанных с вопросами духовной сферы, мировоззренческих представлений и ритуальной практики конкретных древних социумов.

Т.М. Потемкина (Москва) в своем докладе рассмотрела модель пространственной и временной организации погребального поля могильника поздней бронзы Дашты-Козы на р. Заравшан, привлекая для ее реконструкции методы археоастрономии. Сопоставление ориентировки захоронений и условий их погребения (места на могильном поле, конструкции могильной ямы, позы умершего, характера инвентаря и др.) с наиболее значимыми астрономическими направлениями относительно стран света для широты расположения могильника (39.4° с.ш.) позволило автору выявить связь погребального обряда с азимутами восходов и заходов солнца в определенные сезоны года.

По мнению исследователя, основные принципиальные положения пространственно-временной организации погребального поля рассматриваемого памятника являются основополагающими для мировоззренческой схемы населения широкой территории степной–лесостепной зоны Евразии в период энеолита – бронзового века (IV–II тыс. до н.э.).

Э.Р. Усманова (Караганда) ознакомила коллег с результатами многолетних (15 лет) исследований могильника Лисаковский (г. Лисаковск, Казахстан). За эти годы на памятнике раскопано 175 погребений. По своей культурной принадлежности 60 из них – алакульские, остальные – федоровские или федоровско-алакульские. Погребальные группы имеют четкую пространственную организацию. В каждой из них фиксируется курган вождя, "жертвенный столб". Пять погребений содержат отдельные захоронения черепов или фрагментов от них.

Доклад *Ф.Н. Петрова* (Челябинск) был посвящен одному из дискуссионных вопросов синташтинской культуры – проблеме гибели ее укрепленных центров в аспекте индоевропейского эсхатологического мифа. Автор исходит из положения, что синташтинские укрепленные поселения совмещали в себе военные и сакральные функции и одновременно являлись символами мироздания. На всех исследованных раскопками синташтинских укрепленных поселениях обнаружены многочисленные следы пожаров, уничтоживших поселки. Авторы раскопок предполагают, что население само поджигало свои военно-сакральные центры после того, как их покидало население. В докладе предпринята попытка объяснить смысл и значение этого действия с привлечением данных индоевропейской мифологии о понимании смысла и сущности силы огня и огненного действия.

В.А. Куприянов (Челябинск) в докладе "Ритуальное использование камня и поселения эпохи бронзы (к постановке вопроса)" впервые для Уральского региона представил такой вид археологических памятников, как менгиры. Они обнаружены на юге Челябинской области по рекам Караганка и Зингейка. Выделено четыре группы менгиров: 1 – у могил; 2 – аллеи длиной от 6 до 30 м и более, средний вариант – 15–20 м; 3 – аллеи из некрупных камней, среди которых выделяется более высокий в начале аллеи; 4 – группы менгиров, где последние образуют вершины треугольников. Во всех случаях аллеи вытянуты строго по линии запад–восток. Следов обработки на камнях нет. Все упомянутые разновидности менгиров связаны с поселениями. В докладе отмечены пять принципов этой взаимосвязи. Материалы с поселений позволяют относить их к срубно-алакульскому кругу памятников.

Доклад вызвал оживленную дискуссию. Точку зрения докладчика поддержали О.Н. Корочкова (Екатеринбург) и Э.Р. Усманова (Караганда), отметившие, что есть еще известные им, но неопубликованные пока материалы, подтверждающие правомерность постановки вопроса в данном направлении.

В докладе *В.Д. Викторовой* "Духовная культура населения древнего Урала через призму методов и концепций исследователей XX в." были раскрыты следующие тезисы: 1) богатство уральской источниковой базы для изучения духовного наследия ранних обществ: верхнепалеолитические изображения Каповой и Игнатьевской пещер, резная деревянная скульптура и гравировка по кости с торфяниковых памятников, писаницы, мифологемы на сосудах, культовая металлическая пластика эпохи железа; 2) наличие принципов иконографической типологии предметов искусства; 3) возрастание интереса, особенно у молодого поколения, к проблемам духовной культуры на XV УАС по сравнению с предыдущими совещаниями. Наряду с призывом к молодежи использовать богатый источниковый фонд для реконструкции мировидения ранних обществ в докладе прозвучало предостережение о корректном использовании терминов "архетипы", "универсалии", "мифемы", "коллективное сознание" и др.

РЕШЕНИЕ УРАЛЬСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОВЕЩАНИЯ

На заключительном заседании были подведены итоги и принято решение совещания, где отмечен высокий уровень докладов. Участниками конференции отмечено возрастание интереса к широким междисциплинарным исследованиям на стыке археологии и естественнонаучных дисциплин; высокий уровень археологических исследований, а также организационной и публикационной деятельности научных центров Урала и Поволжья; широкое использование компьютерных технологий.

Вместе с тем в развитии региональной археологии был отмечен и ряд недостатков. Среди них наиболее острыми являются возросшая в последние годы тенденция издания псев-

донаучных статей и книг, использующих археологический материал для обоснования политико-региональных идей. Отмечено также отсутствие в настоящее время в Урало-Поволжской археологии единого методологического и методического подхода, вследствие чего анализ и интерпретация материала носят весьма пестрый и часто альтернативный характер.

В связи с этим на совещании было принято решение просить Отдел археологии и этнографии ИИА УрО РАН взять на себя координацию и согласование планов проведения Уральских конференций и других тематических конференций в урало-поволжско-западносибирском регионе. Обращено внимание исследователей на необходимость своевременно реагировать на появление псевдонаучных сочинений и давать им соответствующую оценку, проводить активную работу по пропаганде и популяризации современных достижений археологической науки.

Рекомендовано научным учреждениям Урала обратить большее внимание на потребности среднеобразовательных учреждений в краеведческой и научно-популярной литературе, на необходимость организации школьных археологических экспедиций и полевых лагерей, а также краеведческих семинаров для учителей. Необходимо привлекать преподавателей истории и краеведов к поисковой и другой деятельности по сохранению археологического наследия. Обращено внимание государственных органов областей и республик Урала, Поволжья и Западной Сибири на продолжение целенаправленной деятельности по сохранению историко-культурного, в том числе археологического наследия.

Была также отмечена необходимость организации проблемных конференций, посвященных актуальным темам современной археологии: хронология и периодизация, природа и антропокультура, этногенез, духовная культура и др. Рекомендовано более ответственно подходить к представлению тематики докладов, четче обозначать цели и методы их реализации, а также готовить соответствующий иллюстративный материал, в работе Уральских археологических совещаний шире практиковать стендовые доклады, особенно по итогам полевых исследований, активнее внедрять современные средства презентации сообщений.

Следующее XVI Уральское археологическое совещание будет посвящено 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя Урала Отто Николаевича Бадера. Оно пройдет в г. Пермь в мае 2003 г. на базе Пермского госуниверситета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948.

XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. науч. конф. Оренбург, 2001.

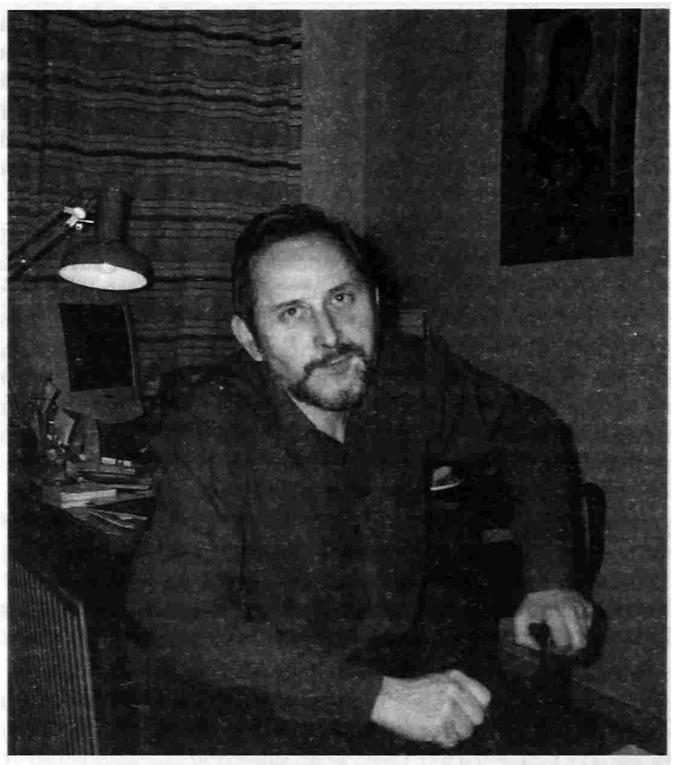
Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН, Екатеринбург
Уральский государственный университет, Екатеринбург
Оренбургский государственный педагогический университет
Институт археологии РАН, Москва

В.Д. Викторова,
Л.Л. Косинская,
Н.Л. Моргунова,
Т.М. Потемкина
А.Ф. Шорин

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2003, № 1, с. 190–191

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ОЛЬХОВСКОГО (1952–2002)

ДОРОГИЕ КОЛЛЕГИ!

В этом номере журнала мы прощаемся с очень хорошим человеком и ученым, нашим другом Валерием Сергеевичем Ольховским. Часто за сутолокой дней не замечаешь, как много начинает значить работающий рядом с тобой человек и для общего дела, и для тебя лично. Лишь внезапная утрата открывает его подлинное значение – оно определяется огромностью образовавшейся пустоты. Так произошло и с Валерой: Валерием Сергеевичем он для всех нас просто не успел стать, немногим не дожив до своего 50-летия – позволим себе в этом последнем слове называть его по-прежнему, как в жизни. Став сотрудником журнала в 38 лет, Валерий на протяжении самого трудного, последнего десятилетия оставался его ответственным секретарем. Он отдал ему одиннадцать лет жизни – именно отдал, поскольку работать иначе, чем отдавая себя полностью, просто не умел. В годы распада, растерянности, безвременья и безденежья он был живой душой "Российской археологии". Именно он устанавливал и поддерживал постоянную, прочную и активную связь с авторами. Именно к нему стекались конверты с материалами со всех концов России, из Украины, Казахстана и других сопредельных стран, а в последние годы все чаще и из стран Западной Европы. Он удивительно тактично обращался с авторским самолюбием. Его критика бывала точна и строга, но он никогда не уставал отыскивать в каждой работе зерно научной новизны, бережно и серьезно относился к чужому тексту, всегда готов был помочь с его обработкой и улучшением, дать совет или непосредственно исправить.

Деловой стиль вообще был особым качеством Валерия, ему было присуще стремление и умение повернуть любой вопрос в конкретном направлении, ввести в русло практической работы. За его непоседливостью и стремительными движениями типичного холерика пряталось вдумчивое, внимательное к деталям и в то же время цельное видение научной проблемы или текста (сочетание, присущее далеко не всякому археологу). При психологической неспособности просидеть на месте более получаса Валерий умел концентрировать усилия и, в случае нужды, целыми днями не поднимать головы от редактируемых материалов.

Активный образ жизни позволял Валерию успевать невероятно много – помимо выполнения своих обязанностей по журналу, он успевал составлять и редактировать сборники, выполнять роль неофициального координатора целой области науки (скифо-сарматской археологии), вести раскопки, писать свои книги и распространять чужие. И все это – без видимого напряжения, но с поразительной целеустремленностью, последовательностью, упорством. Он был настоящим трудоголиком и практически не признавал отдыха.

Редакции повезло: Валерий выбрал ее своей "штаб-квартирой" для исполнения многочисленных, прямо-таки бесконечных обязанностей. Потому все привыкли видеть его на рабочем месте безотлучно, с раннего утра до позднего вечера, даже в субботы и воскресенья. Обилие дел и потребность в движении заставляли его часто срываться с места и мчаться то в другие отделы института, то в библиотеки, музеи и издательства. Сотрудники редакции привыкли загодя узнавать характерный звук его шагов по коридору и постоянно прислушивались – не идет ли Валерий. Не всякому хорошие качества Валерия были заметны сразу, но все, кто с ним сталкивался, знали, что его очень легко просить о помощи; что у этого внешне холодноватого, прикрытого щитом постоянных шуточек и даже колкостей человека в трудную минуту легко найти сочувствие и настоящую заботу. Валерий был и живым нервом, и настоящей опорой, – представить журнал без него пока просто невозможно. О сделанном им в науке говорят его коллеги-скифологи, эта сторона творчества Валерия Сергеевича известна им лучше.

Мы же, прощаясь с ним, добавим лишь, что навсегда сохраним самые теплые, трогательные и живые воспоминания, в меру сил продолжая дело, которое он вынужден был столь трагически, безвременно оставить. Вечная память тебе, Валера!

Сотрудники редакции журнала "Российская археология"

Скифская археология понесла невосполнимую утрату. 22 июля 2002 г. в экспедиции трагически погиб Валерий Сергеевич Ольховский. Он родился 27.12.1952 г. на крайней Севере в семье военнослужащего, в 1975 г. закончил исторический факультет Московского государственного университета и там же в 1978 г. аспирантуру. Руководителем его была И.В. Яценко, продолжавшая традиции преподавания, заложенные ее учителем Б.Н. Граковым. Уже во время учебы в аспирантуре В.С. Ольховский проводил раскопки ряда кур-

ганов Крыма, что помогло ему в последующих работах выявить специфические черты культуры населения Крыма в VII–III вв. до н.э. Именно этой тематике были посвящены его первые статьи.

Тема, выбранная В.С. Ольховским для диссертации "Погребальные обряды населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.)", определила одно из основных направлений его дальнейших исследований. На основании разработок, сделанных в кандидатской диссертации, Валерием Сергеевичем была написана книга "Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии в VII–III вв. до н.э.", вышедшая в 1991 г., где он, впервые показав тесную связь погребального обряда с поминальным, представил их в совокупности. При этом он подчеркивал, что каждый из них имеет свои практические действия и религиозно-мифологическую сферу. Именно В.С. Ольховским был введен термин "погребально-поминальная обрядность". На основании единой методики и привлечения максимального количества источников (более 1500 погребальных памятников) им была прослежена эволюция погребально-поминальной обрядности у скифов во времени и пространстве. Исключительно важным является вывод о том, что скифский погребальный обряд VII–III вв. до н.э. как единое целое сложился именно в Причерноморье вследствие культурного и этнического взаимодействия автохтонного и пришлого населения. Этот вывод имеет огромное значение для решения все еще дискуссионного вопроса о происхождении скифов и их культуры.

Валерия Сергеевича привлекало, особенно в последние годы, изучение наиболее сложной задачи – выделение идеологической (религиозно-мифологической) составляющей погребальных памятников, т.е. возможности и пути извлечения "идеологической" информации, содержащейся в погребальных ритуалах. Исключительная работоспособность, собранность и преданность его любимой археологии превратили Валерия Сергеевича в одного из крупнейших специалистов как в области скифской археологии, так и в области исследования погребально-поминальной обрядности, культов и ритуалов ранних кочевников евразийских степей.

Ему был присущ системный подход к любому археологическому источнику, что особенно ярко проявилось при изучении Валерием Сергеевичем такого специфического источника, как каменные изваяния. Его первая книга "Скифские изваяния VII–III вв. до н.э." (1994) содержит 154 изваяния и базы, все они были просмотрены и зарисованы им собственноручно. Это позволило В.С. Ольховскому более аргументировано обосновать выделение локальных и хронологических групп скифской монументальной скульптуры. Он сумел показать специфику изобразительных средств каждого периода и региона, что дало возможность выявить собственно скифские и привнесенные детали каменных изваяний.

В.С. Ольховским была создана информационная модель памятника монументальной скульптуры, т.е. структурированный и формализованный "портрет" изваяния, который является главным инструментом его изучения. Предложенная и апробированная Валерием Сергеевичем методика описания и анализа каменных изваяний определила на много лет вперед направление исследований в области археологических памятников монументального искусства.

Исследованию каменных изваяний была посвящена его докторская диссертация "Монументальная скульптура населения западной части Евразийских степей эпохи раннего железа как исторический источник", с блеском защищенная в 2001 г. В этой работе Валерием Сергеевичем были впервые исследованы по единой методике все известные в настоящее время каменные изваяния и стелы "киммерийцев", скифов и "сарматов" – от найденных на западе в Добрудже до Казахстана на востоке. Были выявлены их хронологические и локальные особенности, предложены решения проблемы генезиса, эволюции, функционального назначения и семантики памятников. Его докторская диссертация, с одной стороны, подводила итог многолетним исследованиям каменных изваяний, с другой – являлась программой его дальнейших изысканий в этой области. Он предполагал монографически изучить каждую хронологическую группу, уделив особое внимание их генезису и религиозно-мифологическому содержанию, т.е. семантике. С этого года он уже начал работать над "киммерийскими" изваяниями. Его перу принадлежат более 100 научных публикаций, в том числе две монографии.

Валерий Сергеевич был первоклассным полевым исследователем, за плечами которого стояли многолетние раскопки в Приазовье, Северном Причерноморье и особенно длительные в степном Крыму. Он явился и первым серьезным исследователем необычного и интереснейшего комплекса святилищ раннего железного века в северо-восточном Прикаспии, на территории которых им были обнаружены около сотни каменных изваяний. Только талант организатора и прекрасного раскопщика позволили ему в труднейших полевых условиях Устюрта полностью исследовать три святилища (Байте III, Карамунке, Терен) и частично еще два (Байте I и IV). К настоящему времени на западном Устюрте, в меньшей степени на Мангышлаке, и на северных чинках Устюрта известно не менее 20 памятников, определяемых как памятники байтинского типа и датируемых второй пол. I тыс. до н.э. Все эти результаты были получены благодаря многолетней и самоотверженной работе В.С. Ольховского в труднейших условиях Западного Казахстана.

Не менее плодотворной была издательская деятельность В.С. Ольховского. В течение многих лет он работал в редакции журнала "Российская археология" в качестве ответственного секретаря, а затем заместителя главного редактора. Ему принадлежит инициатива создания двух археологических серий "Материалы и исследования по археологии России" и "Историко-археологический альманах". Последний выпускается Институтом археологии РАН совместно с Армавирским краеведческим музеем. С 1995 г., когда было оформлено это содружество, по 2002 г. вышли восемь номеров альманаха. Главным составителем, редактором и издателем этих выпусков был Валерий Сергеевич. Помимо научных публикаций из под его пера вышел целый ряд популярных очерков и в том числе книга "Крымская Скифия" (1990), написанная совместно с И.Н. Храпуновым.

Редкие человеческие качества Валерия Сергеевича – открытость, доброжелательность и доброта, коммуникабельность и заинтересованность в людях – снискали ему уважение и любовь не только в стенах Института археологии РАН, но и среди коллег в России, Украине, Казахстане и других зарубежных странах.

Судьба оказалась на редкость несправедливой к Валерию Сергеевичу Ольховскому, настигнув его в расцвете жизненных и творческих сил, не позволив претворить в жизнь задуманные научные планы и добрые дела, которые он совершал легко и просто.

Все знавшие Валерия Сергеевича глубоко скорбят о его безвременной кончине и навсегда сохранят долгую и светлую память о нем.

Сотрудники Отдела скифо-сарматской археологии Института археологии РАН

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал "Российская археология" публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии со следующими правилами, принятыми в журнале.

Все рукописи представляются в двух экземплярах, распечатанных через 1.5 интервала (шрифт Times New Roman, кегль 14) на лазерном или струйном принтере на белой бумаге (формат 290 × 210) с одной стороны листа с обязательным приложением электронной версии (на дискете). К рукописям (по разделам "Статьи", "Публикации", "Дискуссии") должно быть приложено краткое резюме (не более 1 стр.). Все нестандартные буквенные и иные обозначения в тексте рукописи должны быть четко и разборчиво вписаны от руки.

На отдельном листе приводятся подробные сведения об авторах (с обязательным указанием почтового, электронного адресов и контактного телефона).

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и резюме) не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами) и содержать не более 8 иллюстраций. Для раздела "Заметки" объем рукописи не должен превышать 15 тыс. знаков.

Начало рукописи оформляется по следующему образцу:

ПРИРОДНАЯ СРЕДА ВЕРХОВЬЕВ ХАБУРА

Ш. Н. Амиров

Институт археологии РАН, Москва

Рисунки и чертежи представляются в двух экземплярах, выполненные тушью или отпечатанные на лазерном принтере, а фотографии – на глянцевой бумаге. Не принимаются ксерокопии архивных документов, (чертежи и пр.) особенно плохой сохранности, а только фотографии. Иллюстрации нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Подписи к иллюстрациям даются на отдельном листе.

Постраничные примечания даются через два интервала внизу соответствующей страницы со сплошной нумерацией для всей рукописи (1, 2, 3, ...).

Ссылки на литературу и источники даются в круглых скобках: фамилия автора (без инициалов, кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), страница, рисунок и т.д.

Список литературы и источников дается общий, в алфавитном порядке, на отдельной странице и состоит из двух частей: первая – работы на кириллице, вторая – на латинице. Работы одного автора располагаются в хронологическом порядке. При наличии публикаций одного года рядом с ним проставляются литеры а, б, в..., включая первое упоминание. К списку литературы должен быть приложен список сокращений на отдельной странице. Источником библиографического описания является титульный лист издания. Год издания в монографиях и сборниках ставится после города издания, в конце сноски. При ссылках на периодические издания необходимо указать том, №, выпуск (в том числе на иностранные издания). Например,

монографии: Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

статьи: Амиров Ш.Н. Природная среда верховьев Хабура // РА. 2000. № 3.

источники: Псковские летописи. Т. 1. М.; Л., 1941.

архивные материалы: Чернов С.З. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

На статьях, присланных с доработки, необходимо сделать соответствующую пометку.

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале.

Обратите внимание на новый электронный адрес редакции: rosarkh@ newmail.ru

Статьи, оформленные с нарушением данных правил, редакция не рассматривает!